ISSN 2712-7591
3/2026

Словесность и История

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Словесность и История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 3 2026

Санкт-Петербург

Словесность и история
2026 № 3

Редакционный совет:
В. Е. Багно (докт. филол. наук, чл.-корр. РАН),
Д. М. Буланин (докт. филол. наук),
А. А. Гиппиус (докт. филол. наук, акад. РАН),
А. В. Духанина (канд. филол. наук),
М. В. Корогодина (докт. истор. наук),
С. И. Николаев (докт. филол. наук, акад. РАН),
А. В. Сиренов (докт. истор. наук, чл.-корр. РАН),
С. Франклин (PhD in Philology, Prof.),
Е. М. Юхименко (докт. филол. наук)

Редакционная коллегия:
Т. И. Афанасьева (докт. филол. наук, проф.),
Т. Н. Галашева (канд. филол. наук; ответственный секретарь),
В. В. Головин (докт. филол. наук, проф.),
Е. И. Гончарова (канд. филол. наук),
Дж. Дзиффер (PhD in Philology, Prof.),
А. В. Пигин (докт. филол. наук, проф.),
М. Б. Плюханова (PhD in Philology, Prof.),
Ю. К. Руденко (докт. филол. наук, проф.),
И. Тирет (PhD in History, Prof.)

Главный редактор: ***С. А. Семячко*** (докт. филол. наук, заведующая Отделом древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН)
Заместитель главного редактора: ***Д. О. Цыпкин*** (канд. истор. наук, генеральный директор Российской национальной библиотеки)

Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Сайт: http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istorya/
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2026
© Журнал «Словесность и история», составление, 2026
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2026

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

i Slovesnost' Istoriia
Texts and History

Journal of Philological, Historical and Cultural Studies

No. 3 2026

Saint Petersburg

Texts and History
2026 · No. 3

Editorial Council:
Vsevolod E. Bagno (D. Sc. in Philology, Associate Member of the RAS),
Dmitrii M. Bulanin (D. Sc. in Philology),
Alexei A. Gippius (D. Sc. in Philology, Full Member of the RAS),
Alexandra V. Dukhanina (PhD in Philology),
Maria V. Korogodina (D. Sc. in History),
Sergei I. Nikolajev (D. Sc. in Philology, Full Member of the RAS),
Alexei V. Sirenov (D. Sc. in History, Associate Member of the RAS),
Simon Franklin (PhD in Philology, Prof., University of Cambridge),
Elena M. Yukhimenko (D. Sc. in Philology)

Editorial Board:
Tatiana I. Afanasyeva (D. Sc. in Philology, Prof.),
Tatiana N. Galasheva (PhD in Philology, executive secretary),
Valentin V. Golovin (D. Sc. in Philology, Prof.),
Elena I. Goncharova (PhD in Philology),
Giorgio Ziffer (PhD in Philology, Prof., University of Udine),
Aleksandr V. Pigin (D. Sc. in Philology, Prof.),
Maria B. Pliukhanova (PhD in Philology, Prof., Università degli Studi di Perugia),
Iurii K. Rudenko (D. Sc. in Philology, Prof.),
Isolde Thyrêt (PhD in History, Prof., Kent State University)

Editor-in-Chief: ***Svetlana A. Semiachko*** (D. Sc. in Philology,
Head of the Department of Old Russian Literature,
Institute of Russian Literature of the RAS)
Deputy Editor-in-Chief: ***Denis O. Tsypkin***
(PhD in History, General Director, National Library of Russia)

Published four times per year
since June 2020

Editorial office:
4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriia/
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© 2026 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
© 2026 Journal "Texts and History" (compilation)
© 2026 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Г. Иванова. Анна Михайловна Астахова: фольклорист своего времени 9
Н. Г. Комелина. Биография Анны Михайловны Астаховой (по материалам ее личного дела из отдела кадров) . . 33
С. В. Подрезова. «Дневник Лито» А. М. Астаховой: к вопросу о полевых методах экспедиции ГИИИ в Заонежье 1926 г. 58
Л. И. Петрова. Поморская деревня в начале 1930-х гг. в полевых материалах А. М. Астаховой 89
С. А. Жадовская. Изучение А. М. Астаховой южнорусской эпической традиции 105
У. О. Щукина. Переписка А. М. Астаховой и Б. Ф. Егорова . 119
Ю. И. Марченко. Записи духовных стихов в экспедиции на Мезень 1928 г. 144
Т. С. Канева. Былина о «Никитиче Добрынюшке» из села Уег: в дополнение к печорским томам «Свода русского фольклора» 156
А. В. Никитина. «Хорошая старинка» Матрены Меньшиковой 177
И. А. Разумова. Печорская фольклорная экспедиция 1942 г. в жизни и воспоминаниях участниц 195
Е. И. Якубовская. Христославные песнопения на Пинеге (на материале записей А. Ю. Кастрова 1980-х гг. из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома) . 216
А. А. Хробостова, Я. В. Слепков. Из семейного архива: письма А. Я. Штрём к В. Я. Проппу 248
П. И. Кондратенко. Немецкая библиотека В. Я. Проппа: состав, тематические доминанты, объекты германистического интереса 265
Б. А. Успенский. О Владимире Ивановиче Малышеве . . . 291
А. В. Пигин. Письма Б. А. Успенского к В. И. Малышеву . . 298

Список сокращений 314

CONTENTS

Tatyana G. Ivanova. Anna Mikhailovna Astakhova as a Folklorist of Her Time 9
Natalia G. Komelina. A Biography of Anna Mikhailovna Astakhova (Based on Her Personal File from the Human Resources Department) 33
Svetlana V. Podrezova. "Diary of a Literary Association" by A. M. Astakhova: About the Fieldwork Methods of the Expedition of the State Institute of Art History to the Zaonezhye Region in 1926 58
Lyudmila I. Petrova. A Pomorian Village of the Early 1930s in the Field Materials of A. M. Astakhova 89
Svetlana A. Zhadovskaya. A. M. Astakhova's Research on the Southern Russian Epic Tradition 105
Uliana O. Shchukina. The Correspondence Between A. M. Astakhova and B. F. Egorov 119
Yuri I. Marchenko. Recordings of Spiritual Verses During the Expedition to Mezen in 1928 144
Tatyana S. Kaneva. Bylina About 'Nikitich Dobrynushka' from the Village of Ueg: An Addition to the Pechora Volumes of the *Svod russkogo fol'klora* 156
Alla V. Nikitina. "A Fine Bylina" by Matrena Menshikova 177
Irina A. Razumova. The Pechora Folklore Expedition of 1942 in the Lives and Memories of Its Participants 195
Elena I. Yakubovskaya. Christ-Glorifying Chants from Pinega (Based on A. Yu. Kastrov's Recordings from the 1980s in the Collection of the Phonogram Archive of Pushkinskii Dom) . . 216
Anastasia A. Khrobostova, Iakov V. Slepkov. From the Family Archive: Letters from A. Ia. Ströhm to V. Ia. Propp 248
Polina I. Kondratenko. Vladimir Propp's German Library: Composition, Thematic Foci, and Objects of Interest for German Studies 265
Boris A. Uspenskij. In Memory of Vladimir Ivanovich Malyshev . . . 291
Aleksandr V. Pigin. Letters from B. A. Uspenskij to V. I. Malyshev . . 298

List of Abbreviations 314

Анна Михайловна Астахова (1886–1971)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 9–32
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-9-32
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 9–32
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Т. Г. Иванова

АННА МИХАЙЛОВНА АСТАХОВА: ФОЛЬКЛОРИСТ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Tatyana G. Ivanova

ANNA MIKHAILOVNA ASTAKHOVA AS A FOLKLORIST OF HER TIME

Резюме. Статья посвящена научной деятельности видного фольклориста XX в. А. М. Астаховой, чьи труды на протяжении 1920–1960-х гг. во многом определяли развитие русской фольклористики. В статье охарактеризован вклад А. М. Астаховой в собирание и изучение былин, заговоров, духовных стихов, городской фольклорной культуры («песен улицы»), детского фольклора и т. д. При этом основное внимание уделено собирательской деятельности исследовательницы, формированию разных методов в записи произведений устной традиции. В экспедициях 1920-х гг. А. М. Астахова полностью принимала собирательские установки дореволюционной фольклористики. Однако в дальнейшем в ее научной деятельности отчетливо проявлялись новые подходы, продиктованные требованиями тоталитарного режима. Этот поворот выразился и в выборе новых объектов: фольклор Гражданской войны, рабочий фольклор, — и в социологической, идеологически ангажированной интерпретации фольклорных явлений. Научная биография исследовательницы поразительно точно отражает все повороты развития фольклористики в советское время.

Ключевые слова: А. М. Астахова, собирание фольклора, формирование методов собирания фольклора, былиноведение.

Информация об авторе: Иванова Татьяна Григорьевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, tgivanova@inbox.ru.

Для цитирования: *Иванова Т. Г.* Анна Михайловна Астахова: фольклорист своего времени // Словесность и история. 2026. № 3. С. 9–32.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-9-32.

Abstract. The article explores the scientific activity of Anna Mikhailovna Astakhova, a prominent folklorist of the 20th century, whose works during the period spanning from the 1920s to the 1960s largely determined the development of Russian folkloristics. The article describes Astakhova's contribution to the collection and study of epics, incantations, spiritual poetry, urban folklore culture ("street songs"), and children's folklore. The author pays particular attention to Astakhova's collecting activities and her development of various methods for recording works of oral tradition. During her expeditions in the 1920s, Astakhova fully embraced the collecting principles of pre-revolutionary folklore studies. Her subsequent scholarly work, however, was clearly influenced by the demands of the totalitarian regime. This shift was reflected in the choice of new subjects, such as the folklore of the Civil War and working-class folklore, as well as in the sociological and ideologically driven interpretation of folklore phenomena. The biography of Anna Mikhailovna Astakhova presented in this article accurately reflects all the twists and turns in the development of folklore studies during the Soviet era.

Keywords: A. M. Astakhova, folklore studies, methods of folklore collecting, epic studies.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Information about the author: Tatyana G. Ivanova, D. Sc. in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, tgivanova@inbox.ru.
Received: January 31, 2026. ***Approved***: March 12, 2026.
For citation: Ivanova, T. G. (2026). 'Anna Mikhailovna Astakhova as a Folklorist of Her Time', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 9–32.

В 2026 г. исполняется 140 лет со дня рождения А. М. Астаховой, сыгравшей видную роль в науке о «живой старине» XX в. (см. библиографию ее трудов: [Список работ; Печатные работы]). Эта дата побуждает в очередной раз осмыслить научный путь исследовательницы и оценить ее вклад в фольклористику.

Анна Михайловна Астахова родилась 10 (22) июня 1886 г. в Кронштадте. Ее отец был морским офицером. Стремление к получению высшего образования для А. М. Астаховой, выросшей в высококультурной среде, было естественным. Дорога в университет для женщин до революции была закрыта. Но уже начали создаваться специальные высшие женские учебные заведения. По окончании гимназии в 1904 г. А. М. Астахова поступила учиться в Женский педагогический институт. Отсюда после четырех лет обучения в 1908 г. А. М. Астахова вышла с дипломом, дававшим право на работу в женских учебных заведениях. На протяжении долгого времени она преподавала русский язык, литературу и историю: в 1908–1909 гг. в частной женской гимназии Иогансон в г. Валке Лифляндской губ.; в 1909–1911 гг. во 2-й женской гимназии в Тифлисе; в 1912–1920 гг. в гимназии Мельниковой в Петербурге (после 1917 г. — единая трудовая школа). Одновременно с 1912 по 1931 г. она являлась учителем в гимназии Таганцевой (единой трудовой школе). В 1920–1922 гг. будущая фольклористка работала также в советской школе ликбеза Московского района; в 1929–1931 гг. — в общеобразовательной школе для взрослых «Красный путиловец»; в 1930–1934 гг. — в автодорожном техникуме.

В 1921 г., уже зрелым человеком, А. М. Астахова стала слушателем словесного отделения Высших курсов искусствознания при Российском (Государственном) институте истории искусств (РИИИ / ГИИИ; впоследствии — Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии; в настоящее время — Российский институт истории искусств). С 1923 г. ей доверили чтение лекций по введению в русскую литературу XVIII–XIX вв. и по стиховедению на курсах при ГИИИ. Научные интересы А. М. Астаховой поначалу, подчеркнем, были связаны со стихосложением. В 1926 г. вышла в свет ее первая статья — «Из истории и ритмики хорея» [Астахова 1926].

Однако в том же 1926 г. область научных интересов кардинально изменилась: А. М. Астахова стала фольклористкой.

В фольклористику А. М. Астахова пришла через экспедиции. 11 июня — 15 июля 1926 г. одна из структур ГИИИ — Секция изучения крестьянского искусства (Крестьянская секция), — ставившая широкие задачи в изучении искусства русской деревни (в материальной и духовной областях), осуществила комплексную экспедицию в Заонежье (Петрозаводск, Великая Губа, Яндомозеро, Космозеро, Великая Нива, Шуньга, Великая Губа, Петрозаводск). Экспедиция ГИИИ, новаторская в плане комплексности, нацеливавшей специалистов из разных областей этнографии на изучение в одном регионе материальной (деревянное зодчество, ткачество, вышивка и пр.) и фольклорной культуры [Романов 1927a; 1927b; Большева; Кнатц], в аспекте фольклористики ничего принципиально нового не несла. Заонежье со времен П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга считалось Исландией русского эпоса. Задача записи былин и других жанровых форм эпоса лежала на поверхности. Словесники распределили обязанности: А. И. Никифоров и И. В. Карнаухова записывали сказки, Н. П. Колпакова — песни. В области музыковедения работали Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. А. М. Астахова взяла на себя обязанности по записи былин.

Начинающая фольклористка добросовестно старалась следовать принципам дореволюционной науки о «живой старине». Поиск былинщиков, выяснение их возможных родственных связей со сказителями времен П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, разработка методики записи былин — так постепенно, накапливая полевой опыт, А. М. Астахова становилась фольклористом.

Н. П. Колпакова в своих художественных экспедиционных дневниках «У золотых родников» оставила колоритную картинку «боевого крещения» начинающих фольклористов — ее самой и А. М. Астаховой. В самом начале поездки в Петрозаводске они узнали, что в городе проживает известная еще с дореволюционных времен былинщица Настасья Степановна Богданова. «Нас она встретила приветливо, — пишет Н. П. Колпакова. — Конечно, разговоры с ней вела, как старшая, Анна Михайловна, а я в качестве младшей почтительно молчала. Настасья Степановна предложила нам спеть былину про Добрыню. Мы, конечно, с радостью согласились. Но как было приступать к нашей работе? Ведь мы не умеем писать так быстро, как человек поет. Анна Михайловна придумала:

— Нас двое, писать будем по строчкам: я — первую, вы — вторую, я — третью, вы — четвертую, и так далее. Потом сложим записи вместе и получим

полный текст» [Колпакова, с. 17–18]. Затем, когда во время экспедиции А. М. Астаховой приходилось одной записывать былину или балладу, она просила сначала исполнителя сказать текст сказом и затем повторно спеть. В первоначальную запись вносилась правка по спетому варианту. Так складывалась методика записи былин.

Во время экспедиции А. М. Астахову, помимо эпических форм, заинтересовал еще один жанр — заговоры. Фиксируя произведения этого рода, собирательница также полностью опиралась на опыт дореволюционной науки. Поэтический текст заговора ею осмыслялся в неразрывной связи с контекстом, т. е. с бытом русской деревни, акциональным и предметным планами этого жанра.

За Заонежской экспедицией последовали поездки на Пинегу (1927), Мезень (1928) и Печору (1929), где фольклористка продолжала интересоваться двумя обозначенными жанрами. А. М. Астахова, без сомнения, умела устанавливать контакты с деревенским сообществом, причем даже в такой деликатной сфере, как знахарство, что и позволило ей собрать богатый материал (лечебные заговоры, заговоры на скотину, на обряжение девушек на гулянья и пр.).

1920-е гг. еще не ставили для фольклористов цензурных (а точнее — самоцензурных) ограничений в области собирания устной поэзии. Поэтому А. М. Астахова не избегала записи духовных стихов. В дальнейшем, когда уже осуществлялась публикация материалов, собранных экспедициями ГИИИ, этот жанр оставался невостребованным в печатной продукции. Только в наше время Л. И. Петровой были опубликованы пинежские записи: «Алексей, человек Божий» (три текста), «Мучения Егория» (один текст), «Два брата Лазаря» (три текста), «Царевич Иоасаф, пустынник» (два текста), «Христос и нищая братия» (два текста) и др. [Духовные стихи].

Повторим еще раз: экспедиции ГИИИ в 1920-е гг. полностью находились в русле собирательских установок дореволюционной фольклористики.

В 1931 г. Государственный институт истории искусств, где работала А. М. Астахова, был реорганизован в Государственную академию искусствознания. Фольклорную секцию перевели в Институт по изучению народов СССР (ИПИН), просуществовавший с 1931 по 1933 г., а в феврале 1933 г. — в Институт антропологии и этнографии АН СССР (ИАЭ). Во главе секции стоял переехавший из Иркутска М. К. Азадовский; костяк сотрудников, помимо А. М. Астаховой, — А. Н. Лозанова, Е. В. Гиппиус, С. Д. Магид, З. В. Эвальд. В декабре 1938 г., в период, когда фольклористика была искусственно оторвана от этнографии, Фольклорная секция (комиссия) была переведена в Институт литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (именно таково

название учреждения на то время) [Иванова 2009, с. 460–471]. Все эти годы, переходя из одного научного учреждения в другое, А. М. Астахова продолжала напряженную собирательско-экспедиционную деятельность.

В самом начале 1930-х гг. в фольклористике (а точнее — для фольклористики) были определены новые приоритеты в собирании устной поэзии. Произошел резкий поворот от крестьянской классики к городской устной традиции. В городской поэзии ученые надеялись найти произведения с «правильными» классовыми установками.

Однако городская фольклорная культура раскрывалась ученым совсем с других сторон. А. М. Астахова занималась темой «Песни улицы». Полем собирания фольклора стала ленинградская улица. Надо сказать, что интенсивная собирательская работа позволила фольклористке записать интереснейший материал[1]. Работу А. М. Астаховой с уличными певцами можно определить в рамках современной научной терминологии как метод включенного наблюдения с последующим интервьюированием певца. Собирательница обратила внимание и на такую форму бытования и распространения песен, как продажа певцами текстов, которые тиражировались самими исполнителями и их окружением (переписывание множества копий от руки; перепечатывание на машинке; оттиски посредством ручной типографии).

Уже в 1932 г. А. М. Астахова подготовила сборник «Песни уличных певцов»[2]. Рукопись открывается обстоятельной статьей. Следует помнить, что А. М. Астахова выступала, по сути дела, первопроходцем в деле собирания и научного осмысления уличной поэзии. В статье исследовательнице приходилось отстаивать тезис о необходимости изучения этого пласта фольклора. А. М. Астахова дает всестороннюю характеристику социальной среды, формирующей репертуар улицы (мещанство, беспризорники, деклассированные элементы и пр.). Собирательница рисует колоритные портреты уличных певцов; дает подробную характеристику репертуара улицы (песни, являющиеся откликом на преступления, взбудоражившие улицу («Как на кладбище Митрофаньевском»); песни, рисующие картины повседневного быта («Жена алкоголика»); произведения, раскрывающие тему беспризорности, и т. д.).

В сборнике А. М. Астаховой представлено 130 текстов (четыре раздела: «Уличные певцы»; «Проблема любви и брака в отражении песен улицы» (с подразделами «Любовные катастрофы» и «Семейные конфликты»); «Проблемы социальных пороков и бедствий в отображении уличных песен» (с темами «Алкоголизм», «Беспризорность», «Бандитизм», «Проституция»,

[1] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 25. «Песни уличных певцов».

[2] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 25. П. 7. № 1. См. одно из первых сообщений о сборнике: [Лурье].

«Сексуальные преступления», «Городские катастрофы»); «Мещанская сатира»). Песенные тексты сопровождаются обширными примечаниями, в которых имеется характеристика вариантов, приводятся сведения о предполагаемом авторстве песни, даются ссылки на газетные статьи из криминальной хроники. Научный аппарат дополнен разделом «Биографии авторов и певцов и исполнителей».

Однако, помимо сугубо научной характеристики этого материала, игнорировавшегося дореволюционной фольклористикой, тоталитарный сталинский режим требовал и идеологической оценки уличных песен. И такая оценка была дана в статье А. М. Астаховой. В статье указывается, что уличная поэзия оказывает сильнейшее негативное влияние на песенный репертуар как пролетариата, так и крестьянства, проникая в разные регионы страны. В связи с этим, считает исследовательница, перед фольклористами стоит задача активной борьбы с поэзией улицы.

Сборник ленинградской уличной песни, без сомнения, является замечательным примером открытия для фольклористики нового пласта устной поэзии. При этом, подчеркнем, рукопись была подготовлена А. М. Астаховой на высочайшем уровне. Однако издание не состоялось. Это собрание не вписывалось в идеологию страны, строившей социализм. Встав на сугубо научные позиции, фольклористы, конечно, могли справиться с эстетическим неприятием уличного фольклора, но они были не в силах преодолеть неприятие властью идеологической направленности устной поэзии улицы. В дальнейшем этот пласт городской фольклорной культуры надолго исчезнет из интересов фольклористики, что, безусловно, сузит ее научные горизонты.

Уже в наше время рукопись была подготовлена к публикации (участники проекта — А. Ф. Белоусов, Н. Г. Комелина, М. Л. Лурье и С. В. Подрезова). К сожалению, отсутствие средств не позволяет довести проект до печати. Укажем, что в рамках подготовки рукописи была осуществлена очень интересная публикация «Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А. М. Астаховой» в онлайн-версии журнала «Антропологический форум» [Комелина, Лурье, Подрезова].

Городской фольклор с «правильными» идеологическими установками следовало искать, по мысли фольклористов, в рабочей среде — у пролетариата, «самого передового» класса. Зимой 1931/32 гг. в ИПИНе была создана, согласно терминологии того времени, бригада по собиранию рабочего фольклора, куда вошли З. В. Эвальд, З. Н. Куприянова, П. Г. Ширяева и А. М. Астахова.

Собиратели поставили перед собой следующие задачи: «1) изучение на материале фольклора идеологических сдвигов в рабочей среде в процессе

культурной революции и социалистического строительства; 2) изучение фольклора как материала для истории фабрик и заводов; 3) выявление в фольклоре как влияний, формирующих сознание нового человека, так и влияний идеологически чуждых и вредных; 4) установление путей борьбы с классово-враждебными тенденциями и стимулирование развития идеологически ценных элементов путем активного воздействия на массовый музыкально-поэтический быт рабочих» [Астахова, Эвальд, с. 142]. Фольклористика в начале 1930-х гг., как видим, уже полностью вписалась в идеологические догмы большевистской власти: «культурная революция», «социалистическое строительство», «история фабрик и заводов» (издательский проект М. Горького), «борьба с классово-враждебными тенденциями».

Объектами обследования для бригады стали ленинградские фабрики и заводы, в частности текстильные фабрики им. 1 Мая и им. А. Желябова и механический завод «Красный Октябрь». Фольклористы организовывали фольклористические ячейки из работников заводов. Одной из форм работы стала фиксация массовой песни на праздничных демонстрациях. Все это было новыми методами в собирании устной поэзии.

Певческий репертуар праздничных демонстраций очень скоро разочаровал собирателей. Если пожилые рабочие еще пели старые революционные песни («Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка» и др.), объявленные рабочим фольклором, то молодежь их уже не знала, а пела новые песни по книжкам, зная, что подобный репертуар политически апробирован. Однако уже в середине демонстрации, как отмечала А. М. Астахова, толпу «захлестывает волна мещанского репертуара, идущая главным образом от беспартийной молодежи» [Астахова, Эвальд, с. 143].

Проект собирания песен рабочих на ленинградских предприятиях отразился в материалах фольклорного архива РО ИРЛИ[3]. В публикациях осталась только небольшая статья А. М. Астаховой и П. Г. Ширяевой «Старая рабочая песня» [Астахова, Ширяева]. Здесь представлены четыре текста, квалифицированных как старые рабочие песни. Текст № 1 начинается строками «Кто на Охте не живал, / Тот горя не знаит...». Публикаторы в комментариях определяют его как перепев солдатской песни «А кто не был за Дунаем».

Следующий поворот в формировании новых собирательских задач связан с летней экспедицией ИПИН 1932 г. на побережье Белого моря (15 июня — 24 августа; маршрут: Кемь, Сорока, Шижня, Выгостров, Сумский Посад,

[3] РО ИРЛИ. P. V. Кол. 20 (Материалы по рабочему фольклору. Ленинградская фабрика «Работница», 1931); Кол. 22 (Материалы по рабочему фольклору, 1927–1932); Кол. 23 (Материалы по учету массовой песни на демонстрациях трудящихся г. Ленинграда, нач. 1930-х гг.).

Колежма, Нюхча, возвращение в Сумский Посад, Вирма, Лапино, Воренжа, Койкинцы, Сегежа, Медвежья Гора, Повенец). К экспедиционерам (И. В. Карнаухова и А. Н. Нечаев) А. М. Астахова присоединилась 25 июня. Недавно Л. И. Петровой был опубликован экспедиционный дневник А. М. Астаховой[4], текст которого наглядно свидетельствует о том, как в условиях сложившегося сталинского тоталитарного режима в фольклористике формируются новое понимание рамок устной словесности и новые задачи в области ее собирания [Петрова].

Во время экспедиции 1932 г. А. М. Астахова продолжала записывать любимые ею эпические песни и заговоры. Отдельные тексты былин и баллад были впоследствии включены во второй том ее знаменитых «Былин Севера». Дневник фольклористки свидетельствует и об интересе к заговорам: 26 июля в Сумском Посаде она записала «20 заговоров от колдуна Николая Григорьевича Ихменева и старухи Анны Григорьевны» [Петрова, с. 265]. Однако из того же дневника явствует, что традиционные формы и жанры фольклорной культуры в сфере внимания фольклористки отступают на задний план.

Предметом обследования во время экспедиции становится молодежный песенный репертуар. 28 июня в Шижне А. М. Астахова писала: «Зарегистрирован репертуар современных песен, преимущественно революционных, исполняемых молодежью. Записано три современных песни» [Петрова, с. 253–254]; 6 июля в Сумском Посаде: «Астахова получила ряд сведений о песенном репертуаре молодежи от местной активистки-партийки Нюры Михилевой» [Петрова, с. 257]; 23 июля в том же Сумском Посаде: «Выяснен окончательно молодежный репертуар и записано от Н. П. Чижовой 10 песен» [Петрова, с. 264]; 30 июля в Лапине: «Собирался преимущественно молодежный репертуар. Зарегистрировано содержание двух тетрадок песен и романсов, часть материала переписана» [Петрова, с. 267]; 31 июля там же: «Зарегистрирован репертуар революционной песни» [Петрова, с. 267].

Новые аспекты в понимании рамок фольклорной культуры сказываются и в том, что А. М. Астахова включает в поле своего внимания девичьи альбомы. 27 июня в Сороке она писала: «Астахова записывала песни, частушки, альбомные стишки от Клавдии Ивановны Баланкиной, Антонины Андреевны Кондратьевой и девушки Нюры» [Петрова, с. 253]. 30 июня в Выгострове: «Обследован альбом одной девушки и зарегистрировано его содержание; записаны две современные городские песни и три альбомных стишка» [Петрова, с. 255]; 1 июля в Выгострове: «Обследована тетрадь песен Фроловой

[4] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. П. 13. Ед. хр. 4.

и зарегистрировано ее содержание (47 песен)»; «Зарегистрировано содержание девичьей тетрадки песен (18 песен)» [Петрова, с. 255]; 19 июля в Нюхче: «Зарегистрирован материал альбома песен одного парня» [Петрова, с. 263].

Фольклорные экспедиции 1930-х гг. стали ставить себе социологические задачи. Как свидетельствует дневник, А. М. Астахова собирала сведения о школах и больницах в селах. На фольклорные экспедиции накладывались также просветительские задачи. Весьма любопытен один эпизод. 2 августа (в Ильин день) экспедиционеры находились в с. Воренжа, где на традиционный праздник собралось много народу из окрестных деревень. А. М. Астахова отмечала в дневнике: «Днем приняли участие в антипраздничном собрании на мосту во время гулянки. Нечаев выступил с докладом о задачах советского краеведения. Высказывали свои мнения о вреде подобных праздников в самый разгар сеноуборочной кампании» [Петрова, с. 268].

Следует отметить, что во многих деревнях и селах фольклористы пытались организовать краеведческие ячейки. Так, на протяжении целого ряда дневниковых записей звучит тема учреждения такого рода ячейки в Сумском Посаде. 13 августа в Медвежьей Горе А. М. Астахова записала: «Была в РОНО, говорила относительно организации собрания по вопросу краеведческой ячейки» [Петрова, с. 271]; 20 августа в той же Медвежьей Горе: «С тов. Васильевым говорила о необходимости создать ячейку краеведения» [Петрова, с. 273]. Думаем, что эти ячейки после отъезда фольклористов благополучно свертывались, так и не начав свою работу.

Еще в Ленинграде экспедиции была поставлена задача собирания фольклора времен Гражданской войны. Через весь дневник красной нитью проходит «особый акцент» на поисках устных форм, отражающих Гражданскую войну. Так, 18 июля в Нюхче А. М. Астахова встречалась с родными красноармейцев, расстрелянных белыми. Фольклористка писала в дневнике: «Первую половину дня Астахова работала в семье одного из расстрелянных И. В. Попова. Записан рассказ матери о расстреле сына и фрагментарно автобиография отца» [Петрова, с. 263]; 6 августа в Сегеже: «...произвели запись от двух участников гражданской войны: М. К. Семенова (фронт Повенца и Медвежьей Горы) и И. В. Плыхова (Архангельский фронт) — всего 7 эпизодов» [Петрова, с. 269]; 8 августа: «Достали сведения об участниках гражданской войны в районе Медвежки» [Петрова, с. 269]; 14 августа: «Произведена запись о боях за Ольшу от т. Велидеева» [Петрова, с. 271]; 17 августа в Повенце: «От красного партизана Леонтьева записала 8 рассказов, партизанскую песню и получила автобиографию» [Петрова, с. 272]; 18 августа в Медвежьей Горе: «Вторую часть дня работала с Нестеровым. Записала 5 рассказов о гражданской войне

и кратко биографию» [Петрова, с. 273]; 21 августа: «Утром записала 5 песен от партизана Попова и один эпизод из деятельности Романовского партизанского отряда» [Петрова, с. 273].

Ленинградские фольклористы отнюдь не были первопроходцами в разработке темы Гражданской войны в устной народной традиции. По окончании экспедиции А. М. Астахова написала статью «Фольклор Гражданской войны» [Астахова 1934а], где описала работу по собиранию этого пласта фольклора в разных регионах и представила свои наблюдения по данным экспедиции 1932 г. в Беломорье. Исследовательница сделала обзор немногочисленных частушек и песен, отражающих интересующий ее предмет, а также остановилась на устных рассказах. Фольклористке важно было закрепить положение о фольклорной природе этих рассказов. Она приводит примеры бытования подобных рассказов во время вечернего отдыха при артельных работах (ср. с традицией рассказывания сказок); рассматривает различные стадии в развитии рассказа, выявляя моменты устойчивости в повествованиях («Приобретение известной устойчивости и является начальным моментом зарождения фольклорного произведения» [Астахова 1934а, с. 14]); определяет методику собирания устных рассказов (запись рассказов об одном и том же событии или об одном и том же лице от разных информантов; запись от свидетелей события и от информантов, знавших о нем изустно от других лиц; повторные записи).

Поездка в Бурятию, состоявшаяся 25 июля — 27 августа 1934 г. в рамках сотрудничества с только что учрежденным Государственным институтом культуры Бурято-Монгольской АССР, имела тот же характер, что и беломорская экспедиция. А. М. Астахова работала в Тарбагатайском районе (с. Тарбагатай и Большой Куналей), где проживали «семейские» — своеобразная этнографическая группа населения Сибири (старообрядцы) [Астахова 1935].

За месяц работы среди семейских Забайкалья ею было записано 1450 текстов — песен, частушек, сказок, преданий, пословиц, загадок, заговоров, причитаний, духовных стихов, описаний свадебных обрядов и т. д.[5] В Забайкалье фольклористка продолжала держать в поле внимания рассказы о Гражданской войне. Эта сфера оставалась идеологически актуальной. Предметом активного собирания стал также детский фольклор. 28 января 1935 г. на заседании Комиссии по детскому быту и фольклору Русского географического общества А. М. Астахова прочитала доклад об устно-поэтическом творчестве детей Тарбагатайского района. Ею была подготовлена статья «Из быта и фольклора детей Тарбагатайского района Бурято-Монголии», предназначенная

[5] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 42. П. 1–12.

для второго (несостоявшегося) выпуска сборника «Детский быт и фольклор». Эта статья была опубликована нами в 1998 г. [Детский фольклор, с. 246–258].

Из статьи следует, что фольклористические задачи и в этой экспедиции тесно переплетались с социологическими. Описывая детский быт, А. М. Астахова называет приметы нового быта (больница с акушерским отделением в Тарбагатае, фельдшерский пункт в Б. Куналее, ясли в колхозах), но в то же время дает информацию о «бабках», продолжающих принимать роды, о вере в «сглаз» и т. д.

Собирательница фиксирует новые игры, появившиеся в детской среде Забайкалья: «Из игр, несомненно занесенных из города, следует назвать „Телефон“ и новую, занесенную в Б. Куналей комсомольскую игру в „Голосование“. При быстром перечислении, за что голосуют (за бедняков, кулаков, колхозы и т. п.), быстро поднимают руки, проголосовавший неправильно платит фант» [Детский фольклор, с. 251]. Эта игра, как следует из статьи А. М. Астаховой, «аналогична известной игре с подниманием руки при правильном обозначении того, что может лететь (утки летят, воробьи летят, аэроплан летит, собака летит и т. п.) [Детский фольклор, с. 251].

Предметом внимания во время экспедиции оставались и молодежные альбомы, к которым фольклористка обращалась в Беломорье. И опять собирательница вынуждена была отмечать «неправильный» характер альбомного репертуара: «Альбомы-песенники мы встречаем у парней, а также у мальчиков лет четырнадцати. В них одно из главных мест занимает тюремная и блатная песня. Вообще репертуар мальчиков-подростков, которые на гулянках уже группируются со взрослыми парнями, носит в некоторой уже степени след более поздних городских влияний» [Детский фольклор, с. 256].

А. М. Астахова объективно описывает частушечный репертуар тарбагатайских детей. В их репертуаре зарегистрированы антиколхозные и антисоветские частушки: «Причем дети не только их знают, но и поют их, пользуясь ими в качестве аргумента для своего суждения о колхозах» [Детский фольклор, с. 257]. Советская же проколхозная частушка в их репертуаре отсутствует.

Собирательско-экспедиционная работа А. М. Астаховой в первой половине 1930-х гг., таким образом, свидетельствует, что она добросовестно старалась следовать новым формулируемым установкам. Однако, руководствуясь научной объективностью, собирательница фиксировала фольклорные факты, которые не отвечали желаемым ожиданиям властей. Впрочем, крепнущий тоталитарный режим все в большей степени не только ставит перед фольклористикой новые задачи, но и начинает тяготеть над научной мыслью, что очень хорошо видно на материале следующей экспедиции А. М. Астаховой.

В 1934 г. Московский комитет партии большевиков и Московский областной исполком инициировали масштабное фольклористическое обследование Московской области, которая в это время административно охватывала огромную территорию Центральной России. Были выделены большие денежные средства, объединены силы московских и ленинградских фольклористов, и различные группы собирателей направились в разные районы. В декабре 1934 — январе 1935 г. А. М. Астахова и З. В. Эвальд вместе с москвичами Н. Я. Брюсовой и Р. С. Липец работали в Рязанском и Старожиловском районах.

Центральное место в собирательской работе занимал музыкальный фольклор, но записывались также старинный свадебный обряд, сказки, устные сказы о 1905 годе, Октябрьской революции и о колхозном строительстве[6]. Выводы, которые А. М. Астахова делает в статье «Московские фольклорные экспедиции 1934–1935 гг.», явно идеологически детерминированы. Собирательница рисует картину, которую желали власти. Большевикам нужно было утвердить тезис о расцвете фольклора в стране, строившей социализм, необходимо было свидетельство о популярности революционной песни в репертуаре деревни. Именно поэтому А. М. Астахова в статье заявляет: «...новые коллективные формы труда несомненно способствуют подъему песенного искусства современной деревни по линии широко распетой, мастерской многоголосной песни и ослаблению интереса к сольному романсу, проникавшему в деревню в процессе ее капитализации. Интерес к романсу в настоящее время падает в Рязанском и Старожиловском районах даже среди молодежи, которая предпочитает ему городскую революционную песню и частушку в различных ее разновидностях» [Астахова 1936а, с. 439]. Очевидно, что этот тезис не отвечает объективному состоянию фольклорной традиции того времени.

С 28 мая по 23 июня 1937 г. А. М. Астахова (руководитель) и Н. П. Колпакова совместно с Союзом композиторов (В. В. Великанов, Ф. А. Рубцов) работали в Петриневском, Кирилловском, Мясниковском и Череповецком районах Вологодской области[7]. Задачей было обследование певческой традиции края. Филологи записывали слова, музыковеды работали с фонографом. В рамках этой экспедиции четко обозначилась еще одна методологическая особенность собирательской работы советского времени — запись песен не только от стихийных (неорганизованных) певческих ансамблей, но и от самодеятельных колхозных хоров. Вторая половина 1930-х гг. — это время, когда власти уделяли пристальное внимание фольклорной традиции, стре-

[6] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 47.

[7] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 75.

мясь направить ее в нужное идеологическое русло. Поэтому создание хоров стало, говоря современным языком, мейнстримом культурной жизни русской деревни. Во всех регионах проводились олимпиады самодеятельного искусства. В отчете об экспедиции А. М. Астахова писала: «Особенное внимание экспедиция уделяла певческим коллективам и отдельным певцам — участникам районных и областных олимпиад» [Астахова 1939a, с. 218]. Экспедиция произвела 139 фонографических записей: было записано 170 песен, 850 частушек. Фольклористическое поле, как уже было принято, расширялось за счет задач социологического характера. Фольклористка отмечала: «Кроме того, записано несколько стихотворений местных колхозных поэтов ⟨...⟩ и собраны номера местных газет с местными частушками и стихотворениями местных поэтов» [Астахова 1939a, с. 218]. Участники экспедиции уже привычно устраивали для деревенских жителей беседы, «разъясняя задачи собирания и культивирования народного творчества и значение создания советского фольклора» [Астахова 1939a, с. 218]. Материалы экспедиции были очень быстро, уже в 1938 г., опубликованы в нотном сборнике «Народные песни Вологодской области» [Народные песни].

В июле — начале августа того же 1937 г. А. М. Астахова (вместе со студентками И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон) работала еще в одной севернорусской точке — на Зимнем берегу Белого моря (села Нижняя и Верхняя Золотицы). На этот раз перед собирательницей стояла специальная задача изучения фольклорного творчества одной сказительницы — Марфы Семеновны Крюковой. А. М. Астахова общалась почти исключительно с этой былинщицей, но спорадически записывала былины и от других сказителей[8]. Студентки И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон выявляли эпический репертуар других сказителей и певцов. Материал собирался как фон, «необходимый для полного уяснения особенностей народно-эпической традиции, хранимой Крюковой» [Астахова 1939b, с. 219; 1939c; 1941]. К лету 1937 г. М. С. Крюкова полностью определилась в фольклористике как культовая сказительница, обласканная советской властью. Уже состоялась ее поездка в Москву (1937); в ее творческом багаже были поощряемые собирателями плачи о Ленине, былины о Сталине и другие произведения советской тематики.

А. М. Астахова ставила задачу записать былины на традиционные сюжеты. За время экспедиции были зафиксированы 40 былин Марфы Крюковой (объем — 50 печатных листов) и ряд других жанров (сказки, песни, плачи,

[8] В сборнике [Былины Печоры и Зимнего берега] опубликованы записи А. М. Астаховой от сказителей А. В. Бронниковой (№ 143–146), Н. Ф. Поповой (№ 151, 152), А. И. Седуновой (№ 156), Т. Е. Точилова (№ 159–161). Былины М. С. Крюковой здесь не публиковались.

пословицы). Собранный материал дал возможность фольклористке в статье «Беломорская сказительница М. С. Крюкова» представить творческий портрет этой былинщицы, наделенной большим импровизаторским даром. В статье дан список былин, записанных в 1937 г. [Астахова 1939с, с. 211–212]. Сопоставляя повторные записи от М. С. Крюковой (ранние записи, сделанные в 1899–1901 гг. А. В. Марковым, записи 1934 г. В. П. Чужимова), исследовательница рисует создание новых былинных композиций на традиционные сюжеты; указывает на переоформление в былины сказок и литературных произведений (повесть В. А. Жуковского «Марьина роща»); характеризует произведения о Ленине и Сталине.

Тексты былин М. С. Крюковой, записанные А. М. Астаховой, были опубликованы лишь в 2020 г. в томе Свода русского фольклора — «Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова» (25 текстов) [Былины Зимнего берега]. В этом же издании представлены записи других собирателей, в том числе и Э. Г. Бородиной-Морозовой, зафиксировавшей эпические произведения М. С. Крюковой в том же 1937 г.[9]

Поездка на Зимний берег Белого моря, кажется, была последней в напряженной собирательско-экспедиционной работе А. М. Астаховой.

В историю отечественной фольклористики А. М. Астахова вошла прежде всего как былиновед. Следует заметить, что к этому сегменту народной культуры исследовательница пришла также через собирательско-экспедиционную деятельность.

Первой былиноведческой работой (равно как и вообще первой фольклористической) стала статья «Былина в Заонежье» (1927), построенная исключительно на собственных записях А. М. Астаховой, сделанных во время экспедиции 1926 г. [Астахова 1927]. Констатируя легко прогнозируемый факт постепенного исчезновения былинной традиции, фольклористка сосредоточивает свое внимание на том, как, в какой форме былина забывается. А. М. Астахова описывает тип сказителя, не просто забывающего былину, «но ее разрушающего, лишающего ее привычной строгой формы и вводящего в нее ряд элементов, дисгармонирующих с былинным стилем» [Астахова 1927, с. 86]. Таковым, по мнению собирательницы, был П. Г. Горшков, который хорошо владел эпическим текстом, помнил все эпизоды. Но тем не менее, как считала А. М. Астахова, в творчестве этого сказителя «при очень уверенной передаче происходит полное разложение былины»: былинный ритм разрушается, появляются не былинные фразовые конструкции. Исследовательница

[9] Материалы Э. Г. Бородиной-Морозовой опубликованы в 1939–1941 гг.: [Былины М. С. Крюковой].

демонстрирует, как забывается форма выражения тех или иных былинных эпизодов. Былинный стих упрощается, из него выпадают традиционные формулы, он зачастую представляет собой лишь подобие эпического стиха.

В былиноведении, как и в собирательско-экспедиционной деятельности, исследовательнице приходилось реагировать на идеологические требования своего времени. В 1935 г. в Малой серии «Библиотеки поэта» вместе с Н. П. Андреевым она издала антологический сборник «Эпическая поэзия» (Л., 1935), во вступительной статье к которому фольклористка декларировала приверженность дореволюционной «исторической школе», включая и признание теории «аристократического» происхождения былин (былины произошли в княжеско-боярской, торгово-буржуазной и церковно-паломнической среде и только на позднем этапе стали достоянием крестьянства). Соответственно, в 1936–1937 гг., когда развернулась кампания по разгрому «исторической школы», эта работа А. М. Астаховой подверглась идеологической критике [Керженцев; Семенов].

Былиноведению, отказавшемуся от дореволюционной «исторической школы», пришлось в изучении эпоса искать новые повороты. Однако еще до разгрома «исторической школы» А. М. Астахова, не видевшая новых импульсов изучения былин в духе этого фольклористического направления, смогла нащупать в былиноведческой проблематике новые аспекты. В статье «Былинная традиция на современном Севере» [Астахова 1934b], построенной на материалах экспедиций 1920-х — начала 1930-х гг., на большом статистическом материале, представленном в нескольких таблицах, исследовательница дает сведения о репертуаре различных регионов, обозначает сужение репертуара по сравнению с дореволюционными записями, показывает тенденции преобладания новеллистических сюжетов над героическими в записях последнего времени.

В 1938 г. вышел в свет первый том подготовленных А. М. Астаховой знаменитых «Былин Севера» [Былины Севера], блестящие комментарии к которым свидетельствуют о глубочайшем знании исследовательницы былиноведческой литературы. Во вступительной статье А. М. Астахова углубляет характеристику каждого из севернорусских регионов (Прионежье, Поморье, Пинега, Мезень, Печора, Зимний берег Белого моря). В статье по-новому по сравнению с дореволюционной «исторической школой» поставлена проблема варианта: «Вариант становится интересным и значительным не только как одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявление живой творческой энергии народных масс» [Былины Севера, т. 1, с. 9]. Вместо тезиса о «последовательном искажении» былин, по мере того как они из дружинной среды попадали в крестьянскую (позиция «исторической

школы»), А. М. Астахова выдвигает положение об «исконной народности эпоса» [Былины Севера, т. 1, с. 15]. Исследовательница разрабатывает типологию былинных певцов, занявшую важное место в науке второй половины 1930-х — 1970-х гг. Применив сравнительный метод (сравнение текстов сказителей «учителей» и «учеников», разных «учеников» одного «учителя», повторных записей от одного и того же исполнителя), А. М. Астахова описывает три типа сказителей: сказители-передатчики (запоминают былины своих «учителей» максимально близко к тексту); сказители-творцы (воспринимают от «учителей» только «общий остов» былины и создают новые редакции сюжетов, вырабатывая собственный стабильный текст); сказители-импровизаторы (смело вставляют в былины новые эпизоды, каждый раз создавая новую версию сюжета).

Отвечая идеологическим требованиям поисков «советского эпоса», А. М. Астахова в предвоенные годы сосредоточивается и на этой теме. На заседании во Всесоюзном доме народного творчества 20 апреля 1941 г. она прочитала доклад «Пути развития русского советского эпоса» [Доклад фольклориста]. Исследовательница впервые на теоретическом уровне попыталась осмыслить круг устных произведений, созданных, как правило, в творческом союзе сказителей и собирателей и рассматриваемых фольклористикой 1930—1940-х гг. как проявление живой устной традиции. А. М. Астахова определила формы советского эпоса: фабульные поэтические тексты, ориентированные на поэтику былин (новины); «развернутые эпические полотна, включающие повествования не об одном, а о целой цепи связанных друг с другом событий» [Доклад фольклориста, с. 206] (поэмы); бесфабульные произведения описательного характера (сказы и сказы-думы).

Рассмотрев отдельные произведения сказителей, владевших подлинной былинной традицией (например И. Т. Фофанова, сочинившего под руководством собирателей былину о Ворошилове), А. М. Астахова приходит к убеждению, что «путь создания нового эпоса по линии былинного жанра вполне закономерен ⟨...⟩, этот путь может привести и приводит к большим творческим достижениям» [Доклад фольклориста, с. 211]. Идеологическая детерминированность этого тезиса очевидна.

Главным делом А. М. Астаховой в период Великой Отечественной войны стало завершение докторской диссертации «Северный период в истории русской былины». Пережившая страшную блокадную зиму 1941/42 гг. в Ленинграде [Иванова 2005] А. М. Астахова 12 июля 1942 г. вместе с Пушкинским Домом была эвакуирована в Казань, где и продолжила работу над диссертационным исследованием. Известно, что в Казани на заседаниях она читала

фрагменты своей работы. После снятия блокады, в мае 1944 г., фольклористка вернулась в Ленинград. Защита докторской диссертации[10] «Северный период в истории русской былины» состоялась в Пушкинском Доме 14 декабря 1944 г. Официальными оппонентами стали В. П. Адрианова-Перетц, П. Г. Богатырев и В. Я. Пропп. Ученый совет единогласно присудил соискательнице искомую степень доктора филологических наук. Впоследствии исследование вышло в свет в виде монографии «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948).

Нам в свое время довелось опубликовать четыре документа по защите: аналог современного автореферата «Содержание диссертации А. М. Астаховой „Северный период в истории русской былины“»; Отзыв В. П. Адриановой-Перетц; Отзыв В. Я. Проппа; Ответ оппонентам А. М. Астаховой [Документы по защите].

В этом комплексе документов, пожалуй, самый большой интерес представляет отзыв В. Я. Проппа — безусловно положительный, акцентирующий внимание на сильных сторонах исследования: например, на характеристике отдельных былинных областей (Прионежье, Поморье, Пинега, Мезень, Печора), позволяющей «недифференцированный» Север осмыслить в картинах резко отличающихся регионов. В. Я. Пропп справедливо замечает: «Можно без преувеличения сказать, что автор — лучший в СССР знаток былины и ее исполнителей» [Документы по защите, с. 172]. При этом весьма характерным является определение метода исследования: «Метод автора в основном есть метод описательных характеристик» [Документы по защите, с. 174]. Заметим, кстати, что сам В. Я. Пропп в 1944 г. еще не подступался к исследованию былин; его монография «Русский героический эпос» будет издана в 1955 г. Исследование былин выполнено здесь в историко-типологическом аспекте. В условиях, когда методы «исторической школы» по идеологическим причинам были дискредитированы, А. М. Астахова, как и другие фольклористы, не смогла предложить былиноведению принципиально новые подходы в изучении былин, поэтому ее метод оказался «методом описательных характеристик». Однако следует подчеркнуть, что этот несложный метод был применен к былинному материалу на очень высоком уровне.

После монографии 1948 г. «Русский былинный эпос на Севере» в 1950–1960-е гг. А. М. Астахова продолжала заниматься изучением былин. В послевоенный период в рамках сотрудничества с Карело-Финской базой АН СССР,

[10] В 1935 г., при учреждении в СССР кандидатских и докторских степеней, А. М. Астаховой без защиты была присуждена степень кандидата филологических наук.

которой ленинградские фольклористы еще в 1930-е гг. оказывали методическую поддержку, А. М. Астахова издала несколько фольклорных сборников: «Избранные былины» (Подгот. текста, ст. и коммент. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1947); «Северные исторические песни» (Подгот. текста, ст. и примеч. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1947); «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье» (Подгот. текстов, статьи и примеч. А. М. Астаховой и С. А. Шахматовой-Коплан. Петрозаводск, 1948). Тогда же была издана книга «Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева» (Петрозаводск, 1948) — традиционный для того времени сборник, посвященный одному сказителю и вводящий в науку записи от представителя третьего поколения сказительской династии Рябининых.

В серии «Литературные памятники» была издана антология «Илья Муромец» (М.; Л., 1958). Совместно с В. В. Митрофановой и М. О. Скрипилем А. М. Астахова подготовила фундаментальное издание «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков» (М.; Л., 1960), тем самым актуализировав тему старорусских повестей на былинные сюжеты. В 1961 г. А. М. Астахова участвовала в подготовке вместе с Э. Г. Бородиной-Морозовой, Н. П. Колпаковой, Н. К. Митропольской и Ф. В. Соколовым сборника «Былины Печоры и Зимнего берега Белого моря (новые записи)» [Былины Печоры и Зимнего берега], в котором собраны записи разных собирателей на Печоре (1942, 1955, 1956) и на Зимнем берегу (1937—1948).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. вышли статьи исследовательницы «Сатира и юмор в русском былинном эпосе», «Былинная традиция в Поволжье», «Вопросы изучения донской былины» [Астахова 1957; 1961; 1963], а также небольшая монография «Народные сказки о богатырях русского эпоса» (М.; Л., 1962), где раскрыта идейно-художественная природа былинных сюжетов, трансформированных в процессе разложения былин и под влиянием лубочных сказок в прозаическую форму. Особо А. М. Астахова рассматривает сказки и предания о богатырях русского эпоса в фольклоре других народов России. Итоговой книгой исследовательницы в области былиноведения стала монография «Былины: Итоги и проблемы изучения» (М.; Л., 1966), где в историографическом ракурсе рассмотрены основные проблемы былиноведения.

Как мы уже указывали, во время экспедиций А. М. Астахова уделяла пристальное внимание заговорам. Ее вторая фольклористическая статья (1928) была посвящена именно этому жанру — «Заговорное искусство на реке Пинеге» [Астахова 1928]. Заговор рассматривался А. М. Астаховой в его связях с этнографическим контекстом. Фольклористка дает богатый

материал о спросе пинежской деревни на заговор, об учительстве (передаче заговоров младшему поколению); приводит рассказы о колдунах, умеющих наводить порчу и насылающих бесов и «икоту». Рассматривает соотношение «слов» с целебными травами и смесями. Самое главное — она рассматривает заговор как обряд.

Заговоры приковывали внимание А. М. Астаховой и в экспедиции 1928 г. на р. Мезень. Во время этой поездки она записала более 200 заговорных текстов. Внушительная подборка текстов в 2007 г. была подготовлена Л. И. Петровой [Из полевых записей]: заговоры на снятие порчи, «ураз сымать» (залечивание раны), «на родимы» (помощь родильнице), «загрызные слова» (от грыжи), «засекать рожу» (от рожистых воспалений), «на зубы» (от зубной боли) и т. д. А. М. Астахова записала «присухи» и «остуды», обереги и пр. Заговоры, без сомнения, могли бы стать второй магистральной темой в исследованиях А. М. Астаховой, если бы в 1930-е гг. этот сегмент народной традиции не был закрыт для советской фольклористики. Возможный сборник заговоров, записанных А. М. Астаховой, к сожалению, не состоялся. Только в 1964 г. исследовательница вернется к этому жанру в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук [Астахова 1964].

А. М. Астахова в 1965 г. вышла на пенсию. Скончалась она 30 апреля 1971 г.

* * *

Фольклористическая деятельность А. М. Астаховой разворачивалась в непростых условиях сталинского режима. Как мы показали, научная биография исследовательницы поразительно точно отражает все повороты развития фольклористики в советское время. Можно заметить, что в научной деятельности А. М. Астаховой, как в капле воды, запечатлелись все узловые моменты поисков советской фольклористикой новых тем, ее отказа от старых методологических установок и формирования новых. И наоборот: вся динамика развития советской фольклористики 1920–1930-х гг. может быть прочитана по биографии А. М. Астаховой. Ни у кого из фольклористов этого времени в их работе мы не найдем столько фактов, которые помогают выпукло и глубоко осмыслить драматические повороты в развитии науки о «живой старине» в данный период. Для сравнения вспомним В. Я. Проппа, чья научная деятельность практически никак не корреспондировала с общим течением фольклористики. И даже Ю. М. Соколов, нередко вынужденный подчинять свою научную мысль тем или иным требованиям большевистской

идеологии, зачастую оставался только в сфере необходимых деклараций, а не в реализации сформулированных идеологией фольклористических положений непосредственно на фольклорном материале.

А. М. Астахова, в чьей научной деятельности собирание фольклора занимает не просто весомое, но определяющее место, воплощает собой тип фольклориста, который мы в свое время определили формулой «собиратель + исследователь» [Иванова 1993, с. 36], причем как исследователь она складывалась на материалах, собранных непосредственно ею самой. А. М. Астахова в своей собирательской работе стихийно и интуитивно применяла различные методы выявления фольклорного материала и его фиксирования, порой опережая свое время (например, метод включенного наблюдения).

Сейчас, обозревая фольклористическую деятельность А. М. Астаховой, мы осознаем, что она, без сомнения, являлась одним из самых выдающихся собирателей в XX в. Вплоть до настоящего времени ученые продолжают раскрывать в публикациях собранные ею материалы, хранящиеся в фольклорном архиве Пушкинского Дома. Заметим, кстати, что этот архив сформировала именно А. М. Астахова, когда она работала в ИПИН и ИАЭ [Астахова 1936b]. Нынешнее поколение исследователей остается ей благодарным за создание богатейшего багажа фольклорных записей.

Литература

Астахова 1926 — *Астахова А. М.* Из истории и ритмики хорея // Поэтика: Сб. ст. Л.: Academia, 1926. С. 54–65. (Временник Отдела словесных искусств; [Вып.] 1).

Астахова 1927 — *Астахова А. М.* Былина в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 77–103. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Астахова 1928 — *Астахова А. М.* Заговорное искусство на реке Пинеге // Искусство Севера: Пинежско-Мезенская экспедиция. Л.: Academia, 1928. С. 33–76. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 2).

Астахова 1934a — *Астахова А. М.* Фольклор Гражданской войны // Советский фольклор: Статьи и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Вып. 1. С. 9–39.

Астахова 1934b — *Астахова А. М.* Былинная традиция на современном Севере // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 401–412.

Астахова 1935 — *Астахова А. М.* Фольклорная экспедиция в Тарбагатайский район Бурято-Монгольской АССР // Советская этнография. 1935. № 1. С. 122–123.

Астахова 1936a — *Астахова А. М.* Московские фольклорные экспедиции 1934–1935 гг. // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. № 4/5. С. 437–440.

Астахова 1936b — *Астахова А. М.* Рукописное хранилище при фольклорной секции ИАЭ АН СССР // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2/3. С. 435–440.

Астахова 1939a — *Астахова А. М.* Работа по собиранию песен Ленинградской и Вологодской областей // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. № 6. С. 218–219.

Астахова 1939b — *А. А.* Беломорская фольклорная экспедиция // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. № 6. С. 219–220.

Астахова 1939c — Астахова *А. М.* Беломорская сказительница М. С. Крюкова // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. № 6. С. 176–213.

Астахова 1941 — *Астахова А. М.* Беломорская сказительница М. С. Крюкова // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 7. С. 247–248.

Астахова 1957 — *Астахова А. М.* Сатира и юмор в русском былинном эпосе // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 5–39.

Астахова 1961 — *Астахова А. М.* Былинная традиция в Поволжье // Русская народная поэзия. Горький: [б. и.], 1961. С. 43–58. (Фольклористические записки Горьковского ун-та; № 1).

Астахова 1963 — *Астахова А. М.* Вопросы изучения донской былины // Народная устная поэзия Дона. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1963. С. 60–69.

Астахова 1964 — *Астахова А. М.* Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М.: Наука, 1964. 11 с. (VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук).

Астахова, Ширяева — *Астахова А. М.*, *Ширяева П. Г.* Старая рабочая песня // Советская этнография. 1934. № 12. С. 201–203.

Астахова, Эвальд — *Астахова А. М.*, *Эвальд З. В.* Работа бригады ИПИН по собиранию и изучению фольклора рабочей среды // Советская этнография. 1932. № 2. С. 141–145.

Большева — *Большева К. А.* Крестьянская живопись Заонежья // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 50–61. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Былины Зимнего берега — Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подгот. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2020. 1703 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 9).

Былины М. С. Крюковой — Былины М. С. Крюковой / Зап., коммент. Э. Бородина, Р. С. Липец; ввод. статья Р. Липец; ред., предисл. Ю. Соколов. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1939. Т. 1. 752 с.; 1941. Т. 2. 794 с.

Былины Печоры и Зимнего берега — Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 606 с.

Былины Севера — Былины Севера / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора. 655 с.; 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. 847 с.

Детский фольклор — Детский фольклор в работах 1930-х годов (неизвестные статьи А. М. Астаховой и Г. С. Виноградова) / Публ. И. М. Колесницкой и Т. Г. Ивановой) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. [Вып. 4]. С. 241–270.

Доклад фольклориста — Доклад фольклориста А. М. Астаховой «Пути развития русского советского эпоса» на совещании, посвященном советской былине, во Всесоюзном доме народного творчества // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сб. документов. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1994. С. 202–222.

Документы по защите — Документы по защите докторской диссертации А. М. Астаховой / Публ. и коммент. Т. Г. Ивановой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2014. Вып. 9. С. 150–194.

Духовные стихи — Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1990. Вып. 3. С. 180–218.

Иванова 1993 — *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е. В. Аничков. А. В. Марков. Б. М. и Ю. М. Соколовы. А. Д. Григорьев. В. Н. Андерсон. Д. К. Зеленин. Н. Е. Ончуков. О. Э. Озаровская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. 203 с.

Иванова 2005 — *Иванова Т. Г.* Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 15–24.

Иванова 2009 — *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века. 1900 — первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.

Из полевых записей — Из полевых записей А. М. Астаховой 1928 года (Заговоры на Мезени) / Публ. и коммент. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2007. Вып. 7. С. 184–223.

Керженцев — *Керженцев П. М.* Исторические темы в искусстве и Камерный театр // Против фальсификации народного прошлого. М.; Л.: Искусство, 1937. С. 16–81.

Кнатц — *Кнатц Е. Э.* Вышивка в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 62–76. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Колпакова — *Колпакова Н. П.* У золотых родников (записки фольклориста). СПб.: Русская земля, 2002. 331 с.

Комелина, Лурье, Подрезова — *Комелина Н. Г., Лурье М. Л., Подрезова С. В.* Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А. М. Астаховой // Антропологический форум online. 2013. № 19. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/komelina_lurie_podrezova_links.pdf.

Лурье — *Лурье М. Л.* Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А. М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 2–6.

Народные песни — Народные песни Вологодской области: Сб. фонографических записей / Записи текстов А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой; муз. записи В. В. Великанова и Ф. А. Рубцова; под ред. Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. Л.: Музгиз, 1938. 138 с.

Петрова — *Петрова Л. И.* Дневник беломорского отряда Карельской фольклорной экспедиции 1932 г. // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2025. Т. 40. С. 243–275.

Печатные работы — Печатные работы А. М. Астаховой с 1957 года // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1968. Т. 11. С. 342–347.

Романов 1927a — *Романов К. К.* Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 11–20. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Романов 1927b — *Романов К. К.* Жилой дом в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 21–49. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Семенов — *Семенов Я.* Народная поэзия в антинародном освещении // Книга и пролетарская революция. 1937. № 1. С. 92–102.

Список работ — Список работ А. М. Астаховой // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 305–310.

References

Ivanova, T. G. (1993). *Russkaia fol'kloristika nachala XX veka v biograficheskikh ocherkakh: E. V. Anichkov. A. V. Markov. B. M. i Yu. M. Sokolovy. A. D. Grigor'ev. V. N. Anderson. D. K. Zelenin. N. E. Onchukov. O. E. Ozarovskaia* [*Russian Folkloristics of the Early 20th Century in Biographical Essays: E. V. Anichkov, A. V. Markov, B. M. and Yu. M. Sokolov, A. D. Grigoriev, V. N. Anderson, D. K. Zelenin, N. E. Onchukov, O. E. Ozarovskaya*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 203 p. (In Russ.)

Ivanova, T. G. (2005). 'Fol'kloristy Pushkinskogo Doma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny' ['Folklorists of the Pushkinskii Dom During the Great Patriotic War'], *Traditsionnaia kul'tura* [*Traditional Culture*], 2, 15–24. (In Russ.)

Ivanova, T. G. (2009). *Istoriia russkoi fol'kloristiki XX veka. 1900 — pervaia polovina 1941 gg.* [*History of Russian Folkloristics of the Twentieth Century. 1900 — First Half of 1941*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 799 p. (In Russ.)

Ivanova, T. G. (2014). 'Dokumenty k zashchite doktorskoi dissertatsii A. M. Astakhovoi' ['Documents Related to the Defense of the Doctoral Dissertation of A. M. Astakhova'], in: *Iz istorii russkogo fol'klora* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 9, 150–194. (In Russ.)

Kolesnitskaia, I. M., Ivanova, T. G., eds. (1998). 'Detskii fol'klor v rabotakh 1930-kh godov (neizvestnye stat'i A. M. Astakhovoi i G. S. Vinogradova)' ['Children's Folklore in the Works of the 1930s (Unknown Articles by A. M. Astakhova and G. S. Vinogradov)'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. Vol. 4, 241–270. (In Russ.)

Komelina, N. G., Lur'e, M. L., Podrezova, S. V. (2013). 'The Songs of Street Singer Vladimir Yegorov Recorded on a Phonograph by A. M. Astakhova', *Antropologicheskii forum*, 19, 233–328. (In Russ.)

Lur'e, M. L. (2011). 'Tvortsy, pevtsy i prodavtsy gorodskikh pesen (po materialam nevyshedshego sbornika A. M. Astakhovoi)' ['Creators, Singers and Sellers of Urban Songs (Based on Materials from an Unincluded Collection by A. M. Astakhova)'], *Zhivaia starina*, 1, 2–6. (In Russ.)

Nekrylova, A. F., Gruntovskii, A. V., Gusev, V. E., eds. (2002). Kolpakova, N. P. *U zolotykh rodnikov (zapiski fol'klorista) s risunkami avtora* [Kolpakova, N. P. *At the Golden*

Springs (Notes of a Folklorist) with Drawings by the Author]. St. Petersburg: Russkaia zemlia Publ., 332 p. (In Russ.)

Petrova, L. I. (1990). 'Dukhovnyye stikhi na Pinege v zapisiakh A. M. Astakhovoi 1927 goda' ['Spiritual Verses on Pinega in the Notes of A. M. Astakhova, 1927'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 3, 180–218. (In Russ.)

Petrova, L. I. (2025). 'Dnevnik belomorskogo otriada Karel'skoi fol'klornoi ekspeditsii 1932 g.' ['Diary of the White Sea Detachment of the Karelian folklore Expedition, 1932'], *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*], 40, 243–275. (In Russ.)

Petrova, L. I., ed. (2007). 'Iz polevykh zapisei A. M. Astakhovoi 1928 goda (Zagovory na Mezeni)' ['From the Field Notes of A. M. Astakhova in 1928 (Conspiracies on Mezen)'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 7, 184–223. (In Russ.)

Reili, M. A., Marchenko, Iu. I., Rozov, A. N., eds. (2020). *Byliny Zimnego berega Belogo moria: Skazitel'nitsa Marfa Semenovna Kriukova* [*Epics of the Winter Coast of the White Sea: Storyteller Marfa Semyonovna Kryukova*]. St. Petersburg: Nauka Publ.; Moscow: Klassika Publ., 1703 p. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 33–57
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-33-57
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 33–57
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Н. Г. Комелина

Natalia G. Komelina

БИОГРАФИЯ АННЫ МИХАЙЛОВНЫ АСТАХОВОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЕ ЛИЧНОГО ДЕЛА ИЗ ОТДЕЛА КАДРОВ)*

BIOGRAPHY OF ANNA MIKHAILOVNA ASTAKHOVA (BASED ON HER PERSONAL FILE FROM THE HUMAN RESOURCES DEPARTMENT)

Резюме: В статье анализируется состав и содержание личного дела фольклористки Анны Михайловны Астаховой, которое хранится в фонде № 150 Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Личное дело содержит следующие документы: заявление о приеме на работу, личные листки по учету кадров, автобиографии, характеристики, отзывы о научной работе, выписки из приказов и протоколов, списки работ, заявление об увольнении в связи с выходом на пенсию, нотариально заверенные копии документов. Документы относятся к периоду трудовой деятельности Астаховой с момента поступления ее в академический институт и до выхода на пенсию. В приложении публикуются некоторые из них. Жизненный и научный путь Анны Михайловны Астаховой демонстрирует один из вариантов биографии женщины-ученого в советском государстве. Документы делопроизводства отражают ее карьеру в академическом институте от рядового сотрудника до доктора наук и кандидата в члены-корреспонденты.

Ключевые слова: А. М. Астахова, история фольклористики, антропология бюрократии, биография.

Информация об авторе: Наталья Геннадьевна Комелина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, komlng@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1907-2170.

Для цитирования: *Комелина Н. Г.* Биография Анны Михайловны Астаховой (по материалам ее личного дела из отдела кадров) // Словесность и история. 2026. № 3. С. 33–57. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-33-57.

Abstract. This article analyzes the personal file of folklorist Anna Mikhailovna Astakhova that is kept in Collection No. 150 of the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences. The personal file contains the following documents: an employment application, personnel records, autobiographies, references, reviews of works of research, excerpts from orders and minutes, work plans, a resignation letter due to retirement, and notarized copies of documents. The documents relate to the period of Astakhova's career from the moment she joined the academic institute until her retirement. An appendix to the article contains a publication of several of these documents. The life and the scientific career of Anna Mikhailovna Astakhova demonstrate a version of a female scholar's biography in the Soviet state. The records reflect her career at the academic institute from a rank-and-file employee to a Doctor of Science and a Candidate for Associate Member of the Academy of Sciences of the Soviet Union.

* Хочу выразить благодарность Т. Г. Ивановой за помощь в работе с текстом статьи.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Keywords: A. M. Astakhova, history of folklore studies, anthropology of bureaucracy, biography.
Information about the author: Natalia G. Komelina, PhD in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, komlng@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1907-2170.
Received: April 11, 2026. ***Approved***: May 21, 2026.
For citation: Komelina, N. G. (2026). 'A Biography of Anna Mikhailovna Astakhova (Based on her Personal File from the Human Resources Department)', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 33–57.

Анна Михайловна Астахова (1886–1971) — талантливый ученый, эпосовед, как определила Т. Г. Иванова в статье в настоящем номере журнала, «фольклорист своего времени». А. М. Астаховой посвящен ряд юбилейных и мемориальных статей [Адрианова-Перетц; Астахова; Лихачев; Мельц, Митрофанова; Чистов]. Все авторы говорят о ней как об эпосоведе, фольклористе-полевике и ученом-теоретике. В заметке «Слово об Анне Михайловне Астаховой» Д. С. Лихачев сравнивает ее с хозяйкой крестьянского дома: «В большом доме русского северного эпоса она навела последний и полный порядок» [Лихачев, с. 468]. Былиноведение как главная тема научных исследований А. М. Астаховой — мысль, проходящая красной нитью через все мемориальные статьи о ней. Однако фольклористке был присущ широкий интерес к магии и колдовству, к городской культуре, фольклору Гражданской войны и другим явлениям народной жизни. Впрочем, постепенно в 1930-е гг. многие темы уходят из работ А. М. Астаховой; безопасной областью признается былиноведение. Как пишет Т. Г. Иванова, «в 1930-е гг. в силу исторических обстоятельств в работах А. М. Астаховой серьезные подлинно научные изыскания начинают причудливо переплетаться с откровенно идеологически обусловленными заключениями» [Иванова 2014, с. 151].

В настоящей статье мы обратимся к документам из личного дела А. М. Астаховой как сотрудника Пушкинского Дома. Личные листки по учету кадров, характеристики, автобиографии и отзывы о работе отражают фактографическую сторону жизни ученого. Однако, с другой стороны, это формализованные документы, которым свойствен свой стиль, а в советское время, вероятно, и «правильное» содержание.

Как пишет Ирина Каспэ в предисловии к коллективной монографии о статусе документа, «документ — не просто способ передачи информации, но способ выстраивания социального „я“, социальных связей, социальной общности, социальной реальности» [Каспэ, с. 8]. Получается, что документы, отложившиеся в личном деле, показывают человека как работника, выстраивают его отношения с учреждением, где он служит (шире — с государством). Документ имеет адресацию. Это коммуникация между работником и работодателем, между человеком и властью. В личном деле есть «свидетельские

показания» — это характеристики начальников, отзывы о научной работе. Задачей комплекса документов личного дела из отдела кадров является проверка соответствия нанимаемого человека той должности, на которую он претендует.

Представленные в настоящей статье документы хранятся в личном деле А. М. Астаховой в фонде № 150 (Отдел кадров Пушкинского Дома) в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Перечислим виды этих документов: заявление о приеме на работу, личные листки по учету кадров, автобиографии, характеристики, отзывы о научной работе, выписки из приказов и протоколов, списки работ, заявление об увольнении в связи с выходом на пенсию, нотариально заверенные копии документов.

Ранее публиковались документы по защите диссертации А. М. Астаховой [Иванова 2014] и характеристика, данная ей заведующим отделом М. К. Азадовским [Комелина], которая отсутствует в личном деле Анны Михайловны. Документы относятся к периоду трудовой деятельности Астаховой с момента поступления ее в академический институт и до выхода на пенсию.

Хронологически первый документ — это заявление А. М. Астаховой о приеме на работу в академическое учреждение — Институт по изучению народов СССР (ИПИН), написанное 26 мая 1931 г., с приложением заполненного типового на то время бланка[1].

В управление делами Академии наук СССР
Заявление

Прошу принять меня в число сотрудников Академии наук СССР. Сообщаю при этом необходимые о себе сведения:

Фамилия, Имя и Отчество	*Астахова Анна Михайловна*
Время и место рождения	*1886 г. 22 VI г. Кронштадт*
Образовательный ценз	*Окон⟨чила⟩ Педагогич⟨еский⟩ институт в 1908 г. В 1921—24 гг. работала на курсах по подготовке науч⟨ных⟩ сотрудников (впоследств⟨ии⟩ Высшие курсы искусствоведения) при Г⟨осударственном⟩ И⟨нституте⟩ И⟨стории⟩ И⟨скусств⟩*
Национальность, гражданство	*Русская, СССР*
Отношение к воинской повинности	*—*
В какой партии состоит, с какого времени	*Беспарт⟨ийная⟩*

[1] При публикации и цитировании документов по возможности уточнена пунктуация, упорядочено употребление заглавных букв в названиях учреждений; в угловых скобках раскрываются сокращения слов.

В каком профсоюзе состоит, с какого времени	*Работ⟨ник⟩ просвещения с 1918 г., № 41869, секция научных работников*
Состав семьи (количество иждивенцев)	*Сын 18 лет студент (иждивенец)*
Основная профессия и специальность	*Педагог, преподават⟨ель⟩ русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩ и литературы. Научная специальность — фольклор*
Адрес и телефон	*Боровая 11—13 кв. 58 тел. 639*
Должность в АН, учреждение	—
Работал ли в АН до сего времени, кем и когда	—
В каких учреждениях работает вне АН	*В школе Ф⟨абрично⟩-З⟨аводской⟩ С⟨емилетки⟩, в Автод⟨орожном⟩ исследоват⟨ельском⟩ техникуме, в общеобразовательной школе «Красный Путиловец». До весны 1931 г. работала в качестве сверхштатного сотрудника 1-й кат⟨егории⟩ в ⟨ГИИИ⟩*[2]
Где работал до Революции, последние 5 лет, учреждение, должность	*В средних учебных заведениях Ленинграда преподавателем*
Где работает с начала Революции до настоящ⟨его⟩ времени	*В единой трудовой школе, на Высших курсах искусствовед⟨ения⟩ при Г⟨осударственном⟩ И⟨нституте⟩ И⟨стории⟩ И⟨скусств⟩, в вечерней школе для взрослых*
Общественная деятельность	*1) Секретарь Художест⟨венной⟩ под⟨секции⟩ Этнографического театра* *2) Председатель комиссии по проведению соцсоревнований между 15 и 13 школами ФЗС* *3). Член штаба по проверке и учету ударничества и некот⟨орой⟩ нагруз⟨ке⟩*
Привлекался ли к суду или следствию	*Нет*

26.5.1931 г. А. Астахова (Л. 2—2 об.).

Судя по предложенным для заполнения графам, работодателя интересуют как профессиональные навыки, опыт, так и общественные инициативы. Документ не включает графу «происхождение» — следовательно, институт не задается вопросом о социальном происхождении работника. Сведения личного характера скорее требуются для связи.

[2] Название ГИИИ в документе утрачено. До ИПИНа А. М. Астахова работала в Государственном институте истории искусств, а на 1931 г. это было Ленинградское отделение Государственной академии искусствознания (ЛОГАИС).

В Институт по изучению народов СССР (ИПИН) А. М. Астахова была принята на временную ставку научного сотрудника II разряда в июне 1931 г. на место Ирины Валерьяновны Карнауховой в связи с временной нетрудоспособностью последней.

Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
Институт по изучению народов СССР (ИПИН)

Ленинград, Тучкова наб. 2 а
Тел. 92-04 31 мая 1931 г. *№ 381*

В президиум АН СССР

Вследствие перевода с 1 июня с. г. научного сотрудника II разряда Карнауховой Ирины Валерьяновны на соцстрах ИПИН просит включить на занимаемую ею должность Астахову Анну Михайловну.

Замдиректора ИПИН Н. Маторин[3]
Ученый секретарь К. Вяткина[4]

В левом верхнем углу листа на заявлении имеется резолюция, написанная от руки:

Препятствий не встречается
На временное заместительство
До восстановления трудоспособности
т. Карнауховой
13/VI 31 ⟨...⟩ Полякова[5].

Далее в личном деле А. М. Астаховой следуют *личные листки по учету кадров* (1938, 1944, 1949, 1956, 1958). Из личного листка за 1938 г. мы узнаем, что А. М. Астахова имеет ученую степень кандидата литературоведения. На вопрос, была ли она за границей, исследовательница отвечает «да» и указывает, что летом 1914 г. она посетила Вену, Мюнхен, Париж, Дьепп и Марсель в рамках «экскурсии для педагогов, организов⟨анной⟩ научно-технич⟨еским⟩ общ⟨еством⟩ (Москва)» (1938. Л. 3), в дальнейшем целью поездки называет «туризм» (1944. Л. 5).

---

[3] Маторин Николай Михайлович (1989–1936) — этнограф, директор ИПИНа, впоследствии, после слияния с Музеем антропологии и этнографии, директор Института антропологии и этнографии АН СССР. Н. М. Маторин был одним из организаторов науки, репрессирован после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. за связь с Г. Е. Зиновьевым, отбывал наказание в лагере, в 1936 г. расстрелян. Его наследием и биографией занимались этнограф А. М. Решетов и религиовед М. М. Шахнович.

[4] Вяткина Капитолина Васильевна — этнограф, монголовед. В 1932–1933 гг. была ученым секретарем ИПИН.

[5] РО ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 2. № 121. Л. 1.

Информативным представляется документ, озаглавленный «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности».

дата		*Должность или выполняемая работа*	*Подробное название учреждения, организации или предприятия*	*Местонахождение учреждения или предприятия*
Вступ л⟨ения⟩	*ухода*			
Окт. 1908	*Август 1909*	*Препод⟨аватель⟩ русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩ и истории*	*Женское 8-классное училище Иоганнсон*	*г. Валк Лифляндия*
Авг. 1909	*Авг. 1918*	*Препод⟨аватель⟩ русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩ и истории*	*4-я женская гимназия*	*г. Тифлис*
Авг. 1912	*Авг. 1920*	*Препод⟨аватель⟩ русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩ и литерат⟨уры⟩*	*Женская гимназия Л. С. Мушниковой*[6]	*Ленинград*
Авг. 1912	*Авг. 1931*	—	*Женская гимназия Л. С. Таганцевой, потом 15 школа*[7]	*Ленинград*
Ноябрь 1920	*Май 1921*	*Препод⟨аватель⟩ грамот⟨ности⟩*	*Школы ликбеза Московско-Нарвского района*	*Ленинград*
Май 1922	*1929*	*Научный сотрудник сверх штата*	*Российский институт истории искусств*	*Ленинград*
Сент. 1923	*1929*	*Лектор и руководитель семинаров*	*Высшие курсы искусствознания*	*Ленинград*
Сент. 1930	*Авг. 1934*	*Препод⟨аватель⟩ русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩ и литерат⟨уры⟩*	*Автодорожный техникум*	*Ленинград*
Авг. 1929	*Авг. 1931*	*Преподават⟨ель⟩ русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩ и литературы*	*Общеобразовательная школа [для] взросл⟨ых⟩ «Красный Путиловец»*	*Ленинград*

(1938. Л. 3–4).

Типовая таблица, заполненная А. М. Астаховой, позволяет проследить историю ее перемещений на разных местах службы. Она работала в гимназиях и частных школах, затем в фабрично-заводской семилетке, школе ликбеза, автодорожном техникуме, в общеобразовательной школе для взрослых «Красный Путиловец». На протяжении 1920-х гг. фольклористке приходилось совмещать несколько мест работы, преподавая одновременно в разных

[6] В личном листке 1944 г. А. М. Астахова уточняет: б⟨ывшая⟩ Гедда (Л. 5–6).

[7] В личном листке 1944 г. фольклористка уточняет: «Женская гимназия Л. С. Таганцевой, с 1917 г. ед⟨иная⟩ труд⟨овая⟩ школа, с 1920 г. слита с б⟨ывшей⟩ Тенишевской — 15-я сов⟨етская⟩ школа» (Л. 5–6).

учебных заведениях. Сведения о зарплате имеются только по 1938 г. Один из документов сообщает следующее: «Установить старшему научному сотруднику А. М. Астаховой с 1 декабря 1938 г. оклад в сумме 750 рублей в месяц в связи с возложением на нее обязанностей секретаря Фольклорной комиссии» (Л. 85).

В личных листках А. М. Астахова указывает, что хорошо владеет немецким и французским языками и слабо английским, болгарским, сербским, белорусским, украинским. Свое семейное положение определяет как одинокая.

В листке по учету кадров от 1944 г. (дополненном, вероятно, в 1948 г.) она добавляет сведения об образовании: училась в Женском педагогическом институте в 1903–1908 гг., получила специальность «Преподаватель русского языка и литературы в средней школе», а также пишет, что не окончила «Высшие курсы искусствознания. Литерат⟨ура⟩ 1921–1924», ушла с третьего курса.

В 1920-е гг. А. М. Астахова преподавала в Российском институте истории искусств (РИИИ). В личном фонде фольклористки сохранились некоторые документы этого периода[8]. Она вела курс по стиховедению. Первая группа студентов должна была изучать историю метра и строфы («теоретические высказывания, степень распространения, писатели, культивирующие данный размер, жанры, тематика, связанные с данным размером»). Вторая группа — метрическую композицию («размеры, строфика, наблюдения, выводы, каталог»). Третья группа — ритмику размеров («необходимо изучить все ритмические особенности данного жанра»). Астахова-преподаватель предлагает студентам сорок тем для докладов по стиховедению, среди которых «История трехстопного ямба», «Метрическая композиция литературной песни до Дельвига», «Размеры стихов Жуковского» и др.

В 1923–1929 гг. А. М. Астахова вела также семинарий по фольклору в РИИИ. Приведем темы докладов / рефератов, написанных ее студентами:

1. З. Лукина «Драматические элементы в свадебных обрядах».
2. М. Мейерович «Низшая эпическая песня».
3. Б. И. Этингер «Композиция народной легенды».
4. Т. Гумайлова «Скафтымов. Поэтика и генезис былин».
5. «Сказка в свете новейшего исследования». Материал: Волков Р. М. «Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки». ГИЗ Украйны, 1924 г.[9]
6. П. Грошевой «Роль рифмы в великорусской пословице».
7. З. Н. Фруминой «Типы былинных запевов» (сб. Рыбникова, Гильфердинга, Кирши Данилова)[10].

[8] РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 724. Оп. 1. № 7. Л. 1 об.

[9] Автор доклада не указан.

[10] РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 724. Оп. 1. № 432.

Дополняются по данным личных листков сведения и о работе в академических институтах. С 1 июня 1931 по 1933 г. А. М. Астахова служит научным сотрудником Института по изучению народов СССР Академии наук; с 1933 по март 1939 г. — старшим научным сотрудником Института этнографии Академии наук; с марта 1939 г. — в Институте литературы[11] Академии наук. В сентябре 1945 г. она работает также по совместительству в Ленинградском государственном педагогическом институте им. М. Н. Покровского[12] в звании профессора, читает курс русского фольклора и ведет спецсеминары.

В личных листках имеются сведения о наградах и поощрениях. В январе 1941 г. А. М. Астахова получила почетную грамоту от обкома союза Высшей школы и Научно-исследовательских учреждений «За хорошую производственную и общественную работу». В мае 1945 г. Президиумом Верховного совета СССР она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». В 1946 г. получила медаль «За доблестный труд во время Вел⟨икой⟩ Отеч⟨ественной⟩ войны». В январе 1946 г. ей была вручена почетная грамота от Верх⟨овного⟩ Совета Карело-Финской СССР «За успешную научную работу в течение 15 лет».

На отдельных ненумерованных листках, приложенных к личному делу, имеются сведения о премировании А. М. Астаховой.

1938 г. 15 марта. Премирована президиумом Академии наук СССР за работу «Былины Севера» суммой 1500 рублей.

1935 г. 28 декабря. За проведение работы по собиранию фольклора в Московской области премирована суммой в 250 рублей.

1933 г. Премирована за ⟨нрзб⟩ работу премией в сумме 100 рублей.

Из личных листков мы узнаем, что после войны А. М. Астахова сменила адрес: теперь она жила не на Боровой ул., а на 8-й Советской, 42, кв. 5.

Личные листки по учету кадров содержат также сведения о семье. В 1944 г. А. М. Астахова пишет: «Отец полковник в отставке умер в 1903 г., мать из мещан умерла в 1893 г.» (1944. Л. 5–6). Несколькими годами позже происхождение матери и отца она указывает «из разночинцев»; к семье относит семью сына: «сын 36 л., невестка 31 г., внучка 2 года» (1949. Л. 7–8). В личном листке по учету кадров от 1958 г. содержатся годы рождения сына (Виктора Викторовича Астахова), невестки (Ирины Михайловны Колесницкой)[13] и внучки: сын 1912 г. рождения, невестка 1917 г., внучка 1947 г. (1958. Л. 11–12).

---

[11] Таково название Института русской литературы (Пушкинский Дом) на данный период.

[12] Ленинградский (Городской) педагогический институт им. М. Н. Покровского был основан в 1932 г.; объединен в 1957 г. с Ленинградским государственным педагогическим институтом им. А. И. Герцена.

[13] Ирина Михайловна Колесницкая (1917–1994) — фольклорист; преподавала в ЛГУ. См. о ней: [Иванова 1996].

В личном деле А. М. Астаховой имеются *автобиографии* 1936, 1947, 1949, 1954, 1956 и 1958 гг., существенно дополняющие круг сведений об исследовательнице. Первая автобиография представлена в Приложении к нашей статье. Она менее формализована, в ней содержится информация о личной жизни и семье фольклористки. Вероятно, именно эта автобиография легла в основу некролога, написанного коллегами — М. Я. Мельц и В. В. Митрофановой [Мельц, Митрофанова].

Все последующие автобиографии начиная с 1947 г. (Л. 19–22): представленная в Приложении автобиография 1949 г. (Л. 23–25), автобиография 1954 г. (Л. 26–29), автобиография 1956 г. (Л. 30–34) и, наконец, автобиография 1958 г. (Л. 35–36 об.) — повторяют один и тот же текст с незначительными изменениями.

В тексте от 8 июня 1954 г. указано, что А. М. Астахова исполняла обязанности заведующего Отделом фольклора с 1949 до марта 1950 г. (Л. 27 об.), а в педагогическом институте им. М. Н. Покровского, кроме курса по фольклору, вела спецсеминар по теме «Литература и фольклор» (Л. 28 об.). В документе от 2 апреля 1958 г., описывая основные линии научной работы, вместо советского фольклора указала «вопросы истории фольклора и истории науки о народном творчестве» (Л. 36 об.).

Приведем два документа, проливающие свет на короткое пребывание А. М. Астаховой в должности заведующего Сектором фольклора в Институте русской литературы. После увольнения М. К. Азадовского в ходе позорной антикомпаративистской кампании в августе 1949 г. на его место заведующего Отделом фольклора была назначена А. М. Астахова. Это решение принималось на уровне Президиума Академии наук.

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

4 августа 1949 г.
Протокол № 40 РЗ
§ 150
О заведующем сектором Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (представление бюро Отделения литературы и языка)

Докладчик академик А. В. Топчиев
Освободить доктора филологических наук Азадовского Марка Константиновича от обязанностей заведующего Сектором фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР на основании ст. 47 п. «ж» Кодекса законов о труде.
Утвердить доктора филологических наук Астахову Анну Михайловну заведующей Сектором фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

П.п. Вице-президент
Академии наук СССР, академик — И. П. Бардин
Главный ученый секретарь Президиума
Академии наук СССР, академик — А. В. Топчиев (Л. 86).

Однако уже в марте 1950 г. А. М. Астахова по своему желанию отказывается от занимаемой должности. Об этом сообщается в выписке из приказа № 19 по Институту русской литературы от 4 марта 1950 г. В документе сообщается: «Освободить доктора филол⟨огических⟩ наук А. М. Астахову по личному ее желанию от выполнения обязанностей зав. Сектором с 6-го марта 1950 г. и перевести ее на ставку старшего научного сотрудника сектора фольклора с окладом 4000 р. с того же 6 марта 1950 г. Впредь до назначения нового зав. Сектором фольклора исполнение обязанностей зав. Сектором фольклора временно возложить на зав. Сектором древней русской литературы Института, члена-корр. АН СССР В. П. Адрианову-Перетц с сохранением за ней должности завед⟨ующего⟩ Сектором древней русской литературы» (Л. 87).

В. П. Адрианова-Перетц в некрологе А. М. Астаховой пишет: «Природная скромность, некоторая неуверенность в своих организационных способностях побуждали ее отказываться от основной роли руководителя коллективом фольклористов» [Адрианова-Перетц, с. 239].

В личном деле хранятся документы, удостоверяющие статус исследовательницы. Это *копии дипломов* доктора наук и профессора. В нотариально заверенной копии докторского диплома говорится: «Решением высшей аттестационной комиссии от 12 мая 1945 г. (протокол № 11) гражданке Астаховой Анне Михайловне присуждена ученая степень доктора филологических наук» (Л. 37). Аттестат профессора датирован 17 апреля 1948 г., получен по кафедре «русская литература (курс фольклора)» (Л. 38).

Далее следуют *характеристики*. Обычно в них не указывается, кем они составлены, подписаны же они директором Института. Некоторые документы предназначены для Василеостровского райкома партии и имеют об этом заметку на обороте. Три характеристики датируются концом 1940-х гг. (одна без даты и две другие 1949 г.).

В недатированной характеристике, подписанной заместителем директора В. П. Городецким и ученым секретарем А. И. Перепеч, говорится, что «А. М. Астахова является крупным научным работником в области изучения русского фольклора»; далее перечисляются ее основные работы. «А. М. Астахова принимает активное участие в научно-исследовательской и общественной жизни Института литературы», а «в тяжелую для Ленинграда зиму 1941—1942 годов А. М. Астахова оставалась на своем посту, подготовляя в это время сборник „Народные песни о защите родины“

и своей работой в качестве председателя месткома много содействовала Институту в деле создания соответствующих условий для плановой научной работы» (Л. 39).

В характеристике от 27 апреля 1949 г. (Л. 40–40 об.), подписанной исполняющим обязанности директора Института литературы АН СССР Н. Ф. Бельчиковым, отдельно говорится о просветительской работе, которую вела фольклористка: «По линии пропаганды научных знаний А. М. Астахова неоднократно выступала в Ленинградском лектории горкома и других общественных организациях с лекциями о народном творчестве» (Л. 40 об.). Далее сообщается об ее активной работе в месткоме.

В характеристике от 20 июня 1949 г. (Л. 41–41 об.). А. М. Астахова значится заведующим Сектором фольклора: «В системе Академии наук СССР А. М. Астахова работает в качестве научного сотрудника с 1931 г., с 1939 г. по 1949 г. в качестве старшего научного сотрудника Сектора фольклора ⟨...⟩ с 1949 г. — Зав. Сектором фольклора». В характеристике указывается, что главные научные достижения исследовательницы находятся в области изучения былин, говорится о первой экспедиции в Заонежье и последующих экспедициях, об издании «Былин Севера», указывается количество работ. «Во время Великой Отечественной войны А. М. Астахова оставалась в Ленинграде до июля 1942 г. и участвовала в оборонной работе Института литературы АН СССР». Далее отмечается ее педагогическая работа; она характеризуется как «активная общественница». Характеристика подписана замдиректора Б. П. Городецким, А. И. Перепеч и председателем месткома В. К. Зажурило.

Все эти характеристики, имеющиеся в личном деле А. М. Астаховой, по сути, не касаются научной биографии ученого, а являются свидетельством ее благонадежности как советского человека. По понятным причинам формальны характеристики от 18 октября 1956 г. (Л. 42–44) и от 27 декабря 1956 г. (Л. 45–47), связанные с юбилеем фольклористки: в 1956 г. на открытом заседании Сектора народного творчества отмечалось 70-летие Астаховой.

Существенно отличается от всех предшествующих характеристик документ от 14 мая 1958 г. (Л. 48–50). Автор его, вероятно, Б. Н. Путилов, бывший в это время заведующим сектором. В отличие от предыдущих характеристик он описывает научную биографию и научные заслуги А. М. Астаховой: «Научная деятельность А. М. Астаховой, развернувшаяся с 1926 г., посвящена целиком изучению русского фольклора. А. М. Астахова принадлежит к тому поколению ученых, трудами которых закладывались основы советской фольклористики.

В 1920–1930-е гг. А. М. Астахова выступала как участник и один из инициаторов развертывания собирательской работы по фольклору на новых

методологических и методических принципах ⟨...⟩ А. М. Астахова принадлежит к тому типу ученых-фольклористов, которые органически соединяют работу собирателя и исследователя. Накопленный ею большой фактический материал послужил основой фундаментальных исследований — „Былины Севера“ (2 т.), „Русский былинный эпос на Севере“ и ряда статей ⟨...⟩ Эти труды проникнуты глубоким вниманием к живым процессам народного творчества. Привлекая ценный материал, исследователь показывает существо тех творческих изменений, которые претерпел русский былинный эпос в северный период своего бытования» (Л. 49). Характеристика подписана директором А. С. Бушминым, секретарем парторганизации В. В. Тимофеевой и председателем месткома К. Д. Муратовой.

Следующая краткая характеристика (Л. 51), подписанная Б. Н. Путиловым, помещена нами в Приложении.

Последняя характеристика, 1963 г., вероятно, связана с прохождением А. М. Астаховой по конкурсу на продление трудового договора. Она касается работы фольклористки в 1959–1963 гг. (Л. 52). Б. Н. Путилов называет Астахову «ведущим и авторитетнейшим сотрудником Института, ⟨она⟩ принимает самое активное участие во всех делах Сектора». И в заключение замечает, что «энергия и инициатива А. М. Астаховой как ученого являются примером для Сектора», а «ее деятельность в качестве старшего научного сотрудника необходима Сектору».

Далее в личном деле следуют два отзыва о научной деятельности А. М. Астаховой 1958 г. Один отзыв, Б. Н. Путилова (Л. 53–55), помещен нами в Приложении; другой, от 16 мая 1958 г., принадлежит В. Е. Гусеву (Л. 56–57). Эти отзывы связаны с выдвижением А. М. Астаховой в члены-корреспонденты Академии наук. В. Е. Гусев отмечает: «Несмотря на свой возраст А. М. Астахова с необыкновенной энергией, неутомимостью, активностью и дисциплинированностью участвует во всех научных мероприятиях Сектора народного творчества ⟨...⟩, руководит аспирантами, систематически перевыполняет свой индивидуальный план научно-исследовательской работы.

Без преувеличения можно сказать, что научный и моральный авторитет А. М. Астаховой выделяет ее среди советских фольклористов и снискал ей всеобщее уважение. А. М. Астахова достойно представляет отечественную фольклористику в Академии наук СССР и вполне заслуживает быть кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР» (Л. 57–58).

Избрание А. М. Астаховой в члены-корреспонденты АН СССР, как известно, не состоялось.

К личному делу приложены также списки научных работ А. М. Астаховой 1954, 1957, 1958 гг. и с 1959 по 1963 г.

Последние документы в личном деле А. М. Астаховой связаны с ее уходом на пенсию. 3 июня 1965 г. она пишет заявление: «Прошу освободить меня с 1 июля с. г. от занимаемой мною должности ввиду ухода моего на пенсию» (Л. 90). Согласно выписке из приказа № 87 от 21 июня 1965 г., было решено «освободить от работы ⟨...⟩ и объявить ей благодарность за многолетнюю добросовестную работу в институте» (Л. 91).

Жизненный и научный путь Анны Михайловны Астаховой демонстрирует один из вариантов биографии женщины-ученого в советском государстве. Документы делопроизводства отражают ее карьеру в академическом институте от рядового сотрудника до доктора наук и кандидата в члены-корреспонденты. Вероятно, именно такая хронологическая выстроенность личного дела Астаховой и показывает ее кажущуюся «успешность». Но за сухими и формальными документами, содержащими сведения о ее достижениях, награждениях и карьерном росте, скрываются не высказанные в официальных документах идеологические ограничения и борьба с «неправильными» теориями и уклонами, которые пришлось довольно успешно пережить Анне Михайловне.

Ниже в Приложении публикуются четыре документа из личного дела А. М. Астаховой. При подготовке текстов к печати уточнены знаки препинания, упорядочено использование заглавных букв при названиях учреждений и их подразделений. В угловых скобках раскрываются сокращения. Примечания приводятся отдельно для каждого документа.

Источники

РО ИРЛИ. Ф. 150 (Отдел кадров). Оп. 2. Ед. хр. 121. Индекс № 350. Личные дела сотрудников, выбывших из института в 1965 г. И. 1 (А–Б). 160 л.

РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 724. Оп. 1. № 432. Архив А. М. Астаховой. Доклады (7) по фольклору на семинарских занятиях на Высших курсах при Государственном институте истории искусств. Автограф. 1923–1929. 78 л.

РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 724. Оп. 1. № 7. Архив А. М. Астаховой. Учебно-методические материалы для семинаров по историографии русской литературы XVIII–XIX вв.; метрике стихов русских поэтов на Высших курсах при Гос. Ин-те истории искусств: планы семинарских занятий, каталоги размеров стихов и др. 1923–1929. 114 с.

Литература

Адрианова-Перетц — *Адрианова-Перетц В. П.* Памяти Анны Михайловны Астаховой (1886–1971) // Русская литература. 1971. № 4. С. 237–239.

Астахова — А. М. Астахова (к 70-летию со дня рождения) // Русский фольклор. М.; Л.: Наука, 1956. Т. 1. С. 303–305.

Иванова 1996 — *Иванова Т. Г.* Ирина Михайловна Колесницкая (отдавая долги своим учителям) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 132–138.

Иванова 2014 — *Иванова Т. Г.* Документы по защите докторской диссертации А. М. Астаховой / Публ. и коммент. Т. Г. Ивановой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2014. Вып. 9. С. 150–194.

Каспэ — *Каспэ И.* От редактора // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Сб. ст. / Под ред. И. М. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 5–14.

Комелина — *Комелина Н. Г.* Письма А. М. Астаховой к М. К. Азадовскому (июнь — декабрь 1942 года) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Г. Комелиной // Русская литература. 2013. № 4. С. 104–133.

Лихачев — *Лихачев Д. С.* Слово об Анне Михайловне Астаховой // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Ст. и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 466–469.

Мельц, Митрофанова — *Мельц М. Я.*, *Митрофанова В. В.* Памяти А. М. Астаховой (1886–1971) // Русский фольклор. М.; Л.: Наука, 1972. Т. 13. С. 260–265.

Чистов — *Чистов К. В.* Анна Михайловна Астахова: Некролог // Этнографическое обозрение. 1971. № 4. С. 105–107.

References

Adrianova-Perets, V. P. (1971). ‘Pamiati Anny Mikhailovny Astakhovoi (1886–1971)’ [‘In Memory of Anna Mikhailovna Astakhova (1886–1971)’], *Russkaia literatura*, 4, 237–239. (In Russ.)

Chistov, K. V. (1971). ‘Anna Mikhailovna Astakhova. Nekrolog’ [‘Anna Mikhailovna Astakhova. Obituary’], *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographic Review*], 4, 105–107. (In Russ.)

Ivanova, T. G. (1996). ‘Irina Mikhailovna Kolesnitskaia (otdavaia dolgi svoim uchiteliam)’ [‘Irina Mikhailovna Kolesnitskaya (Paying Back to Our Teachers)’], *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographic Review*], 6, 132–138. (In Russ.)

Ivanova, T. G. (2014). ‘Dokumenty k zashchite doktorskoi dissertatsii A. M. Astakhovoi’ [‘Documents Related to the Defense of the Doctoral Dissertation of A. M. Astakhova’], in: *Iz istorii russkogo fol'klora* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 9, 150–194. (In Russ.)

Kaspe, I. M. (2013). ‘Ot redaktora’ [‘From the Editor’], in: Kaspe, I. M., ed., *Status dokumenta: itogovaia rabota ili ch'e-to svidetel'stvo?* [*Document Status: Final Paper or Alienated Evidence? A Collection of Articles*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 5–14. (In Russ.)

Komelina, N. G. (2013). ‘Pis'ma A. M. Astakhovoi M. K. Azadovskomu (iiun' — dekabr' 1942 g.)’ [‘Letters from A. M. Astakhova to M. K. Azadovsky (June — December 1942)’], *Russkaia literatura*, 4, 104–133. (In Russ.)

Likhachev, D. S. (1985). ‘Slovo ob Anne Mikhailovne Astakhovoi’ [‘A Tribute to Anna Mikhailovna Astakhova’], in: Likhachev, D. S. *Proshloe — budushchee: stat'i i esse’* [*The Past to the Future: Articles and Essays*]. Leningrad: Nauka Publ., 466–469. (In Russ.)

Mel'ts, M. Ia., Mitrofanova, V. V. (1972). ‘Pamiati A. M. Astakhovoi (1886–1971)’ [‘In Memory of A. M. Astakhova (1886–1971)’], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ. Vol. 13, 260–265. (In Russ.)

Приложение

I. Автобиография 1936 г.

Л. 13–18 об. Рукопись. Синие чернила.

Автобиография

Родилась в 1886 г. в гор⟨оде⟩ Кронштадте. Отец мой, Мих⟨аил⟩ Григ⟨орьевич⟩ Астахов, был офицер из инженерных кондукторов, сын кандидата на классную должность, служившего вахтером в Технологическом институте, из мещан (а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, из крестьян — точно не знаю). Умер в 1903 г. в чине полковника в отставке. Мать (из мещан) умерла в 1892 г. Имущества у родителей никакого не было. После смерти матери близкое отношение имела ко мне тетка, родная сестра отца, Мар⟨ия⟩ Григ⟨орьевна⟩ Шафринова, вдова, по специальности акушерка и фельдшерица, которая в течение 36 лет заведовала детскими яслями при табачной фабрике, до революции принадлежавшей Богданову[1], после революции 2-й государственной. В 1927 г. тетка вышла на пенсию, в 1929 г. умерла. Вообще все мои родственники принадлежали и принадлежат к трудовым слоям, никто не лишался и не лишен избирательных прав, в войсках или учреждениях белых правительств никто не служил, за границей никого нет.

В 1903 г. я окончила среднее учебное заведение (училище ордена Екатерины в Петербурге[2]) и поступила в Женский педагогический институт[3]. Получая после отца небольшую пенсию, которой не хватало, я с того же года начала давать уроки. Жила со своей сестрой, которая училась в Консерватории. В 1904 г. окончила кратковременные курсы сестер милосердия. В 1905–1906 гг. принимала участие в студенческой соц⟨иал⟩-дем⟨ократической⟩ организации (большевик⟨ов⟩), исполняя поручения по распространению большевистской литературы и революц⟨ионных⟩ открыток по сбору денег на оружие. Участие мое в революционном движении 1905/06 г. длилось месяцев 8 и прервалось сильным нервным заболеванием.

В 1908 г. окончила Ж⟨енский⟩ пед⟨агогический⟩ институт по словесному факультету и получила звание учительницы средних учебных заведений по рус⟨скому⟩ яз⟨ыку⟩ и словесности. С этого года непрерывно работала в качестве преподавателя русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩, литературы и истории (последний предмет преподавала только первые годы в средних учебных заведениях: в 1908 г. в гор⟨оде⟩ Валке Лифляндск⟨ой⟩ губ⟨ернии⟩, в 1909 г. в г. Тифлисе, с 1912 г. в Петербурге — в частных женских гимназиях. С начала революции работала в Ленинграде в 15-й трудовой школе 2-й ступ⟨ени⟩. По совместительству работала: в 1919–20 гг. (около 1½ г.) в школе ликбеза (пройдя предварительно специальную подготовку на курсах по ликбезу для преподавателей);

с осени 1929 г. в течение 2-х лет — в вечерней общеобразовательной школе для рабочих «Красный Путиловец»; с осени 1930 г. по весну 1934 г. (3½ г.) в Автодорожном вечернем техникуме.

В школе, кроме чисто преподавательской деятельности, все время вела методическую работу. В 15-й школе с 1920 г. до 1931 г. (уход из школы в связи с поступлением на службу в Акад⟨емию⟩ наук) состояла председателем методической комиссии по русск⟨ому⟩ яз⟨ыку⟩. В последние годы, когда школа была сделана опорной, состояла членом Совета по опорности. Работала в районной предметной комиссии и при Райпедстанции[4], где мной прочитан был ряд методических докладов. Проводила методические конференции для преподавателей трудовых школ.

Принимала участие в съездах словесников в 1916/17 г. в Москве, в 1921 г. в Ленинграде и во всех конференциях просвещенцев в Ленинграде.

По линии общественной работала с начала революции по школьному самоуправлению. С 1924 г. в течение нескольких лет непрерывно избиралась от школьного совета в Учком[5] в качестве члена учебно-воспитательного сектора. С осени 1929 г. была секретарем, а затем председателем комиссии по проведению соцсоревнования между тремя школами (13-й, 14-й, 15-й) и в штабе по проверке и учету соцсоревнования и ударничества внутри 15-й школы. В 1929–30 гг. работала по борьбе с неграмотностью. По поручению Облоно[6] работала в Комиссии по обследованию преподавания русск⟨ого⟩ яз⟨ыка⟩ и литературы в школах Ленинграда (точно год не помню). Кроме того, в течение многих лет руководила ученическими кружками (литературным и драматическим).

Научной работой стала заниматься с 1921 г., не порывая с преподавательской. В 1921 г. я поступила на литературное отделение курсов по подготовке научных работников при Госуд⟨арственном⟩ инст⟨итуте⟩ истор⟨ии⟩ искусств, преобразованные затем в Высшие курсы искусствознания. Осенью 1922 г. зачислена была научным сотрудником 2-го разряда сверх штата Института. Весною 1923 г. была приглашена читать лекции на Высших курсах искусствознания и выбрана Разрядом ЛИТО[7] в сверхштатные научные сотрудники 1-й категории. Вследствие этого курсы сама не закончила. В этот период работала преимущественно по литературе XVIII и XIX вв. и по вопросам поэтики. Преподавателем курсов оставалась до 1929 г. — до момента их закрытия. Читала курс по историографическому введению в литературу XVIII и XIX вв. и вела семинары по вопросам стихосложения и по фольклору.

С 1926 г. с образованием Крестьянской секции при Социологическом комитете ГИИИ стала работать специально по фольклору. В 1926–29 гг.

принимала участие в 4-х северных комплексных искусствоведческих экспедициях: в Заонежье, на Пинегу, Мезень и Печору. С момента создания фольклорного кабинета в ГИИИ (впоследствии ЛОГАИС) вплоть до его передачи в Академию наук состояла членом Кабинета[8] в качестве сотрудника 1-й категории сверх штата.

По линии общественной с марта 1930 г. по декабрь 1931 г. являлась секретарем Художеств⟨енно⟩-политического совета Этнографич⟨еского⟩ театра[9], куда была делегирована ГИИИ.

Научно-исследовательск⟨ую⟩ работу в этот период вела урывками, в немногие свободные от преподават⟨ельской⟩ работы часы и в каникулярное время.

С 1 июня 1931 г. была зачислена на службу в Академию наук СССР в Институт по изучению народов СССР (ИПИН) научным сотрудн⟨иком⟩ 2-й кат⟨егории⟩ Фольклорной секции. Тогда же оставила среднюю школу, сохранив уроки в Автодорожн⟨ом⟩ техникуме. В конце 1932 г. переведена в научные сотрудники 1 разр⟨яда⟩. В начале 1933 г., при слиянии ИПИН и М⟨узея⟩ А⟨нтропологии⟩ ⟨и⟩ Э⟨тнографии⟩ и образовании Института антропологии и этнографии, перешла в этот институт. Как член Фольклорной секции вела и веду работу 1). По организации рукописного хранилища при Ф⟨ольклорной⟩ с⟨екции⟩, 2). По разработке вопросов в области изучения дооктябрьского и послеоктябрьского фольклора (рабочий фольклор, колхозный фольклор, фольклор Гражданской войны, судьба фольклорного наследия в современности и др.). Руководила фольклорными экспедициями 1932 и 1933 г. в Карелию, организован⟨ными⟩ Кар⟨ельским⟩ научно-исслед⟨овательским⟩ инст⟨итутом⟩ культуры Б⟨азы⟩ А⟨кадемии наук⟩ и Фольклорной секцией, участвовала в экспедиции 1934 г. в Бурят-Монголию, в 1934/35 гг. — в фольклорных экспедициях Мособлисполкома по изучению фольклора Московской области. За все время моей собирательской работы мною лично записано более 7000 номеров различных видов фольклора. Значительная часть материалов хранится в Рукописном хранилище Фольклорной секции.

Принимала участие в Этнографической конференции весной 1932 г. в Ленинграде и в Фольклорном совещании, организованном Оргкомитетом Союза советск⟨их⟩ писателей в декабре 1933 г.

За производственную работу в Фольклорной секции была Институтом 2 раза премирована ко дню ударника (к 1 янв⟨аря⟩ 1933 г. и к 1 янв⟨аря⟩ 1935 г.). Президиум Акад⟨емии⟩ наук СССР по представлению квалификационной комиссии по Общественным наукам присудил мне степень кандидата литературоведения без защиты диссертации.

По общественной линии в этот период академической службы работала: в 1931–32 гг. по ликбезу на текстильной фабрике им. 1-го Мая, где Фольклорной секцией велась работа по собиранию фольклора; с нач⟨ала⟩ 1932 до нач⟨ала⟩ 1933 г. состояла членом Профбюро и руководила сектором зарплаты и нормирования. В 1933 и первой половине 1934 г. работала по соцсоревнованию и ударничеству. В конце 1935 г. состояла помощником профорга. Кроме того, исполняла ряд отдельных поручений.

В 1932–34 гг. являлась председателем Комиссии по детскому быту, языку и фольклору в Госуд⟨арственном⟩ географическом обществе, действительным членом которого состою с марта 1932 г.

С 1918 г. состою в Союзе (до 1935 — Рабпрос, с 1935 — ВУЗ и НИУ[10]) с 1926 г. в секции научн⟨ых⟩ работников.

Живу в настоящее время одна. Состояла в фактическом браке с Круковским Викт⟨ором⟩ Владим⟨ировичем⟩ (был студентом-медиком в Одессе, сын врача, еврей), от которого имею сына (работает в Рыбинске на Волгострое). Связь с Круковским потеряла с начала Империалистич⟨еской⟩ войны, на которую он ушел заурядным врачом.

Состояние здоровья моего удовлетворительное. Считаю целесообразным использование меня и в дальнейшем на работе научно-исследовательской и архивной.

А. Астахова
24/ V. 1936 г.

В политических партиях не состояла. Никаких взысканий по работе не имела. Под судом и следствием не состояла. Указанные в автобиографии моменты, относящиеся к моей личной жизни, может подтвердить сестра моя Елен⟨а⟩ Мих⟨айловна⟩ Солнышкова (Боровая ул., д. 11/13, кв. 58); моменты, относящиеся к моей педагогической и общественной работе в 15-й школе, — кто-либо из моих бывших сослуживцев, хотя бы бывший заведующий 15-й школы Степ⟨ан⟩ Вас⟨ильевич⟩ Евтифеев (Моховая ул., д. 33) или бывш⟨ая⟩ препод⟨авательница⟩ 15-й шк⟨олы⟩ Лид⟨ия⟩ Ильин⟨ична⟩ Степанова (Кировский пр., д. 63, — кажется, точно не помню).

[1] Табачная фабрика А. Н. Богданова была основана в 1864 г. К 1870-м гг. предприниматель владел большими участками земли в Петербурге. В доме № 71 на Николаевской ул. круглые сутки работали Богдановские ясли на 60 детей фабричных работниц.

[2] Санкт-Петербургское училище ордена Святой Екатерины было основано в 1798 г. и предназначалось для дочерей потомственных дворян, которые имели офицерский чин или соответствующий гражданский чин. Учебное заведение находилось в ведении канцелярии императрицы Марии Федоровны; располагалось на наб. Фонтанки, 36, в здании, построенном по проекту Дж. Кваренги.

[3] Женский педагогический институт (1903–1918), располагавшийся на Малой Посадской ул., 26, относился к системе учреждений императрицы Марии Федоровны. Целью института была подготовка преподавательниц для женских учебных заведений. Институт имел словесно-историческое и физико-математическое отделения (года обучения). В 1918 г. Институт был преобразован в 1-й Петроградский государственный педагогический институт.

[4] Райпедстанция — Районная педагогическая станция. Методическая структура в сфере образования в 1920-е гг.

[5] Учком — ученический комитет. Структура в школах 1920-х гг.

[6] Облоно — Областной отдел народного образования.

[7] ЛИТО — Литературный отдел Государственного института истории искусств.

[8] Имеется в виду Кабинет фольклора.

[9] Этнографический театр, поначалу с названием «Экспериментальный театр», был создан в 1923 г. В. Н. Всеволодским-Гернгроссом. В 1930 г. стал сотрудничать с этнографическим отделом Русского музея (ныне Российский этнографический музей) и получил сцену в Мраморном зале музея.

[10] Имеется в виду Союз работников просвещения, трансформированный в 1935 г. в Союз работников высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений.

II. АВТОБИОГРАФИЯ 1949 г.

Л. 13–18 об. Машинопись.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родилась в 1886 г. в семье младшего офицера минной роты кр⟨епости⟩ Кронштадта. Получила среднее образование в Екатерининском институте в Петербурге, высшее — в Женском педагогическом институте там же. В возрасте 6-ти лет лишилась матери, 16-ти — отца. С 1903 г. — год окончания среднего образования и год смерти отца — начала самостоятельную трудовую жизнь: учась в Педагогическом институте, давала частные уроки. Окончив в 1908 г. Педагогический институт по словесно-историческому отделению, начала преподавательскую работу по русскому языку, литературе и истории в средних учебных заведениях, которую вела до осени 1934 г. С 1920 г. по 1931 г. в 15-й Советской школе в Ленинграде возглавляла методическую комиссию по русскому языку и литературе и принимала активное участие в Районной предметной методической комиссии и в работах Райпедстанции. В годы 1920–1922 вела, кроме того, работу в школах ликбеза, пройдя перед тем специальную подготовку на краткосрочных курсах.

Научно-исследовательской работой по литературоведению и фольклору начала заниматься с осени 1921 г., когда поступила на Курсы по подготовке научных сотрудников 2-й категории при Государственном ин⟨ститу⟩те истории искусств (ГИИИ), преобразованные в следующем году в Высшие курсы искусствознания.

Весною 1922 г. получила звание научного сотрудника ГИИИ 2-й категории, а весною 1923 г. была приглашена читать лекции на тех же курсах, где одновременно продолжала учиться. Тогда же в 1923 г. избрана была Ученым советом ГИИИ научным сотрудником 1-й категории вне штата. С 1923 по 1929 г. читала на курсах введение в русскую литературу XVIII и начала XIX вв. и вела семинары по тому же предмету, кроме того, по стиховедению и по народному творчеству. В 1926 г. напечатана моя первая работа по ритмике пятистопного хорея («Поэтика», временник Слов⟨есного⟩ отд⟨ела⟩ ГИИИ, вып. 1. Л., 1926)[1]. В том же году приняла участие в комплексной искусствоведческой экспедиции в Заонежье. Этой экспедицией открылись мои поездки на Север (Заонежье, Пинега, Мезень, Печора, Карелия, Поморье), в Московскую и Ленинградскую области и в Восточную Сибирь с целью собирания и изучения народного творчества. Всего в период с 1926 по 1937-й год я участвовала в 10 экспедициях, значительную часть которых и возглавляла. Мною собрано свыше 10 тысяч фольклорных произведений (преимущественно по былинам, песням, частушкам, причитаниям и заговорам), хранящихся в фольклорном архиве Отдела фольклора Института литературы АН СССР. В 1932 г. была избрана действительным членом Государственного географического общества.

1 июня 1931 г. поступила научным сотрудником в Институт по изучению народов СССР АН (ИПИН), который в 1933 г. слился с Институтом этнографии (ИАЭ). И в том и в другом институте работала в Отделе фольклора сперва младшим, потом (с 1933 г.) старшим научным сотрудником, секретарем отдела (бессменно до 1941 г.) и заведующим Рукописным хранилищем отдела (коим и продолжаю быть). В марте 1939 г. Отдел фольклора был переведен в Институт литературы (ИЛИ), где и продолжаю работать. С 1943—1945 гг. временно исполняла обязанности заведующего Отделом фольклора[2].

В 1935 г. особой квалификационной комиссией при Президиуме Ак⟨адемии⟩ наук мне присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации[3].

14 декабря 1944 г. я защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Северный период в истории русской былины», в данной степени утверждена Высшей аттестационной комиссией В⟨сесоюзного⟩ К⟨омитета⟩ В⟨ысшей⟩ Ш⟨колы⟩ (протокол № 11 от 12 мая 1945 г.; диплом Ф. Л. № 000142).

В продолжение своей работы в Академии наук принимала активное участие в ряде совещаний и конференций по этнографии и фольклору и в съездах писателей и народных сказителей, выступала на этих совещаниях с докла-

дами и в прениях. Вела консультационную работу в помощь работникам по фольклору на местах. Особенно тесно была связана в течение многих лет с Карело-Финским научно-исследовательским институтом культуры, ныне Институтом Карело-Финской базы АН СССР, членом ученого совета которого состою и в настоящее время. Под моей редакцией вышли многие издания этого института.

Имею свыше 60 печатных работ и свыше 20 подготовленных к печати и печатающихся.

За период работы в Акад⟨емии⟩ наук была неоднократно премирована дирекцией институтов, в которых работала. В 1933 г. была премирована Президиумом АН за книгу «Былины Севера» (денежная премия в размере 1500 р.). За высокие показатели научной и общественной работы в 1940 г. премирована почетной грамотой Обкома Союза В⟨ысшей⟩ Ш⟨колы⟩ и Н⟨ауч-но⟩-И⟨сследовательских⟩ У⟨чреждений⟩, в связи с 220-летием АН премирована почетной грамотой Президиума АН. Имею также почетную грамоту за 15 лет работы в Карелии от Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР и медали «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны» и «За оборону Ленинграда».

С 1 сентября 1945 г. в порядке совместительства (на полставке) читаю курс русского фольклора в Педагогическом институте им. Покровского. В июне 1947 г. на заседании Ученого совета Института избрана профессором по кафедре русской литературы, в данном звании утверждена Высшей аттестационной комиссией при Министерстве высшего образования (протокол № 8 от 17 апреля 1948 г.).

По общественной линии вела следующую работу: в школе по школьному самоуправлению, по проведению и учету соцсоревнования, по организации кружковой работы и по руководству литературным и драматическими кружками; в Академии наук — в качестве членов профбюро и месткомов. В 1930–1931 гг. была секретарем Художественно-политического совета Этнографического театра (была делегирована в Худ⟨ожественно⟩-полит⟨ический⟩ совет Гос⟨ударственным⟩ институтом истории искусств). В 1932–1934 гг. была председателем Комиссии по детскому быту, языку и фольклору в Географическом обществе. Во время Великой Отечественной войны (до своей эвакуации в Казань 12 июля 1942 г.) состояла начальником санпункта[4] Института литературы и принимала участие во многих оборонных работах. После своего возвращения в Ленинград в мае 1944 г. активно участвовала в восстановительных работах Института. В настоящее время состою членом месткома, в котором возглавляю производственный сектор.

Основные линии моей научной работы в настоящее время — исследование народного эпического творчества и изучение путей развития советского фольклора.

А. Астахова
22 апреля 1949 г.

[1] *Астахова А. М.* Из истории и ритмики хорея // Поэтика: Сб. ст. Л.: Academia, 1926. С. 54–65. (Временник Отдела словесных искусств; [Вып.] 1).

[2] А. М. Астахова, находясь в эвакуации в Казани, в отсутствии М. К. Азадовского, который жил в Иркутске, номинально исполняла обязанности заведующего Отделом фольклора.

[3] Практика присвоения научных степеней, учрежденных в 1930-е гг., без защиты диссертаций, по совокупности научных трудов, была обычной в предвоенное время.

[4] Санпункт — санитарный пункт.

III. Характеристика А. М. Астаховой

Л. 23–25. Машинопись

ХАРАКТЕРИСТИКА
Анны Михайловны Астаховой

А. М. Астахова, доктор филологических наук, профессор, старейшая и наиболее уважаемая сотрудница Сектора фольклора, крупный советский ученый, пользующийся широкой известностью и авторитетом.

Всю свою научную деятельность последних десятилетий А. М. Астахова неразрывно связала с Сектором фольклора.

Ее исключительная энергия, инициативность, научная эрудиция, принципиальность и горячая заинтересованность во всех больших и малых делах Сектора — все эти качества давно сделали А. М. Астахову душой нашего коллектива. Мы уверены, что А. М. Астахова еще много лет плодотворно будет работать в должности старшего научного сотрудника.

Заведующий сектором народного творчества
Кандидат филологических наук
Б. Н. Путилов
3 апреля 1958 г.

IV. Отзыв Б. Н. Путилова о научной деятельности А. М. Астаховой

Л. 51, 55. Машинопись

ОТЗЫВ

о научной деятельности Анны Михайловны Астаховой

Профессор Анна Михайловна Астахова принадлежит к старшему поколению советских ученых, чьими трудами создавалась советская фольклористика.

Научная деятельность А. М. Астаховой продолжается с 1926 года и целиком связана с изучением русского народного творчества. С 1927 г. А. М. Астахова организовала и осуществила целый ряд экспедиций на Русский Север. Эти поездки дали ей огромный фактический материал и сделали ее лучшим знатоком русского эпоса в его живом бытовании. С 1927 г. появляются исследования А. М. Астаховой, поставившие на новые методологические и историко-фольклорные основы изучение старой темы о жизни былин на Севере. Итогом этих исследований явились два тома «Былин Севера» и монография «Русский былинный эпос на Севере». В работах А. М. Астаховой дана чрезвычайно широкая картина бытования эпоса у северных крестьян, связи эпоса с действительностью XIX—XX вв., творческих изменений, происходивших в эпосе, роли личного начала, местных школ и т. д. Труды А. М. Астаховой положили основание целому направлению в изучении традиционного фольклора и особенно былин. Учениками и последователями ее создан ряд сборников и исследований, посвященных позднему периоду в жизни эпоса.

А. М. Астахова самостоятельно и в содружестве с другими учеными создала ряд сборников былин, которые ввели в науку большое число новых материалов, этими сборниками А. М. Астахова способствовала выработке принципов научных и научно-популярных изданий по фольклору и значительному подъему культуры этих изданий («Былины И. Г. Рябинина-Андреева»[1], «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье»[2], «Илья Муромец»[3] и др.).

А. М. Астахова также крупнейший знаток историографии по русскому эпосу. Ее историографические и библиографические комментарии к «Былинам Севера» — незаменимое пособие для всех, интересующихся русским эпосом.

А. М. Астахова в течение всей своей научной деятельности проявляет неизменный интерес к таким темам, как история русской фольклористики, взаимоотношения фольклора и литературы, советский фольклор. Ее исследования в этой области также отличаются тщательностью исполнения, глубиной анализа, важностью выводов. А. М. Астахова одна из первых осознала

необходимость научного изучения современного фольклора. Ее работы по фольклору Гражданской войны и другие, появившиеся среди первых исследований по советскому фольклору, не потеряли своего значения и теперь. И хотя в этих своих занятиях А. М. Астахова не избежала увлечений и заблуждений, свойственных большинству советских фольклористов, ее работы в области современного фольклора имеют большое методологическое и фактическое значение.

А. М. Астахова является ученым большой активности, большого организаторского размаха. Благодаря ее инициативе было организовано большое число крупных фольклорных экспедиций, давших очень ценные результаты. Она активно сотрудничает в ведущих литературоведческих и фольклористических изданиях («Советская этнография», «Советский фольклор», «Русский фольклор», «Известия ОЛЯ» и др.). Чрезвычайно плодотворна ее редакторская деятельность, выразившаяся особенно в подготовке таких изданий, как «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга (4-е изд.)[4], «Очерки по истории русского народного поэтического творчества» в 2-х тт.[5], серия «Библиотека русского фольклора Карелии», серия «Памятники русского фольклора» и др.

Велика роль А. М. Астаховой в развертывании фольклористической работы в научных учреждениях Академии наук СССР. Можно сказать, что с 1931 года не было ни одного сколько-нибудь важного мероприятия Академии наук в области изучения русского фольклора, в котором не приняла бы участия А. М. Астахова.

В настоящее время А. М. Астахова полна сил и творческой энергии. Ее работы, как всегда, отличаются высокими научными достоинствами. Ее активность во всех сферах научной жизни не ослабевает. В Секторе народного творчества она является душой коллектива.

А. М. Астахова — вполне достойный кандидат в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Зав. Сектором народного творчества
Кандидат филологических наук Б. Н. Путилов
15.V. 58 г.

[1] Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой, статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Генгросса. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 149 с.

[2] Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье / Подгот. текстов, статьи и примеч. А. М. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан; предисл. М. Азадовского. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 93 с.

[3] Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой; отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 560 с.

[4] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Отв. ред. А. М. Астахова. 4-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. VIII, 736 с.; 1950. Т. 2. 812 с.; 1951. Т. 3. 671 с.

[5] Русское народное поэтическое творчество / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. 540 с.; 1955. Т. 2, кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века. 544 с.; 1956. Т. 2, кн. 2: Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века. 515 с.

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 58–88
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-58-88
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 58–88
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

С. В. Подрезова

«ДНЕВНИК ЛИТО» А. М. АСТАХОВОЙ: К ВОПРОСУ О ПОЛЕВЫХ МЕТОДАХ ЭКСПЕДИЦИИ ГИИИ В ЗАОНЕЖЬЕ 1926 Г.

Svetlana V. Podrezova

"DIARY OF A LITERARY ASSOCIATION" BY A. M. ASTAKHOVA: ABOUT THE FIELDWORK METHODS OF THE EXPEDITION OF THE STATE INSTITUTE OF ART HISTORY TO THE ZAONEZHYE REGION IN 1926

Резюме. В публикации представлена рукопись Дневника сотрудников отдела словесных искусств («Дневник Лито») — участников первой экспедиции Государственного института истории искусств (ГИИИ) на Русский Север, проходившей в Заонежье летом 1926 г. Дневниковые записи позволяют уточнить маршрут собирателей-словесников, содержат ценные сведения о задачах и методах полевой работы А. М. Астаховой в ее первой фольклорной экспедиции, а также отражают ее наблюдения над заонежской традицией. В центре исследовательского внимания группы филологов стоял мониторинг традиции и определение степени влияния новых форм быта на традиционный фольклор. Исследовательский интерес А. М. Астаховой был направлен на изучение эпических жанров, сказок и заговоров, вопросов сказительства, а также широкого круга напевно-декламационных и песенных жанров: детского фольклора, обрядовых песен, необрядовой лирики, частушек и причитаний. На основе сопоставления «Дневника Лито» с дневниками, которые вели сотрудники театроведческого (Тео) и музыкального (Музо) отделов, автор приходит к выводу, что в первой экспедиции ГИИИ 1926 г. был выработан особый тип полевого дневника, который использовался А. М. Астаховой в последующих экспедициях.

Ключевые слова: Анна Михайловна Астахова, Заонежье, фольклорная экспедиция, полевой дневник.

Информация об авторе: Светлана Викторовна Подрезова, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург), podrezova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8885-4670.

Для цитирования: *Подрезова С. В.* «Дневник Лито» А. М. Астаховой: к вопросу о полевых методах экспедиции ГИИИ в Заонежье 1926 г. // Словесность и история. 2026. № 3. С. 58–88. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-58-88.

Abstract. The publication presents the manuscript diary of the members of the "Lito" ("Literary Association") department, who participated in the first expedition of the State Institute of Art History to the Zaonezhye region in the Russian North in the summer of 1926. The diary entries allow the author to clarify the route of the literary collectors, provide valuable information about the objectives and methods of A. M. Astakhova's fieldwork during her first folklore expedition, and reflect her observations of the Zaonezhye tradition. The research team focused on monitoring

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

traditions and determining the influence of new social forms on traditional folklore. Astakhova's research interests centered on the study of epic genres, fairy tales, incantations, and storytelling, as well as a wide range of chant-declamatory and song genres: children's folklore, ritual songs, non-ritual lyric poetry, ditties, and lamentations. Based on a comparison of "Lito's Diary" with other diaries kept by staff of the theatre studies ("Teo") and music ("Muzo") departments, the author concludes that during the first expedition of the State Institute of Art History in 1926, a specific type of field diary was developed, which A. M. Astakhova subsequently used in later expeditions.
Keywords: A. M. Astakhova, Zaonezhye, folklore expedition, diary entries.
Information about the author: Svetlana V. Podrezova, PhD in the Arts, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, podrezova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8885-4670.
Received: June 1, 2026. ***Approved***: June 28, 2026.
For citation: Podrezova, S. V. (2026). '"Diary of a Literary Association" by A. M. Astakhova: About the Fieldwork Methods of the Expedition of the State Institute of Art History to the Zaonezhye Region in 1926', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 58–88.

Одной из актуальных проблем в разработке материалов первой экспедиции Государственного института истории искусств (ГИИИ) на Русский Север, состоявшейся летом 1926 г., остается вопрос об их атрибуции, установлении точного маршрута и состава отдельных групп собирателей.

В науке сложилось представление о совместной работе словесников (сотрудников Лито) и музыковедов (сотрудников Музо) в устойчивых парах: А. М. Астахова — З. В. Эвальд, Н. П. Колпакова — Е. В. Гиппиус. Отчасти это подтверждается записями в официальном дневнике экспедиции [Подрезова 2022], а также в художественно-публицистическом дневнике Н. П. Колпаковой «У золотых родников» [Колпакова]. Однако знакомство с полевыми материалами, а главное — с дневниками собирателей, убеждает в том, что объединение участников имело более гибкий и ситуативный характер и зависело от задач исследования и самого материала. Кроме того, в пары (или даже тройки) довольно часто объединялись сами филологи, например, для записи текстов эпических жанров.

Важным документом, способным пролить свет на поставленные вопросы, является дневник словесного отдела ГИИИ, именуемый «Дневник Лито», который вела А. М. Астахова. Для нее поездка в Заонежье стала первым опытом полевой работы, что придает этому документу особую ценность.

* * *

Дневник хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Р. V. К. 2. Оп. 1. № 24) и представляет собой ветхую, очень потрепанную общую тетрадь в линейку в черной дерматиновой обложке. Все записи сделаны А. М. Астаховой графитным карандашом.

Характер записей, наличие вставок и исправлений позволяют говорить, что перед нами подлинная полевая тетрадь.

Первые несколько листов тетради имеют множество обрывов, из-за чего запись приобрела лакуны[1] и трудночитаемые места. Однако общее содержание дневника дошло до нас в полном объеме и может быть разделено на три части.

Первая часть (л. 3–3 об.) имеет общий подзаголовок «Дневник. № 1. Великая Губа» и содержит краткие, несистематические, со множественными вставками рабочие записи, сделанные А. М. Астаховой, вероятно, для себя. Они отражают первое знакомство с жителями Великой Губы, которое состоялось утром 14 июня. Записи носят обрывочный характер и включают: перечисление жанров, бытующих в Заонежье, краткие наблюдения над средой их бытования (ср. «Свадебн⟨ые⟩ и стари⟨нные⟩ — стари⟨ки⟩», «молодежь на посиделках — новые песни, частушки»), упоминание сказки про петуха и курочку, единичные тексты поговорок и присловий, сатирическую частушку о попе Сергии и фрагмент песни «Провожала Ваню мать во солдаты», но в большинстве своем сюда занесены имена потенциальных исполнителей, иногда — с краткой характеристикой их репертуара или указанием на фольклорную специализацию, например:

«Анна Тимофеевна Лопаткина 39 лет ⟨...⟩ (воро⟨жит / ворожея?⟩)»

«Овдотья Ерофеева 3⟨0?⟩ лет (петь и плясать) (вечером)»

«Яндомозеро Надя Юдина (старушка) досюльные, прибути́рки»

«Школа. Дети — двое мальчиков Андрей» и т. д.

Бо́льшая часть упомянутых имен в последующей части тетради не встречается, однако, как известно по другим источникам, работа с ними велась сотрудниками разных отделов, в том числе и Лито. Вероятно, на первых страницах тетради, оставленных чистыми для важной информации и примечаний (основное повествование начинается 12 июня на л. 4), получили отражение рекомендации, данные собирателям во время «разведки» на месте. Астахова заносила сюда всё, что казалось ей важным, что могло пригодиться для дальнейшей работы. Ниже, в основной части дневника, рядом с датой 14 июня Астахова запишет: «Первый день работы. Утро решили посвятить разведкам». Сходную запись внес в свой дневник участник группы Музо Е. В. Гиппиус: «Утром — задание ориентироваться. Отсутств⟨уют⟩ планы работы» [Гиппиус, с. 245].

Вторая часть тетради (л. 4–14 об.) имеет подзаголовок «Дневник Лито» и включает ежедневные записи о маршруте и результатах работы сотруд-

[1] В публикации они заключены в угловые скобки: ⟨...⟩. В такие же скобки заключены конъектуры и пропущенные в тексте слова.

ников словесного отдела: самой А. М. Астаховой, которая всегда пишет о себе в третьем лице, что делает дневник официальным, а не личным, Н. П. Колпаковой, И. В. Карнауховой и Т. В. Поповой. Записи в дневнике охватывают период с 11 июня[2] — с момента отправления экспедиции из Ленинграда — до 4 июля[3] 1926 г., то есть часть экспедиционной работы[4].

Третий раздел записей (л. 18 об.–20) собственно дневником не является. На трех листах, расположенных в середине тетради, сформулированы задачи Лито и высказаны общие, вероятно самые свежие, наблюдения над словесным искусством в районе Великой Губы и частично — Яндомозера. Далее записи также обрываются.

Собиратели формулируют три основных вопроса: 1) какие из старинных жанров народного словесного творчества оказались наиболее жизнеспособными, какие бытуют, какие исчезли или исчезают; 2) в какой мере сказались на старых формах влияния последнего времени: нового быта, иной идеологии и т. п.; 3) существуют ли какие-либо новые формы, возникшие в последнее время.

Нетрудно заметить, что в центре исследовательского внимания группы филологов стоял мониторинг традиции, предполагающий изучение полного ее среза в диахроническом аспекте. Не менее важными стали новые для фольклористики вопросы влияния современных форм быта на традиционную культуру и сложения новых фольклорных форм, которые находились в русле основных поисков ученых этнографического направления (см. работы: [Богораз; Золотарев; Соколов; Макарьев]). На ближайшие годы тема отражения в фольклоре явлений нового быта станет приоритетной и для фольклористики, что получило отражение в официальных отчетах.

В последующем небольшом очерке Астахова высказывает свои замечания по первому пункту и кратко касается второго и третьего. В завершение несколько слов говорится о методах работы с коллегами по Музо и Тео, а также об особенностях работы с местными жителями.

Так, согласно первым наблюдениям А. М. Астаховой, «досюльная» песня и многие традиционные жанры на территории Великогубской волости еще

---

[2] Дата осталась на оборванной части листа, но далее сохранилось указание на время отхода парохода — в 9 ч 15 мин. Согласно общему дневнику, который вели К. К. Романов и Н. П. Колпакова, участники экспедиции ГИИИ выехали из Ленинграда на пароходе «Урицкий» 11 июня в 9 ч 15 мин, см. публикацию: [Подрезова 2022, с. 279].

[3] В этот день А. М. Астахова отмечала свое сорокалетие.

[4] Известно, что работа экспедиции продолжалась как минимум до 16 июля. В этот день Н. П. Колпакова записала в официальном дневнике экспедиции: «В Заонежьи на несколько дней остались для работы А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, З. В. Эвальд» [Подрезова 2022, с. 296].

не утратили своего значения, однако новый романс (песня «позднейшей формации») и частушка прочно вошли «в моду» и вызывают интерес у молодежи.

Особое внимание А. М. Астахова уделяет сказкам и эпическим жанрам, которых в Великой Губе, по ее словам, встретилось мало, а также заговорам. Эти темы станут сквозными в наследии ученой. Очевидно, интерес к ним у исследовательницы появился не случайно. К началу экспедиции Астахова окончила курсы ГИИИ и, в отличие от двух своих младших коллег — Н. П. Колпаковой и И. В. Карнауховой, с 1922 г. являлась сотрудницей словесного отдела и читала лекции по введению в русскую литературу XVIII–XIX вв. и стиховедению [Богданова, Любомудров, Останин], то есть имела сформированные научные интересы и подходы. Весной 1926 г. будущие участники экспедиции прошли подготовку к полевой работе, в том числе обучение работе с фонографом, под руководством известного лингвиста, фонетиста, заведующего Кабинетом по изучению звучащей художественной речи (КИХР) и опытного собирателя С. И. Бернштейна, который к этому времени проявил большой интерес к народной словесности — сказкам, эпосу, заговорам и вопросам диалектологии. Напомним, что в 1921 г. по просьбе В. Н. Всеволодского-Гернгросса Бернштейн записал на фонограф исполнение былин от И. Г. Рябинина-Андреева [Подрезова 2019]. Еще ранее — летом 1920 г. — он принял участие в фольклорно-диалектологической экспедиции, организованной Географическим институтом в Гдовский уезд Петроградской губернии, где активно вел записи сказок (две из них были записаны на восковые цилиндры) и особенно последовательно записывал заговоры и мифологическую прозу (подробнее об этой поездке см.: [Подрезова 2025]). С библиографией трудов по Русскому Северу, особенностями народной речи и поэзии сотрудников Лито знакомила также В. П. Адрианова-Перетц [Иванова, с. 287]. Нет сомнений, что особое внимание А. М. Астаховой к этим темам, а также метод собирания материала были определены разработками С. И. Бернштейна, Т. В. Поповой и других коллег по словесному отделу.

Запись сказок входила в область интересов нескольких участников заонежской экспедиции: сотрудников отдела Лито, фольклористов А. М. Астаховой и И. В. Карнауховой, сотрудников КИХР С. И. Бернштейна и Т. В. Поповой, изучавших их с позиции звучащей художественной речи, и командированного в экспедицию Сказочной комиссией РГО А. И. Никифорова. В некотором роде сказка стала своеобразным «полем битвы» и одной из основных причин отделения от основного состава экспедиции Бернштейна, о чем он писал матери, а затем — в экспедиционном отчете: «Едва мы приехали, начало всё отчетливее обнаруживаться, что дело не слажено, что о плане работы не столковались, что трудно осуществимо сочетание в одной экспеди-

ции 1) семнадцати человек и 2) зрелых работников с зеленой молодежью на равных правах. Обнаружились и другие неприятные вещи — напр⟨имер⟩, что я оказался в несколько нелепом положении: я должен или считать себя участником словесной группы, к⟨отор⟩рой руководит моя бывшая слуш⟨ательни⟩ца А. М. Астахова, или обречь себя на пользование одним только случайным материалом. Я избрал последнее» (фрагмент письма к П. С. Бернштейн от 14 июня; цит. по: [Подрезова 2022, с. 296–297]); «Первые же дни работы показали, что одновременное собирание сказочного материала в одном и том же районе двумя группами работников, преследующими различные цели, является делом почти неосуществимым. Поэтому я счел полезным отделиться от прочих участников экспедиции и, оставив их в Великой Губе, передвинуться несколько южнее — в Кижскую волость, избрав базой Сéнную Губу. Здесь в течение двух недель, работая сперва один, а затем в сотрудничестве с Т. В. Поповой, я сделал ряд записей» (фрагмент отчета С. И. Бернштейна и Т. В. Поповой; цит. по: [Подрезова 2022, с. 300]).

Вместе с тем круг интересов Астаховой как собирателя был более широк. Помимо эпических жанров, сказок и заговоров, в заонежскую коллекцию Астаховой вошел большой корпус песен и частушек, которые она записывала от исполнителей разных возрастов — детей 8–10 лет, девушек-подростков, женщин и мужчин среднего и старшего возраста. Астахову как педагога с многолетним стажем интересовал также детский и материнский фольклор: считалки, загадки, колыбельные, фольклор семейных обрядов: свадебные песни, приговоры дружки, причитания. Обо всех этих жанрах мы находим упоминания на страницах «Дневника Лито».

Дневник заполнялся ежедневно. Первые записи, внесенные 12, 13 и 14 июня, когда словесный отдел работал в полном составе, насыщены деталями и позволяют судить о методах полевой работы и собранном материале. Самым подробным образом описана встреча со знаменитой сказительницей Настасьей Богдановой, состоявшаяся в Петрозаводске 13 июня[5] (см. ниже). Этот фрагмент свидетельствует о том, что характерный для А. М. Астаховой метод работы со сказителями, включая запись биографических материалов, был использован ею в первый же день работы в экспедиции.

Начиная с 15 июня дневник заполняется более сухими данными о маршрутах сотрудников Лито. Если дневниковые записи Е. В. Гиппиуса [Гиппиус] ориентированы на отражение фонографических записей музыкального фольклора, а также частично — слуховых нотаций, то дневник А. М. Астаховой

[5] Обстоятельства встречи со сказительницей упоминаются в общем дневнике экспедиции [Подрезова 2022, с. 281].

содержит сведения о записях по темам, в первую очередь интересующим сотрудников Лито: сказкам, сказительству, старинному свадебному обряду, частушкам и песенным жанрам. Сюда вносится общая информация о записанных жанрах, редких сюжетах и наиболее интересных сказителях. Очевидно, что Астахова не ставит целью отразить все собранные сведения, а лишь намечает общую канву, которая должна лечь в основу общего дневника и экспедиционного отчета. Таким образом, принципы ведения «Дневника Лито» полностью согласуются с принципами составления общего дневника, которые сформулировала Н. П. Колпакова: «Как секретарь секции я обязана вести официальный дневник экспедиции. В нем сухо и точно будет обозначаться: „Такого-то числа в таком-то часу прибыли туда-то; нашли то-то; записали и зарисовали столько-то“, — и т. д. Но такой дневник нужен будет впоследствии только для справок, для отчета на Ученом совете» [Колпакова, с. 11]. Сравнение двух дневников показывает, что в общий дневник переносилась еще более краткая информация, при этом многие конкретные детали — имена, жанры и некоторые другие сведения — в него не включались.

Из дневника Лито мы узнаем, что собиратели делили рабочий день на две половины — утреннее и вечернее время. Этот принцип подачи данных, спорадически встречающийся и в общем дневнике экспедиции, Астахова стабильно использует во всех своих записях. Если работа в том же населенном пункте продолжалась и на следующий день, его название в заголовок не вносилось.

Дневник сохранил основные сведения о работе филологов, а также о том, как и с какой целью собиратели объединялись в пары и группы. Так, А. М. Астахова часто работала совместно с И. В. Карнауховой или Т. В. Поповой — таким, коллективным, способом записывались сказки и жанры поющегося эпоса. Н. П. Колпакова обычно работала одна либо, как мы можем судить по другим документам, в паре с музыковедом — чаще всего с Е. В. Гиппиусом. Таким образом, «Дневник Лито» содержит отдельные данные о совместной работе словесников с представителями других отделов — например, с сотрудниками Музо (З. В. Эвальд, В. В. Эвальдом и Е. В. Гиппиусом) и Тео (Всеволодским и Писаревым; см. единственную запись такого рода от 21 июня). При сравнении маршрутов групп Лито и Музо становится очевидным, что зачастую их траектории расходились либо причудливым образом переплетались. Более точно о том, в каком составе проходила запись фольклорного материала, можно будет сказать, сопоставив не только дневники всех отделов, но и все собранные материалы, как рукописные, так и звуковые.

На первый взгляд, маршруты филологов в дневнике отражены довольно детально, однако при знакомстве с рукописными и звуковыми материалами экспедиции и дневниками других собирателей обнаруживаются отдельные

несоответствия. Так, согласно «Дневнику Лито», 15 июня Колпакова работала в Великой Губе, где записывала тексты рабочих песен и частушек, а затем производила записи в деревне Верховье. На следующий день, 16 июня, она же работала в Кондобережье, где записала старинную свадьбу от И. А. Омельиной. Между тем тексты, записанные Колпаковой от Омельиной, датируются 15 июня, что согласуется с записью в дневнике Е. В. Гиппиуса от того же дня: «Утром, когда привод⟨или⟩ в порядок материал, пришла Иринья ⟨О⟩мелина, с дороги позвала нас записывать» [Гиппиус, с. 246], — а также с сохранившейся фонографической записью ансамбля, в котором запевала И. А. Омельина (ФА ИРЛИ. ФВ 006). Эти обстоятельства позволяют предположить, что в «Дневник Лито» были внесены неполные или, что менее вероятно, ошибочные сведения о работе Колпаковой.

Вместе с тем дневник может помочь объяснить существенные разночтения между двумя текстами сказки «Колобок» в исполнении сказочницы, причитальщицы и песенницы П. Н. Коренной. Одна версия сказки была сделана от руки и позже была опубликована И. В. Карнауховой [Карнаухова 2008, с. 96–97], вторая сохранилась в звукозаписи на фонограф, выполненной Т. В. Поповой (ФА ИРЛИ. ФВ 769.01). Ключом к разгадке может стать запись в «Дневнике Лито» от 30 июня, согласно которой «И. В. Карнауховой обследован сказочный репертуар членов семьи Коренного и записано от них ряд сказок». Так, по сохранившимся документам, в этот день несколько сказок было записано от внука Коренной, Владимира Коренного, 6 лет, от ее невестки — Марии Коренной, 32 лет, а также от самой сказочницы [6]. Поскольку фонозапись не оставляет сомнений в принадлежности записи П. Н. Коренной, остается предположить, что рукописная версия «Колобка» могла быть сделана со слов другого члена ее семьи [7].

В отличие от дневника Е. В. Гиппиуса, дневник словесного отдела, который вела А. М. Астахова, не содержит оценки собранного материала. Наблюдения такого рода позже суммируются исследовательницей в специальном очерке. Возможно также, что для этой цели она использовала отдельный дневник, который не сохранился. Мы не найдем здесь также сведений о быте собирателей или трудностях, с которыми они могли сталкиваться при работе.

[6] Указание на место хранения текстов дано ниже, в примечании к соответствующей записи в дневнике.

[7] На эту деталь обратила внимание А. С. Лызлова в докладе: «Экспедиция ГИИИ 1926 г. в Заонежье: о записях сказок И. В. Карнауховой и А. И. Никифорова», — прочитанном 21 апреля 2026 г. на XII Международном научно-практическом семинаре «Методика полевых работ, архивация и изучение фольклорных, этнографических, лингвистических и рукописных материалов (к 100-летию комплексных экспедиций в Заонежье, 70-летию фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, 60-летию музея-заповедника „Кижи“)».

Среди записей нет никаких данных об организационной стороне экспедиции. Например, не сказано о таком значимом событии, как отъезд руководителя группы Лито С. И. Бернштейна, готовившего начинающих собирателей к экспедиции.

Поскольку подобные дневники с некоторыми разночтениями вели также представители Тео и Музо (Е. В. Гиппиус), мы можем говорить об особом типе полевого дневника, который был выработан в экспедиции ГИИИ 1926 г. и который использовался его сотрудниками и в дальнейшем. Так, такого же типа дневник вели участники «Беломорского отряда» карельской экспедиции 1932 г. [Петрова 2025] и А. М. Астахова в рязанской экспедиции, состоявшейся зимой 1934/35 гг.

При публикации в текст рукописи внесены незначительные синтаксические и орфографические правки, проставлены недостающие знаки препинания. Ряд числительных, обозначенных цифрами (1, 2, 3 и др.), переданы словами. Восстановленные части слов, в том числе в месте обрыва листа, отмечены угловыми скобками — кроме раскрытия сокращений при определении времени: *час*, *часов* (вместо *ч.*, *час.* в ркп), *минут* (вместо *м.*, *мин.* в ркп), в иных случаях в местах обрыва листа проставлены знаки пропуска: ⟨...⟩.

л. 1 А. Астахова

Дневник. //

л. 2 А. Астахова

1[я].
Великая Губа. //

л. 3 Варя Абрамова[8]. Дуня Абрамова[9]

14/VI

Из Яндомозера дер⟨евни⟩ Утица. Марья Григорьевна Утицына[10], ур⟨ожденная⟩ Ката⟨чилова?⟩, 33 года. Замуж в ⟨Великую⟩ Губу.

---

[8] Имя Вари Абрамовой упоминается среди исполнителей песни «У меня у красной девушки» с пометкой (Верховье) в Программе фонографических записей, сделанных в Заонежской экспедиции и демонстрированных на заседании совета ОТИМ 26 сентября 1926 г. [Гиппиус, с. 261].

[9] Имена вписаны по верхнему краю листа.

[10] От М. Г. Утицыной были сделаны записи текстов песен (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 16–20), некоторые из них занесены на восковые цилиндры 16 июня в школе, см. записи в дневнике Гиппиуса [Гиппиус, с. 246].

Частушки — повсеместно Свадебн⟨ые⟩ и стари⟨нные⟩[11] — стари⟨ки⟩
Причитания?
Былины?
Анна Тимофеевна Лопаткина 39 лет из ⟨...⟩[12] (воро⟨жея? ворожит?[13]⟩)
(через час)
Устинья Федоровна Лопаткина
Александра Антоновна Лопаткина
Овдотья Ерофеева 3⟨0?⟩ лет (петь и плясать) (вечером)
есть старуха — обещала причитыв⟨ать⟩
8 вечер.
Сибово[14] Кузьма Семенович Кудров — старик
— песни, сказки, былины по всей ведом⟨ости⟩
«И без песен проход тесен»

3 вар⟨иант⟩ через озеро
Вигово[15] Василий Карельск⟨ий? ая?⟩ Полевых — песни и сказк⟨и⟩

Береськая[16] дер⟨евня⟩ 4 верст⟨ы⟩ много ли[17] старик⟨ов⟩ — есть сказочни⟨ки⟩

Яндомозеро Надя Юдина[18] Рыньков
(старушка)
достюльные, прибутирки

у Королевых[19] — свадьба — на будущей неделе (и по старому)

---

[11] Слово вставлено сверху строки.

[12] Место рождения или проживания А. Т. Лопаткиной не вписано, но, согласно дневниковым записям Астаховой, она проживала в Великой Губе. В нотной тетради Музо указан иной ее возраст — 33 года (ГВСМЗ. В-38288. № 6).

[13] См. ниже упоминание заговоров, записанных 15 и 16 июня от А. Т. Лопаткиной.

[14] Деревня Сибово входила в Великогубскую волость, расположена на берегу Великой Губы Онежского озера в 8,5 км к югу от с. Великая Губа. 62°10′54″ с. ш., 35°09′53″ в. д.

[15] Деревня Вигово расположена на острове Вигово Онежского озера (62°12′30″ с. ш., 35°03′09″ в. д.).

[16] Деревня Кондобережская расположена на восточном берегу Великой Губы Онежского озера (62°12′50″ с. ш., 35°07′04″ в. д.). Вар. названия: Бережская, Конда Бережская, Береськи.

[17] Частица вставлена между строками, скорее всего, относится к записи.

[18] Надежда Ивановна Юдина, 66 лет. См. ниже записи от 20 июня.

[19] Гиппиус в своем дневнике упоминает Королевых из д. Погост, к которым заходила группа утром 14 июня [Гиппиус, с. 245]. Чуть позже он записал: «Вечером обещ⟨анная⟩ Королев⟨ыми?⟩ ⟨нрзб⟩ не сост⟨оялась.⟩» [Там же, с. 246].

молодежь на посиделках — новые песни, частушки //
л. 3 об. В большинстве приветливы — Один старик— «всяк про себя разумеет»
Иван Михеевич Абрамов — на Погосте[20] Космозера ⟨нрзб⟩ училища[21].
⟨нрзб⟩
⟨И⟩зба. Школа. Дети — двое мальчиков Андрей
⟨нрзб⟩ стих. Никитич!
⟨...⟩ — кое-какие песенки из школы.

⟨...⟩ 8 лет Ай да комсольцы (*так! — С. П.*)
⟨...⟩ стихотво⟨рения?⟩.

Карасозеро[22]

Сергий поп, Сергий поп (от взрослых см.)
Самогонку гонит пьет.
За кралечкой гонится
Во празднички не молится[23]

Провожала Ваню мать
Во солдаты
Ой куды ты паренек
Не ходил бы ты Ванек
Во солдаты и т. д. (от старших мальчиков)

Сказки — про петуха и курочку[24]
(как ⟨нрзб⟩ собира.) //

---

[20] Фраза вставлена сверху. Возможно, она относится к предыдущей записи.

[21] *Иван Михеевич Абрамов* (1869–1949) — космозерский иконописец, наследник знаменитой заонежской династии иконописцев, продолжателей иконописной традиции выговских старцев. Среди заметных работ: иконостас церкви в дер. Уница (1914), «небеса» часовен в деревнях Медведево и Косельга, роспись дома купца Морозова в Селецком. Также И. М. Абрамов занимался перепиской старинных книг, которые украшал заставками и собственноручно переплетал в доски и кожу. В 1920-х гг. в доме Абрамова располагалась небольшая иконописная мастерская, в которой он работал с учениками. Возможно, мастерская упоминается под названием «училище». Летом 1926 г. искусство И. М. Абрамова подробно изучалось сотрудницей отдела Изо К. А. Большевой, которой был отснят фотоматериал, приобретены предметы прикладного искусства. См. об этом подробнее: [Большева, с. 59; Маркелов; Набокова, Пигин, Платонов].

[22] Деревня Карасозеро, относилась к Великогубской волости и находилась на берегу оз. Карасозеро (62.408934, 34.879076), расположенного западнее оз. Космозеро.

[23] Текст частушки перечеркнут крест-накрест.

[24] Фраза записана на правой части листа рядом с текстом песни «Провожала Ваню мать».

Дневник Лито. А. А⟨стахова⟩ *л. 4*

⟨11 июня в 9 часов⟩ 15 минут экспедиция Г.И.И.И. выехала ⟨...⟩[25]

12/VI вечером в «Вознесенье» сделаны некоторые на⟨блюдения⟩ (общего характера) над произношением местны⟨х⟩ жителей, без записи образцов. Несомненно ясно выражены: оканье — в предударном, стяжение в окончаниях глагольных, некоторая шепелявость.

С. И. Бернштейном[26] сделаны и записи образцов преимуществ⟨енно⟩ детского говора.

В обследованном храме Вознесенья ничего ценного для Лито не обнаружено. Последние две старинные рукописи вывезены в апреле 1926 г⟨ода⟩ Морозовым[27] по постановлению Главнауки[28].

13/VI в 9 часов утра прибыли в Петрозаводск.

Узнав от зав⟨едующего⟩ музеем краеведения В. И. Кры⟨лова⟩ о том, что в настоящее время в городе проживает сказительница Степанова[29], сорганизовали группу из членов Лито и Музо, кот⟨орых⟩ и отправили к Степановой (Солдатская ул. № 10). Группе: А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой (Лито), В. В. Эвальд[30] и Е. В. Гиппиусом (музо) удалось ⟨записать:⟩//

тексты и мотивы былин о Добрыне ⟨Никитиче⟩ *л. 4 об.*

⟨былины⟩ о братьях разбойничках и с⟨естре⟩

⟨коне⟩ц «припевки» о гибели ⟨бра⟩та и сестры[31]

---

[25] Нет сомнений, в этом фрагменте говорится о дате и времени отправления парохода «Урицкий», на котором основная часть собирателей отбыла в экспедицию утром 11 июня, ср.: [Подрезова 2022, с. 279].

[26] *Сергей Игнатьевич Бернштейн* (1892–1970) делал в экспедиции фонетические записи заонежского говора, см. подробнее: [Подрезова 2022].

[27] *Федор Михайлович Морозов* (1883–1962) — архивист, искусствовед, археолог, в 1925–1929 гг. сотрудник Музейного фонда Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР. Участвовал в экспедиции в качестве фотографа.

[28] Начальный фрагмент полевых наблюдений Астаховой лег в основу записи в общем дневнике экспедиции, ср.: [Подрезова 2022, с. 280].

[29] Знаменитая заонежская сказительница и плачея *Анастасия* (*Настасья) Степановна Богданова* (1860–1937).

[30] *Виктор Владимирович Эвальд* (1860–1935) — русский ученый, основоположник научного строительного материаловедения, профессор Института гражданских инженеров, виолончелист, композитор (автор первых сочинений для брасс-квинтета), член Беляевского кружка, в котором имел тесное общение с Н. А. Римским-Корсаковым и другими знаменитыми музыкантами. Отец Зинаиды Викторовны Эвальд. Присоединился к экспедиции по своей инициативе, делал слуховые нотации музыкального фольклора.

[31] 13 июня от А. С. Богдановой были сделаны слуховые нотации трех напевов: былины «Добрыня Никитич», баллады о девяти дочерях и одном сыне «У вдовушки вдовы было девять доче-

Былина о Добр⟨ыне⟩ (текст) записывалась втроем (Астахова, Колпакова, Эвальд) по строчкам (первая, вторая, третья).

Текст других двух произведений записывали двумя (Колпаковой и Астаховой), мотив Эвальд и Гиппиусом. Текст записывался с сохранением главных диалектических особенностей.

Кроме того, записаны биографич⟨еские⟩ сведе⟨ния⟩ о Настасье Степановой с ее слов и некоторые из ее воспоминаний о прошлых выступлениях ее в Петрозаводске (до революции) (При этом удалось ⟨за⟩писать, сохраняя некоторые прибаутки ⟨и⟩ стиль рассказа Степановой).

⟨14/VI⟩ Великая Губа. Первый день работы. Утро ⟨р⟩ешили посвятить разведкам. Одна ⟨г⟩руппа членов экспедиции в составе ⟨Е. В.⟩ Гиппиус (музо)
л. 5 и Н. П. Колпаковой отправилась // в деревни Погост, Репной Посад и Верховье [32], другая группа: В. В. Эвальд, З. В. Эвальд и А. М. Астахова — в деревню Тарасы́ [33]. А. М. Астаховой записаны несколько бытовых песен от крестьянки Анны Тимофеевны Лопаткиной [34] и выяснена возможность найти довольно значительный песенный материал. ⟨Обследована?⟩ часть Великой Губы. Несколько старух обещали собраться вечером, часов в 7 и петь старинные песни. Было указание на старика Лукояна Васильева, кот⟨орый⟩ знает ⟨...⟩ сказки. Был запис⟨ан⟩ мальчик — сын А. ⟨Т.⟩ Лопаткиной Вася ⟨Лопаткин⟩, кот⟨орый⟩ дал несколько частушек и сказал, что знает сказки [35].

Н. П. Колпаковой записаны в Верховье ⟨...⟩ ряд песен и частушек от взрослых женщин и девушек подростков [36].

рей», которая именовалась «припевкой» (ср. текст: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 12. № 3), и баллады о братьях разбойниках «О девяти разбойниках» (см.: ГВСМЗ. В-38288. ДК-13525. № 1–3).

[32] Перед словом «Верховье» вычеркнуто название «Тарасы». Все перечисленные деревни составляли село Великая Губа, что указано в общем дневнике экспедиции [Подрезова 2022, с. 281].

[33] О раздельной работе музыковедов пишет также Гиппиус: «Мы делимся с Эвальд. Я обсл⟨едую⟩ Верховье, она — Тарасцы» [Гиппиус, с. 245].

[34] См. записи от А. Т. Лопаткиной в тетради Астаховой: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. № 2. Сотрудниками Музо (предположительно, В. В. Эвальдом) от Лопаткиной были сделаны слуховые нотации нескольких песен (ГВСМЗ. В-38288. № 6–9).

[35] См. записи от В. Лопаткина в тетради Астаховой: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. № 2.

[36] См. записи частушек, выполненные Колпаковой: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. № 18. Ряд песен, предположительно записанных Колпаковой 14 июня в деревнях Верховье, Погост, Тарасы от подростков и девушек 18 лет, представлены в собрании: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 1–3, 7–8, 10, 13, 15. Совместно с Колпаковой в Верховье работал Гиппиус, выполнивший слуховые нотации песен от Аксиньи Федоровны Захаровой, 46 лет, с хором (ГВСМЗ. В-38288. № 20а–21), с пометкой «в 11 часов утра», что соответствует записи в его дневнике: «Мы заход⟨или:⟩ 1) к Королевым из Погоста, 2) в 11 часов утра Верховье. Первый сбор в избе. Пелись хором „Раздивья тому на свете”,

Вторая половина дня. А. М. Астаховой

Записаны тексты песен от Устиньи Фе⟨доровны⟩ Лопаткиной[37] и ряд частушек и ⟨песен?⟩ от девочек от 8–14 лет[38].

Н. П. Колпаковой //

Вторник *л. 5 об.*

15/VI. 1я половина дня.

А. М. Астаховой Записаны заговоры от А. Т. Лопаткиной[39], сказки от Васи Лопаткина, и слышанные им, и собственно им сложенные[40].

Н. П. Колпаковой. Записаны текст рабочих песен и ряд частушек.

⟨Вто⟩рая половина дня

⟨А. М.⟩ Астаховой записаны тексты старинных ⟨песе⟩н от старух, моло⟨дух⟩ и девушек из ⟨Вер⟩ховья[41]. Много част⟨у⟩шек от девушек ⟨и де⟩вочек подростков. От них же ⟨зага⟩дки.

⟨Н. П. К⟩олпаковой — производились записи ⟨...⟩ ⟨В⟩ерховье. //

среда *л. 6*

16/VI. Первая половина дня.

А. М. Астаховой записаны загадки, частушки и песни от девочек 8–14[42] лет, одна сказка от девочки 11 лет; от Васи Лопаткина сказки. Пришли Верховенские девушки, принесли свои частушки[43]; от одной девушки записана сказка.

„Как один купец рассказ⟨ывал⟩" и т. д. Растерянность наша. Зап⟨исано⟩ на слух „Как один купец" и „За годочек"» [Гиппиус, с. 245].

[37] См. записи от У. Ф. Лопаткиной в тетради Астаховой и машинописных копиях: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. № 2; № 16. Л. 13–14. От нее же Гиппиус сделал записи на фонограф, которые позже были утрачены.

[38] Ряд песен, записанных от подростков и девушек 18 лет, но без указания авторства записи, представлены в рукописном собрании: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. С Астаховой совместно работали представители Музо, что подтверждается записями: «Пошли записывать бесёду девушек на Пог⟨осте⟩. Взросл⟨ые⟩ танц⟨евали⟩ кандрель под балалайку. 2 песни мал⟨еньких⟩ дев⟨очек⟩» [Гиппиус, с. 246], — а также слуховыми нотациями частушек, лирических и кадрильных песен, выполненными на сеновале у школы от хора девочек 8–12 лет (10 человек) (ГВСМЗ. В-38288. № 10–20, 22–24).

[39] См. записи в полевой тетради Астаховой: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. № 3.

[40] См. выше.

[41] Помимо рукописных записей текстов, в Верховье проводилась запись на фонограф, в которой участвовали представители всех отделов и групп [Подрезова 2022, с. 260; Гиппиус, с. 246]. Фонозаписи хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ РАН: ФА ИРЛИ. К. 1. ФВ 008–011.

[42] Цифра переправлена. Первоначально указано: 13.

[43] Ср. запись в дневнике Гиппиуса: «16/VI. Конда Бережская. Утро. Три дев⟨ушки⟩ из Верховья (в Школе)» [Гиппиус, с. 246]. Сотрудниками Музо от них же были сделаны слуховые нотации, снабженные комментариями «Школа. Мария Григ⟨орьевна⟩ Утицына и три девочки из Верховья» (ГВСМЗ. В-38288. № 30–33).

Н. П. Колпакова ходила в деревню Кондобережье[44], записала несколько песен и старинных частушек от одной старухи.

Вторая половина дня. А. М. Астаховой от девушек из Верховья записаны песни[45], частушки, загадки, от А. Т. Лопаткиной два заговора[46] и байканье[47].

Н. П. Колпаковой в Кондобережье записана от Ир⟨ины⟩ Алексеевны Оме⟨л⟩ьиной[48] старинная свадьба[49].

Вечером присоединилась к группе Лито И. В. Карнаухова, привезшая из Петрозаводска несколько добавочных стихов из былины о Д⟨обрыне⟩ Н⟨икитиче⟩[50] от Степановой[51] и сказку о Настасье Королевне[52]. //

л. 6 об. 17/VI.

Первая половина дня. Сибово

А. М. Астаховой и И. В. Карнауховой совместно с Музо — З. В. Эвальд записано от старика Кудрова[53] — былины о Романе Дмитриевиче[54], сказка

---

[44] Полное название деревни — Кондобережская.

[45] Сотрудники Лито вели работу с коллективом исполнителей д. Верховье совместно с представителями Музо (предположительно, с Гиппиусом), ср: фонозаписи от хора женщин, в котором запевала Марья Михайловна Политова, 46 лет (ФА ИРЛИ. ФВ 012–016). Вместе с тем тексты песен, записанные от М. М. Политовой, в архивной описи атрибутированы не Астаховой, а Колпаковой (ср.: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 4–5).

[46] См. записи в полевой тетради Астаховой и машинописные копии: Там же. Ед. хр. 3; Ед. хр. 23.

[47] Байканье — колыбельная. См. записи колыбельных: Там же. Ед. хр. 2.

[48] В дневнике ошибочно записано: «Омерьиной». Согласно дневнику Гиппиуса, Ирина Алексеевна Омельина, 53 лет, пришла к представителям Музо накануне, 15 июня, и «с дороги» позвала записывать [Гиппиус, с. 246]. В тот же день на фонограф от ансамбля, в котором запевала И. А. Омельина, были записаны романс «Зачем я тебя полюбила» и лирическая песня «Жил я маленький — горя не было», текст лирической песни был записан Колпаковой также 15 июня (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 28).

[49] Вероятно, Колпакова работала совместно с Гиппиусом, который 16 июня записал в дневнике: «Частушки у ⟨О⟩мелиной и Солд⟨атские⟩ песни у Шуры Утицына ⟨12 лет⟩» [Гиппиус, с. 247], что подтверждается слуховыми нотациями песен и частушек в исполнении И. А. Омельиной и Ш. Утицына (ГВСМЗ. В-38288. № 34–37) и соответствующими им записями текстов, выполненных Колпаковой (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 26–27, 16–20).

[50] Фраза «из былин о Д. Н.» вставлено сверху мелким почерком.

[51] Анастасия Степановна Богданова.

[52] «Добавочные стихи» былины и текст сказки «Настасья-королевна» в записи Карнауховой см.: Там же. Ед. хр. 12, Ед. хр. 2 и Ед. хр. 14. № 1. Л. 1–3 соответственно. Сказка опубликована в издании: [Карнаухова 2008, с. 176–180, № 64].

[53] Кузьма Семенович Кудров, 83 г.

[54] Сюжет «Князь Роман и братья ливаки», или «О двух братьях ливаках» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 1). Слуховая нотация былины, выполненная, вероятно, З. В. Эвальд, сохранилась в альбоме: ГВСМЗ. В-38288. № 47. К нотации дано развернутое примечание: «Былина о братьях Ливиках. Она же записана в фонограф. Но я ее помещаю, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ возможно, что эти попевки не повто-

о П⟨етре⟩ В⟨еликом⟩[55], побывальщина об Иване Грозном, несколько прибауток и комич⟨еских⟩ песен[56]. Прослушала повесть о Плакиде-воине[57]. И. В. Карнаухова, кроме того, записано нескольк⟨о⟩ считалок и одна сказк⟨а⟩ от детей[58].

Н. П. Колпаковой записаны песни и частушки от взрослых женщин[59].

Вторая половина дня. Кондобережье.

А. М. Астаховой записана одна сказка от мальчика 12 лет. Всеми Лито сделаны наблюдения и записи во время сватанья[60]. //

18/VI — пятница. *л. 7*

Первая половина дня.

А. М. Астаховой прослушана сказка о П⟨етре⟩ В⟨еликом⟩ от старика Кудрова и отмечены некоторые варианты этой сказки[61].

Н. П. Колпакова — приводила в порядок собранный материал.

И. В. Карнаухова — от детей записаны три сказки[62], три свадебн⟨ые⟩ песни от женщины и несколько частушек от 30-летней женщины.

Вторая половина дня. Все Лито ездило в Вигово[63].

рялись. Каждый раз поет различно. В фонограф пел хуже». Фоновалик с записью этой былины не сохранился.

[55] Текст «Сказки о Петре Великом и солдате» опубликован в издании: [Карнаухова 2008, с. 162–166, № 55].

[56] Тексты указанных жанров см.: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 1, 12.

[57] Вероятно, имеется в виду вариант жития «Сказание о Евстафии Плакиде».

[58] В материалах экспедиции хранится запись сказки про разбойников, записанная от Анны Ореховой, 12 л. (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 49–50).

[59] См.: Там же. Ед. хр. 16. Л. 33–34. Работа велась совместно с Гиппиусом, ср. запись в его дневнике с упоминанием Натальи Дмитриевны [Гиппиус, с. 247], от которой были сделаны слуховые нотации нескольких песен и частушек (ГВСМЗ. В-38288. № 42–45). Рядом с напевом частушек дано указание на текст, записанный Колпаковой: «Н. К.» (Там же. № 47).

[60] В записи свадебного обряда участвовали представители всех отделов, что подробно описала в своем дневнике Колпакова [Колпакова, с. 27]. Соответствующую запись в свой дневник внес также Гиппиус: «5 ч⟨асов вечера:⟩ Свадьба в Конда Бережской» [Гиппиус, с. 247].

[61] См. примечание выше. В этом сеансе участвовали также представители Музо, ср. описание работы в дневнике Гиппиуса: «18/VI. Сибово на фон⟨ограф⟩ Марфа Кудр⟨ова⟩. Свад⟨ебные⟩ прич⟨итания⟩ и песни и был⟨ина⟩ о Леваках. Ст⟨арик⟩ Кудр⟨ов⟩ в пьяном виде» [Гиппиус, с. 247]. Валик с записью былины не сохранился.

[62] В с. Великая Губа записаны сказки от Александра Утицына, 12 лет (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 26–28). Также без указания авторства записи в этот день были записаны сказки от Миши Панкратова, 12 лет, из д. Кондобережской (Там же. Ед. хр. 14. Л. 35–36).

[63] В Вигове были сделаны слуховые нотации «заплачки» с пометкой «⟨тетр⟨адь⟩ у Карнауховой)», песни «Как один купец» с ремаркой «5 девочек, сопровождавшие Анну Михайловну» и детских частушек (ГВСМЗ. В-38288. № 77–79). Поскольку Е. В. Гиппиус в этот день не оставил записей о своей работе в Вигове (см.: [Гиппиус, с. 247]), можно предположить, что совместно с Лито работали Е. В. Эвальд или В. В. Эвальд.

А. М. Астаховой записаны четыре сказки от детей и сделаны наблюдения над двумя крестьянами Коковкиными, знающими и сказывающими былины[64].

Н. П. Колпаковой собраны частушки, песни, загадки от старухи и от девушек.

И. В. Карнауховой — четыре досюльных песни[65], причитание и раёшник. //

л. 7 об. 19/VI Суббота.

Утро: приводили собранный материал в порядок.

В 2 часа отправились в Яндомозеро.

В Яндомозере:

А. М. Астаховой записаны ряд песен, частушек, загадок и народных поверий от девочек 9–13 лет.

Н. П. Колпаковой записаны частушки, загадки, байканья от девочек 8–13 лет.

И. В. Карнауховой записано несколько сказок от старика Митрофанова[66]. //

л. 8 20/VI — Воскресенье

А. М. Астаховой записаны четыре сказки от девочек 10–13 лет в Яндомозере[67] из дер⟨евни⟩ Потапово[68]; от них же песни, частушки, байканья. От старухи Юдиной три досюльные песни[69] и похоронный причет; приговоры

---

[64] Петр Ефимович Коковкин, 75 лет, и его племянник Петр Михайлович Коковкин, 42 лет. В статье, посвященной былинной традиции Заонежья, Астахова дала подробную характеристику мастерства сказителей, их репертуара, манеры сказывания (без напева) и источников их былинного знания. Так она указывала, что никто из Коковкиных других сказителей не слышали, былину о «Дюке Степановиче» выучили по «листочкам», восходящим к изданию П. Н. Рыбникова, былину читают или сказывают без напева, см.: [Астахова, с. 81].

[65] В коллекции Колпаковой содержатся тексты лирических песен, записанные от Евдокии Лукиничны Степановой, 31 год (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 22–23), которые, скорее всего, были зафиксированы Карнауховой. Так, от Степановой предположительно Гиппиусом были сделаны слуховые нотации (ГВСМЗ. В-38288. № 49–51). В том же месте слуховые нотации песен были выполнены от Марьи Степановны, 53 лет, тексты которых, согласно примечанию, записывала именно Карнаухова (Там же, № 52–54).

[66] Иван Васильевич Митрофанов, 64 года. Подробнее о сказочнике см.: [Карнаухова 1927, с. 107–109]. В этот день от него были записаны сказки: «Сучий сын», «Окати-горошка», «Иван-Ветер», «Старый ох и молодец», «Иван царевич и старуха», «О жар-птице», «Незнайка», «Купецкая дочь», «Три слова», «Про Матрену» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 51–72, 76–86), выборочные тексты опубликованы: [Карнаухова 2008, с. 119–150, № 41–50].

[67] См. сказки «Дарья-ригочница», «Бедная девочка» в записи от Серафимы Редькиной, 12 лет (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 96–97).

[68] Вариант названия, встречающийся в дневниках, — Потаповщина.

[69] Надежда Ивановна Юдина, 66 лет, из Яндомозера. Сотрудниками Музо (вероятно, В. В. Эвальдом и З. В. Эвальд) от нее были сделаны слуховые нотации нескольких песен, см.

дружек и несколько солдатских песен от старика Катачилова (?) из д⟨еревни⟩ Потапово; два заговора.

Н. П. Колпаковой записаны в Потаповщине[70] и Есине ряд частушек, песен, загадок и заговоров от детей, девушек, взрослой бабы и старухи[71].

И.В. Карнауховой записаны от старика Митрофанова шесть сказок[72].

В Потаповщине — присказка и комич⟨еская⟩ сказка от крестьянина[73]. // *л. 8 об.*

Понед⟨ельник⟩

21/VI. А. М. Астахова вместе с Тео (Всеволодский, Писарев и ⟨Р. Р. Суслович[74]⟩) и с одним из Музо (З. В. Эвальд[75]) провели весь день в Кондобережье, наблюдая и записывая свадьбу[76]. Из Яндомозера выехали в 10½ часов утра. Вернулись в Великую Губу в 11 часов вечера.

И. В. Карнаухова записала в Яндомозере шесть сказок (три от старика Митрофанова, две от девочки, одну передал ⟨нрзб⟩ крестьянин) и две досюльные песни.

Н. П. Колпакова обследовала деревни Истомино[77], Комлевщина[78], Есино — Яндомозерск⟨ой⟩ волости, записала песни кадрильные, байканья, загадки, заговоры, песни. В седьмом часу вернулись обе в Великую Губу и приводили в порядок собранный материал. //

ремарку: «Веселая старуха» (ГВСМЗ. В-38288. № 68, 75, 76).

[70] Сохранились тексты песен в записи от Марьи Григорьевны Фокиной, 19 лет, Ефимьи Федоровны Колтыревой, 45 лет, из д. Потапово, возможно ошибочно отнесенные к 19 июня (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 103–105). Совместно с Колпаковой записи вел Гиппиус [Гиппиус, с. 248].

[71] См., например, записи свадебной песни «У стола, стола дубового» от Александры Антоновны Лопаткиной, 30 лет, из д. Есино (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 17. Л. 101; ГВСМЗ. В-38288. № 74) и шуточной песни от Ульяны Юдичны Пименовой, 71 год, из д. Есино (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 102).

[72] В этот день от И. В. Митрофанова были записаны сказки: «Забытой», «Разбойник-купец», «Про Обельщину», «Мельник-колдун» и, возможно, другие, см. машинописные копии: Там же. Ед. хр. 14. Л. 73–75, 87–93.

[73] В д. Потапово от Михаила Евдокимовича Ульянова, 40 лет, была записана бытовая сказка «Дьякон и мужик» (Там же. Ед. хр. 14. Л. 94–95). См. также: [Карнаухова 2008, с. 150–154, № 51–52].

[74] Для фамилии было оставлено пустое место.

[75] Сохранились слуховые нотации свадебных песен: ГВСМЗ. В-38288. № 80–82.

[76] В общем дневнике упоминается также А. В. Финагин и сотрудники других отделов [Подрезова 2022, с. 286].

[77] См., например, записи песен от Насти Омельиной, 15 лет (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 17. Л. 96, 97).

[78] Иное название — Комлево. Сохранились записи Колпаковой, выполненные от Елены Васильевны Ермилиной, 19 лет: Там же. Ед. хр. 16. Л. 98–100. Совместно с Колпаковой работал Гиппиус, что подтверждается записью в его дневнике: «Комлево. А. А. ⟨О⟩мелина. 3 кадр⟨ильные⟩ песни» [Гиппиус, с. 248] — и слуховыми нотациями, сделанными от А. А. Омелиной, Е. В. Ермиловой и др. (ГВСМЗ. В-38288. № 71–73).

л. 9 22/VI Вторник

Приводили в порядок собранный материал[79].

И. В. Карнаухова и Н. П. Колпакова в Вигове записали сказки[80], загадки, заговоры и т. п.

А. М. Астахова в дер⟨евне⟩ Тарасы́ — частушки, байканья и, вместе с Музо, несколько прибутырок от крестьянки Курнашевой[81]. //

л. 9 об. 23/VI Среда

А. М. Астахова и И. В. Карнаухова в дер⟨евне⟩ Сибово обследовали две семьи, Ореховых[82] и Нестеровых.

И. В. Карнауховой записаны две сказки от д⟨еда⟩ Орехова и его сказочный репертуар[83]. А. М. Астаховой — ряд частушек, загадок и считалок от детей дер⟨евни⟩ Сибово.

Н. П. Колпакова обрабатывала собранный материал.

Вторая половина дня.

Все члены Лито приводили в порядок собранный материал.

24/VI Четверг

В 12½ часов прибыли в Космозеро.

Вторая половина дня была посвящена предварительным разведкам. Были у учителя В. И. Федоркова[84]. Получили от него собранный им фольклорный материал[85].

---

[79] Вероятно, этот день был общеэкспедиционным днем обработки собранного материала, ср. запись Гиппиуса: [Гиппиус, с. 248].

[80] См., например, тексты сказок от Марьи Степановны Мичуриной, 53 лет (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 28–34).

[81] Фонозапись в этот день не велась. Сохранилось несколько слуховых нотаций, сделанных в этот день, вероятно, З. В. Эвальд (ГВСМЗ. В-38288. № 84–89), ср. ремарку: «(текст у Анны Мих⟨айловны⟩)» (Там же. № 84). Гиппиус, согласно записи в дневнике, в этот день систематизировал материал [Гиппиус, с. 248].

[82] Семья Дмитрия Андреевича Орехова, 42 лет, «балагура и сказочника», см. о нем: [Карнаухова 1927, с. 105; 2008, с. 462–464].

[83] От Д. А. Орехова были записаны сказки «Солдат Андрей» и «Про Петра Великого» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 43–48), позже опубликованные в издании: [Карнаухова 2008, с. 154–161, № 53–54]. Ранее от Анны Ореховой была записана сказка про разбойника (см. выше).

[84] *Василий И. Федорков* — сельский учитель, воспитанник Петрозаводской учительской семинарии.

[85] Коллекция фольклорных материалов, собранная В. И. Федорковым в 1915–1923 гг., хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (К. 73). О ее составе и деятельности В. И. Федоркова см.: [Рейли].

Вечером были записаны: от крестьянина Горшкова былина о Дунае[86], от Касьянова былина о Вольге и три сказки[87], ряд песен и частушек от девушек и женщин. //

25/VI. Пятница. Первая половина дня. *л. 10*

А. М. Астаховой и И. В. Карнауховой записана от крестьянина П. Г. Горшкова былина о Ставре Годин⟨овиче⟩[88] и начата былина об И⟨лье⟩ М⟨уромце⟩[89].

Н. П. Колпакова записывала песенный репертуар от девушек Касьяновых[90].

На льнище[91] записывала песни девушек.

Вторая половина дня.

А. М. Астаховой и И. В. Карнауховой записана вся былина об И⟨лье⟩ М⟨уромце⟩ (восемь эпизодов)[92].

Н. П. Колпаковой записаны тексты песен, частушек, загадки и пр⟨очее⟩ от приходивших крестьян[93]. //

---

[86] Первоначально написано «Добрыне», зачеркнуто и исправлено сверху. Текст былины «Сватовство Дуная» был записан совместно Астаховой и Карнауховой, однако в публикации ошибочно указана другая дата записи — 23 июня [Былины Севера, с. 360–369, № 158, с. 738].

Согласно описи экспедиционных фонограмм, составленной Гиппиусом, 24 июня в исполнении *Петра Григорьевича Горшкова* (1875–1949) на фонограф были записаны: былина о свадьбе князя Владимира и историческая песня «о Царе Иване Васильевиче» [Гиппиус, с. 251], однако валик с фонозаписями не сохранился. Текст исторической песни опубликован: [Былины Севера, с. 373–376, № 160].

[87] Известный сказитель *Иван Иванович Касьянов* (1860–1926?), сын сказителя Ивана Аникеевича Касьянова. Запись сказок вела Астахова (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 4). От отца Касьянов усвоил только одну былину — о Волге Всеславьевиче: [Былины Севера, с. 323–327].

[88] Текст былины под названием «Сталовёрст» опубликован Астаховой [Былины Севера, с. 369–373, № 159]. В издании указана ошибочная дата записи — 23 июня [Былины Севера, с. 799].

[89] Текст былины, состоящий из 867 строк, опубликован: [Былины Севера, с. 334–360, № 157]. В издании указана ошибочная дата записи — 23 июня [Былины Севера, с. 747].

[90] В этот день Колпакова записала тексты песен от Кати Касьяновой, 12 лет (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 52–58, 60, 61), сотрудники Музо выполнили слуховые нотации от Наташи, Насти и Кати Касьяновых и Николая Осиповича Коренного, брата учителя и этнографа П. О. Коренного (см. ниже) (ГВСМЗ. В-38288. № 103–111, 139), и запись на фонограф лирической песни «Верно, что все прошли у нас веселые деньки» от Насти Касьяновой, 17 лет, певшей в составе квартета (запевала Анна Андреевна Чуркина, 60 лет) (ФА ИРЛИ. ФВ 022). Ср. также упоминание всех трех сестер в дневнике Гиппиуса [Гиппиус, с. 248].

[91] Льни́ще — угодья, «поле, бывшее подо льном», а именно: «подсека под лен» и «место, где стелют, гноят, сушат лен» [Даль, с. 252].

[92] Имеется в виду продолжение записи былины от П. Г. Горшкова (см. выше).

[93] Ср. записи в дневнике Гиппиуса и опись фоноваликов за этот день: [Гиппиус, с. 248–249, 251–252], а также слуховую нотацию песни «Как один купец рассказывал» (ГВСМЗ. В-38288. № 21а).

л. 10 об. 26/VI Суббота.

Первая половина дня.

Н. П. Колпакова на льнище во время работы записывала песни, частушки, загадки и пр⟨очее⟩.

И. В. Карнаухова обследовала вместе с Музо дер⟨евни⟩ Новинки и Миково[94].

(записано мало, крестьяне заняты работой)

Вторая половина дня.

А. М. Астаховой от матери Коренного[95] записан ряд заговоров. Кроме того, в отношении заговора обследованы дер⟨евни⟩ Демидово и Артово. Записано несколько заговоров и отрывок стиха о Егории Храбром.

И. В. Карнаухова записывала от детей сказки[96] и частушки.

Н. П. Колпакова записывала тексты песен от собравшихся женщин и девушек. //

л. 11 27/VI Воскресенье

Первая половина дня.

Все Лито приводило в порядок собранный материал.

Вторая половина дня

И. В. Карнаухова обследовала сказочный и песенный репертуар детей Космозера.

Н. П. Колпакова и А. М. Астахова записывали песни и частушки на гулянке в Космоз⟨ерском⟩ погосте[97].

---

[94] Сохранились слуховые нотации (ГВСМЗ. В-38288. № 138, 148), выполненные, по всей вероятности, З. В. Эвальд, В. В. Эвальдом или А. В. Финагиным, поскольку известно, что Е. В. Гиппиус продолжил работать в д. Космозеро с теми исполнителями, с которыми работал накануне [Гиппиус, с. 252–253].

[95] *Петр Осипович Коренной* (1888–1938) — родственник сказителя И. И. Касьянова (муж сестры Касьянова [Мошина, с. 240]), заонежский учитель, собиратель фольклора, публиковал материалы по фольклору, этнографии и истории края в губернской периодической печати, подготовил издание заонежских сказок [Коренной]. Мать П. О. Коренного — *Пелагея Никифоровна Коренная* (в девичестве Богданова) (1866, дер. Фоймогуба, Толвуйская волость, Петрозаводский уезд — 1939). Биографический очерк о П. Н. Коренной и характеристику ее сказочного репертуара см.: [Карнаухова 1927, с. 110–111].

[96] В коллекцию вошли тексты сказок: «Про покойника Ваню», записанная от Кати Касьяновой, 12 лет (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 110), «Ореховая ветка» от Шуры Куницина, 11 лет (Там же. Л. 113), «Бедная королева» от Марии Якушовой, 10 лет (Там же. Л. 115), «Попадья и работник» в исполнении Шани Поздняковой, 13 лет (Там же. Ед. хр. 14. Л. 148).

[97] См. некоторые записи Колпаковой: Там же. Ед. хр. 16. Л. 33, 37–49, 87. Кроме того, 27 июня были записаны тексты хороводных, лирических песен и романсов от Насти Касьяновой (Там же. Л. 49, 59, 62–68) и Наташи Касьяновой, 16 лет (Там же. Л. 69–75).

Приехала Т. В. Попова и сообщила о работе, произвед⟨енной⟩ Бернштейном и ею в районе Сенной Губы[98].

Решено поручить Т. В. Поповой наблюдения над говором изучаемых местностей[99]. // [Л. 11 об., 12 пустые.]

28/VI Понедельник *л. 12 об.*

А. М. Астаховой и Т. В. Поповой обследована деревня Комлево. Записаны от старухи П. Н. Филипповой две былины, один дух⟨овный⟩ стих[100] и одна легенда.

От старухи Пахомовой Т. В. Поповой записаны две сказки[101], А. М. Астаховой от крестьянки Парфеновой несколько причетов[102].

И. В. Карнаухова обследовала сказочный репертуар Горшкова[103] и Касьянова[104] и записывала сказки, песни и частушки от детей Космоз⟨ерского⟩ Погоста.

---

[98] *Татьяна Владимировна Попова* — лингвист, действительный член Лито, сотрудница Кабинета звучащей художественной речи. С 20 по 27 июня работала в районе Сенной Губы сначала совместно с С. И. Бернштейном, а затем самостоятельно. Согласно общему дневнику экспедиции, Т. В. Попова прибыла в 11 часов вечера [Подрезова 2022, с. 288]. В первой половине дня она вела работу в Сенной Губе и сделала ряд записей на фонограф от Анны Константиновны Лучиной [Подрезова 2019, с. 449]. Более подробно о собирательской работе С. И. Бернштейна и Т. В. Поповой в деревнях Сенногубской вол. см.: [Подрезова 2019, с. 448–449; Подрезова 2022].

[99] Результаты наблюдений Т. В. Попова отразила в «Списке записей по районам» и кратком описании фонетических особенностей речи заонежан [Подрезова 2022, с. 308–309].

[100] Пелагея Никитична Филиппова, 73 лет, из д. Комлево Космозерской вол., о ней см.: [Астахова 1927, с. 88; Былины Севера, с. 385]. От сказительницы Астаховой и Поповой совместно были записаны былины «Добрыня и Настасья Микулична» и «Женитьба князя Владимира» [Былины Севера, с. 386–392, № 163, 164] и духовный стих «Егорий Храбрый» [Петрова 1998, с. 457–458, № 8]. Как установила Л. И. Петрова при сличении рукописных записей обеих собирательниц, запись велась одновременно, затем, при повторном посещении Филипповой 1 июля, «более четкая и полная запись Т. В. Поповой правилась А. М. Астаховой во время вторичного исполнения стиха» [Петрова 1998, с. 486].

[101] Степанида Осиповна Пахомова из д. Комлево. См., например, текст сказки о петушке и курочке: (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 1).

[102] Анна Петровна Парфенова, «много поет, все песни знает и сказки знает» [Петрова 1998, с. 488]. Помимо трех свадебных причитаний, от нее был записан духовный стих «О двух Лазарях» [Петрова, 1998, с. 473–474, № 17].

[103] Сказочный репертуар П. Г. Горшкова подробно охарактеризован в статье: [Карнаухова 1927, с. 111–113].

[104] В этот день от И. И. Касьянова были записаны сказки: «Три царских сына», «Две невестки», «Солдат и барин», «Хитрый солдат» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 105–109). Карнаухова дала характеристику Касьянова как сказочника [Карнаухова 2008, с. 385–386 и XI], а также опубликовала сказку «Хитрый солдат» [Карнаухова 2008, № 36].

Н. П. Колпакова обследовала дер⟨евню⟩ Новинки[105].

На льнище во время работы записывала песни и частушки.

Вечером записывала песни и частушки от девушек во время катанья в лодке. //

л. 13 29/VI Вторник

Первая половина дня

Н. П. Колпаковой обследована дер⟨евня⟩ Ми́ково, где собрано ряд частушек и песен. И. В. Карнаухова и Т. В. Попова записывали сказки от крестьянина Горшкова[106].

А. М. Астахова приводила в порядок собранный материал.

Вторая половина дня.

Н. П. Колпаковой записан ряд песен от матери учителя Коренного[107].

И. В. Карнаухова обследовала сказочный материал в районе Космозерск⟨ого⟩ Погоста и записала несколько сказок. //

л. 13 об. А. М. Астаховой произведены наблюдения над крестьянином М. Е. Самылиным[108] и записаны от него былины и духовные стихи[109].

---

[105] Согласно сохранившимся материалам, в д. Новинки Колпакова работала с Марией Петровной Ведёшкиной, 39 лет (см., например: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 88–94; Ед. хр. 17. Л. 14–19).

[106] В сказочный репертуар Горшкова, по свидетельству Карнауховой, входили в основном переделки лубочных романов, в которые он вставлял былинные обороты, ср. сюжеты: «Францель Венециан», «Гуак», «Про английского лорда-Митюрда», «Про Марцимериса», «Про Ивана-Царевича, Лукопера-Царевича и Василья-Царевича» и др. [Карнаухова 1927, с. 113].

[107] П. О. Коренной. Помимо песенного материала (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 77, 82а–83), в тот день от П. Н. Коренной были записаны сказки: «Лисица и волк», «Волк, лиса и масло», «Петух и курица», «Горошина», «Три сестры купецкие», «Мертвые мужья», «Девушка и звери» (Там же. Ед. хр. 14. Л. 119–123, 137–138, 141–142). Некоторые сказки были приведены целиком или во фрагментах [Карнаухова 1927, с. 110–111], а позже опубликованы [Карнаухова 2008, с. 90–104, № 20–31]. Гиппиус записал от Коренной на фонограф детские потешки и балладу «Как было у Пашуци».

[108] *Матвей Егорович Самылин* (1879–?), 47 лет, проживал в д. Демидово Космозерского сельсовета. См. о нем подробнее: [Астахова 1927, с. 84–85; Былины Севера, с. 377–378].

[109] От Самылина Астахова записала былину «Про Ставра», балладу «Молодец и худая жена» [Былины Севера, с. 379–384, № 161, 162] и несколько духовных стихов: «Егорий Храбрый», «Про братьев Лазарей» [Петрова 1998, с. 463–463, № 12; с. 475–476, № 19] и «Алексей человек Божий» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 9. Л. 3–6). Совместно с Астаховой работали представители Музо, сделавшие слуховую нотацию былины о Ставре Годиновиче (ГВСМЗ. В-38288. № 175).

30/VI Среда

И. В. Карнауховой обследован сказочный репертуар членов семьи Коренного[110] и записано от них ряд сказок[111]. Вместе с А. М. Астаховой записана сказка от П. П. Рябова с Хмельозера[112].

Н. П. Колпаковой записаны приговоры и песни от П. Н. Коренной[113].

А. М. Астаховой записано несколько заговоров в районе Демидова и Дриски[114] и несколько свадебных причетов от старухи Афанасьевны[115] из Дриски.

1/VII Четверг. Утром выступили из Космозера в Великую Ниву.

По дороге, в Комлеве, проведены тексты записей былин и дух⟨овный⟩ стих[116]. //

---

[110] П. О. Коренной.

[111] Несколько сказок было записано от сына П. О. Коренного, Владимира Петровича Коренного, 6 лет: «Печеночка», «Змей и цыган» [Карнаухова 2008, с. 104–106, № 32–33], от Марии Коренной: «Краса — долга коса», 32 лет (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 143–144), и от матери, Пелагеи Никифоровны, 60 лет: «Колобок» (Там же. Л. 129). От нее же были записаны и другие сказки, дату записи которых установить пока не удалось: «Сани», «Старик и волк», «Посулено», «Глиняный парень», «Про Катю», «Морозко», «Мишка да мышка», «Кумушка» (Там же. Л. 124–136, 139–140). Кроме того, в тот же день Т. В. Попова записала на фонограф от П. Н. Коренной три сказки: «Про петуха, курочку и лисицу» (ФА ИРЛИ. ФВ 768), «Колобок» (ФВ 769.01), «Про девку Пашку» (ФВ 769.02). Однако звуковая версия сказки «Колобок» существенно отличается от рукописного варианта, приписываемого Коренной и опубликованного в сборнике [Карнаухова 2008, с. 96–97].

[112] *Павел Петрович Рябов*, 24 лет, д. Хмельозеро Фоймогубской вол. — плотник, был известен как сказочник и песельник [Карнаухова 1927, с. 105]. От него были записаны две сказки: «Прикащик и купецка дочь» и «Три брата» [Карнаухова 2008, с. 115–117, № 39–40].

[113] От П. Н. Коренной были записаны также тексты свадебных причитаний, см., например: РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Оп. 1. № 16. Л. 82; № 17. Л. 9–13. Совместно с Колпаковой работал Гиппиус.

[114] Деревня Демидовская (Карташевская) и выселок Дриска входили в Космозерское общество Великогубской волости. Космозерский погост включал выселок Дриска.

[115] Аграфена Афанасьевна. А. М. Астахова вела записи совместно с представителями Музо (кроме Е. В. Гиппиуса, который в этот день работал с П. Н. Коренной в Космозере [Гиппиус, с. 249, 254–255]), см. слуховые нотации причетов, где имя исполнительницы записано иначе: Аграпенья: (ГВСМЗ. В-38288. № 156, 157).

[116] Сотрудниками Музо выполнены слуховые нотации духовных стихов «Об Алексее, Божьем человеке» и «О двух Лазарях» от Василия Ивановича Сверлова, 83 лет (ГВСМЗ. В-38288. № 163, 164); в д. Комлево — нотация стиха «О Егории храбром» и былины «Добрыня Никитич» (исполнитель помечен инициалами А. М.) (Там же. № 161, 162).

л. 14 В Великой Ниве произведено обследов⟨ание⟩ словесного материала Великой Нивы и дер⟨евни⟩ Якорь-Лядина[117]. Записаны членами Лито несколько песен[118], частушек и загадок.

Обследование и собирание материала было очень затруднено подготовкой местного населения к празднику.

2/VII Пятница.

Н. П. Колпаковой производились записи песен и частушек во время праздника в Палт⟨е⟩ге и Великой Ниве[119].

И. В. Карнауховой и А. М. Астаховой записаны тексты дух⟨овных⟩ стихов от старика Сверлова из Пайниц[120]. Вечером вместе с двумя членами Музо З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиусом отправились в Хмельозеро для обследования семьи Ф. П. Рябова[121]. //

л. 14 об. 3/VII Суббота.

Утром И. В. Карнауховой и А. М. Астаховой записано несколько песен от Ф. П. Рябова в Хмельозере и сказки от его сына[122].

---

[117] Другие названия: Якорьлядина, Якорьледина. Деревня находилась в 2 км от д. Великая Нива, рядом с Палтегой, относилась к Великонивской волости.

[118] См. записи песен, выполненные Колпаковой в д. Великая Нива от Ириши Гороховой, 11 лет, Тищевской Наталии Ивановны, 19 лет (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 17. Л. 106–109). Дата записи некоторых текстов отнесена, скорее всего ошибочно, к 2 июля.

[119] См., например, текст «Сказки про попа», записанный от женщины 45 лет, «не желавшей сказать свое имя», в деревне Великая Нива 2 июля (Там же. Ед. хр. 15. Л. 2–3); тексты песен, записанные от хора девушек 16–20 лет (Там же. Ед. хр. 17. Л. 110–113).

[120] От С. М. Сверлова, 79 лет, из д. Пайницы, Фоймогуба, Астаховой были записаны тексты духовных стихов: «Алексей человек Божий», «О двух Лазарях» [Петрова 1998, с. 485, 489].

[121] Федор Петрович Рябов. В формуляре к фоновалику ошибочно указан возраст 24 года (запись производилась 3 июля, см. примеч. ниже). А. И. Никифоров упоминает Федора Петровича Рябова, 43 лет, проживающего в д. Рябово (Урябовская) Фоймогубской вол. [Никифоров, с. 13].

[122] Вероятно, имеется в виду Иван Федорович Рябов из д. Хмельозеро, 12 лет, от которого Карнауховой была записана сказка «Три брата» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 4–5).

Работа в семье Рябовых проводилась Лито совместно с представителями Музо. Так, 3 июля в исполнении Ф. П. Рябова на два восковых цилиндра были записаны две лирические песни [Гиппиус, с. 255], однако до наших дней сохранился лишь один из них.

По дороге из Фоймогубы в Шуньгу в лодке[123] записаны песни и сказки от крестьянина Белкова из ⟨деревни⟩ Нефёдово[124].

Н. П. Колпаковой записано несколько песен по дороге из Великой Нивы в Фоймогубу[125].

Вечером прибыли в Шуньгу.

4/VII Воскресенье.

И. В. Карнаухова и А. М. Астахова обследовали семью Белкова[126]. //

[Л. 15–18 пустые.]

Задачи Лито: *л. 18 об.*

Выяснить 1) какие из старинных жанров нар⟨одного⟩ словесного творчества оказались наиболее жизнеспособными, какие бытуют, какие исчезли или исчезают.

2) В какой мере сказались на старых формах влияния последнего времени: нового быта, иной идеологии и т. п.

3) Существуют ли какие-либо новые формы, создавшиеся в последнее время.

---

[123] Переход из Фоймогубы в Шуньгу подробно описан в общем дневнике, из которого следует, что сотрудники Музо и Лито добирались в Шуньгу своим маршрутом. Общий состав экспедиции выдвинулся утром пешком из Великой Нивы в Фоймогубу и в 16:10 «вышли на лодке в Шуньгу. Прибыли в Шуньгу в 9.50 м⟨инут⟩ вечера и остановились в школьном помещении». Однако «группа в составе А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой, З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса, вышедшая накануне из Фоймогубы на Хмель-озеро, ночевала в Хорлове, сбившись с дороги, и утром около 10 ч⟨асов⟩ 30 м⟨инут⟩ вышла на Хмельозеро, откуда пришла в Фоймо-губу в 4 ч⟨аса⟩ 30 м⟨инут⟩ дня. К экспедиции группа присоединилась в Шуньге в 11 ч⟨асов⟩ 25 м⟨инут⟩ вечера, сделав переход в лодке из Фоймо-губы в Шуньгу» [Подрезова 2022, с. 268–269].

[124] Тексты трех сказок, записанных от Петра Яковлевича Белкова, опубликованы в издании: [Карнаухова 2008, с. 71–75, № 11–13]. От представителей семьи Белковых — Петра Яковлевича, Ивана Петровича и Ильи Петровича — сотрудниками Музо были сделаны слуховые нотации нескольких песен (ГВСМЗ. В-38288. № 169–173, 176–178).

[125] См., например, текст лирической песни «Вспомнишь, миленький, да поздно», записанный от Антонины Федоровны Ворогушиной, 18 лет, из Фоймогубы (РО ИРЛИ. Р. V. К. 2. Ед. хр. 17. Л. 114).

[126] В этот день Карнаухова и/или Астахова записали несколько сказок от Петра Яковлевича Белкова, 35 лет, и Настасьи Николаевны Белковой, 35 лет (Там же. Ед. хр. 14. Л. 78, 80, 81).

Работа сотрудников Лито проходила совместно с представителями Музо, при этом в дневнике Гиппиуса место записи помечено как д. Нефедово [Гиппиус, с. 255]. На фонограф были записаны песни в исполнении П. Я. Белкова и Ал. Петровича Белкова. Кроме того, вероятно, запись делалась от других членов семьи или близких знакомых: Н. Н. Белковой, Надежды Яковлевны Истоминой. В своем дневнике Гиппиус сделал запись, свидетельствующую об основательной работе с членами семьи Белкова: «4/VII. Нефёдово. Целый день Белков 49. Фон⟨овалики:⟩ 46, 47, 48, 49, 50. 169–175, 177, 178 тетрадка» [Гиппиус, с. 250].

В доме Белковых Астаховой был записан «Плач Богородицы» от Ириньи Михайловны Гириной, 50 лет, из д. Нефедово [Петрова 1998, с. 480, № 24]. Исполнение стиха было записано на фонограф с пометкой: «слабым голосом, плохо слышно» [Гиппиус, с. 256], однако позже валик был утрачен.

Общие наблюдения над словесным искусством в районе Великой Губы.

Из старинных жанров наиболее жизнеспособной оказались старая любовная и семейная лирика. «Досюльные» песни поют не только пожилые люди, но и молодежь. Среди молодежи к этим песням замечается уважение, некоторые девушки интересуются этими песнями и учатся им от старших, но все же предпочитают песни новые, пришедшие из города, и частушку. К «досюльным» //
л. 19 песням относят песни романсного типа — 1й полов⟨ины⟩ XIX века и некоторые из них даже «в моды».

Ряд старых песен потеряли свой обрядовый характер (свадебные песни) и поются в различных случаях; с другой стороны, во время свадебного обряда поются песни позднейшей формации, песни-романсы.

Частушка имеет широкое распространение среди молодежи. Она преимущественно любовная и на общественные вопросы почти не откликается.

Сказка бытует, но не имеет широкого распространения. Сказочников с обширным репертуаром, всеми признанных за больших мастеров в области сказки, почти нет. Сказка живет в недрах семьи, причем репертуар отдельных семей невелик. Замечается движение сказки записанной, из книги, через детей школьного возраста, к старшему поколению. Влияний нового полити- //
л. 19 об. ческого и социального быта по сказке почти не наблюдается [127].

Былин и духовного стиха в Вел⟨икой⟩ Губе нет. У многих крестьян, особенно у молодежи, совсем нет понятий «старина» или «былина». Все же некоторые из крестьян среднего и пожилого возраста, особенно мужчин, слышали, что такие сти́хи раньше пели, слыхали про Рябинина. В дер⟨евне⟩ Сибово живет старик 83 лет Кузьма Семенович Кудров, поющий былину «О двух братьях ливаках»[128] и сказывающий побывальщину об Иване Грозном. Он жалуется на отсутствие должного внимания и интереса к нему. В дер⟨евне⟩ Вигово у двух крестьян обнаружен интерес к былинам и знание текстов нескольких былин. Но знание это они получили не от прежних сказителей, а из изданных во 2й полов⟨ине⟩ 19 в⟨ека⟩ былин, собранных Рыбниковым. //

л. 20 Нет в Великой Губе и известных колдунов и знахарей. Однако заговор еще бытует, и многие пожилые женщины знают по несколько заговоров, необходимых для домашнего обихода. Достать от них эти заговоры очень трудно, т⟨а⟩к к⟨а⟩к они 1) опасаются каких-либо неприятностей; 2) боятся, что заговор потеряет свою силу.

---

[127] По бо́льшей части к сказке относятся как к жанру несерьезному, служащему для забавы, и рассказывают неохотно. — *Примеч. А. М. Астаховой.* Вставлено сверху листа.

[128] Былина «О леваках» была записана на фонограф, однако запись не сохранилась, см. примечание выше.

Вообще же материал добывается сравнительно легко. Население относится с интересом и доброжелательностью к работе экспедиции и идет навстречу. Лито работает в тесном контакте с Музо, совместно наблюдает и записывает песню и временами объединяется в работе с группой Тео, принимая участие в записях свадебных обрядов и текстов игровых и танцевальных песен.

Два дня, проведенные в Яндомозере, могли привести лишь к наблюдениям самого общего характера. Несомненным является большее распространение сказки, и сказки фантастической, и, с другой стороны, бóльшая скудость песенного материала.

Литература

Астахова — *Астахова А. М.* Былина в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 77–103. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Богданова, Любомудров, Останин — Астахова Анна Михайловна // Литераторы Санкт-Петербурга. XX век: Энцикл. справочник / Гл. ред. и сост. О. В. Богданова, ред. и сост. А. М. Любомудров, Б. В. Останин. СПб.: Книжная лавка писателей, 2020. URL: https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/a/astahova-.

Богораз — *Богораз-Тан В. Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 40–50.

Большева — *Большева К. А.* Крестьянская живопись Заонежья // Крестьянское искусство СССР: Сб. Секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств: В 2 т. Л.: Academia, 1927. Т. 1: Искусство Севера: Заонежье. С. 50–61.

Былины Севера — Былины Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. 848 с.: 19 л. портр. и нот. (Материалы рукопис. хранилища Сектора фольклора / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц).

Гиппиус — *Гиппиус Е. В.* Полевой дневник Заонежской экспедиции и письмо к С. И. Бернштейну / Публ. С. В. Подрезовой // Opera musicologica. 2024. Т. 16, № 2. С. 242–267.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2: И–О. [4], 807 с.

Золотарев — *Золотарев Д. А.* Вопросы изучения быта деревни СССР // Этнография. 1926. № 1–2. С. 45–53.

Иванова — *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 800 с., ил.

Карнаухова 1927 — *Карнаухова И. В.* Сказочники и сказки в Заонежье // Крестьянское искусство СССР: Сб. Секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств: В 2 т. Л.: Academia, 1927. Т. 1: Искусство Севера: Заонежье. С. 104–120.

Карнаухова 2008 — Сказки и предания Северного края в записях И. В. Карнауховой. М.: Фонд поддержки эконом. развития стран СНГ, 2008. 543 с.

Колпакова — *Колпакова Н. П.* У золотых родников (записки фольклориста) с рисунками автора / Подгот. текстов: А. Ф. Некрылова, А. В. Грунтовский; библиогр. А. Ф. Некрыловой, вступ. ст. В. Е. Гусева. СПб.: Русская земля, 2002. 332 с.

Коренной — *Коренной П. О.* Заонежские сказки. Петрозаводск: Тип. Олонецкого губ. отдела нар. образования, 1918. 69 с.

Макарьев — *Макарьев С. А.* Полевая этнография: краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР / Под ред. проф. В. Г. Богораза. Л.: Этногр. экскурсионная комис. этноотделения Геофака ЛГУ, 1928. 103 с.

Маркелов — *Маркелов Г. В.* Абрамовы, Михей Иванович (1830–1912?) и Иван Михеевич (1869 — 1930-е гг.), иконописцы из Космозерского погоста Олонецкой губернии // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 49.

Мошина — *Мошина Т. А.* Сказитель из Космозеро Иван Касьянов // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: (Доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 99»). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 233–241.

Набокова, Пигин, Платонов — *Набокова И. И., Пигин А. В., Платонов В. Г.* Заонежские крестьяне Абрамовы: художественное и книжное наследие (к вопросу о старообрядческих поморских традициях в XIX–XX вв.). Кунсткамера. 2023. 4 (22). С. 133–145. DOI: 10.31250/2618-8619-2023-4(22)-133-145.

Никифоров — *Никифоров А. И.* Сказочные материалы Заонежья, собранные в 1926 г. // Сказочная комиссия в 1926 г.: Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л.: Изд. Гос. РГО, 1927. С. 11–21.

Петрова 1998 — Духовные стихи Обонежья (по материалам экспедиций 1926–1932 гг.) / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 4–5. С. 438–491.

Петрова 2025 — *Петрова Л. И.* Дневник беломорского отряда Карельской фольклорной экспедиции 1932 г. // Русский фольклор. СПб.: Нестор-История, 2025. Т. 40: Материалы и исследования / Гл. ред. А. В. Пигин; отв. ред. А. Н. Розов. С. 243–275.

Подрезова 2019 — *Подрезова С. В.* Фольклор Обонежья в звукозаписях С. И. Бернштейна в собрании Фонограммархива Пушкинского Дома // Рябининские чтения — 2019: Материалы VIII конф. по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Сост. и подгот. Т. Г. Иванова, И. В. Мельников. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 446–449.

Подрезова 2022 — *Подрезова С. В.* Самая (не)известная экспедиция: новые документы о первой поездке ГИИИ в Заонежье // Русский фольклор. СПб.: Нестор-История, 2022. Т. 39: Наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова и современная фольклористика: Сб. ст. и материалов / Отв. ред. Н. Г. Комелина. С. 260–317.

Подрезова 2025 — *Подрезова С. В.* «Пишу из настоящей деревни, из настоящей избы»: Экспедиция С. И. Бернштейна и Н. П. Гринковой в Гдовский уезд Петроградской губернии летом 1920 года // Пространства памяти: Сб. материалов и исследований памяти Андрея Николаевича Власова. [Электронный ресурс]: Текстовое научное электронное издание на компакт-диске / Ред.-сост. Т. С. Канева (отв. ред.) и др. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2025. С. 279–295.

Рейли — *Рейли М. В.* Фольклорно-этнографические заметки В. Федоркова «На рыбной ловле»: (По материалам РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2014. Вып. 9. С. 286–316.

Соколов — *Соколов Ю. М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. М.: Фольклорная подсекция лит. секции ГАХН, 1926. Вып. 1. С. 5–29.

References

Bogdanov, O. V., Liubomudrov, A. M., Ostanin, B. V. (2020). 'Astakhova Anna Mikhailovna' ['Astakhova Anna Mikhailovna'], in: *Literatory Sankt-Peterburga. XX vek: Entsiklopedicheskii spravochnik* [*Writers of St. Petersburg. 20th Century: Encyclopedic Reference Book*]. St. Petersburg: Knizhnaia lavka pisatelei Publ., https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/a/astahova (In Russ.)

Ivanova, T. G. (2009). *Istoriia russkoi fol'kloristiki XX veka: 1900 — pervaia polovina 1941 g.* [*History of Russian Folklore Studies in the 20th Century: 1900 — First Half of 1941*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 800 p. (In Russ.)

Karnaukhova, I. V. (2008). *Skazki i predaniia Severnogo Kraia v zapisiakh I. V. Karnaukhovoi* [*Tales and Legends of the Northern Region in the Notes of I. V. Karnaukhova*]. Moscow: Fond podderzhki ekonomicheskogo razvitiia stran SNG Publ., 544 p. (In Russ.)

Markelov, G. V. (2000). 'Abramovy, Mikhei Ivanovich (1830–1912?) i Ivan Mikheevich (1869–1930-e gg.), ikonopistsy iz Kosmozerskogo pogosta Olonetskoi gubernii' ['Abramovs, Mikhey Ivanovich (1830–1912?) and Ivan Mikheevich (1869–1930s), Icon Painters from the Kosmozersky Pogost of the Olonetsk Governorate'], in: *Pravoslavnaia entsiklopediia* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia". Vol. 1, 49. (In Russ.)

Moshina, T. A. (2000). 'Skazitel' iz Kosmozero Ivan Kas'ianov' ['Storyteller from Kosmozero Ivan Kasyanov'], in: *Master i narodnaia khudozhestvennaia traditsiia Russkogo Severa (doklady III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Riabininskie chteniia — 99")* [*The Master and the Folk Art Tradition of the Russian North (Proceedings of the III International Scientific Conference "Ryabinin Readings — 99")*]. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i etnograficheskii muzei-zapovednik "Kizhi", 233–241. (In Russ.)

Nabokova, I. I, Pigin, A. V., Platonov, V. G. (2023). 'Zaonezhie Peasant Family of the Abramovs: Artistic and Book Heritage (Revisiting the Old Believer Traditions of Pomorie in the 19–20th Centuries)', *Kunstkamera*, 4 (22), 133–145. DOI: 10.31250/2618-8619-2023-4(22)-133-145. (In Russ.)

Nekrylova, A. F., Gruntovskii, A. V., Gusev, V. E., eds. (2002). Kolpakova, N. P. *U zolotykh rodnikov (zapiski fol'klorista) s risunkami avtora* [Kolpakova, N. P. *At the Golden Springs (Notes of a Folklorist) with Drawings by the Author*]. St. Petersburg: Russkaia zemlia Publ., 332 p. (In Russ.)

Petrova, L. I. (1998). 'Dukhovnye stikhi Obonezh'ia (po materialam ekspeditsii 1926–1932 gg.)' ['Spiritual Poems of Obonezhye (Based on Materials from Expeditions of 1926–1932)'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. Vol. 4–5, 438–491 (In Russ.)

Petrova, L. I. (2025). 'Dnevnik belomorskogo otriada Karel'skoi fol'klornoi ekspeditsii 1932 g.' ['Diary of the White Sea Team of the Karelian Folklore Expedition of 1932'], *Russkii fol'klor.* [*Russian Folklore*], 40, 243–275. (In Russ.)

Podrezova, S. V. (2019). 'Fol'klor Obonezh'ia v zvukozapisiakh S. I. Bernshteina v sobranii Fonogrammarkhiva Pushkinskogo Doma' ['Obonezhye Folklore in S. I. Bernstein's Sound Recordings in the Collection of the Pushkinskii Dom Phonogram Archive], in: Ivanova, T. G., Mel'nikov, I. V., eds. *Riabininskie chteniia — 2019: Materialy VIII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii traditsionnoi kul'tury Russkogo Severa* [*Ryabinin Readings 2019: Proceedings of the 8th Conference on the Study and Updating of the Traditional Culture of the Russian North*]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk Publ., 446–449. (In Russ.)

Podrezova, S. V. (2022). 'Samaia (ne)izvestnaia ekspeditsiia: novye dokumenty o pervoi poezdke GIII v Zaonezh'e' ['The Most (Un)Known Expedition: New Documents About the First Trip of the State Institute of Archaeology to Zaonezhye'], *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*], 39, 260–317. (In Russ.)

Podrezova, S. V. (2025). '"Pishu iz nastoiashchei derevni, iz nastoiashchei izby": Ekspeditsiia S. I. Bernshteina i N. P. Grinkovoi v Gdovskii uezd Petrogradskoi gubernii letom 1920 goda' ['"I Am Writing from a Real Village, from a Real Hut": The Expedition of S. I. Bernstein and N. P. Grinkova to the Gdovsky District of the Petrograd Province in the Summer of 1920'], in: Kaneva, T. S., ed. *Prostranstva pamiati: sbornik materialov i issledovanii pamiati Andreia Nikolaevicha Vlasova* [*Spaces of Memory: A Collection of Materials and Research in Memory of Andrei Nikolaevich Vlasov*] (electronic publication). Syktyvkar: Syktyvkarskii gosudarstvennyi universitet im. Pitirima Sorokina Publ., 279–295. (In Russ.)

Podrezova, S. V., ed. (2024). 'Gippius, E. V. Polevoi dnevnik Zaonezhskoi ekspeditsii i pis'mo k S. I. Bernshteinu' ['Gippius, E. V. Field Diary of the Zaonezhye Expedition and a Letter to S. I. Bernstein'], *Opera musicologica*. Vol. 16, 2, 242–267. (In Russ.)

Reili, M. V. (2014). 'Fol'klorno-etnograficheskie zametki V. Fedorkova "Na rybnoi lovle" (Po materialam RO IRLI (Pushkinskii Dom) RAN)' ['Folklore and Ethnographic Notes by V. Fedorkov "Fishing" (Based on Materials from the Manuscript Department of Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences)'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014. Vol. 9, 286–316. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 89–104
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-89-104
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 89–104
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Л. И. Петрова

Lyudmila I. Petrova

ПОМОРСКАЯ ДЕРЕВНЯ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. В ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛАХ А. М. АСТАХОВОЙ

A POMORIAN VILLAGE OF THE EARLY 1930S IN THE FIELD MATERIALS OF A. M. ASTAKHOVA

Резюме. Статья написана на материале полевых записей Анны Михайловны Астаховой, произведенных ею в 1932–1933 гг. в разных населенных пунктах Поморского, Карельского и Кандалакшского берегов Белого моря. Работа собирательницы проходила в драматический период ломки традиционного крестьянского уклада жизни, что не могло не найти отражения в экспедиционных записях. Все усиливающаяся антирелигиозная пропаганда велась в то время всеми доступными средствами, в том числе с использованием такого фольклорного жанра, как частушка. В статье приводится ряд образцов частушек, записанных А. М. Астаховой от разных лиц и демонстрирующих всю агрессивность агитации и пропаганды со стороны органов советской власти, а также обнажившиеся противоречия между односельчанами, между разными поколениями деревенских жителей. Кроме собственно фольклорных записей, в материалах собирательницы зафиксированы реалии деревенского быта тех лет, свидетельства очевидцев и факты явного и «скрытого» сопротивления насаждаемому новому жизненному устройству. Собранные А. М. Астаховой материалы хранятся в РО ИРЛИ, подавляющая часть записей не опубликована.

Ключевые слова: А. М. Астахова, поморская деревня, колхозное строительство, церковь, вера, антирелигиозная пропаганда, частушки.

Информация об авторе: Петрова Людмила Ивановна, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, irli-lusya@mail.ru.

Для цитирования: *Петрова Л. И.* Поморская деревня в начале 1930-х гг. в полевых материалах А. М. Астаховой // Словесность и история. 2026. № 3. С. 89–104.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-89-104.

Abstract. This article is based on Anna Mikhailovna Astakhova's field notes, collected in 1932 and 1933 in various settlements along the Pomorian, Karelian, and Kandalaksha shores of the White Sea. Astakhova pursued her work during a dramatic period of disruption in the traditional peasant way of life, which was inevitably reflected in her expedition notes. Anti-religious propaganda was increasingly being waged at that time by every available means, which included the folklore genre of the ditty. The article presents several examples of ditties recorded by A. M. Astakhova from various sources, which demonstrate the aggressiveness of the political agitation and propaganda carried out by the Soviet authorities, as well as contradictions that could be observed among fellow villagers and between different generations in rural areas. In addition to folklore recordings, the collector's materials, including eyewitness accounts and instances of overt and covert resistance to the imposed new way of life, document the realities of village life in those years. The materials

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

collected by A. M. Astakhova are housed at the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom). The overwhelming majority of the recordings have not yet been published.
Keywords: A. M. Astakhova, Pomorian village, kolkhoz, collective farm construction, church, faith, antireligious propaganda, ditties.
Information about the author: Lyudmila I. Petrova, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, irli-lusya@mail.ru.
Received: May 19, 2026. ***Approved***: June 19, 2026.
For citation: Petrova, L. I. (2026). 'A Pomorian Village of the Early 1930s in the Field Materials of A. M. Astakhova', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 89–104.

Как известно, в начале 1930-х гг. Анна Михайловна Астахова побывала в Поморье дважды. В 1932 г. на протяжении почти двух летних месяцев она работала в населенных пунктах Поморского и Карельского берегов Белого моря: Сорока, Шижня, Выгостров, Сумпосад, Колежма, Нюхча, Пертозеро, Вирма (Вирьма), Лапино. В состав экспедиционного отряда, которым исследовательница руководила в то время, входили еще Ирина Валериановна Карнаухова и Александр Николаевич Нечаев. В 1933 г. в течение месяца А. М. Астахова совместно с А. Н. Нечаевым обследовала Кандалакшский берег Белого моря: Кандалакшу, Ковду, Кереть.

Общая информация об этих экспедициях и ее участниках содержится в ряде научных работ начиная со статьи самой А. М. Астаховой 1934 г. [Астахова] и в более поздних публикациях [Сенькина; Марковская; Петрова; и др.]. Но в этих работах практически не задействованы те «натурные» наблюдения собирательницы, которые встречаются среди собственно фольклорных ее записей. Исключительно эти «полевые» наблюдения Анны Михайловны — по сути, редкие свидетельства очевидца событий 1930-х гг. в поморской глубинке[1] — и легли в основу статьи.

Отдельные замечания А. М. Астаховой о некоторых реалиях окружавшей ее во время экспедиций действительности, отрывочно зафиксированные собирательницей разговоры с сельскими жителями и, наконец, записанные ею тексты такого «мобильного» жанра, как частушка, отразили два основных фактора напряженности в жизни поморской деревни: отношение к коллективизации и отношение к религии.

В 1932 г. в поморских деревнях уже в течение примерно трех лет, по свидетельству местных жителей, существовали рыболовецкие колхозы. Но далеко не все население было ими охвачено. «40 хозяйств не в колхо-

[1] К немногим относятся воспоминания о д. Лапино Федора Васильевича Бахирева, 1920 г. р. [Бахирев]. Однако следует учитывать, что это воспоминания о далеком прошлом, когда автор был еще подростком.

зе»[2], — констатировала А. М. Астахова, производя записи в Сумпосаде. «Не в колхозе», — отвечала собирательнице одна из исполнительниц былин. «На мой вопрос, почему, сурово замолчала... „Так жили, так и проживем“»[3].

Но «так прожить» советская власть позволить не могла.

В материалах А. М. Астаховой хранятся машинописные копии двух документов[4], призванных жестко регламентировать деятельность поморского населения, занятого, как и в прежние времена, в основном рыболовством. Один из них («Программа союза рыбаков») содержит, в частности, следующие пункты: «...в рыболовный союз входит все мужское и женское население, живущее в пределах Кандалакшской волости, от 14 лет»; «...все ⟨...⟩ орудия лова должны быть приняты на учет и состоять в общем пользовании трудового населения союза»; «...все промысловые тони и угодья переходят в общее пользование, и никаких арендных сдач не допускается»; «...вся пойманная рыба должна сдаваться только в союз». Второй документ («Программа комрыбартели № 1»), состоящий из 12 аналогичных весьма суровых формулировок, заканчивался угрожающе: «За нарушение нашей программы какого-либо пункта виновные после троекратного предупреждения будут исключаться как недостойные сыны свободной России».

Стоит ли сомневаться в насильственности коллективизации, неприятии ее поморами, которые, по характеристике А. В. Маркова, обследовавшего в свое время практически всё побережье Белого моря, «не имеют нужды ходить по разным странам каликами, так как они слишком для того зажиточны» [Азбелев, Марченко, с. 1038]. Примерно на то же обращал внимание в середине XIX в. С. В. Максимов, отмечая в своей книге «Год на Севере» добротность всех поморских домов — вне зависимости от степени зажиточности крестьян [Максимов, с. 332].

Факты преимущества колхозного ведения хозяйства отражены лишь в немногих частушках, записанных А. М. Астаховой в Поморье:

У Ивана жнет Варвара,
Низко нагибается.
В коллективе жнет машина,
Быстро подвигается[5].

---

[2] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. Папка 4. № 1. Л. 21 об. При цитации записей А. М. Астаховой скорректирована при необходимости пунктуация, но сохранена орфография оригинала (кроме случаев написания по вполне понятным причинам слова «Бог» со строчной буквы).

[3] Там же. Папка 4. № 4. Л. 26 об.

[4] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 29. Папка 5. № 6.

[5] Там же. Кол. 28. Папка 7. № 4. Л. 2 (зап. 1932 г. в д. Колежма).

Нам лучинушка чадила,
Воском плакала свеча.
А в колхозе засветила
Ярко лампа Ильича[6].

Сама собирательница о преимуществе колхозного строя не писала. Более того, из ее отдельных замечаний вырисовывалась совершенно иная картина: «В Колеж⟨м⟩ском колхозе есть лошади, нет телег»[7]; «Колхоз согласился дать верховую лошадь. ⟨А. Н.⟩ Нечаев отыскивает с председат⟨елем⟩ с/с седло. В указанных избах говорят, что седла нет. С большим трудом удалось отыскать седло и получить его под личную ответственность Нечаева. Оказалось потом, что был случай, когда колхоз забрал седло и не возвратил его. Жители теперь прячут и не признаются в том, что у них есть седла»[8]; «Нечаеву обещана была колхозная подвода ⟨...⟩. Долго не могли найти ямщика. Парни, не занятые сенокосной работой, несмотря на все уговоры председателя колхоза, ехать отказывались». Лишь под вечер «удалось уговорить двух мальчиков»[9].

Встречаются в записях А. М. Астаховой и весьма нелестные отзывы о таких новых приметах времени, как появление в деревнях изб-читален (называемых иногда клубами), обследование которых вменялось в обязанность фольклористам. Так, констатируя, что в Сумпосаде «имеется одна изба-читальня, которая содержится на государственные средства»[10], собирательница свидетельствовала: «В клубе страшно холодно, сидят в пальто. Никогда не топили клуб в день спектакля». Спектакли «ставились на современные темы. Классич⟨еские⟩ не ставились»[11]. Среди материалов А. М. Астаховой сохранилась записка И. В. Карнауховой, посланная из Сумпосада и адресованная остальным членам экспедиции, которые в это время находились в другом населенном пункте: «...обратите внимание, что изба-читальня не имеет сметы и никаких ассигнований не только на книги, но даже на газеты». А в «голых стенах», «грязном сарае, называемом „клубом“, на который даже лозунгов пожалели», работает «полуграмотный избач»[12]. Критическое отношение к последнему превалировало и у сельчан. «Избачу учителя помогали, составили план, накачивали и пр., несколько раз его снимали с работы — ничего

[6] Там же. Кол. 29. Папка 4. № 1 (зап. 1933 г. в с. Кереть от 15-летней девочки, усвоившей текст «из книжки»).

[7] Там же. Кол. 28. Папка 13. № 4. Л. 12 об.

[8] Там же. Л. 12 об.–13.

[9] Там же. Л. 16 об. Отметим, кстати, что искони в каждой поморской деревне можно было нанять для переезда лошадей, причем за умеренную плату [Максимов, с. 332–333].

[10] Там же. № 9. Л. 13.

[11] Там же. Кол. 28. Папка 4. № 4. Л. 21 об.

[12] Там же. Папка 13. № 15. Л. 8–8 об.

не помогало, ничего не делал», — свидетельствовал учитель сумпосадской школы Н. М. Тарабукин[13]; «Из-за избача», который «не пришел, когда было назначено» и не оставил ключей, срывалось выступление «живгазеты, всегда проводившееся в клубе»[14]. «Ликбез сейчас не работает»[15], — отмечено в записях А. М. Астаховой. Не удивительно потому, что после обследования «объектов культуры» в Сумпосаде, собирательница резюмировала: «Авторитет избы-читальни как таковой растет очень медленно»[16].

Вместе с тем избы-читальни были призваны, думается, не только стать главными агитационно-пропагандистскими центрами, но и заменить традиционные формы деревенского досуга (посиделки, «зыбели»[17] и пр.), крестьянские праздничные гулянья, которые продолжали существовать в поморских селениях в начале 1930-х гг. «В Вирьме еще сейчас в гостях собираются и поют»[18], — свидетельствовала одна из жительниц этого села Степанида Ефремовна Попова. Причем поют не массовые революционные и пролетарские песни, репертуар которых была вынуждена в первую очередь выяснять А. М. Астахова. «Больше поют старинные песни. Качел⟨ей⟩ в этом году было три. На качелях — протяж⟨ные⟩ песни. Из новых песен („Пролетарии“, „Кирпичики“) поют мало»[19], — отмечено у собирательницы.

Традиционный деревенский уклад всё еще сохранялся в Поморье. Но его разрушение уже началось, что особенно заметно стало по записям А. М. Астаховой 1933 г. в с. Кереть. «Святошные вечерины года четыре не были. Маскироваться не дают», — сообщали ей деревенские жители[20]. «В этом году на Пасху еще были качели для девочек, для больших не было»[21]. «Еще 1го августа здесь — праздник Маккавея[22]. Раньше всегда против церкви „Иордань“ была, через реку мосточки клали и против церкви — островок. Дети купались и другие. Это был только местный праздник, никто не приходил. „Иордани“ тоже

---

13 Там же. Папка 4. № 4. Л. 24 об.

14 Там же. Л. 21.

15 Там же. Папка 4. № 1. Л. 21 об.

16 Там же. Папка 13. № 9. Л. 13 об.

17 Довольно подробное описание «зыбелей» (качелей) в Сумском Посаде было дано местным краеведом Иваном Матвеевичем Дуровым (архивные материалы которого находятся в КарНЦ РАН) и скопировано А. М. Астаховой (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. Папка. 13. № 7. Л. 3 об.).

18 РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. Папка 7. № 1. Л. 2.

19 Там же. Папка 4. № 1. Л. 18.

20 Там же. Кол. 29. Папка 4. № 24.

21 Там же. № 26.

22 День памяти семи ветхозаветных мучеников Маккавейских, называемый в народе Медовый Спас, Мокрый Спас, Спас на воде. В Керети этот праздник «смешался» с праздником Крещения Господня.

давно не было»[23]. Впрочем, отступления от традиции отмечала А. М. Астахова и в 1932 г. Раньше «в Пост не танцевали, а сейчас танцы есть», — свидетельствовали жители Сумпосада[24]. В 1899 г., описывая д. Колежма, А. Д. Григорьев отмечал: «Народ здесь охотно ходит в церковь, так что в ней бывает полно» [Григорьев, с. 54]. В 1932 г. в той же Колежме бытовала частушка, отразившая изменившуюся реальность:

На горе стоит береза,
Под горою стоит дуб.
Раньше мы ходили в церковь,
А теперь мы ходим в клуб[25].

На те явления, которые происходили в поморской деревне начала 1930-х гг., откликнулась прежде всего и главным образом именно частушка. Благодаря этому жанру мы узнаем, в частности, о «вывозках» поморской молодежи на лесозаготовки, карельский лесопильный завод, а также о подлинном отношении к этим «вывозкам», несмотря на интенсивную обработку общественного мнения:

Рассчитай меня, контора,
Рассчитай, едем домой,
Нам карельские бараки
Показались как тюрьмой[26].

Надоели нам бараки,
Надоели коечки,
Надоело нам шататься
На чужой стороночке[27].

Частушки, записанные А. М. Астаховой в Поморье, отразили и активнейшую агитацию среди деревенского населения, направленную на выполнение первой пятилетки (1929–1932). С этой целью даже пароход был назван «Пятилеточка», как следует из текстов:

Росчитай-ко нас, контора,
Много денег за тобой.
Мы на вашей «Пятилеточки»
Прокатимся домой[28].

---

[23] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 29. Папка 4. № 26.
[24] Там же. Кол. 28. Папка 4. № 1. Л. 20 об.
[25] Там же. Папка 7. № 4. Л. 7.
[26] Там же. № 1. Л. 8 об. (зап. 1932 г. в д. Вирьма).
[27] Там же.
[28] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. Папка 7. № 1. Л. 5 (зап. 1932 г. в с. Сумпосад).

Расчитай-ко нас, контора,
Расчитай, идем домой.
Мы на вашей «Пятилеточки»
Прокатимся домой[29].

Заметим, что частушки позитивного характера в отношении пятилетки записаны от детей школьного возраста и явно представляют собой очередные способы агитации. Так, текст, записанный А. М. Астаховой от Любы Пономаревой, 13 лет, усвоен последней из книжки «Юные колхозники»:

Все колхозы с урожаем
И крес⟨т⟩ова логика:
Пятилетку выполняем
Мы в четыре годика[30].

А текст, записанный от Мили Василевской, 10 лет, был зафиксирован даже «на книжной корочке»:

Октебрёнок молодец,
Самый маленький боец.
И работу свою знает —
Пятилетке помогает[31].

Но записаны А. М. Астаховой и другие частушки, которые не могли появиться в печати того времени:

В Суме рыбу я ловила,
Неводочек бросила.
Сушит, сушит пятилеточка
До самой осени[32].

На завод всех посылают,
Итти девки не хотят.
Нам родную пятилеточку
Довыполнить велят[33].

Пятилетка, пятилетка,
Пятилетка — темный лес.
Неужели пятилетка
Никому не надоест[34].

---

29 Там же. Л. 8 (зап. 1932 г. в д. Вирьма).

30 Там же. Папка 4. № 1. Л. 3 об. (зап. 1932 г. в с. Сумпосад).

31 Там же. Л. 5 об.

32 Там же. № 2. Л. 2.

33 Там же.

34 Там же. Кол. 29. Папка 4. № 1 (зап. 1933 г. в с. Кереть).

В полевых материалах собирательницы сохранились полные драматизма частушки, подтверждающие, что политика лишения деревенских жителей избирательных прав и принудительное выселение так называемого зажиточного крестьянства не обошла стороной и Поморье:

Я головушку чесала
Волосочек к во́лосу,
Дрольку выслали на высылку,
Лишили го́лосу[35].

Мы с дружочком расставались
В это воскресеньице.
Меня приняли в колхоз,
А его — на выселеньице[36].

Разумеется, такого рода фольклорные тексты не были и не могли быть включены в сборник «Старая и новая Карелия в частушке», составленный А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой [Астахова, Колпакова] и вышедший из печати в 1937 г.[37] Запись подобных частушек явно противоречила основным целевым установкам экспедиции 1932 г.: «1) изучение на материале фольклора идеологических сдвигов беломорского населения в процессе коллективизации и культурной революции; 2) изучение роли фольклора в деле этой идеологической перестройки»[38].

Отметим, что в полевых записях собирательницы рядом с процитированными частушками были записаны еще две. Но одна из них заклеена бумагой, а другая тщательно заштрихована[39].

«В силу очень значительных в недавнем прошлом и далеко еще не изжитых кулацких влияний довольно видное место занимают частушки с антисоветскими мотивами», — отмечала А. М. Астахова в своей статье в 1934 г. [Астахова, с. 217]. Однако среди огромного количества частушек, записанных собирательницей, откровенно «антисоветских» не так уж много. Вероятно, сказалась и вполне объяснимая боязнь собирательницы реальной их фикса-

[35] Там же. Кол. 28. Папка 7. № 1. Л. 6 об. (зап. 1932 г. в с. Вирьма от 23-летней «беднячки» Харитины Николаевны Поповой).

[36] Там же. Л. 5 об.

[37] Впрочем, сознательно не были они включены и в одно из самых полных и авторитетных собраний этого жанра. Во вступительной статье к этому изданию оговорено, что «среди ранних записей частушек, хранящихся в архиве Пушкинского Дома, есть произведения, созданные ⟨...⟩ тремя группами сельского населения» (беднота, среднее крестьянство, деревенская буржуазия). «В предлагаемой книге нет произведений, созданных последней группой» [Власова, Горелов, с. 7–8].

[38] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. Папка 13. № 1. Л. 1.

[39] Там же. Папка 7. № 1. Л. 5 об.

ции, и боязнь исполнения таковых незнакомым людям из Ленинграда, воспринимавшимся, что не исключено, в качестве представителей новой власти. Так что упоминание в полевой записи, что «есть частушки, которые схватили самые первые моменты коллективизации, где трактуется вопрос, идти в колхоз или нет», осталось только констатацией этого факта[40].

Частушки с антисоветскими мотивами, зафиксированные А. М. Астаховой, не были перемещены в тот фольклорный фонд «особого хранения», о котором говорилось в публикации Н. Г. Комелиной [Комелина, с. 309–313]. Возможно, это связано с тем, что сотрудники органов госбезопасности, изымавшие в 1948–1950 гг. фольклорные материалы антисоветского содержания, далеко не все такие тексты могли выявить среди трудночитаемых карандашных полевых записей собирательницы. Тем более когда речь шла о фиксации ею «между делом» собственных наблюдений, обрывков разговоров с местными жителями и т. п.

Из дневниковых, «попутных» записей А. М. Астаховой, сделанных в разных населенных пунктах, следовало, что в начале 1930-х гг. в Поморье повсеместно продолжали отмечать престольные праздники. Из Шижни «больше полов⟨ины⟩ деревни выехало на праздник в Шуерецк»[41] (с. Шуерецкое); «В Колежме — праздник, Петров день»[42]; «В Воренже — праздник, Ильин день. На праздник собралось значит⟨ельное⟩ количество народу из окрестных деревень, даже из дов⟨ольно⟩ отдаленных»[43], — фиксировала собирательница. По-прежнему отмечались поморами дни памяти православных святых. «28го июля — день Кирика[44] соблюдают, — рассказывала А. М. Астаховой одна из жительниц Вирьмы, Степанида Ефремовна Попова[45]. — Много лет тому назад (больше 10 лет) гроза ужасная была. Зелено было все — и небо, и вода. Вся деревня обещала этот день соблюдать. Дети мне говорят: „Мы пойдем работать“. А я говорю: „Пусть я буду проклята, если пойду!“»[46].

От той же сказительницы А. М. Астаховой был записан примечательный эпизод чудесного спасения одного из местных коммунистов через молитву: «В голодное время тонули несколько человек около Киврей-губы. Два

---

[40] Там же. Папка 9. № 1. Л. 2.

[41] Там же. Папка 13. № 4. Л. 7 об.

[42] Там же. Л. 12.

[43] Там же. Л. 17.

[44] То есть день памяти раннехристианских святых мучеников Кирика и его матери Иулитты, когда, по народным поверьям, женщинам нельзя было работать.

[45] По уточнению собирательницы, С. Е. Попова «сама не в колхозе, дети в колхозе».

[46] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. Папка 7. № 1. Л. 2.

куманиста[47]. Один куманист сказал: „Говорят про какого-то Миколу Мифийского[48], что помогает. Помолюсь“, — и вдруг почувствовал под ногами остров. И спасся. Теперь в церковь ходит»[49].

В Сумском Посаде 27 июня отмечают день памяти святого Елисея Сумского, чьи мощи покоились в этом селе (за алтарем церкви Николая Чудотворца), вероятно, еще с XVI в. В своей книге «Год на Севере» С. В. Максимов писал, что богомольцы, идущие «целыми сотнями» через Сумпосад в Соловецкий монастырь, «прежде отправления служат обыкновенно молебны у мощей св. Елисея» [Максимов, с. 332, 334]. Вплоть до изымания в 1929 г. его мощей поморы, отправляясь на промыслы, испрашивали у святого благословения, устраивали молебны.

В 1933 г. в с. Кереть продолжали отмечать день чествования иконы Смоленской Божьей Матери. «Болесть у нас была, — рассказывали жители А. М. Астаховой. — Помирали человек по пять-шесть в дому. У одного старика умерло четыре сына взрослых. Решили пронести Богородицу кругом деревни — стали исцеляться. Положено этот день почитать по старому стилю»[50].

Между тем борьба с крестьянскими религиозными воззрениями в конце 1920-х — начале 1930-х гг. становилась все более жесткой. «Одним из убежищ, одним из прикрытий для крестьянина, который не хочет в колхоз ⟨...⟩, — писала газета «Правда», — остается религиозная организация», в которой «состоит вся махровая контрреволюция, еще не попавшая в Соловки, еще притаившаяся в складках огромного тела СССР, паразитирующая на этом теле» [Ярославский].

В полевых заметках А. М. Астаховой находим свидетельства существования в поморских деревнях ячеек Союза воинствующих безбожников, созданного, как известно, в СССР в 1925 г. с целью борьбы с религией. В Сумском Посаде собирательница отметила деятельность ячеек Союза, не только взрослых, но и юных друзей этой организации: «Пишут плакаты, расклеивают до́ма, в школе: антирелиг⟨иозные⟩, колхозные»[51].

На отдельных маленьких листках «в россыпи»[52] А. М. Астаховой зафиксированы антиклерикальные частушки, записанные от школьников 10–15 лет

---

[47] Так С. Е. Попова называла коммунистов.

[48] Так назван Николай Мирликийский, Николай Чудотворец, известный в том числе как «Никола Мокрый» за многочисленные чудеса спасения утопающих.

[49] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. Папка 7. № 1. Л. 2.

[50] Там же. Кол. 29. Папка 4. № 38 (как известно, к этой иконе обращаются, в частности, с просьбой об исцелении и о прекращении эпидемий).

[51] Там же. Кол. 28. Папка 4. № 4. Л. 21 об.

[52] Там же. Кол. 29. Папка 4. № 1 (зап. 1933 г. в с. Кереть).

с весьма характерным указанием на источник каждого из текстов — «из книжки», «из журнала», «пели в школе»:

Бабка вышла спровожать
В армию с иконами.
Иди, бабка, лучше спать —
Мы с красными знаменами
(зап. от Феклы Юрьевой, 10 лет);

Бога нет, царя не надо,
Все буржуи убрались.
Мы, моло́деньки ребята,
Свободы дождались
(зап. от Гали Сержпинской, 15 лет);

Тётка Дарья не пускает
Сына до порога,
Потому что он болтает:
«Нету совсем Бога»
(зап. от Вали Тютеревой, 14 лет);

Все святые, вы гуляйте,
Пока Бога дома нет.
Бог уехал за границу,
Не вернется сорок лет
(зап. от Оли Гусевой, 12 лет).

В такого рода частушках художественная выразительность текста оказывается неважной. Главное — их идейная направленность, пусть и при словесной убогости:

На горушке стоит поп,
Кланяет уныло,
Из рубахи ловит блох
И кладет в кадило[53].

Это кощунственное надругательство над священнослужителем странно слышать из уст 14-летней девочки, выросшей в традиционной крестьянской семье. Странно, если не знать, что после смерти матери и раскулачивания отца она целый год жила в приюте в г. Кеми, где, вероятно, и разучила такую, якобы смешную, частушку.

Представители советской власти отлично понимали, что перевоспитать жителей старшего поколения, которые «твердо стоят в православии» [Максимов, с. 336], — задача слишком сложная, а иногда и попросту неразрешимая.

[53] Там же (зап. от Лены Микковой, родом из Поньгомы).

И всеми доступными средствами надо воздействовать прежде всего на детей, используя в том числе такую форму устного народного творчества, как частушка. Для распространения «правильных» текстов использовались и печатные издания:

Я посеяла горох —
Вышла чечевичка.
Больше Богу не молюсь,
Стала большевичка[54],

и сочинения представителей местной «сознательной» молодежи»:

В церкви Богу не молюся
И не кланяюсь крестам.
В чудотворцы не гожуся
И не верю я попам[55];

Молодежь у нас танцует
И собранье нипочем.
Ни за что не променяю
Партучебу на содом[56],

и ненавязчивое внедрение соответствующего репертуара «извне». «Зимой 1932 г., — записала А. М. Астахова, — приезжали в Лапино активисты из Москвы. Пели частушки. Некоторые из них девушки теперь поют:

Посылала мать говеть,
А я начала реветь:
Не пойду на исповедь
Себя дурой выставить;

Снежки пали, пали,
Пали да растаяли.
Мы церковно причащенье
Давно оставили»[57].

«Перевоспитать» молодое поколение сельчан можно было, только разрушив традиционные отношения между поколениями. Этому опять-таки способствовала частушка:

---

[54] Там же. Кол. 28. Папка 4. № 1. Л. 2 об. (зап. 1932 г. в с. Сумский Посад от школьницы Шуры, 14 лет, выучившей частушку «из журнала»).

[55] Там же. № 2. Л. 1 об. (зап. 1932 г. от 20-летней Михилевой Нюры, «местной активистки-партийки»).

[56] Там же. Л. 2 об.

[57] Там же. Папка 9. № 1. Л. 27 об. Позднее эти две частушки были включены в сборник «Старая и новая Карелия в частушке» [Астахова, Колпакова, с. 5].

Сами, сами комиссары,
Сами председатели.
Не боимся никого —
Ни отца, ни матери[58].

На взрослое население пытались воздействовать в том числе через детей. «В прошлом году на выборы сельсовета, — записала А. М. Астахова, — устроили демонстр⟨ацию⟩... Первое собрание сорвалось. Перед вторым ребята прошли через весь Сумпосад с плакатами, лозунгами. Кричали: „Папа, мама! Все на сельсовет!“ Собрание состоялось. Население смеялось. Как не пойти, когда ребята так кричали!»[59]

В полевых материалах А. М. Астаховой отражены неизвестные факты сопротивления со стороны поморского крестьянства насильственному насаждению нового образа жизни — без церкви, без Божьей веры, без почитания святынь. В частности, конспективно зарегистрирована попытка деревенских жителей противостоять антирелигиозному действу, происходившему в Сумпосаде: «Вопрос о церкви ставился неоднократно, население защищает. ⟨В⟩ 1929 г. осенью вскрывал мощи Елисея — увез в Петроза⟨водск⟩. Ставил вопр⟨ос⟩ о закр⟨ытии⟩ цер⟨кви⟩ — целая буря, грозил»[60]. Еще один факт воспрепятствования действиям по уничтожению церквей зафиксирован А. М. Астаховой в с. Кереть в 1933 г.: «С закрытием церкви ничего не вышло»[61].

Отражены в записях собирательницы и проявления «молчаливого» противодействия антирелигиозной государственной политике, в том числе повсеместному внедрению антирелигиозного воспитания в школах, отчего некоторые жители не пускали своих детей на занятия.

«Школе не удается организовать родительский акт⟨ив⟩. На собрания не приходят. К учителям относятся плохо. Один старик говорил: „Рыбы продам всем, учителям не продам“. Объясняется тем, что учителя идут вразрез с богомольн⟨ым ⟩ населением»[62].

В своих дневниковых записях А. М. Астахова отмечала, что 23 июля 1932 г. беседовала с учителями сумпосадской школы о краеведческой работе.

---

[58] Там же. Папка 7. № 4. Л. 2 об. (зап. 1932 г. в д. Колежма).

[59] Там же. Папка 4. № 4. Л. 21 об.–22.

[60] Там же. № 1. Л. 21 об. (Мощи прп. Елисея Сумского были вскрыты в июле 1929 г. Процедуру вскрытия возглавлял В. И. Клишко, лидер Союза воинствующих безбожников в Карелии, впоследствии уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Карелии [Ружинская, с. 87]. В июне 1990 г. святыня была передана из Петрозаводского музея, где хранилась в подвальном помещении в качестве простого экспоната, в Крестовоздвиженский собор Петрозаводска [Пигин]).

[61] РО ИРЛИ. Кол. 29. Папка 4. № 20.

[62] Там же. Кол. 28. Папка 4. № 4. Л. 21.

Но в полевых материалах приведена часть разговора с одним из учителей — Николаем Михайловичем Тарабукиным, возглавлявшим ячейку безбожников. И речь шла вовсе не о краеведении: «Говорил о трудности работы школы среди местного населения. Травля учителей из-за антирелигиозной работы и др. Контрреволюц⟨ионные⟩ настр⟨оения⟩ учеников ⟨...⟩. Реакционность настроения очень сильна. Особенный отпор вызывает антирел⟨игиозная⟩ работа»[63].

26 июля 1933 г. в с. Кереть собирательница зафиксировала один весьма показательный факт: «Весною по тоням учитель проводил безбожную работу. „Так некоторые женщины даже отворачивались“ (когда учитель говорил)»[64]. «Работать среди женщин трудно по причине их религиозности, — откровенничал в с. Кереть женорг[65], беседуя с А. М. Астаховой. — Работа колхоза, однако, не срывается. ⟨...⟩ Влияние на ребят парализуется воздействием школы и колхозной молодежи»[66].

Подводя итоги своему пребыванию в Сумском Посаде (самому продолжительному в экспедиции 1932 г.), собирательница писала: «В общем, устои старого в Сумпосаде очень и очень держатся еще до сих пор. Среди всего населения имеется ничтожная горсточка безбожников, да и то почти служащие ⟨...⟩. Молодежь находится под сильным влиянием родителей, от религии отходит очень и очень медленно. В большинстве ходит в церковь. По их мнению, брак без венца — это стыд и большой грех. Детей продолжают крестить»[67]. То же, судя по разного рода заметкам собирательницы, она могла сказать о любой из поморских деревень начала 1930-х гг. Однако эти выводы в официальные отчеты о работе беломорских экспедиций включены не были.

А. М. Астаховой пришлось работать в Поморье в самый разгар агрессивного разрушения всеми средствами (в том числе с помощью фольклора) традиционного крестьянского уклада, что нашло отражение в ее полевых материалах. Как и другие члены экспедиций 1932–1933 гг., она оказалась свидетельницей и отчасти участницей этого процесса, будучи вынужденной выступать не только в качестве собирателя, но и в роли агитатора, занимающегося среди прочего антирелигиозной пропагандой[68].

---

[63] Там же. Л. 24 об.

[64] Там же. Кол. 29. Папка 4. № 20. Заметим, что информация о проведении антирелигиозной пропаганды даже на тонях, где по традиции положено было рассказывать сказки и петь былины, содержится, насколько нам известно, только в полевых записях А. М. Астаховой.

[65] Женорг — организатор женского движения (общественная должность, бытовавшая в 1920–1930-е гг.).

[66] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 29. Папка 4. № 22.

[67] Там же. Кол. 28. Папка 13. № 9. Л. 11 об.–12 об.

[68] В частности, во время Ильина дня в дер. Воренжа А. М. Астахова и А. Н. Нечаев не просто принимали участие в антипраздничном собрании на мосту во время гуляний, но и «высказывали

Литература

Азбелев, Марченко — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1079 с.

Астахова — *Астахова А. М.* Карельские фольклорные экспедиции (1931–1933 гг.) // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 215–219.

Астахова, Колпакова — *Астахова А. М., Колпакова Н. П.* Старая и новая Карелия в частушке. Петрозаводск: Кирья, 1937. 160 с.

Бахирев — *Бахирев Ф. В.* Деревенька моя над Сумою... Лапино. Беломорск: Беломорская ЦБС, 2010. 19 с.

Власова, Горелов — Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова, А. А. Горелов. М.; Л.: Наука, 1965. 496 с.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. М.: Изд-во Имп. АН, 1904. Т. 1. 705 с.

Комелина — *Комелина Н. Г.* Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома // Русский политический фольклор: Исследования и публикации / Сост. и ред. А. А. Панченко. М.: Новое изд-во, 2013. С. 306–405.

Максимов — *Максимов С. В.* Год на Севере. 3-е доп. изд. СПб.: Изд. С. В. Звонарева, 1871. [Ч. 1–2]. 690 с.

Марковская — *Марковская Е. В.* Экспедиции в Карельское Поморье // Живая старина. 2004. № 4. С. 44–45.

Петрова — *Петрова Л. И.* Фольклорная экспедиция КНИИ и ИПИН АН СССР 1932 г. в контексте истории собирательской работы в районах Западного Поморья // Рябининские чтения — 2019: Материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 443–445.

Пигин — *Пигин А. В.* Елисей Сумский // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. Т. 18. С. 408–409.

Ружинская — *Ружинская И. Н.* Виктор Клишко как уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417.

Сенькина — *Сенькина Т. И.* Собирание и изучение русского фольклора Карелии в 1920–1930-е годы // Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии: Очерки и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 43–61.

Ярославский — *Ярославский Е.* Соцсоревнование и антирелигиозная пропаганда // Правда (газета). 1929. № 100 (4234), 1 мая.

References

Azbelev, S. N., Marchenko, Iu., I. (2002). *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobranie A. V. Markova* [*White Sea Old Stories and Spiritual Poems. Collection of A. V. Markov*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1079 p. (In Russ.)

свои мнения о вреде подобных праздников в самый разгар сеноубор(очной) кампании» (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. Папка 13. № 4. Л. 17 об.).

Bakhirev, F. V. (2010). *Dereven'ka moia nad Sumoiu… Lapino* [*My Little Village Above Suma… Lapino*]. Belomorsk: Belomorskaia tsentral'naia bibliotechnaia sistema Publ., 19 p. (In Russ.)

Komelina, N. G. (2013) 'Politicheskii fol'klor iz "osobogo khraneniia" fol'klornogo fonda Pushkinskogo Doma' ['Political Folklore from the "Special Storage" of the Pushkinskii Dom Folklore Collection'], in: Panchenko, A. A., ed. *Russkii politicheskii fol'klor: Issledovaniia i publikatsii* [*Russian Political Folklore: Research and Publications*]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 306–405. (In Russ.)

Markovskaia, E. V. (2004). 'Ekspeditsii v Karel'skoe Pomor'e' ['Expeditions to Karelian Pomorie'], *Zhivaia starina*, 4, 44–45. (In Russ.)

Petrova, L. I. (2019). 'Fol'klornaia ekspeditsiia KNII i IPIN AN SSSR 1932 g. v kontekste istorii sobiratel'skoi raboty v raionakh Zapadnogo Pomor'ia' ['The 1932 Folklore Expedition of the Research Institute and the Institute of Historical and Cultural Studies of the USSR Academy of Sciences in the Context of the History of Collection Work in the Regions of Western Pomerania'], in: Ivanova, T. G., Mel'nikov, I. V., eds. *Riabininskie chteniia — 2019: Materialy VIII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo naslediia Russkogo Severa* [*Ryabinin Readings 2019: Proceedings of the 8th Conference on the Study and Updating of the Cultural Heritage of the Russian North*]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi Akademii nauk Publ., 443–445. (In Russ.)

Pigin, A. V. (2008). 'Elisei Sumskii', in: *Pravoslavnaia entsiklopediia* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia". Vol. 18, 408–409. (In Russ.)

Ruzhinskaia, I. N. (2019). 'Victor Klishko as the Commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs: Prosopographic Aspect', *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 8 (185), 85–92. DOI: 10.15393/uchz. art.2019.417. (In Russ.)

Sen'kina, T. I. (2012). 'Sobiranie i izuchenie russkogo fol'klora Karelii v 1920–1930-e gody' ['Collection and Study of Russian Folklore in Karelia in the 1920s–1930s'], in: Sen'kina T. I. *Zabytye i neizvestnye stranitsy istorii fol'kloristiki Karelii. Ocherki i materialy* [*Forgotten and Unknown Pages of the History of Karelia Folklore Studies. Essays and Materials*]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi Akademii nauk Publ., 43–61. (In Russ.)

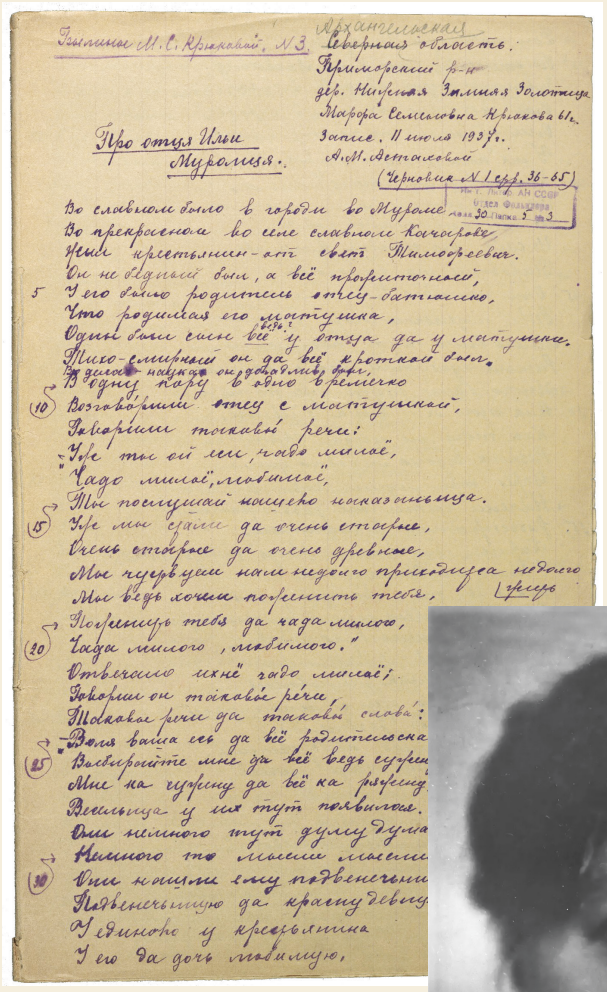
А. М. Астахова, 1920-е гг.

Члены экспедиции ГИИИ на Пинегу на пароходе «Пушкин»,
1927 г. А. М. Астахова — 7-я справа. (РО ИРЛИ)

М. К. Азадовский, А. М. Астахова, А. Н. Лозанова (сидит), П. Г. Ширяева,
Г. Г. Шаповалова, 1940–1941 гг. (Литературный музей ИРЛИ)

Былина, записанная А. М. Астаховой
от М. С. Крюковой, 1937 г. (РО ИРЛИ)

А. М. Астахова, конец 1930-х гг.
(Литературный музей ИРЛИ)

Фольклористы — участники Второго Всесоюзного географического съезда.
Ленинград, 25–31 января 1947 г.
Нижний ряд, слева направо: М. К. Азадовский, П. Г. Богатырев,
В. М. Жирмунский, Л. В. Азадовская.
Верхний ряд, слева направо: А. В. Позднеев, Т. А. Шуб, Э. В. Померанцева,
А. М. Астахова, В. Ю. Крупянская, В. Я. Пропп

П. Г. Ширяева, М. И. Малова, К. Н. Григорьян, М. О. Скрипиль, А. М. Астахова, около 1956 г.
(Литературный музей ИРЛИ)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 105–118
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-105-118
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 105–118
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

С. А. Жадовская

Svetlana A. Zhadovskaya

ИЗУЧЕНИЕ А. М. АСТАХОВОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

A. M. ASTAKHOVA'S RESEARCH ON THE SOUTHERN RUSSIAN EPIC TRADITION

Резюме. В статье рассматривается одно из направлений научной деятельности А. М. Астаховой, обычно не привлекающее внимания, — ее исследования в области эпической традиции донского и терского (гребенского) казачества. В конце 1930-х — 1940-е гг. фольклорист получила возможность познакомиться с казачьей песней «из первых рук» — от собирателей, записывавших казачьи былины в их живом бытовании. Донской фольклор вошел в круг ее интересов в ходе совместной с А. М. Листопадовым подготовки к публикации его записей в 1939–1940 гг., а также в связи с экспедицией на Дон аспиранта Отдела фольклора Пушкинского Дома И. И. Кравченко и студента Ленинградского университета К. В. Чистова. Записи эпических песен гребенских казаков, изданные в 1946 г. Б. Н. Путиловым, стали предметом анализа А. М. Астаховой при обсуждении доклада и монографии ученого в Отделе фольклора, а терский историко-песенный фольклор в целом — при консультировании его во время написания кандидатской диссертации. Несмотря на то что А. М. Астахова знала южнорусский эпос в «кабинетном» формате, пристальное изучение черновиков А. М. Листопадова и текстологическая работа с его записями, знакомство с собирательской работой Б. Н. Путилова и других исследователей дали эпосоведу возможность в более поздних трудах максимально полно охарактеризовать южнорусский эпос в общерусской эпической традиции.
Ключевые слова: былиноведение, А. М. Астахова, А. М. Листопадов, Б. Н. Путилов, эпические песни донского казачества, былины гребенского казачества.
Информация об авторе: Светлана Александровна Жадовская, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, s.zhadovskaya@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0004-3614-5161.
Для цитирования: *Жадовская С. А.* Изучение А. М. Астаховой южнорусской эпической традиции // Словесность и история. 2026. № 3. С. 105–118.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-105-118.

Abstract. This article examines one of A. M. Astakhova's areas of research that are typically overlooked — her study of the epic traditions of the Don and Terek (Greben) Cossacks. In the late 1930s and 1940s, the folklorist gained firsthand knowledge of Cossack songs from collectors who recorded Cossack bylinas as they then existed. Don folklore became a focus of Astakhova's interest during her collaboration with A. M. Listopadov on the publication of his recordings in 1939 and 1940, and in connection with an expedition to the Don led by I. I. Kravchenko, a graduate student in the Folklore Sector at Pushkinskii Dom, and K. V. Chistov, a student at Leningrad University. Recordings of Greben Cossack epic songs, which were published in 1946 by B. N. Putilov, became the subject of A. M. Astakhova's analysis during a discussion of the Putilov's report and monograph in the Department of Folklore. She also familiarized herself with Terek historical-song folklore in

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

general in consultations with him while he wrote his PhD dissertation. Although A. M. Astakhova's knowledge of southern Russian epic poetry was limited to a "cabinet" format, her close study of A. M. Listopadov's drafts, her textual analysis of his notes, and her familiarity with the collection work of B. N. Putilov and other researchers enabled her to provide a complete characterization of southern Russian epic poetry within the Russian epic tradition in her later works.
Keywords: epic studies, A. M. Astakhova, A. M. Listopadov, B. N. Putilov, epic songs of the Don Cossacks, epics of the Greben Cossacks.
Information about the author: Svetlana A. Zhadovskaya, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, s.zhadovskaya@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0004-3614-5161.
Received: July 5, 2026. ***Approved***: July 25, 2026.
For citation: Zhadovskaya, S. A. (2026). 'A. M. Astakhova's Research on the Southern Russian Epic Tradition', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 105–118.

Деятельность А. М. Астаховой по собиранию и изучению русских былин широко известна. Ее интерес к севернорусской эпической поэзии начался, как мы знаем, с экспедиций второй половины 1920-х гг. в составе группы Государственного института истории искусств в Заонежье, затем на Пинегу, Мезень, Печору. С этого времени ее интенсивная экспедиционная деятельность не останавливалась и вскоре включила Поморье, Сибирь, Ленинградскую и Московскую области и другие территории. Экспедиционных поездок на Дон нет в обширной истории полевой деятельности фольклориста, и потому ее статья в сборнике «Народная устная поэзия Дона», вышедшем в Ростове-на-Дону в 1963 г., на первый взгляд, стоит несколько особняком. Как и все статьи сборника, работа «Вопросы изучения донской былины» была написана по итогам доклада на конференции, прошедшей в Ростове-на-Дону двумя годами ранее.

Научная конференция по проблемам донской казачьей песни, организованная по инициативе кафедры русской литературы Ростовского-на-Дону государственного университета и местного отделения Союза писателей[1], ставила своей целью широкое освещение донского фольклора — былинного и исторического эпоса, свадебной, календарно-обрядовой, лирической, хороводной и солдатской песни, частушек, советских песен Дона. Предполагалось уделить внимание локальным традициям отдельных казачьих войск и казаков-некрасовцев, истории собирания казачьей песни и ее связям с художественной литературой. Конференция состоялась 18–23 декабря 1961 г., участие в ней

[1] В Отделе русского фольклора ИРЛИ РАН сохранилось информационное письмо о конференции за подписью Ф. В. Тумилевича с перечислением возможных тем докладов и просьбой к заведующему Сектором народного творчества Института русской литературы АН СССР Б. Н. Путилову войти в состав оргкомитета. Оно находится на временном хранении в папке с заглавием «Переписка по научно-консультативной работе» за 1960 г. (индекс 661, л. 118–120).

приняли не только ученые, но и писатели, композиторы, профессиональные и непрофессиональные хоровые казачьи коллективы, а также Государственный ансамбль песни и пляски донских казаков. Уже 27 декабря 1961 г. состоялось заседание Сектора народного творчества ИРЛИ АН СССР, на котором Б. Н. Путилов, А. М. Астахова, Л. С. Шептаев и Б. М. Добровольский поделились впечатлениями о конференции. Астахова, в частности, упомянула о своих беседах с присутствовавшими на заседаниях исполнителями донских песен и рассказала об их реакции на научные доклады[2]. По результатам работы конференции был издан упомянутый выше сборник статей, в редколлегию которого вошли московские и ленинградские фольклористы, в том числе Э. В. Померанцева, Б. Н. Путилов и А. М. Астахова.

В статье о донской былине Астахова исследовала обширный спектр казачьих эпических песен (не только донских, но и, хотя в меньшей степени, терских, гребенских и оренбургских, т. е., условно говоря, южнорусских территорий расселения казаков) в сопоставлении с общерусской эпической традицией. В поле ее зрения оказались своеобразие сюжетов и особенности поэтики казачьего эпоса. Особенное внимание она сосредоточила на обзоре всех известных к тому моменту записей — от зафиксированных в ранних сборниках казачьих песен и работах В. Ф. Миллера до опубликованных в конце 1940-х — 1950-е гг. в изданиях А. М. Листопадова и Ф. В. Тумилевича. Отражены в работе и неопубликованные тексты, записанные И. И. Кравченко и К. В. Чистовым в экспедиции 1939 г.: неполная былина с изображением «обжоры» на пиру у князя Владимира и песня о безымянном молодце с упоминанием имени Добрыни. Первая, по определению Т. Г. Ивановой, представляет собой казачью версию сюжета «Илья Муромец и Идолище» [Из экспедиционных записей, с. 46]. Всего, как указала А. М. Астахова со ссылкой на вступительную статью Г. П. Сердюченко в сборнике записей А. М. Листопадова «Донские былины» (1945), на Дону зафиксировано около 100 вариантов былин, из них более 60 — с напевами. Основные особенности казачьего былевого эпоса, отмеченные автором вслед за собирателями и исследователями южнорусской эпической традиции, — краткость по сравнению с севернорусскими текстами, хоровое многоголосное исполнение, близость разработок некоторых сюжетных ситуаций к казачьему быту. При этом исследовательница настаивала на том, что южная былина ни в коем случае не является «осколком» или «обломком» более развитой, классической севернорусской традиции, а имеет самостоятельную художественную ценность. Отвергая мысль о раннем создании

[2] Рукописный протокол хранится в Отделе русского фольклора в папке «Протоколы научных заседаний 1961 г.» (индекс 630, л. 144).

казачьих былинных песен, Астахова констатировала, что «тот тип былины, который мы знаем у южных казаков, сложился именно здесь, в среде самого южного казачества» [Астахова 1963, с. 67]. Важной научной проблемой ею названо не только определение общих черт южных былин и их отличие от северных и среднерусских, но и вопрос о соотношении былинных репертуаров разных групп казачества. Многие положения этой статьи были чуть позже разработаны Астаховой в монографии 1966 г. «Былины: итоги и проблемы изучения», в которой в том числе звучит мысль о необходимости составить «свод казачьих былин», где будут учтены все разрозненные, хранящиеся в разных местах записи [Астахова 1966, с. 268–270].

Следует сказать, что интерес к южнорусской былинной традиции возник не случайно и был подготовлен многосторонней деятельностью А. М. Астаховой предшествующих лет. Так, годовым планом Фольклорной комиссии на 1939 г. предусматривалась экспедиция для собирания фольклора в районе боев Красной армии за Царицын в 1918–1919 гг. Руководителем должна была стать А. М. Астахова, а участниками — аспирант И. И. Кравченко и музыковед, младший научный сотрудник Ф. А. Рубцов. Согласно приложенной смете, экспедиция «По следам боев под руководством И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова» предполагала путь от Сталинграда через Ворошиловград (ныне Луганск) до Ростова-на-Дону[3]. Как мы знаем, в поездке 1939 г. приняли участие только И. И. Кравченко и закончивший второй курс Ленинградского университета К. В. Чистов. Именно тогда, по воспоминаниям К. В. Чистова, ему удалось записать упомянутую в статье Астаховой былину. Доклад Кравченко о результатах летней работы был сделан в Отделе фольклора народов СССР[4] в феврале 1940 г.

Крупнейший собиратель и исследователь былин Севера, А. М. Астахова не слышала живого исполнения казачьего эпоса, однако в конце 1930-х — 1940-е гг. получила возможность знакомиться с текстами донского и терского эпоса, полученными «из первых рук» — от авторов записей. Мы имеем в виду в первую очередь главное по объему и значению собрание донских былин и исторических песен А. М. Листопадова.

Отдавший более 40 лет собиранию и изучению донского фольклора — «делу, составлявшему цель и смысл его творческой жизни» [Лунин, с. 212] — Листопадов мечтал увидеть свои записи напечатанными в полном виде, с на-

[3] Папка «Годовой план работы сектора» за 1931–1948 гг. (индекс № 211, л. 101, 111–111 об.).

[4] На рубеже 1939–1940 гг. Фольклорная комиссия Института антропологии и этнографии АН СССР стала отделом в Институте литературы АН СССР (прежнее название Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН).

певами. В 1938 г. была предпринята попытка совместного с Фольклорной секцией Академии наук СССР издания в главном музыкальном издательстве того времени, Музгизе, под общей редакцией и со вступительной статьей известного ленинградского музыковеда Е. В. Гиппиуса. Комментарии к текстам первого тома, в котором предполагалось опубликовать былины и исторические песни донских казаков, взяла на себя его коллега по Фольклорной комиссии А. М. Астахова.

«Я вмешиваюсь в это дело, — писал Гиппиус Листопадову в апреле 1937 г., — лишь по двум соображениям: 1) в целях ускорения издания Ваших материалов, 2) в целях обеспечения этому изданию, путем совместной разработки его плана, такого научного аппарата (тема вводной статьи, характер примечаний, указатели и т. д.), который бы отвечал современным высоким академическим требованиям фольклорного научного издания»[5]. Как мы увидим далее, к работе подключилась и З. В. Эвальд. Подготовка к изданию записей Листопадова, однако, потребовала от последнего ответов на многочисленные вопросы, поставленные ленинградскими учеными, и они, равно как и другие обстоятельства, затруднили и замедлили работу (подробнее см.: [Рудиченко; Жадовская]). Вскоре после войны, летом 1946 г., Астахова писала Листопадову: «В 1944 г. Гиппиус мне сказал, что в Музгизе решено возобновить работу по изданию Вашего полного собрания. Но пока как будто нет движения?»[6] В сентябрьском письме она вновь подняла тему издания: «Между прочим, еще в 1944 г. Гиппиус сообщил мне, что это издание возобновляется, и повез из Л⟨енингра⟩да в Москву материалы. Не знаю, почему все это опять застопорилось»[7].

Комментарии А. М. Астаховой к 203 текстам былин и исторических песен донских казаков, записанных Листопадовым, были подготовлены и через посредство Е. В. Гиппиуса сданы в Музгиз еще в 1940 или начале 1941 г., в оговоренные договором сроки. Об этом Гиппиус 14 марта 1941 г. писал Листопадову: «После того как рукопись Астаховой была зарегистрирована Издательством (в плане пометки о выполнении договорной работы) — комментарий вернулся ко мне и лежит с тех пор у меня для редактирования»[8]. Из письма Листопадова Астаховой известно, что Гиппиус отослал подготовленные

[5] Российский национальный музей музыки (РНММ). Ф-147-322. Л. 1. В тексте письма есть пометы Листопадова (подчеркивания, комментарии), которые здесь и в дальнейшем при цитировании опускаем.

[6] РНММ. Ф-147-304. Л. 1.

[7] РНММ. Ф-147-305. Л. 1 об.–2. В то время, напомним, Е. В. Гиппиус уже жил в Москве и не был сотрудником Пушкинского Дома.

[8] РНММ. Ф-147-324. Л. 2 об.

ею комментарии для просмотра собирателю, он получил их 25 марта того же года и вскоре написал эпосоведу о некоторых своих замечаниях[9].

Задуманное Листопадовым и Гиппиусом трехтомное академическое собрание так и не состоялось, и в 1945 и 1946 гг. в Ростовском областном книгоиздательстве последовательно вышли в свет два сборника донского эпоса, включившие в себя все записи Листопадова, но (вследствие ограниченных возможностей издательства) без нотных примеров, — сборники былин и исторических песен с вступительными статьями Г. П. Сердюченко, профессора кафедры русской литературы Ростовского государственного университета [Листопадов 1945; 1946][10]. Сюда были включены и новейшие записи — например былина о Садко, записанная от казаков-некрасовцев в 1940 г.

Комментарии А. М. Астаховой оказались не востребованы в публикациях и сохранились вместе с другими материалами по этой работе в фонде фольклориста в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт-Петербурге; часть документов, относящихся к этой деятельности, находится в фонде А. М. Листопадова в Российском национальном музее музыки в Москве. Остановимся на них подробнее.

В фонде Астаховой содержатся, помимо рукописи и машинописи комментариев к текстам, два письма собирателя к ней и его материалы, очевидно присланные им в результате обсуждения принципов подачи словесной части песен. В комментариях подробно охарактеризованы особенности разработки эпического сюжета в конкретном тексте, сообщаются сходные с ним и отличные от него варианты в пределах региона и в общерусской традиции, даны указания на предыдущие публикации, отмечены традиционные эпические мотивы и появляющиеся впервые. Как и в «Былинах Севера» (и в томах издающейся в наше время былинной серии Свода русского фольклора), сначала дается общая характеристика региональной разработки сюжета, а затем отличительные черты каждого из вариантов. Опубликованные варианты из разных регионов учтены максимально полно: донские даны по изданиям В. Ф. Миллера ([Миллер 1902; 1924] и др.), сборникам А. Савельева [Савельев], А. Пивоварова [Пивоваров], А. М. Листопадова и С. Я. Арефина 1911 г. [Песни донских казаков] и др.; севернорусские версии сюжетов указаны по комментариям к первому тому «Былин Севера» самой А. М. Астаховой. Принцип расположения текстов не был существенно изменен по сравнению с принятым в издании «Песен донских казаков» 1911 г., хотя Астахова сделала несколько

[9] РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 338. Л. 4–5 об.

[10] Публикация пятитомного собрания записей А. М. Листопадова с напевами под редакцией того же проф. Г. П. Сердюченко состоялась после смерти собирателя, в 1949–1954 гг.

перестановок. Кроме того, ею был предложен целый ряд иных названий — не по первой строке песни, как это нередко было принято в казачьих сборниках, а в соответствии с устанавливавшейся научной традицией (например: «Первый выезд Ильи Муромца на подвиги», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец и целовальники», «Добрыня и Маринка» и т. п.). При составлении комментария Астахова в некоторых случаях опиралась на обстоятельства записи или другие подробности, сообщенные ей Листопадовым. Так, к песне о казни Разина она писала: «Публикуемый текст почти в точности совпадает с вариантом у Киреевского, неоднократно перепечатывавшимся в разных сборниках и песенниках. От печатной редакции отличается лишь распетостью. Такая дословная близость записи 1937 г. к тексту, записанному еще в середине XIX в., вызывает вопрос, не попала ли в музыкально-поэтический обиход последнего времени песня уже из книги. Это предположение подтверждается и словами одного из исполнителей, А. П. Гурова: „Эта песня давняя и в книжку напечатана. А теперь и молодые играют ее“ (сообщено А. М. Листопадовым)»[11].

Материалы Листопадова[12] включают в себя несколько разрозненных документов (подробнее см. [Жадовская]), среди которых наиболее интересна тетрадь с пояснениями относительно разночтений между текстами, опубликованными в 1911 г., и новой рукописью. Часть разночтений обнаружила А. М. Астахова, другие, включая опечатки, описки, пропуски, установил сам собиратель, проведя сверку по совету З. В. Эвальд. В частности, Астахова выявила ряд текстов, записанных в разные годы и иногда в разных донских станицах, и закономерно поставила вопрос о возможной контаминированности записей. Известно, что Листопадов совершал повторные поездки с целью проверки своих нотировок, и разделение «слоев» представляет определенную текстологическую проблему и в настоящее время. В фонде А. М. Листопадова находится тетрадь, в которой собиратель сделал сводку всех замечаний, присланных из Ленинграда и переданных им дословно[13]. Этот документ проясняет вопросы Астаховой. Так, к былине о богатыре Кузютушке Листопадовым выписано следующее: «Начиная с 8 строфы — другой текст, чем в ПДК ([Песни донских казаков]. — *С. Ж.*). Почему? Просьба подробнее оговорить в паспорте, взят ли другой вариант или объединены два варианта. NB. Также необходимо разъяснить, в случаях когда указаны года основной записи и повторных

[11] РО ИРЛИ. Ф 724. Оп. 1. № 28. Л. 61.

[12] РО ИРЛИ. Ф 724. Оп. 1. № 431.

[13] Сводная таблица называется «Разночтения и недочеты в текстах I-го тома сборника „Песни донских казаков“ 1911 г. (по переписке с комментаторами + ред(акторами) З. В. Эвальд и А. М. Астаховой)» (РНММ. Ф-147-21).

проверок, — какой именно текст публикуется — одна ли определенная запись или сводка из неск⟨ольких⟩ записей? Если есть интересные разночтения в других вариантах, желательно было бы их указать»[14]. В комментарии Астаховой указано, что по тексту и напеву песня близка к былине о первой поездке Ильи Муромца. Благодаря тетради Листопадова в ее фонде мы узнаем как источник этих сведений, так и ответ на ее вопрос: «Отсутствующие в сборнике „ПДК“ 1911 г. под № 6 (Былина про Кузютушку) строфы 8, 9 и 14 ⟨...⟩ восстановлены по черновику первоначальной записи 1903 года, оказавшемуся в черновой тетради перечеркнутым и в большом беспорядке. Видно, что песенники все время путали и так и не могли до конца дойти. Строфы 10 и 11 записаны в 1936 году в той же станице Пятиизбянской от Кубанцева М. М., уже шестидесятилетнего старика, одного из группы песенников 1903 года, оставшегося в живых. Напев и текст этой песни о Кузютушке сближают ее с былиной про Илью Муромца ⟨...⟩, записанной в станице Клетской, отстоящей от Пятиизбянской в 80 клм по прямой. Между прочим, песенники одной из станиц (какой, не могу припомнить) говорили, что „это песня про Добрыню“. Что касается имени „Кузютушка“, то пятиизбянец Кубанцев М. М. твердо помнил его и последнюю строфу пел так:

15 Ай, што не стук стучит, ну, во городе,
Да не гром-то гремит, —
Вот Кузьма-то казак, што ясмён сокол,
На коне лятит»[15].

Часть этих пояснений, касающихся имени богатыря, также вошла в комментарий Астаховой.

В другом документе из фонда Листопадова находятся сделанные собирателем выписки из комментариев и писем Астаховой, объединенные темами, особенно его интересовавшими, а также замечания к комментариям, указания на «длинноты», «излишнее» и пр.[16]. Выписки касались социально-политической направленности донских песен, их художественных качеств, характеристик былинных героев. Отдельно выписаны упоминания комментатором краткости, «отрывочности» донских былин: Листопадовым болезненно воспринимались даже незначительные свидетельства «неполноценности» эпической традиции на Дону. Тем большее значение для него имели высказывания ленинград-

[14] РНММ. Ф-147-21. Л. 1–1 об.

[15] РО ИРЛИ. Ф 724. Оп. 1. № 431. Л. 16 об.–17.

[16] Выписки озаглавлены: «Из комментария А. М. Астаховой к материалу I тома „ПНДК“ (выписки и заметки)» (РНММ. Ф-147-53). «ПНДК» — «Песенное наследие донских казаков», один из первоначальных вариантов названия издания. Излишними А. М. Листопадов считал, к примеру, упоминание опубликованных вариантов из других регионов (уральских, оренбургских былин и т. д.).

ского ученого о поэтических достоинствах текстов, выписанные из ее писем от ноября и декабря 1939 г. Например: «Чувствую большое удовлетв⟨орение⟩ от работы. Наслаждаюсь высоким художественным мастерством текстов»[17].

Как видим, А. М. Астахова не только составила комментарии к записям, но и провела значительную текстологическую работу, стала (возможно, совместно с З. В. Эвальд) внимательным редактором словесной части сборника. Несмотря на несостоявшееся совместное издание, сотрудничество Листопадова и Астаховой нельзя назвать неудачным. Научное общение между ними не прекратилось и после войны: в 1946 г. Астаховой написано несколько писем собирателю, он высылал ей в Ленинград свою книгу «Донские былины», а также тезисы диссертации Я. П. Лепилина «Богатырская триада Киевского цикла в донской былине», которая была защищена в Ростовском государственном университете 27 апреля 1945 г. На защите Листопадов выступал оппонентом, свой отзыв он также выслал для ознакомления Астаховой. «Благодарю за присланные материалы, — писала она ему в сентябре 1946 г., — в ближайшие дни я вышлю их Вам обратно. Очень приятно было узнать, что донская былина вызвала специальное исследование. ⟨...⟩ С интересом прочла Ваши замечания на диссертацию»[18].

Фольклорист и сама собиралась продолжать изучение южнорусского эпоса: «Мне все это тем более интересно, — отмечала она в том же письме, — что я на предстоящие годы наметила для себя (это включено уже в пятилетний план И⟨нституту⟩та литературы) специальное исследование по донской былине и исторической песне»[19]. Об этом же говорится в письме Б. Н. Путилова к А. М. Листопадову, написанном в январе 1947 г.: «В Ленинграде очень интересуются южным фольклором, Анна Михайловна собирается вплотную им заняться»[20]. Напомним, что в 1945 г. Путилов, в то время преподаватель кафедры литературы Грозненского педагогического института, при поддержке редакции газеты «Грозненский рабочий» организовал студенческую экспедицию в три гребенские станицы (Старощедринскую, Червлённую и Старогладковскую), где участникам удалось записать образцы песенного фольклора гребенских казаков, в том числе былины и исторические песни. В 1946 г. он опубликовал сборник записанных песен [Песни гребенских казаков] и в конце декабря того же года приехал с этим изданием в Ленинград, в Сектор фольклора Пушкинского Дома, и выступил с докладом «Место песенного фольклора

[17] РНММ. Ф-147-53. Л. 2.
[18] РНММ. Ф-147-305. Л. 1.
[19] Там же. Л. 1–1 об.
[20] РНММ. Ф-147-442 Л. 1.

гребенских казаков в общерусском фольклоре»[21]. В письме А. М. Листопадову ученый так писал об этом событии: «В Ленинграде пробыл месяц, установил личную связь с М. К. Азадовским, А. М. Астаховой, Лозановой и другими. В заседании фольклорного сектора ИЛИ АН СССР сделал доклад о гребенском фольклоре. Встретили меня очень приветливо, доклад выслушали с большим интересом, сделали ценные указания. ⟨...⟩ Сборник мой встретили в общем положительно, хотя сделали замечания по его композиции и по принципам публикации»[22]. В издании содержалось восемь былин гребенских казаков — о Ставре, Дюке Степановиче, Илье Муромце и о Соколе-корабле.

В фонде А. М. Астаховой в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранились заметки к обсуждению книги и доклада Б. Н. Путилова. В беглых замечаниях исследовательницы — вероятно, они были сделаны по ходу знакомства с текстом и выступлением — мы видим те же вопросы, которые будут важны и для нее, и для всего эпосоведения в дальнейшем: как следует располагать тексты в издании (по сказителям или по сюжетам), в какое время предположительно зародился эпос, каковы отличия южноказачьих былин от севернорусских и т. п. Так, замечание вызвало распределение песен в сборнике по исполнителям: «Расположение материала — по исполнителям — имеет смысл и значение тогда, когда каждый раз материал исчерпывается (характер репертуара данного исполнителя), но, очевидно, это не так ⟨...⟩. Характеризует ли репертуар данного именно песенника или ту группу, в которой он поет. ⟨...⟩ Те характеристики, которые даны в статье (стр. 49–53)[23], не основаны на исследовании репертуара, вариантов, а на дополнительных наблюдени⟨ях⟩ и могут быть понятны и независимо от такого расположения материала»[24]. Заметим, что во вступительной статье Путилов действительно немало внимания уделил мастерам-песенникам, предложил их классификацию, обозначил и проблему взаимодействия личности и коллектива в хоровом исполнении казачьей эпики и лирики. Индивидуальное мастерство исполнителя, как известно, станет одной из важнейших проблем в научной работе Б. Н. Путилова и будет им разрабатываться на самом широком, не только русском, эпическом материале.

Некоторые замечания Астаховой относились к области эдиционных принципов книги: «Протяженность слогов — чрезвычайно затрудняет в чтении, не только массового читателя, но и исследователя. Таким обозначением ука-

[21] Подробнее см.: [Иванова]. Сведения о докладе Б. Н. Путилова сохранились также в папке «Годовой отчет сектора» за 1936–1948 гг. (индекс 221, л. 140–141 об.).

[22] РНММ. Ф-147-442. Л. 1.

[23] Имеется в виду раздел книги, посвященный характеристике наиболее ярких исполнителей.

[24] РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 724. Оп. 1. № 224. Л. 2–3. Подчеркнуто А. М. Астаховой.

зывается собственно не протяженность, а повторность (зрительно воспринимается). О настоящей протяженности не дает представления»[25]. В сборнике, в который вошли только словесные тексты, без нотных образцов, повторение опорных гласных на письме, как и выделение ударных гласных жирным шрифтом, было продиктовано попыткой показать музыкальную структуру песен (например: ***А****й выезжает наш мал****ю****тка / Вс****ё*** *из града К****и****-и-иева* [Песни гребенских казаков, с. 61] и т. д.). В отдельных случаях гласные не просто повторялись, но растягивались, меняя звучание: *Не по пи-итерской а-ай славной по доро-о-о-и-а-о-оже-еньке, / И-и да было по дор****о****-о-а-и-и-о-****о****жке* и т. д. [Песни гребенских казаков, с. 64]. «Протяжная казачья песня, — пояснял Путилов во вступительной статье, — гораздо более широкое и капризное явление, чем можно думать, читая легко скандируемые строчки из старых сборников» [Песни гребенских казаков, с. 7][26].

В своих заметках А. М. Астахова обратила внимание и на противоречия в суждениях автора. Основной ее вопрос касался утверждения Б. Н. Путилова о древности южной былины («...многие явления южнорусского фольклора стоят, пожалуй, значительно ближе к ⟨...⟩ истокам» [Песни гребенских казаков, с. 16]). Позже исследователь, однако, заявлял, что герои терских былин «снижены, сведены в быт, в повседневность» [Песни гребенских казаков, с. 19], что, по мнению Астаховой, не согласовывалось с версией о раннем происхождении южного эпоса. На взаимоисключающие высказывания она указывала и далее: «На стр. 21-й говорится о деформации жанра былины (деформ⟨ации⟩ по сравнению с чем, с более ранними записями на юге? или с северными?). Там же на стр. 21-й: „Былина, в сохранившихся пределах, хорошо сберегла эпический характер“»[27].

Критические замечания не помешали Астаховой отметить несомненные достоинства и книги, и доклада молодого специалиста. Подчеркнув, что доклад вызывает особенный интерес, поскольку дает представление об актуальном состоянии гребенского фольклора и содержит «интересные, точные наблюдения, которые ⟨...⟩ сами по себе уже ставят вопросы общего характера»[28], Астахова обозначала и свое несогласие с некоторыми заключениями автора. Например:

---

[25] РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 724. Оп. 1. № 224. Л. 3. Подчеркнуто А. М. Астаховой.

[26] В. А. Лапин, много лет спустя проанализировав исполнительское мастерство самого Б. Н. Путилова, отметил: «...у молодого фольклориста Б. Н. Путилова, записывавшего песню, могло постепенно „просыпаться“ то песенное знание, которое он воспринял еще в детстве. Отсюда — нарастающее желание и возможность зафиксировать на бумаге именно песенное звучание стиха, весьма изощренное в протяжной песне» [Лапин, с. 171].

[27] РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 724. Оп. 1. № 224. Л. 5.

[28] Там же. Л. 8.

«Положение, что эпизация русских былин принадлежит Северу, что именно Север превратил в чистый эпос жанр историч⟨еских⟩ песен (с. 14), — едва ли правильно (в центр⟨альной⟩ России записыв⟨ались⟩ ист⟨орические⟩ песни эпич⟨еского⟩ характера и былины)»[29]. Обдумывая услышанный доклад, исследовательница записала важные и для ее собственной работы мысли. Например: «...вопрос о казачьей былине с точки зрения художеств⟨енной⟩ следует пересмотреть. Не разрушение, а создание особого жанра на основе былинных мотивов под воздействием песни»[30]. В статье 1963 г. и монографии 1966 г. она, как мы помним, будет настаивать на поэтическом своеобразии казачьего эпоса.

Значимым результатом приезда Б. Н. Путилова в Ленинград стала подготовка им кандидатской диссертации об исторических песнях терского казачества. Научным консультантом этой работы, успешно защищенной в Пушкинском Доме два года спустя, выступила А. М. Астахова. Таким образом, с конца 1930-х и в 1940-е гг. волей внешних и, казалось бы, случайных обстоятельств южнорусский эпос, ранее не привлекавший особого внимания исследовательницы, прочно вошел в сферу ее научных интересов. Внимательное знакомство с донскими эпическими песнями, подготовка обширного комментария к ним, обсуждение их особенностей и формы бытования в переписке с главным собирателем донского фольклора А. М. Листопадовым, участие в подготовке экспедиции в Сталинградскую область в 1939 г., наконец, осмысление терской традиции и общение с молодым коллегой, ею владеющим, — все эти, на первый взгляд, не связанные между собой события оказались закономерными шагами на пути глубокого постижения русского эпоса.

Литература

Астахова 1963 — *Астахова А. М.* Вопросы изучения донской былины // Народная устная поэзия Дона: Материалы науч. конф. по народному творчеству донского казачества (18–23 декабря 1961 г.). [Ростов-на-Дону]: Изд-во Ростовского университета, 1963. С. 50–69.

Астахова 1966 — *Астахова А. М.* Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. 291 с.

Жадовская — *Жадовская С. А.* Неизданные комментарии А. М. Астаховой к собранию «Песни донских казаков» А. М. Листопадова // История и традиционная культура российского казачества: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Листопадовские чтения — 2025» (Москва, 2025) / Сост. Д. В. Морозов, И. А. Никитина. М.: Российская академия музыки им. Гнесиных, 2025. С. 13–27.

Иванова — *Иванова Т. Г.* Борис Николаевич Путилов: начало пути // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 423–440.

[29] РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 724. Оп. 1. № 224. Л. 4.

[30] Там же. Л. 6.

Из экспедиционных записей — Из экспедиционных записей К. В. Чистова / Предисл., публ. и примеч. Т. Г. Ивановой // Живая старина. 2008. № 3. С. 45–46.

Лапин — *Лапин В. А.* Б. Н. Путилов-исполнитель (к проблеме певческого / сказительского сознания) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 99» (20–24 сентября 1999 г., Петрозаводск). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 164–175.

Листопадов 1945 — *Листопадов А. М.* Донские былины. Ростов-на-Дону: [б. и.], 1945. 92 с.

Листопадов 1946 — *Листопадов А. М.* Донские исторические песни. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1946. 144 с.

Лунин — *Лунин Б.* Александр Михайлович Листопадов: [Некролог] // Этнографическое обозрение. 1949. № 3. С. 212–213.

Миллер 1902 — Миллер В. Ф. К новым записям былин из Донской области (Приложение В. А. Харламова) // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 125–143.

Миллер 1924 — *Миллер В. Ф.* Казацкие эпические песни XVI и XVII вв. // Очерки народной словесности. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 3. С. 249–336.

Песни гребенских казаков — Песни гребенских казаков / Публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б. Н. Путилова. Грозный: Грозненское обл. изд-во, 1946. 314 с.

Песни донских казаков — Песни донских казаков, собранные в 1902–1903 гг. А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным. М.: Изд-во Войска Донского, 1911. 152 с.

Пивоваров — *Пивоваров А.* Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885. 146 с.

Рудиченко — *Рудиченко Т. С.* К истории публикации «Песен донских казаков» (Несостоявшаяся редакция) // Памяти А. М. Листопадова: Сб. науч. ст., посвящ. 120-летию со дня рождения А. М. Листопадова / Ред.-сост. Т. С. Рудиченко. Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. С. 2–40.

Савельев — *Савельев А. М.* Сборник донских народных песен. СПб.: Дон. войсковой стат. ком., 1866. 174 с.

References

Ivanova, T. G. (2007). 'Boris Nikolaevich Putilov: nachalo puti' ['Boris Nikolaevich Putilov: The Beginning of the Journey'], *Antropologicheskii forum*, 7, 423–440. (In Russ.)

Ivanova, T. G., ed. (2008). 'Iz ekspedicionnykh zapisei K. V. Chistova' ['From the Expedition Notes of K. V. Chistov'], *Zhivaia starina*, 3, 45–46. (In Russ.)

Lapin, V. A. (2000). 'B. N. Putilov — Ispolnitel' (k probleme pevcheskogo / skazitel'skogo soznaniia)' ['B. N. Putilov as a Performer (On the Problem of Singer/Storyteller Consciousness)'], in: *Master i narodnaia khudozhestvennaia traditsiia Russkogo Severa: Doklady III nauchnoi konferentsii "Riabninskie chteniia — 99" (20–24 sentiabria 1999; Petrozavodsk)* [*The Master and the Folk Art Tradition of the Russian North: Reports of the III Scientific Conference "Ryabinin Readings–99"*]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi Akademii nauk Publ., 164–175. (In Russ.)

Rudichenko, T. S. (1997). 'K istorii publikatsii "Pesen donskikh kazakov" (Nesostoiavshaiasia redakrsiia)' ['On the History of the Publication of the "Songs of the Don Cossacks" (The Failed Edition)'], in: Rudichenko, T. S., ed. *Pamiati A. M. Listopadova: Sbornik nauchnykh statei, posviashchennykh 120-letiiu so dnia rozhdeniia A. M. Listopadova* [*In Memory of A. M. Listopadov: Collection of Scientific Articles Dedicated to the*

120th Anniversary of the Birth of A. M. Listopadov]. Rostov-na-Donu: Gefest Publ., 2–40. (In Russ.)

Zhadovskaia, S. A. (2025). 'Neizdannye kommentarii A. M. Astakhovoi k sobraniiu "Pesni donskikh kazakov" A. M. Listopadova' ['Unpublished Commentary by A. M. Astakhova on the Collection "Songs of the Don Cossacks" by A. M. Listopadov'], in: Morozov, D. V., Nikitina, I. A., eds. *Istoriia i traditsionnaia kul'tura rossiiskogo kazachestva: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Listopadovskie chteniia — 2025"* [*History and Traditional Culture of the Russian Cossacks: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Listopadov Readings — 2025"*]. Moscow: Rossiiskaia akademiia muzyki imeni Gnesinykh Publ., 13–27. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 119–143
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-119-143
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 119–143
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

У. О. Щукина

ПЕРЕПИСКА А. М. АСТАХОВОЙ И Б. Ф. ЕГОРОВА

Uliana O. Shchukina

THE CORRESPONDENCE BETWEEN A. M. ASTAKHOVA AND B. F. EGOROV

Резюме. Статья посвящена эпистолярному наследию Анны Михайловны Астаховой (1886–1971) и Бориса Федоровича Егорова (1926–2020). Одиннадцать писем А. М. Астаховой 1952–1963 гг. к своему ученику, защитившему в 1952 г. под ее руководством кандидатскую диссертацию, хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в личном фонде Б. Ф. Егорова. Два ответных письма от 16 июля 1952 г. и 19 сентября 1957 г. находятся в фонде А. М. Астаховой в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В переписке ученых обсуждаются вопросы подготовки кандидатской диссертации Б. Ф. Егорова, работа над изданиями по русскому фольклору, события научной жизни 50–60-х гг. XX в. Письма впервые вводятся в научный оборот и с новой стороны освещают известные страницы в истории сектора устного народного творчества (отдела фольклора) Пушкинского Дома и истории русской фольклористики в целом.
Ключевые слова: А. М. Астахова, Б. Ф. Егоров, история русской фольклористики, эпистолярные тексты.
Информация об авторе: Ульяна Олеговна Щукина, ведущий библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия,
ulyana.11.10@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0009-0002-7715-3817.
Для цитирования: *Щукина У. О.* Переписка А. М. Астаховой и Б. Ф. Егорова // Словесность и история. 2026. № 3. С. 119–143.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-119-143.

Abstract. The article is devoted to the epistolary heritage of Anna Mikhailovna Astakhova (1886–1971) and Boris Fedorovich Egorov (1926–2020). B. F. Egorov's personal archive in the Manuscripts Department of the National Library of Russia contains eleven of A. M. Astakhova's letters, dating from 1952 to 1963, to her student, who defended his PhD thesis in 1952 under her guidance. Two letters that represent responses, dated July 16, 1952, and September 19, 1957, can be found in A. M. Astakhova's collection in the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences. The correspondence of the scientists touched on issues regarding the preparation of Egorov's PhD thesis, work on publications on Russian folklore, and scientific events of the 1950s and 1960s. The article introduces these letters to the scientific audience for the first time and sheds new light on famous pages in the history of the Folk Art Sector (Department of Folklore) of Pushkinskii Dom and on the history of Russian folklore studies in general.
Keywords: Anna Mikhailovna Astakhova, Boris Fedorovich Egorov, history of Russian folklore studies, epistolary texts.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Information about the author: Uliana O. Shchukina, Leading Librarian of the Manuscripts Department, National Library of Russia, St. Petersburg, Russia, ulyana.11.10@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0009-0002-7715-3817.
Received: May 15, 2026. ***Approved***: June 27, 2026.
For citation: Shchukina, U. O. (2026). 'The Correspondence Between A. M. Astakhova and B. F. Egorov', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 119–143.

В истории отечественной гуманитарной науки 2026 год ознаменовался несколькими юбилейными датами, в числе которых 140 лет со дня рождения фольклориста, доктора филологических наук Анны Михайловны Астаховой (1886–1971)[1] и 100 лет со дня рождения литературоведа, доктора филологических наук Бориса Федоровича Егорова (1926–2020)[2]. В 1949–1952 гг. Б. Ф. Егоров работал под руководством А. М. Астаховой над кандидатской диссертацией по теме «Н. А. Добролюбов и проблемы фольклористики», которую защитил в 1952 г. [Егоров 1952][3].

Их знакомство произошло, судя по всему, в 1949 г., когда выпускник филологического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) поступил в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. М. Н. Покровского (ЛГПИ им. М. Н. Покровского)[4]. В педагогическом институте А. М. Астахова в 1943–1956 гг. читала курс лекций по фольклору и вела спецсеминар [Шапалова, с. 205], совмещая преподавание с основной работой в секторе устного народного творчества (отделе фольклора) Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР[5], где «занимала должности секретаря сектора фольклора, ученого хранителя Архива фольклорных записей (с 1931 по 1956 г.), зав. сектором фольклора (с 1953 по 1956 г.)» [Шапалова, с. 205].

---

[1] Биографии и профессиональной деятельности А. М. Астаховой посвящены публикации: [А. М. Астахова; Список работ; Печатные работы; Адрианова-Перетц; Мельц, Митрофанова; Лихачев, с. 466–469; Шапалова] и др.

[2] Биографии и профессиональной деятельности Б. Ф. Егорова посвящен ряд публикаций и его собственные воспоминания: [Егоров 2004; Борис Федорович Егоров 2011; Егоров 2013; Борис Федорович Егоров 2016; Памяти Бориса Федоровича] и др.

[3] Оппонентами на защите выступали В. Я. Пропп и С. А. Рейсер [Егоров 2004, с. 346]. На основе кандидатской диссертации Б. Ф. Егоровым была написана монография «Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии» [Егоров 1956].

[4] В 1957 г. ЛГПИ им. М. Н. Покровского был объединен с Ленинградским государственным педагогическим институтом им А. И. Герцена (ЛГПИ им А. И. Герцена, в настоящее время — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, РГПУ).

[5] «В 1939 г. отдел фольклора ИАЭ (Института антропологии и этнографии АН СССР; ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). — *У. Щ.*) был переведен в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где Анна Михайловна и проработала до 1965 г., т. е. до выхода на пенсию» [Шапалова, с. 205].

Во время учебы в аспирантуре и работы над кандидатской диссертацией Б. Ф. Егоров с семьей (женой и маленькой дочерью) жили в г. Тарту в Эстонии. София Александровна Николаева (1924–2008), жена Б. Ф. Егорова, получила направление в Тартуский университет после окончания аспирантуры химического факультета ЛГУ. А сам он, по собственным воспоминаниям, с декабря 1951 г. «юридически числился аспирантом Тартуского университета, хотя фактически ⟨...⟩ оставался при кафедре института Покровского» [Егоров 2004, с. 220].

О знакомстве со своим научным руководителем и совместной работе ученый писал так: «Я был отдан под начало А. М. Астаховой (другие руководители уже были перегружены аспирантами), и мы компромиссно, с учетом моей тяги к XIX веку и к архивам, договорились о теме диссертации *„Н. А. Добролюбов и фольклор“* (курсив автора. — *У. Щ.*)» [Егоров 2004, с. 220]. В более поздних воспоминаниях Б. Ф. Егорова А. М. Астаховой посвящен отдельный очерк, из которого узнаем интересные детали: «Благородная А⟨нна⟩ М⟨ихайловна⟩, видя мою строптивость, сама предложила избрать какую-нибудь компромиссную тему вроде „Шестидесятник и фольклор“: большинство из них, любя народ, всерьез интересовались народным творчеством. Я, мечтая об архивных разысканиях, изучил по справочникам богатства рукописных отделов Публичной библиотеки и Пушкинского Дома и нашел настоящий клад: в Публичной библиотеке, где находилось много рукописей Н. А. Добролюбова[6], сохранился целый комплект школьных и студенческих материалов будущего великого критика, имеющих отношение к фольклору: записи произведений народного творчества, конспекты статей и книг, наброски собственных статей и т. п. Выдающиеся ученые (А. П. Скафтымов, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп), занимавшиеся темой „Добролюбов и фольклор“, эти архивные залежи не изучали, поэтому я смог на архивной основе создать вполне самостоятельную диссертацию по этой теме ⟨...⟩ А. М. приятно удивила меня своей добросовестностью ⟨...⟩ ее дальнейшие советы и замечания касались преимущественно именно фольклорных проблем, а моему добролюбоведению она доверилась как-то сразу. Поразительная добросовестность руководителя проявилась и во внимательнейшем прочтении приносимых черновиков диссертации. Замечания были не только общего характера. Чувствовалось, что она медленно идет по тексту, не гнушаясь самыми простыми стилистическими и редакторскими поправками. Все беседы и консультации происходили на дому у А. М., она заранее назначала день и час» [Егоров 2013, с. 140–141].

[6] Речь в воспоминаниях Б. Ф. Егорова идет об архиве: ОР РНБ. Ф. 255 (Добролюбов Николай Александрович).

Б. Ф. Егоров тепло вспоминал о личных качествах своего научного руководителя: «А. М. была не только выдающимся фольклористом, но и замечательным человеком. Сколько доброты в ее поступках и даже во взгляде. Очень мило шутила. Называла меня, по сходству моего имени-отчества с Годуновым, „Царь Борис“ ⟨...⟩ Общение с А. М. очень расширило мои познания в области фольклора и фольклористики» [Егоров 2013, с. 141].

Публикуемая ниже переписка А. М. Астаховой и Б. Ф. Егорова позволяет более детально осветить историю взаимоотношений ученика и учителя. Часть эпистолярного наследия А. М. Астаховой, как известно, введена в научный оборот — в частности, ее письма 1942–1954 гг. к выдающемуся фольклористу, заведующему Фольклорной секцией (в дальнейшем — сектора и отдела фольклора Пушкинского Дома) М. К. Азадовскому [Письма А. М. Астаховой 2013; 2014]. Ее переписка с Б. Ф. Егоровым до сих пор не рассматривалась исследователями.

Одиннадцать писем 1952–1963 гг. А. М. Астаховой к ученику сохранились в личном фонде Б. Ф. Егорова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки[7], куда были переданы им в 1991 г. вместе с другими материалами. Два ответных письма находятся в личном фонде А. М. Астаховой в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН[8]. К этим письмам приложена статья аспиранта «Молодой Добролюбов как фольклорист и этнограф», а также переписка с редакцией журнала «Советская этнография», куда планировалось отправить статью (см. об этом письма А. М. Астаховой № 1, 5). Еще один документ в личном фонде А. М. Астаховой в РО ИРЛИ, относящийся к диссертационному исследованию Б. Ф. Егорова, — план диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, подписанный 20 сентября 1951 г.[9]

Неудивительно, что в восьми письмах 1952 г. центральное место занимает обсуждение кандидатской диссертации: «Как идет Ваша работа? Узнала, что Вами найден в Тарту интересный архив. Все это очень хорошо, но не увлекайтесь, ведь Ваша диссертационная тема такова, что может кто-нибудь вынырнуть до Вас. Надо торопиться» (№ 1)[10]; «Посылаю его (автореферат. — *У. Щ.*)

---

[7] ОР РНБ. Ф. 1344 (Егоров Борис Федорович). Оп. 1. № 193 (Астахова Анна Михайловна. Письма (11) Борису Федоровичу Егорову. Ленинград. Конверты (9). 8 февраля 1952 — 26 октября 1963).

[8] РО ИРЛИ. Ф. 724 (Астахова Анна Михайловна). Оп. 1. Ед. хр. 310 (Егоров Борис Федорович. 2 п. Астаховой А. М. 16 июля 1952 — 19 сентября 1957).

[9] РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 425 (Егоров Борис Федорович. «Добролюбов и проблемы фольклористики». План диссертации на соискание степени канд. филол. наук).

[10] Здесь и далее в круглых скобках дается номер письма, публикуемого ниже.

Вам и мои примечания к пометкам А⟨ркадия⟩ С⟨еменовича⟩, а также предлагаемые мною редакционные поправки (чернилами). Разумеется, отнеситесь к ним критически, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ найдете и более удачные формулировки, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и не согласитесь кое с чем. Продумайте хорошенько! В автореферате надо, чтобы каждая фраза была отточенной, четкой предельно. Постарайтесь в некоторых местах сжать изложение. Об этом пишет и Арк⟨адий⟩ Семенович» (№ 8). Литературовед и критик, преподаватель филологического факультета ЛГУ А. С. Долинин (1880–1968), судя по всему, изначально был приглашен выступить в роли оппонента на защите кандидатской диссертации, а в дальнейшем помогал редактировать этот текст.

Беспокоили А. М. Астахову и вопросы, связанные с публикацией статей Б. Ф. Егорова по теме диссертации в авторитетных изданиях — журнале «Советская этнография», периодических сборниках «Русский фольклор» и др. Так, о статье «Молодой Добролюбов как фольклорист и этнограф» она замечала: «Недавно мне пришлось по разным вопросам писать В. И. Чичерову. Спросила его и о Вашей статье. И вот его ответ (сообщаю точно): „Статья Вашего аспиранта вряд ли будет публиковаться в “Советской этнографии”. Это добротная, хорошая статья типа специальных работ для “Литерат⟨урного⟩ наследства”. Для “Сов⟨етской⟩ этногр⟨афии⟩” нужно большее обобщение всего материала, и в первую очередь сыгравшего роль в истории науки (а не только в научном росте Добролюбова). Из-за болезни С. П. Толстова окончательное решение задержалось. Последнее слово за ним“. Думаю, судя по данному ответу, что статья действительно не будет печататься ⟨...⟩. Конечно, жаль, что не будет напечатана, но оценка Чичерова приятна, имея в виду место этой главы в диссертации» (№ 1).

7 июля 1952 г. Б. Ф. Егоров получил ответ редакционной коллегии журнала «Советская этнография» о невозможности опубликовать статью о Н. А. Добролюбове: «Найденный и комментированный Вами материал интересен как подготовительный этап к статьям о Добролюбове. Его бы имело смысл опубликовать в специальном издании по истории этнографической науки; к сожалению, в настоящее время выяснилось, что такое издание в нашем Институте не будет готовиться. Поэтому возвращаем Вам Вашу статью, как работу, которая не может быть использована в изданиях Института этнографии»[11]. Эта статья была опубликована в 1954 г. в журнале «Ученые записки Тартуского государственного университета» [Егоров 1954].

[11] РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 310 (Егоров Борис Федорович. 2 п. Астаховой А. М. 16 июля 1952 — 19 сентября 1957). Л. 42.

Письма А. М. Астаховой освещают научные события Ленинграда, Москвы, Петрозаводска, Риги 50–60-х гг. XX в. Помимо обсуждения вопросов, связанных с подготовкой и защитой кандидатской диссертации, она передавала своему ученику, проживавшему в то время в Тарту, новости научной жизни Ленинграда. Это сообщения о защитах диссертаций (см. № 2, 3) и о праздновании значимых в истории русской литературы дат. Одна из них — 100-летие со дня смерти Н. В. Гоголя, которое отмечалось 4 марта 1952 г. Для выездной научной сессии ИРЛИ АН СССР, состоявшейся 1 марта 1952 г. во Дворце культуры им. А. М. Горького в Ленинграде, А. М. Астахова подготовила специальное выступление. «Как прошли в Тарту гоголевские дни? — спрашивала она Б. Ф. Егорова. — Здесь они прошли как-то скучно, тускло, без того [подъема] и теплоты, которыми был отмечен 1949-й год. Вчера было весьма посредственное „торжество“ у Покровского. В Пушкинском Доме большинство докладов на гоголевской сессии тоже были неинтересными. К сожалению, мне пришлось пропустить единственный выдающийся (как говорят) доклад историка А. В. Предтеченского на тему „Сочинения Н. В. Гоголя как исторический источник“» (№ 2).

Отдельные строчки писем посвящены работе сотрудников сектора устного народного творчества ИРЛИ над известными изданиями — сборниками «Русский фольклор», вторым томом «Русского народного поэтического творчества» (1956), антологией «Илья Муромец», вышедшей в серии «Литературные памятники» в 1958 г., над изданием «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века» (1961) и др. (см. об этом № 4, 10, 12, 13).

Переписка А. М. Астаховой и Б. Ф. Егорова продолжилась и после защиты им кандидатской диссертации в 1952 г. Следующие письма датируются 1957 г. Б. Ф. Егоров сообщал старшему коллеге о своем новом исследовании: «Уже несколько месяцев занимаюсь большой темой, думаю в дальнейшем написать книгу: „Литературная критика 1855–1862 гг.“ — где хочу охватить материал полузабытых изданий (вроде „Сына отеч⟨ества⟩“ или „Моск⟨овских⟩ вед⟨омостей⟩“), наряду с анализом „генералов“, и дать тем самым довольно полную (насколько удастся) картину лит⟨ературно⟩-критич⟨еской⟩ жизни в России добролюбовского периода. Материал громадный и интересный, займет несколько лет» (№ 11). В 1967 г. литературовед защитил докторскую диссертацию на тему: «Русская литературная критика 1848–1861 гг.» [Егоров 1967].

В письмах А. М. Астаховой этого года особенно интересно обсуждение сказок, записанных писательницей и переводчицей, племянницей поэта В. А. Жуковского Анной Петровной Зонтаг (урожд. Юшковой, 1785–1864): «До сих пор у меня все не доходили руки до записей сказок А. П. Зонтаг. У нас

же завершается том свода по сказкам в записи 1-й половины XIX века. Само собою разумеется, что эти сказки должны быть включены в том. Подготовляет этот том Н. В. Новиков. Я ему уже сказала, что Вами отыскана часть записей Зонтаг, и обещала сообщить ему в ближайшее время о местонахождении сказок, с тем чтобы снять копии. Конечно, в примечании будет оговорено, что разысканы эти сказки Вами. Но я подумала вот еще о чем: данный том свода значится в плане издательской подготовки на 1958 год, следовательно, опубликован он будет только в 1959 году. Я и хотела предложить Вам написать в виде сообщения об этих сказках с их обзором для какого-либо издания, которое будет опубликовано раньше ⟨...⟩. Хорошо было бы, чтобы Новиков мог сослаться не только на Ваше имя, но и на какую-то Вашу заметку, сообщение или, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, частичную публикацию» (№ 12).

О собирании сказок А. П. Зонтаг упоминается в тексте вступительной статьи Н. В. Новикова к тому «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века», но сами записи не вошли в это издание: «К сожалению, нам ничего не удалось узнать ни о судьбе этого любопытного собрания, ни о том, когда, где и как производила записи этих сказок А. П. Зонтаг» [Русские сказки, с. 33].

В последнем сохранившемся в личном фонде Б. Ф. Егорова письме, от 26 октября 1963 г., А. М. Астахова высказывала обеспокоенность судьбой издания «Народные баллады», подготовленного сотрудником Института литературы, языка и истории Карельского филиала АН СССР (Петрозаводск) Д. М. Балашовым [Народные баллады]. Сборник, вышедший в 1963 г. в Большой серии «Библиотеки поэта», получил, как известно, неоднозначную оценку [Алексеева]. Автор рецензии в числе прочих дискуссионных вопросов подвергла сомнению широкое определение жанра баллады, данное во вступительной статье. В письме Б. Ф. Егорову А. М. Астахова обсуждала с ним возможность подготовить еще одну рецензию на издание, которая могла бы поправить положение автора сборника (см. № 13). В тот период Б. Ф. Егоров вернулся в Ленинград, начал преподавать на филологическом факультете ЛГУ (в 1962–1968 гг.), а также работал заместителем главного редактора книжной серии «Библиотека поэта» (в 1962–1971 гг.). Но рецензия им не была написана, а автором более положительной оценки выступил Б. Н. Путилов [Путилов].

Большинство писем завершается заботливыми вопросами А. М. Астаховой о бытовой жизни — например, о переездах, об устройстве на работу: «Как Ваша работа в Тарту? Есть ли какие-либо виды на штатное место?» (№ 8); «P. S. Имеются ли перспективы для Вашего устройства в ИРЛИ?» (№ 10). Спрашивала она о домашних делах, о дочери Татьяне, писала и о своей

внучке, тоже Татьяне: «Как растет потомство? Черты какой наследственности проявляются больше, филологической или химической? Или еще пока не заметно ничего? А наша Таня уже „грамотная“, читает вполне хорошо» (№ 2); «Как Вам живется, как растет и развивается дочка? В Тарту, наверное, сейчас хорошо» (№ 4).

* * *

Тексты писем публикуются по единицам хранения: ОР РНБ. Ф. 1344 (Егоров Борис Федорович). Оп. 1. № 193 (Астахова Анна Михайловна. Письма (11) Борису Федоровичу Егорову. Ленинград. Конверты (9). 8 февраля 1952 — 26 октября 1963) и РО ИРЛИ. Ф. 724 (Астахова Анна Михайловна). Оп. 1. Ед. хр. 310 (Егоров Борис Федорович. 2 п. Астаховой А. М. 16 июля 1952 — 19 сентября 1957). Все они написаны от руки, одно письмо А. М. Астаховой (№ 5) — на почтовой карточке. В большинстве случаев сохранено написание оригинала, устранены лишь мелкие описки, пунктуация приведена к современной норме. Сокращения раскрываются в угловых скобках, неясные прочтения — в квадратных. Фрагменты, подчеркнутые авторами, переданы курсивом. Благодарю А. П. Дмитриева (ИРЛИ РАН), С. А. Жадовскую (ИРЛИ РАН), Н. В. Гольцова (РНБ) и членов семьи Б. Ф. Егорова за помощь в подготовке публикации.

№ 1
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 8 февраля 1952 г. Ленинград

8.II.52 г.

Дорогой Борис Федорович!

Прежде всего поздравляю Вас и Софью Александровну[1]. От сестры С. А. узнала о хорошей защите диссертации. Очередь, Борис Федорович, за Вами. Как идет Ваша работа? Узнала, что Вами найден в Тарту интересный архив[2]. Все это очень хорошо, но не увлекайтесь, ведь Ваша диссертационная тема такова, что может кто-нибудь вынырнуть до Вас. Надо торопиться.

Недавно мне пришлось по разным вопросам писать В. И. Чичерову[3]. Спросила его и о Вашей статье[4]. И вот его ответ (сообщаю точно):

«Статья Вашего аспиранта вряд ли будет публиковаться в „Советской этнографии“[5]. Это добротная, хорошая статья типа специальных работ для „Литерат⟨урного⟩ наследства“[6]. Для „Сов⟨етской⟩ этногр⟨афии⟩“ нужно большее обобщение всего материала и в первую очередь сыгравшего роль в истории науки (а не только в научном росте Добролюбова). Из-за болезни

С. П. Толстова[7] окончательное решение задержалось. Последнее слово за ним».

Думаю, судя по данному ответу, что статья действительно не будет печататься, т⟨а⟩к к⟨а⟩к С. П. Толстов, вероятно, обращается к специалистам, и с суждением Чичерова (который в редакции представляет фольклористов) будет считаться.

Конечно, жаль, что не будет напечатана, но оценка Чичерова приятна, имея в виду место этой главы в диссертации. Кстати, Вы не встречались никогда ни с кем из «Лит⟨ературного⟩ наследства»? Главные там — С. Макашин[8] и И. Зильберштейн[9]. Макашин, кажется, хороший человек. Если у Вас есть новые документы для публикации, надо с ним связаться. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, стоило и запросить его о том, будут ли в ближайшее время подготовляться (или, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, уже подготовляются) тома по революционным демократам. Тогда и Добролюбов в какой-то мере мог быть пристроен.

О наших «Ученых записках»[10] пока ничего нового. Никакого движения. Сегодня кафедра, поставлю этот вопрос. О Вашей статье спрашивала Аркад⟨ия⟩ Семен⟨овича⟩[11]. Он говорил о необходимости сокращений.

Узнала, что Вы в двадцатых числах этого месяца собираетесь быть здесь[12]. Это хорошо бы было. Тогда поговорим обо всем. Пока же мой завет — усиленно работать по теме диссертации. Если Ваш приезд в Л⟨енингра⟩д почему-либо отсрочивается, напишите о себе, своей работе. Если приедете, поговорим при встрече.

Желаю успеха во всех Ваших работах. Привет Софье Александр⟨овне⟩ и маленькой Тане[13]. Нашей Тани[14] на днях мы праздновали пятилетие!

Ваша А. Астахова

№ 2
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 5 марта 1952 г. Ленинград

5.III.52 г.

Дорогой Борис Федорович!

Получила «Введение», но пока еще в него не «вошла». Пожалуй, и не буду «вникать» до получения всей работы. У меня времени сейчас значительно больше, чем в 1-м семестре. Но вот что учтите. Вы пишете, что *привезете* работу. Следовательно, Вы рассчитываете, что я тогда же, во время недолгого Вашего пребывания в Л⟨енингра⟩де, смогу[15] ее прочесть. Думаю, что мне понадобится известное время (скажем, не менее недель двух, а то и больше), чтобы как следует ее проработать. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, было бы

более рационально прислать мне один экземпляр всей работы с тем, чтобы Вам[16] самому продолжать работать над шлифовкой ее по другому экземпляру, и приехать тогда, когда у меня будут уже определенные суждения, замечания основательные.

Другое дело, если Вам надо сюда приехать, чтобы что-то здесь доделать, или по каким-либо другим делам.

Во всяком случае жду в ближайшее время Вашу работу, с удовольствием буду читать ее.

Только вчера, наконец, получила на руки письмо из Тарту[17]. Я ведь сейчас почти не бываю в И⟨нституту⟩те[18], а когда приходила, то Елены Никол⟨аевны⟩[19] не было, и никто не мог письма найти. Впрочем, о содержании этих бумажек я знала, Е⟨лена⟩ Н⟨иколаевна⟩ мне прочла по телефону. Непонятна сама форма этого присыла. Ведь меня-то Тартуский университет ни о чем не запрашивал, а присылает из Министерства уже «утверждение». Чудаки! Ведь если бы это были не Вы, не наши с Вами отношения, то я бы опротестовала это утверждение. Ваше начальство совершенно не понимает, очевидно, каковы элементарные правила вежливого обращения, ведь они должны были меня «просить о согласии» быть Вашим руководителем[20].

Что касается до разговоров о том, что часы зачитываются по месту основной работы, то это полный вздор, и, конечно, никакого вопроса я и не поднимала здесь. Если я официально утверждаюсь в качестве руководителя аспиранта Тартуского университета, то и оплачивает мою работу данный университет. Так всегда бывает.

Впрочем, Вы знаете, что все это для меня не существенно. Важно, чтобы у Вас вышла хорошая диссертация, и я с радостью постараюсь поспособствовать этому в меру моих возможностей. Поэтому все эти «практические» вопросы пусть Вас не смущают.

Как прошли в Тарту гоголевские дни?[21] Здесь они прошли как-то скучно, тускло, без того [подъема] и теплоты, которыми был отмечен 1949-й год[22]. Вчера было весьма посредственное «торжество» у Покровского[23]. В Пушкинском Доме большинство докладов на гоголевской сессии[24] тоже были неинтересными. К сожалению, мне пришлось пропустить единственный выдающийся (как говорят) доклад историка А. В. Предтеченского[25] на тему «Сочинения Н. В. Гоголя как исторический источник».

На последней нашей кафедре Т. Т. Веселовский[26] читал главу из своей докторской диссертации. Я не была, но слышала, что его порядком раздела-ли. Завтра Лаврентий Петрович защищает свою диссертацию у Герцена[27]. Отзывы он получил хорошие[28]. Оппоненты — Д. К. Зеленин[29] (член-корреспондент) — по научной специальности, некий Сафронов[30] (доцент) — по

педагогике. Получены еще отзывы от одной учительницы средней школы и от Е. Н. Ахутиной[31]. Так хочется, чтобы все прошло благополучно, без всяких неожиданностей, гладко!

Вот пока все «достойное быть отмеченным».

Оттиски статьи я пока еще не получила. Все хочу спросить Н. К. Пиксанова[32], получил ли он. Очевидно, так и не пришлют[33].

Шахнович — *он*, Михаил Иосифович[34].

Всего хорошего. Решите, как сделаете с диссертацией и сообщите мне. Как растет потомство? Черты какой наследственности проявляются больше, филологической или химической? Или еще пока не заметно ничего? А наша Таня уже «грамотная», читает вполне хорошо.

Итак, жду встречи.

Ваша А. Астахова

№ 3
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 25 марта 1952 г. Ленинград

25.III.52 г.

Дорогой Борис Федорович!

Получила посланные Вами главы диссертации — и по почте, и с оказией. Эти дни не притрагиваюсь, так как у нас отчетный период — за первый квартал. Рассчитываю прочесть диссертацию к 15 апреля. Как только сдам свой отчет и работу за квартал, сяду за Вашу диссертацию.

Л. П. Бессонов[35] очень хорошо защитил диссертацию. Степень ему была присуждена единогласно (17 членов ученого совета педагогического факультета И⟨нституту⟩та Герцена). В эту субботу должно пройти утверждение этого решения через ученый совет всего И⟨нституту⟩та. В ближайший понедельник «защищается» Галя Евтифеева[36].

Вот наши новости. Вопрос с «Учеными записками»[37] не двигается с места.

Всего хорошего. Напишите, когда думаете приехать.

А. Астахова

№ 4
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 2 июня 1952 г. Ленинград

2.VI.52 г.

Дорогой Борис Федорович!

Посылаю отзыв о Вашей работе[38]. К чтению диссертации еще пока не приступила. На днях мы переселимся на дачу и дни, когда мне удастся там

быть, посвящу Вашей работе. Сейчас мне приходится трудно: ведь в июне мы сдаем дирекции 2-й том «Русского нар⟨одного⟩ творчества»[39], правда еще в его первоначальном монтаже (в сентябре будет доработка), но все же это требует большого напряжения. Тем не менее не беспокойтесь, я найду время и для Вашей работы. В 20-х числах думаю закончить ее просмотр. Присылайте скорей приложения и предисловие и начинайте работать над авторефератом.

Как Вам живется, как растет и развивается дочка? В Тарту, наверное, сейчас хорошо.

Большой привет.
А. Астахова

№ 5
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 16 июня 1952 г. Ленинград[40]

16.VI.52 г.

Дорогой Борис Федорович!

Ваш план меня вполне устраивает. К 3 июля работу Вашу прочту. Я уже начала ее читать. Правда, будет маленький перерыв, т⟨а⟩к к⟨а⟩к завтра я еду в Ригу на совещание по истории латышского фольклора[41], но эта поездка отнимет у меня всего 3 дня. 3-го, 4-го, 5-го я буду в Л⟨енингра⟩де. Отпуск у меня с 7-го. Но на всякий случай адрес дачный: Большая Ижора, Зеленая ул., д. 4. **(**На электричке до Ораниенбаума, далее на т⟨ак⟩ н⟨азываемой⟩[42] «подвозке» ([особый] поезд)[43] или автобусе до ст⟨анции⟩ Больш⟨ая⟩ Ижора, подняться на гору в деревню.**)**

Разрешили И⟨нституту⟩ту Покровск⟨ого⟩ «Ученые записки»[44]. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, имеет смысл Вам выслать ту статью, кот⟨орая⟩ предназначалась в Сов⟨етскую⟩ этнографию[45], потому что 2-ю надо сокращать[46]. Тогда шлите срочно, к 1-му июля должны номер укомплектовать. Вот все. Всего хорошего. До скорой встречи.

А. Астахова

№ 6
Б. Ф. Егоров — А. М. Астаховой. 16 июля 1952 г. Старый Оскол

Дорогая Анна Михайловна!

Я засел за переделку, вернее за доделку диссертации, и сейчас дело близится к концу. Посылаю Вам проект начала. Вы просили еще включить сюда

ленинское учение о двух культурах, но я воздержался, т. к. об этом ведь подробно буду говорить на 9 стр. Не хочется повторяться.

Напишите, пожалуйста, Ваше мнение об этом начале, т. к. я без Вашего согласия не начну печатать.

На днях вышлю Вам проект автореферата.

Пока всего хорошего.

Б. Егоров
16/VII–52

Адрес: Старый Оскол, Курской обл., Красноармейская, 28, Егорову Б. Ф.

№ 7
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 30 июля 1952 г. Ленинград

30.VII.52 г.

Дорогой Борис Федорович!

Посылаю Вам начало введения с небольшими поправками. Можно бы было, конечно, связать труды тов⟨арища⟩ Сталина по языкознанию[47] [теснее] с темой диссертации, а именно указать о том, какие научные перспективы в [проблеме] истор⟨ии⟩ фольклористики [открывает] учение о базисе и надстройке, о роли наследия (И. В. Сталин о должном отношении к науке прошлого времени), но можно и так.

Как Вы отдыхаете? Мы завтра всей семьей (и с Таней тоже) едем на несколько дней в Пушкинские Горы. Вернемся 6–7 августа.

Всего хорошего.

А. Астахова

№ 8
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 16 октября 1952 г. Ленинград

16.X.52 г.

Дорогой Борис Федорович!

Вы, конечно, недоумеваете, не получая от меня известий, и тревожитесь. Дело в том, что я только-только получила от Аркадия Семеновича[48] Ваш автореферат с замечаниями. Посылаю его Вам и мои примечания к пометкам А⟨ркадия⟩ С⟨еменовича⟩, а также предлагаемые мною редакционные поправки (чернилами). Разумеется, отнеситесь к ним критически, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ найдете и более удачные формулировки, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и не согласитесь кое с чем. Продумайте хорошенько! В автореферате надо, чтобы каждая фраза

была отточенной, четкой предельно. Постарайтесь в некоторых местах сжать изложение. Об этом пишет и Арк⟨адий⟩ Семенович.

Я спросила Арк⟨адия⟩ С⟨еменовича⟩, что делать дальше. Он сказал: Пусть Б⟨орис⟩ Ф⟨едорович⟩ [отделает] автореферат и пришлет сюда для утверждения. Сделайте это как можно скорей. Ведь надо печатать!

Диссертацию А⟨ркадий⟩ С⟨еменович⟩ еще не читал. Клятвенно обещал прочесть к ноябрьским праздникам, с тем чтобы Вы в это время приехали и все закончили. У меня по диссертации тоже будут замечания редакционного порядка и некоторые поправки.

Напишите все же сами Арк⟨адию⟩ Семен⟨овичу⟩, попросите ускорить дело.

Арк⟨адий⟩ Сем⟨енович⟩ сосватал Вам второго оппонента так, что мне неудобно было возражать. Поразмыслив, решила, что пожалуй и неплохо. Это — Владимир Яковлевич Пропп[49]. А⟨ркадий⟩ С⟨еменович⟩ — хитрый старик! Он хотел было [отбожиться] от диссертации (действительно, крайне загружен), он повел сепаратные разговоры с Проппом, чтобы заинтересовать его Вашей работой (и сумел это!), а затем начал подговариваться ко мне, что вот мол и хорошо, будет доктор и профессор, а второй оппонент м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и не доктор или профессор, следоват⟨ельно⟩ он не нужен и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩. Я сразу сообразила, в чем дело, и сказала, что этот номер не пройдет. Но Пропп был уже вовлечен в это дело. Теперь мне остается только на днях повидаться с Влад⟨имиром⟩ Яковл⟨евичем⟩ и окончательно с ним договориться. (Ар⟨кадию⟩ Сем⟨еновичу⟩ он свое согласие дал). Вл⟨адимир⟩ Як⟨овлевич⟩ действительно как будто заинтересовался Вашей темой. После встречи с Проппом Вам напишу[50].

Завтра будет отправлена Вам книга по Советск⟨ому⟩ нар⟨одному⟩ творч⟨еству⟩[51]. Наконец-то, с большими муками родилось это детище. Теперь будем трепетать, ожидая рецензии.

Как Ваша работа в Тарту? Есть ли какие-либо виды на штатное место?[52]

Всего хорошего.

А. Астахова

Письмо было написано в И⟨нституте⟩. Только что пришла домой и узнала, что Вы звонили.

№ 9
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 12 декабря 1952 г. Ленинград

12.XII.52 г.

Дорогой Борис Федорович!

Надеюсь, что Вы не забыли, что «защищаетесь» 22-го декабря? Сегодня должны были передать о Вашей защите по радио — об этом я узнала от Натальи Константиновны[53]. Развернутых отзывов пока еще нет, но известно, что злодеи оппоненты норовят это сделать в последний момент. Краткий отзыв В. Я. Проппа — хороший.

Когда Вы думаете приехать? Сообщаю Вам свои координаты на 2-ю половину недели. В четверг и субботу (с 10 ч⟨асов⟩)[54], очевидно, в Пушкинском Доме, в пятницу дома. В среду возвращаюсь из Москвы, куда посылаюсь для участия в обсуждении нашей книги[55] в Союзе писателей.

Придумали ли Вы «тронную речь»?

Всего хорошего, до скорой встречи.

А. Астахова

№ 10
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 16 сентября 1957 г. Ленинград

16.IX.57 г.

Дорогой Борис Федорович!

В прошлый Ваш приезд так и не удалось встретиться с Вами и поговорить. Как живете? Над чем работаете?

Вашу заметку о Пыпине[56] вынули из 2-го вып⟨уска⟩ «Русского фольклора»[57] на том основании, что там не было больше статей по истории фольклористики, и Ваша статейка носила бы случайный характер. По той же причине мы ее не включили и в 3-й вып⟨уск⟩[58], кот⟨орый⟩ уже сдан в Изд⟨ательст⟩во. Сейчас мы собираем 4-й выпуск[59], который поручено организовать мне. В нем будут статьи по ист⟨ории⟩ фольк⟨лористики⟩, и Ваша статья может быть включена, если Вы хотите. А м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, у Вас есть что другое, что Вы хотели бы опубликовать. Напишите. Сборник сдаем в Изд⟨ательст⟩во в этом году, очевидно в ноябре.

Жду от Вас ответа и известий. Всего хорошего. Большой привет!

А. Астахова

P. S. Имеются ли перспективы для Вашего устройства в ИРЛИ?[60]

№ 11
Б. Ф. Егоров — А. М. Астаховой. 19 сентября 1957 г. Тарту

Дорогая Анна Михайловна!

Спасибо большое за известия. Если можно, то включайте мою статью в 4-й том — пусть, хотя бы и с запозданием, появится в свет. Другого сейчас

ничего подходящего нет. Разве что дать публикацию добролюбовских записей (скажем, подготовительных мат⟨ериа⟩лов к статьям о форме фольклора)? Я, видимо, в октябре — ноябре буду в Л⟨енингра⟩де, тогда расскажу подробнее. Или, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, нужно раньше? Тогда напишите, пожалуйста.

Событий в этом году (больших) в моей жизни было два: 1) ВАК[61] летом присвоил мне доцента; 2) Соня с 1.X будет снова ленинградской: устроилась ст⟨аршим⟩ науч⟨ным⟩ сотр⟨удником⟩ в науч⟨но⟩-исслед⟨овательский⟩ ин⟨ститу⟩т[62] по своей тематике (пока без жилплощади). Следовательно, очередь теперь за мной. Но пока, кажется, ничего реального не предвидится. Подожду лучших времен, тем более, что сейчас у меня здесь очень неплохие условия для науч⟨ной⟩ работы, весь II семестр нет лекций, а лишь дипломанты и спецсеминар — так что фактически полгода целиком могу работать, а урывками — и того более[63].

Уже несколько месяцев занимаюсь большой темой, думаю в дальнейшем написать книгу: «Литературная критика 1855–1862 гг.»[64] — где хочу[65] охватить материал полузабытых изданий (вроде «Сына отеч⟨ества⟩»[66] или «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостей⟩»[67]), наряду с анализом «генералов»[68], и дать тем самым довольно полную (насколько удастся) картину лит⟨ературно⟩-критич⟨еской⟩ жизни в России добролюбовского периода. Материал громадный и интересный, займет несколько лет.

Надеюсь, что в след⟨ующий⟩ приезд удастся Вас повидать, тогда расскажу о работе подробнее.

Всего Вам хорошего!

Б. Егоров

Большой поклон сотрудникам сектора.
19.IX.57

№ 12
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 28 октября 1957 г. Ленинград

28.X.57 г.

Дорогой Борис Федорович!

Мне очень жаль, что не удалось с Вами повидаться в Ваш последний приезд. Он совпал с моей болезнью (грипп), а когда я узнала о том, что Вы заходили к нам в сектор[69], было уже поздно разыскивать Вас — сказали, что Вы уже уехали. А мне Вы были страшно нужны. И вот по какому делу. До сих пор у меня все не доходили руки до записей сказок А. П. Зонтаг[70]. У нас же завершается том свода по сказкам в записи[71] 1-й половины XIX века[72].

Само собою разумеется, что эти сказки должны быть включены в том. Подготовляет этот том Н. В. Новиков[73]. Я ему уже сказала, что Вами отыскана часть записей Зонтаг, и обещала сообщить ему в ближайшее время о местонахождении сказок с тем, чтобы снять копии[74]. Конечно, в примечании будет оговорено, что разысканы эти сказки Вами[75]. Но я подумала вот еще о чем: данный том свода значится в плане издательской подготовки на 1958 год[76], следовательно опубликован он будет только в 1959 году[77]. Я и хотела предложить Вам написать в виде[78] сообщения об этих сказках с их обзором для какого-либо издания, которое будет опубликовано раньше. Если бы я застала еще Вас в Л⟨енингра⟩де, Вы могли бы это сделать быстро для нашего 4-го вып⟨уска⟩ «Русского фольклора»[79], котор⟨ый⟩, очевидно, выйдет раньше, или б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ опубликовать это сообщение в ваших ученых записках[80]. Сейчас я очень жалею, что с этим делом медлила, вышло как «собака на сене», сама ничего не сделала, а Вы давно бы что-либо с этим материалом сделали, и нужно, чтобы это сделали именно Вы.

Напишите, что Вы по этому делу думаете и какие у Вас возможности эти материалы быстро[81] использовать в том или ином виде. Хорошо было бы, чтобы Новиков мог сослаться не только на Ваше имя, но и на какую-то Вашу заметку, сообщение или б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ частичную публикацию.

Жду от Вас скорейшего ответа. И еще одно: за время ремонта у меня кое-что затерялось. Не могу найти и шифр сказок в нашем архиве[82]. По картотеке же пока не обнаружила. Если у Вас сохранился шифр, сообщите, или хотя бы — в каком собрании искать. Я ль (так! — *У. Щ.*) это запамятовала, не у Грота ли?[83]

Когда Вы еще будете в Л⟨енингра⟩де? Перед моей болезнью была у меня хорошая поездка в Петрозаводск на совещание по вопросам[84] собирания и изучения фольклора северных областей и республик СССР[85]. Совещание было содержательным и деловым. По приезде я сразу же и заболела.

Надеюсь, что в семье у Вас все благополучно. Как маленькая Таня? И нет ли у ней еще братика или сестренки? В Петрозаводске у Чистовых я познакомилась уже со вторым наследником, оба — чудесные мальчишки![86]

У нас дома все в порядке. Но, конечно, все тоже переболели гриппом.

Над чем сейчас работаете? У меня идет корректура книги «Илья Муромец»[87]. В конце года, вероятно, смогу Вам прислать. Скоро выйдет и «Русский фольклор», II[88].

Всего хорошего! Жду письма.

Ваша А. Астахова

P. S. Ваша заметка о Пыпине включена мною в 4-й том Р⟨усского⟩ ф⟨ольк-лора⟩[89]. Она будет в окружении ряда статей и сообщений по истории фольк-лористики.

№ 13
А. М. Астахова — Б. Ф. Егорову. 26 октября 1963 г. Ленинград

26.X.63 г.

Дорогой Борис Федорович!

Ирина Михайловна[90] передала мне, что Вы в разговоре с ней сказали, что могли бы написать рецензию на «Народные баллады»[91], чтобы в какой-то мере противопоставить погромной статье Алексеевой иное мнение[92]. Я очень, очень прошу Вас это сделать. Совершенно необходима объективная статья, пусть и вскрывающая некоторые дискуссионные, а б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ и не вполне удачные стороны книги, но и не зачеркивающая, а наоборот, выделяющая ее положительные, ценные стороны.

Хотя в статье Алексеевой рачительно обнажены злой умысел, злая воля, в ней явные передержки и произвольные истолкования слов составителя, но автору рецензии удалось придать ей видимость убедительности (тем более, что рецензия опубликована в авторитетном журнале), и это уже возымело действие: на научном совещании в секторе фольклора И⟨нституту⟩та языка и литературы Карельского филиала Академии наук СССР в Петрозаводске, где работает Д. М. Балашов[93], сотрудники подпали под воздействие выставленных Алексеевой обвинений. И это может испортить хорошему и способному человеку жизнь. Никто же не знает закулисной стороны дела — подлых намерений самой Алексеевой и стоящего за ней лица.

Было бы особенно хорошо, если бы удалось рецензию поместить в «Вопросах литературы». Между прочим, В. Е. Гусев[94] в дружеских отношениях с Путинцевым[95], и он готов просить его пропустить рецензию побыстрее[96].

Если Вам понадобится меня видеть, я по-прежнему бываю в ИРЛИ по понедельникам и четвергам. В остальные дни я дома. Мой телефон — Ж-Н-07-07 (на случай, если Вы запамятовали).

Жду ответа. Всего хорошего.

А. Астахова

Комментарии

[1] София Александровна Николаева (1924–2008) — химик, жена Б. Ф. Егорова.

[2] Неясно, о каком архиве идет речь. Отметим, что в этот же период (20 февраля 1952 г.) с просьбой сообщить сведения о составе архивов г. Тарту к Б. Ф. Егорову обратился заведующий Отделом рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ) доктор

филологических наук археограф Н. Н. Розов: «Со своей стороны прошу Вас снабдить меня информацией о Тартуских хранилищах рукописей — какие они, т. е. при каком учреждении, и где что есть. Интересуют меня, конечно, *русские материалы XVI в.* (фрагмент подчеркнут красным карандашом — предположительно, рукой Н. Н. Розова. — *У. Щ.*), и в частности материалы по присоединению Новгорода и Пскова к Москве» **(**ОР РНБ. Ф. 1344. Оп. 1. № 736 (Розов Николай Николаевич. Письмо Борису Федоровичу Егорову. Ленинград. Конв. 20 февраля 1952 г.)**)**. Письмо Б. Ф. Егорова к Н. Н. Розову в настоящее время обнаружить не удалось.

[3] Владимир Иванович Чичеров (1907–1957) — фольклорист, этнограф и литературовед, доктор исторических наук; с 1949 по 1950 г. преподавал на этнографическом отделении Московского государственного университета, а с 1953 г. — на филологическом факультете. В 1949–1953 гг. заведовал сектором славяно-русской этнографии и фольклора Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН), с 1953 г. — заведующий Сектором народного творчества Института мировой литературы АН СССР.

[4] Речь идет о статье Б. Ф. Егорова «Молодой Добролюбов как фольклорист и этнограф», которая впоследствии была опубликована в 1954 г. в журнале «Ученые записки Тартуского государственного университета» [Егоров 1954].

[5] «Этнографическое обозрение» — академический журнал, основанный в 1889 г. при Императорском Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии (г. Москва). С 1926 по 1930 г. выходил под названием «Этнография», с 1931 по 1991 г. — «Советская этнография».

[6] Академическое издание, основанное в 1931 г.

[7] Сергей Павлович Толстов (1907–1976) — историк, этнограф, археолог, доктор исторических наук; член-корреспондент АН СССР (1953), в 1942–1965 гг. — директор Института этнографии АН СССР, в 1950–1953 гг. — директор Института востоковедения АН СССР и ученый секретарь Президиума Академии наук СССР, заведующий кафедрой этнографии (1939–1951) и декан исторического факультета Московского государственного университета (1943–1945). В течение 20 лет, с 1946 по 1966 г., был главным редактором журнала «Советская этнография».

[8] Сергей Александрович Макашин (1906–1989) — литературовед, доктор филологических наук; старший научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР, член редакционной коллегии издания «Литературное наследство».

[9] Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988) — литературный критик, литературовед, искусствовед, коллекционер, доктор искусствоведения; основатель и редактор издания «Литературное наследство».

[10] Вероятно, сборники статей «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского», выходившие в 1932–1955 гг.

[11] Аркадий Семенович Долинин (перв. Арон Симонович Искоз, в ряде публикаций — Искоз-Долинин) (1880–1968) — литературовед, критик, профессор, преподаватель филологического факультета ЛГУ.

[12] В Ленинграде. Б. Ф. Егоров в 1952–1962 гг. жил и работал в г. Тарту Эстонской ССР.

[13] Татьяна Борисовна Миллер (урожд. Егорова) (род. в 1951 г.) — филолог, дочь Б. Ф. Егорова.

[14] Татьяна Викторовна Астахова (1947–2018) — внучка А. М. Астаховой, дочь Виктора Астахова и фольклориста Ирины Михайловны Колесницкой (см. коммент. 90 к письму № 13).

[15] Вписано А. М. Астаховой над строкой.

[16] Вписано А. М. Астаховой над строкой.

[17] По-видимому, речь идет о письме ректората Тартуского университета от 11 февраля 1952 г. и приложенном к нему отношении Главного управления университетов Министерства высшего образования СССР от 2 февраля 1952 г. об утверждении профессора, доктора наук А. М. Астаховой научным руководителем аспиранта Б. Ф. Егорова по специальности «Русская литература» **(**РО ИРЛИ. Ф. 724.

Оп. 1. Ед. хр. 260 (Письмо Астаховой А. М. от Тартуского гос. университета с приложением о научном руководстве аспиранта Б. Ф. Егорова)**)**.

[18] Скорее всего, в ЛГПИ им. М. Н. Покровского.

[19] Неустановленное лицо, вероятно, секретарь или делопроизводитель.

[20] Б. Ф. Егоров писал кандидатскую диссертацию в ЛГПИ им. М. Н. Покровского под руководством А. М. Астаховой, а официально числился аспирантом Тартуского университета [Егоров 2004, с. 220].

[21] 4 марта 1952 г. отмечалось 100-летие со дня смерти Н. В. Гоголя (1809–1852).

[22] Скорее всего, речь идет о 140-летнем юбилее писателя в 1949 г.

[23] В ЛГПИ им. М. Н. Покровского.

[24] Выездная научная сессия ИРЛИ АН СССР состоялась 1 марта 1952 г. во Дворце культуры им. А. М. Горького в Ленинграде. Для сессии А. М. Астахова подготовила специальное выступление (РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 128 **(**Астахова А. М. Выступление, посвященное юбилею (100-летие со дня смерти) Н. В. Гоголя на выездной сессии ИРЛИ**)**.

[25] Анатолий Васильевич Предтеченский (1893–1966) — доктор исторических наук; в 1933–1953 гг. — научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН).

[26] Возможно, речь идет о Т. Т. Веселовском, авторе пособия для учителей о творчестве А. Н. Толстого [Веселовский].

[27] Речь идет о Лаврентии Петровиче Бессонове (1899–?), уроженце Нолинского уезда Вятской губернии, преподавателе русского языка и литературы, выпускнике ЛГПИ им. А. И. Герцена (1931) (ЦГА СПб. Ф. Р-7449. Оп. 18. Д. 36), где он в 1952 г. защитил диссертацию по теме «Вопросы изучения народного творчества в средней школе» [Бессонов].

[28] А. М. Астахова оставила отзыв о диссертации **(**РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 160 (Астахова А. М. Отзыв о дисс. на соискание степени канд. филологических наук Л. П. Бессонова «Вопросы изучения народного творчества в средней школе», Отзыв о работе Л. П. Бессонова «Об изучении пословиц и поговорок в средней школе (из опыта работы учителя)»**)**.

[29] Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) — этнограф, фольклорист, доктор наук, член-корреспондент АН СССР по Отделению русского языка и словесности (1925), действительный член Русского географического общества (1904).

[30] По всей видимости, речь идет о Георгии Васильевиче Сафронове (1905–?), старшем преподавателе на кафедре основ марксизма-ленинизма философского факультета ЛГУ в 1940–1941 гг.

[31] Вероятно, речь идет о Елене Никифоровне Ахутиной (1888–?), преподавательнице русского языка и истории, авторе учебных пособий по литературе, выпускнице Вологодской Мариинской женской гимназии (1906) и Санкт-Петербургских высших женских курсов (1912); в 1912–1914 гг. — преподаватель женской гимназии М. И. Агаповой в Пскове (ЦГИА СПб. Ф. 217. Оп. 1. Д. 417).

[32] Николай Кирьякович (Кириакович) Пиксанов (1878–1969) — доктор филологических наук; в 1937–1955 гг. — профессор кафедры русской литературы филологического факультета ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (1931).

[33] Неясно, о какой статье идет речь.

[34] Михаил Иосифович Шахнович (1911–1992) — философ, историк культуры, фольклорист, доктор философских наук; профессор философского факультета ЛГУ.

[35] См. коммент. 27 к письму № 2.

[36] Сведений о Г. Евтифеевой и ее диссертации обнаружить не удалось.

[37] См. коммент. 10 к письму № 1.

[38] Возможно, речь идет об одной из обсуждаемых статей Б. Ф. Егорова.

[39] Речь идет о втором томе издания «Русское народное поэтическое творчество», вышедшем в 1956 г. под названием «Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века» [Русское народное поэтическое творчество].

[40] Письмо написано на почтовой карточке.

[41] Неизвестно, о каком именно совещании идет речь.

[42] Вписано А. М. Астаховой над строкой.

[43] Вписано А. М. Астаховой над строкой.

[44] См. коммент. 10 к письму № 1.

[45] Имеется в виду статья Б. Ф. Егорова «Молодой Добролюбов как фольклорист и этнограф»; в итоге была опубликована в 1954 г. в журнале «Ученые записки Тартуского государственного университета» [Егоров 1954].

[46] Неясно, о какой статье идет речь.

[47] А. М. Астаховой затрагивался этот вопрос в статье «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве» [Астахова 1951].

[48] А. С. Долинин. См. коммент. 11 к письму № 1.

[49] Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970) — филолог, фольклорист, доктор филологических наук; с 1931 г. — профессор филологического факультета ЛГУ, в 1949–1952 гг. преподавал на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ.

[50] Б. Ф. Егоров вспоминал об упомянутых событиях так: «Мы искали оппонентов, сразу же нашли литературоведа, с которым шапочно я уже был знаком: Соломона Абрамовича Рейсера, тогда доцента, видного специалиста по Добролюбову — значит, нужен был еще профессор и фольклорист. На мое удивление, В. Я. Пропп безропотно и мгновенно согласился. Позднее я понял, в чем причина: В. Я. исследовал различные аспекты бытования и изучения народных песен, и ему даже было интересно прочитать диссертацию о Добролюбове, который серьезно занимался этой областью» [Егоров 2004, с. 346].

[51] Возможно, речь идет об издании 1952 г. «Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи» [Очерки].

[52] В 1952–1962 гг. Б. Ф. Егоров преподавал в Тартуском университете, из них в течение шести лет (1954–1962) заведовал кафедрой русской литературы.

[53] Неустановленное лицо.

[54] Вписано А. М. Астаховой над строкой.

[55] Скорее всего, речь идет об издании 1956 г. «Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века» [Русское народное поэтическое творчество] (см. коммент. 39 к письму № 4).

[56] Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) — литературовед, этнограф, академик Петербургской академии наук (1898), вице-президент Академии наук (1904). Статья Б. Ф. Егорова о А. Н. Пыпине вошла в четвертый том сборника «Русский фольклор» [Егоров 1959].

[57] Речь об издании: [Русский фольклор 1957].

[58] Речь об издании: [Русский фольклор 1958].

[59] Речь об издании: [Русский фольклор 1959].

[60] Б. Ф. Егоров так и не работал в ИРЛИ.

[61] Высшая аттестационная комиссия.

[62] С 1957 г. С. А. Николаева работала в институте «Гипроникель» [Егоров 2013, с. 58].

[63] См. коммент. 52 к письму № 8.

[64] В 1967 г. Б. Ф. Егоров защитил докторскую диссертацию на тему «Русская литературная критика 1848–1861 гг.» [Егоров 1967].

[65] Вписано Б. Ф. Егоровым над строкой.

[66] «Сын отечества» — еженедельный исторический, литературный и общественно-политический журнал. Выходил в Санкт-Петербурге с 1812 по 1852 г. (с перерывами) под руководством преподавателя словесности петербургской гимназии и секретаря Цензурного комитета Н. И. Греча (1787–1867).

[67] «Московские ведомости» — газета, издававшаяся в 1756–1917 гг. при Императорском Московском университете.

[68] Вероятно, имеются в виду известные литературные критики второй половины XIX в. (Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, П. В. Анненков и др.).

[69] Сектор устного народного творчества (отдел фольклора) ИРЛИ АН СССР.

[70] Анна Петровна Зонтаг (урожд. Юшкова) (1785–1864) — писательница, переводчица, племянница поэта Василия Андреевича Жуковского (1783–1852), сестра переводчицы Авдотьи Петровны Елагиной (урожд. Юшкова, по первому браку Киреевская) (1789–1877).

[71] Вписано А. М. Астаховой над строкой.

[72] Издание вышло в 1961 г.: [Русские сказки].

[73] Николай Владимирович Новиков (1911–1997) — фольклорист, доктор филологических наук, специалист по русской сказке; в 1949–1952 гг. ученый секретарь, с 1952 г. — заведующий сектором рукописной книги Библиотеки Академии наук; в 1953–1961 гг. — младший научный сотрудник, в 1961–1967 гг. — старший научный сотрудник сектора устного народного творчества ИРЛИ АН СССР.

[74] Сведений о записях сказок А. П. Зонтаг и месте их хранения обнаружить не удалось.

[75] О собирании сказок А. П. Зонтаг упоминается в тексте вступительной статьи Н. В. Новикова к тому «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века» [Русские сказки, с. 32–33], но сами записи не вошли в это издание. Н. В. Новиков, ссылаясь на публикацию письма А. П. Зонтаг Анне Михайловне Павловой (урожд. Соковниной) от 19 марта 1850 г. в отчете Императорской Публичной библиотеки [Отчет, с. 135], заключил: «К сожалению, нам ничего не удалось узнать ни о судьбе этого любопытного собрания, ни о том, когда, где и как производила записи этих сказок А. П. Зонтаг» [Русские сказки, с. 33].

[76] Изначально: «в 1958 году», исправлено А. М. Астаховой.

[77] См. коммент. 72 к письму № 12.

[78] Далее: «[краткого]», зачеркнуто А. М. Астаховой.

[79] См. коммент. 59 к письму № 10.

[80] Периодическое издание «Ученые записки Тартуского государственного университета».

[81] Вписано А. М. Астаховой над строкой.

[82] По всей видимости, речь идет о Рукописном отделе Пушкинского Дома.

[83] Неясно, о какой именно архивной коллекции идет речь.

[84] Вписано А. М. Астаховой над строкой.

[85] См.: [Астахова 1959].

[86] Семья фольклориста и этнографа доктора исторических наук, профессора члена-корреспондента РАН Кирилла Васильевича Чистова (1919–2007). Сын К. В. Чистова — Юрий Кириллович Чистов (род. в 1954 г.) — антрополог, доктор исторических наук; директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (2002–2017).

[87] Речь идет об издании 1958 г.: [Илья Муромец].

[88] См. коммент. 57 к письму № 10.

[89] См.: [Егоров 1959].

[90] Вероятно, Ирина Михайловна Колесницкая (1917–1994) — фольклорист, этнограф, кандидат филологических наук; доцент кафедры истории русской литературы ЛГУ.

[91] Имеется в виду издание 1963 г. книжной серии «Библиотека поэта»: [Народные баллады].

[92] См. рецензию О. Б. Алексеевой в журнале «Русская литература»: [Алексеева]. Автор рецензии, в числе прочих дискуссионных вопросов, подвергла сомнению широкое определение жанра баллады, данное автором сборника во вступительной статье.

[93] Дмитрий Михайлович Балашов (1927–2000) — писатель, фольклорист, историк, кандидат филологических наук; в 1961–1968 гг. работал в Институте литературы, языка и истории Карельского филиала АН СССР (РАН) в Петрозаводске. В архиве А. М. Астаховой сохранилось письмо Д. М. Балашова по поводу рецензии О. Б. Алексеевой, в котором он заключил, что «рецензия О. Алексеевой производит впечатления поспешной, тенденциозной и даже просто недобросовестной работы» **(**РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 412 (Балашов Дмитрий Михайлович. По поводу рецензии О. Б. Алексеевой: «Народная баллада в Библиотеке поэта». «Русская литература», 1963, № 3, сс. 223–227). Л. 9**)**.

[94] Виктор Евгеньевич Гусев (1918–2002) — фольклорист, славист, доктор исторических наук, профессор; в 1958–1969 гг. — старший научный сотрудник ИРЛИ АН СССР.

[95] Владимир Александрович Путинцев (1917–1967) — доктор филологических наук; научный сотрудник Государственного литературного музея, редактор издательства «Знание», сотрудник Института мировой литературы АН СССР.

[96] Рецензия Б. Ф. Егоровым не была написана; автором более положительной оценки, вышедшей в 1964 г. в журнале «Вопросы литературы», выступил Б. Н. Путилов [Путилов].

Литература

Адрианова-Перетц — *Адрианова-Перетц В. П.* Памяти Анны Михайловны Астаховой (1886–1971) // Русская литература. 1971. № 4. С. 237–239.

Алексеева — *Алексеева О. Б.* «Народная баллада» в «Библиотеке поэта» // Русская литература. 1963. № 3. С. 223–227.

А. М. Астахова — А. М. Астахова (к 70-летию со дня рождения) // Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред. М. О. Скрипиль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 303–305.

Астахова 1951 — *Астахова А. М.* Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1951. Т. 10, вып. 6. С. 533–546.

Астахова 1959 — *Астахова А. М.* Совещание по вопросам собирания и изучения фольклора Севера // Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 412–416.

Бессонов — *Бессонов Л. П.* Вопросы изучения народного творчества в средней школе: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Л., 1951. 13 л.

Борис Федорович Егоров 2011 — Борис Федорович Егоров: К 85-летию со дня рождения: Биобиблиогр. указатель, 2006–2011. СПб.: Нестор-История, 2011. 16 с.

Борис Федорович Егоров 2016 — Борис Федорович Егоров: К 90-летию со дня рождения: Биобиблиогр. указатель. Список научных докладов и оппонированных диссертаций / Ред.-сост. А. П. Дмитриев. СПб.: Росток, 2016. 144 с.

Веселовский — *Веселовский Т. Т.* Творчество А. Н. Толстого: пособие для учителей. Л.: Учпедгиз, 1958. 210 с.

Егоров 1952 — *Егоров Б. Ф.* Н. А. Добролюбов и проблемы фольклористики: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1952. 20 с.

Егоров 1954 — *Егоров Б. Ф.* Молодой Добролюбов как фольклорист и этнограф // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1954. Вып. 35. С. 196–219.

Егоров 1956 — *Егоров Б. Ф.* Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. Горький: Горьк. кн. изд-во, 1956. 96 с.

Егоров 1959 — *Егоров Б. Ф.* К вопросу о месте А. Н. Пыпина-фольклориста в общественной борьбе 1860-х гг. // Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 168–173.

Егоров 1967 — *Егоров Б. Ф.* Русская литературная критика 1848–1861 гг.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.: ЛГУ, 1967. 36 с.

Егоров 2004 — *Егоров Б. Ф.* Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2004. 472 с.

Егоров 2013 — *Егоров Б. Ф.* Воспоминания-2. СПб.: Росток, 2013. 381 с.

Илья Муромец — Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент А. М. Астаховой; отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 559 с.

Лихачев — *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. 574 с.

Мельц, Митрофанова — *Мельц М. Я.*, *Митрофанова В. В.* Памяти А. М. Астаховой (1886–1971) // Русский фольклор / Отв. ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1972. Т. 13: Русская народная проза. С. 260–265.

Народные баллады — Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 449 с.

Отчет — Отчетъ въ Управленіи Императорскою Публичною Библіотекою... за 1893 год. СПб.: Синод. тип., 1896. [299] с.

Очерки — Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи / [Ред. А. М. Астахова, И. П. Дмитраков, А. Н. Лозанова]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 542 с.

Памяти Бориса Федоровича — Памяти Бориса Федоровича Егорова / Е. И. Анненкова, В. Е. Багно, В. В. Головин, А. П. Дмитриев, А. В. Лавров // Русская литература. 2021. № 1. С. 245–246.

Печатные работы — Печатные работы А. М. Астаховой с 1957 г. // Русский фольклор / Редкол.: А. М. Астахова, В. Г. Базанов, В. Е. Гусев, Б. Н. Путилов. М.; Л.: Наука, 1968. Т. 11: Исторические связи в славянском фольклоре. С. 342–347.

Письма А. М. Астаховой 2013 — Письма А. М. Астаховой к М. К. Азадовскому (июнь — декабрь 1942 года) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Г. Комелиной) // Русская литература. 2013. № 4. С. 104–133.

Письма А. М. Астаховой 2014 — Письма А. М. Астаховой к М. К. Азадовскому (1943–1954) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Г. Комелиной) // Русская литература. 2014. № 4. С. 36–88.

Путилов — *Путилов Б. Н.* Народные баллады // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 204–208.

Русские сказки — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 396 с.

Русский фольклор 1957 — Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред. М. О. Скрипиль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. 383 с.

Русский фольклор 1958 — Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 3. 444 с.

Русский фольклор 1959 — Русский фольклор. Материалы и исследования / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 535 с.

Русское народное поэтическое творчество — Русское народное поэтическое творчество / Ред. В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова, И. П. Дмитраков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2, кн. 2: Очерки по истории русского народного

поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века / Ред. кол.: А. М. Астахова, А. Н. Лозанова; отв. ред. Д. С. Лихачев. 512 с.

Список работ — Список работ А. М. Астаховой // Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред. М. О. Скрипиль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 305–310.

Шапалова — *Шапалова Г. Г.* Анна Михайловна Астахова: (К 100-летию со дня рождения) // Русский фольклор / Отв. ред. В. И. Еремина. Л.: Наука, 1987. Т. 24: Этнографические истоки фольклорных явлений. С. 203–206.

References

Adrianova-Peretts, V. P. (1971). 'Pamiati Anny Mikhailovny Astakhovoi (1886–1971)' ['In Memory of Anna Mikhailovna Astakhova (1886–1971)'], *Russkaia literatura*, 4, 237–239. (In Russ.)

Annenkova, E. I., Bagno, V. E., Golovin, V. V., Dmitriev, A. P., Lavrov, A. V. (2021). 'Pamiati Borisa Fedorovicha Egorova' ['In Memoriam of Boris Fedorovich Egorov'], *Russkaia literatura*, 1, 245–246. (In Russ.)

Dmitriev, A. P., ed. (2011). *Boris Fedorovich Egorov: K 85-letiiu so dnia rozhdeniia: Biobibliograficheskii ukazatel', 2006–2011* [*Boris Fedorovich Egorov: On the 85th Anniversary of His Birth: Bio-Bibliographic Index, 2006–2011*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 16 p. (In Russ.)

Dmitriev, A. P., ed. (2016). *Boris Fedorovich Egorov: K 90-letiiu so dnia rozhdeniia: Biobibliograficheskii ukazatel'. Spisok nauchnykh dokladov i opponirovannykh dissertatsii* [*Boris Fedorovich Egorov: On the 90th Anniversary of His Birth: A Bio-Bibliographic Index. List of Scientific Reports and Dissertations Submitted*]. St. Petersburg: Rostok Publ., 144 p. (In Russ.)

Egorov, B. F. (2004). *Vospominaniia* [*Memories*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 472 p. (In Russ.)

Egorov, B. F. (2013). *Vospominaniia-2* [*Memories-2*]. St. Petersburg: Rostok Publ., 381 p. (In Russ.)

Komelina, N. G., ed. (2013). 'Pis'ma A. M. Astakhovoi k M. K. Azadovskomu (iiun' — dekabr' 1942 goda)' ['Letters from A. M. Astakhova to M. K. Azadovsky (June — December 1942)'], *Russkaia literatura*, 4, 104–133. (In Russ.)

Komelina, N. G., ed. (2014). 'Pis'ma A. M. Astakhovoi k M. K. Azadovskomu (1943–1954)' ['Letters of A. M. Astakhova to M. K. Azadovsky (1943–1954)'], *Russkaia literatura*, 4, 36–88. (In Russ.)

Likhachev, D. S. (1985). *Proshloe — budushchemu: stat'i i ocherki* [*The Past to the Future: Articles and Essays*]. Leningrad: Nauka Publ., 574 p. (In Russ.)

Mel'ts, M. Ia., Mitrofanova, V. V. (1972). 'Pamiati A. M. Astakhovoi (1886–1971)' ['In Memoriam of A. M. Astakhova (1886–1971)'], in: Azbelev, S. N., ed., *Russkii fol'klor. Russkaia narodnaia proza* [*Russian Folklore. Russian Folk Prose*]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 13, 260–265 (In Russ.)

Shapalova, G. G. (1987). 'Anna Mikhailovna Astakhova (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia)' ['Anna Mikhailovna Astakhova (On the 100th Anniversary of Birth)'], in: V. I. Eremina, ed., *Russkii fol'klor. Etnograficheskie istoki fol'klornykh iavlenii* [*Russian Folklore. Ethnographic Origins of Folklore Phenomena*]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 24, 203–206. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 144–155
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-144-155
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 144–155
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Ю. И. Марченко

Yuri I. Marchenko

ЗАПИСИ ДУХОВНЫХ СТИХОВ В ЭКСПЕДИЦИИ НА МЕЗЕНЬ 1928 Г.

RECORDINGS OF SPIRITUAL VERSES DURING THE EXPEDITION TO MEZEN IN 1928

Резюме. Экспедиция 1928 г. на Мезень продолжила фольклорно-собирательскую деятельность Государственного института истории искусств, начатую в 1926–1927 гг. в Обонежье, на Пинеге и на Мезени. По характеру собирательской деятельности экспедиция была многоцелевой. Каждый участник или группа участников коллективной работы решали возложенные на них задачи, подчиняясь общему плану. Обследование мезенской фольклорной традиции осуществляли филологи А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова. А. И. Никифоров, И. М. Левина, а также музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Основная работа А. М. Астаховой была связана с фиксацией эпических произведений. Музыковеды чаще всего работали вместе с ней либо осуществляли записи от выявленных ею сказителей. Лишь в начале экспедиции Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд самостоятельной группой выполняли записи в деревнях верховьев Мезени в целях изучения культуры района со смешанным населением русских и коми-зырян. В статье представлены образцы напевов мезенских духовных стихов, рассматриваемых как важный материал для сравнительного изучения религиозного репертуара Русского Севера.

Ключевые слова: эпос, Мезень, напев, духовный стих, А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд.

Информация об авторе: Марченко Юрий Иванович, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, irli-lusya@mail.ru.

Для цитирования: Марченко Ю. И. Записи духовных стихов в экспедиции на Мезень 1928 г. // Словесность и история. 2026. № 3. С. 144–155.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-144-155.

Abstract. The 1928 expedition to Mezen continued the folklore-collecting activities of the State Institute of Art History, which had begun in Obonezhye, Pinega, and Mezen in 1926-1927. The work of the expedition served many purposes. Each participant or group of participants in the collective work accomplished their assigned tasks, while following a common plan. The study of the Mezen folklore tradition was conducted by the philologists A. M. Astakhova, N. P. Kolpakova, I. V. Karnaukhova, A. I. Nikiforov, and I. M. Levina, and the musicologists E. V. Gippius and Z. V. Evald. A. M. Astakhova's work was primarily associated with the recording of epic works. Musicologists most often worked with her or recorded from storytellers whom she identified. E. V. Gippius and Z. V. Evald, who formed part of an independent group, make recordings in the villages of the upper Mezen River only at the beginning of the expedition. They performed this work in order to study the culture of the region, which has a mixed population of Russians and Komi-Zyryans. The article presents examples of Mezen spiritual verses, which are considered important material for the comparative study of apocryphal songs of the Russian North.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Keywords: epic, Mezen, melody, spiritual verse, A. M. Astakhova, E. V. Gippius, Z. V. Ewald.
Information about the author: Yuri I. Marchenko, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, irli-lusya@mail.ru.
Received: May 27, 2026. ***Approved***: June 20, 2026.
For citation: Marchenko, Yu. I. (2026). 'Recordings of Spiritual Verses During the Expedition to Mezen in 1928', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 144–155.

Мезенская экспедиция 1928 г., предпринятая Секцией крестьянского искусства Государственного института истории искусств (ГИИИ), была продолжением собирательской деятельности фольклористов, начатой в 1926 г. в Обонежье. Перед участниками экспедиции ставилась задача комплексного изучения местного народного творчества. В следующем, 1927 г. экспедиционными маршрутами были охвачены Пинега и Мезень. Однако мезенская группа, которую возглавлял В. Н. Всеволодский-Гернгросс, занималась исключительно изучением народного театра.

Экспедиция 1928 г. также планировалась как комплексная, но по составу участников и особенностям полевой работы оказалась многоцелевой. Группу по обследованию мезенской фольклорной традиции составили филологи А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова. А. И. Никифоров, И. М. Левина, а также музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд[1]. Собиратели-филологи распределились по интересам к тому или иному жанру и работали по заранее оговоренному плану. Музыковеды стремились записать музыкальный материал по всем фольклорным жанрам в максимальном объеме, который был возможен с учетом ограниченного количества предоставленных для работы носителей (всего записано 156 фонографических цилиндров)[2].

А. М. Астахова занималась разысканием сказителей и записью образцов севернорусской эпической традиции. В собранных ею материалах преобладают тексты былин, впоследствии вошедших в собрание «Былины Севера» [Астахова, с. 109–343]. Однако записи духовных стихов и баллад также вызывали у А. М. Астаховой большой интерес.

Как известно, былины, баллады и духовные стихи относятся к поющимся жанрам. Большую роль играют напевы, запись которых на фонограф осуществляли Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Судя по паспортным данным, при

[1] Использованные в статье материалы экспедиций хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. При ссылке на фонозапись указывается разряд фонда (ФВ — фонд фонографических валиков), номер цилиндра, порядковый номер записи (после точки). При использовании рукописных материалов указывается Рукописный фонд (РФ), номер папки, порядковый номер листа в папке (после запятой).

[2] ФВ 272–427 (кол. 6).

записи эпоса музыковеды чаще всего работали вместе с А. М. Астаховой либо осуществляли записи от обнаруженных ею сказителей. Все же с учетом особенностей записи на фонограф музыковеды могли самостоятельно работать с исполнителями. Например, в начале экспедиции Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд отправились отдельной группой в деревни верховьев Мезени для изучения культуры района со смешанным населением русских и коми-зырян.

В 1926–1928 гг. антирелигиозная пропаганда еще не достигла кульминационного уровня, но записи произведений религиозной поэзии все же не афишировались. Материалы поступали в архивы и закрывались для пользователей.

В процессе подготовки томов серии «Былины» Свода русского фольклора сотрудники Сектора народно-поэтического творчества (ныне Отдел русского фольклора ИРЛИ) проявили интерес к неопубликованным материалам экспедиций ГИИИ, которые хранятся в Рукописном отделе и Фонограммархиве Пушкинского Дома. Наибольший интерес представляли духовные стихи, записанные А. М. Астаховой, и эпические напевы, зафиксированные на фонограф Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд.

В третьем выпуске академической серии «Из истории русской фольклористики» представлена работа Л. И. Петровой «Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года». В ней опубликованы 19 текстов на 10 сюжетов [Петрова 1990, с. 182–211]. А. М. Астахова, занятая собиранием былинного эпоса, не могла ставить перед собой задачи фронтального изучения традиции пинежской религиозной поэзии. Но записи показывают, что в 1927 г. эта традиция сохранялась и была еще достаточно богатой.

В том же издании вышла в свет публикация музыковеда А. Ю. Кастрова «Архивные записи пинежского эпоса (по материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года». А. Ю. Кастров представил 15 напевов, записанных в экспедиции Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. Среди материалов мелодии шести духовных стихов [Кастров 1990, с. 162–167, № 3–8].

Обработка полевых записей А. М. Астаховой была продолжена по архивным материалам Обонежья, но с учетом экспедиционных обследований нескольких лет, в которых принимали участие различные собиратели Ленинграда и Петрозаводска.

Непосредственно духовным стихам посвящена публикация Л. И. Петровой «Духовные стихи Обонежья (по материалам экспедиций 1926–1932 гг.)». Из 24 текстов девять записаны в 1926 г. А. М. Астаховой либо вместе с ней [Петрова 1998, с. 445–449, 457–458, 463–464, 467–468, 473–476, 480, № 1–3, 8, 12, 14. 17, 19, 24].

Два напева духовных стихов, записанных в экспедиции 1926 г. А. В. Финагиным, Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, содержатся в интересной аналитическими замечаниями работе А. Ю. Кастрова 1998 г. [Кастров 1998, с. 426–429, № 9, 10].

Тексты духовных стихов, записанные А. М. Астаховой в 1928 г. на Мезени, снабженные комментариями, опубликованы Л. И. Петровой [Петрова 2004]. Л. И. Петрова замечает: «...для исследователя эпической традиции, какой была А. М. Астахова, былина и духовный стих, вероятно, никогда не стояли „на равных“ даже в тех случаях, когда сказители в одинаковой степени относили их к „ста́ринам“. ⟨...⟩ Тем не менее во время экспедиционной поездки 1928 г. А. М. Астаховой удалось дополнить общий список сюжетов, представленный материалами А. М. Никольского и А. Д. Григорьева...» [Петрова 2004, с. 319]. Л. И. Петрова опубликовала 18 записей поэтических текстов на семь традиционных сюжетов: «Христово воскресение» (№ 1–4), «Два брата Лазаря» (№ 5, 6), «Михаил Архангел» (№ 7), «Стих Николаю Чудотворцу» (№ 8), «Аника-воин» (№ 9), «Егорий Храбрый» (№ 10 и текст в комментариях к нему, № 11), «Алексей человек Божий» (№ 12–17) [Петрова 2004, с. 320–340, 344–346]. Записи выполнены в девяти населенных пунктах от тринадцати исполнителей: Малые Нисогоры — Прасковья Степановна Лыбашева; Большие Нисогоры — Дарья Григорьевна и Анна Михайловна, Филипп Васильевич Иванов, Матрена Федоровна Авдушева; Засулье — Варлам Матвеевич Михеев, Анна Ивановна Бушенева; Усть-Низема — Максим Григорьевич Антонов; Пустыня — Мария Ивановна Совкова; Белощелье — Никифор Калинович Семенов; Родома — Татьяна Никитична Грязная; Лебская — Ефрем Матвеевич Лешуков; Конецщелье — Павел Николаевич Новиков [Петрова 2004, с. 341–348].

Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд выполнили девять фонограмм. Три мелодии записаны от М. Г. Антонова: «Алексей человек Божий», «Голубиная книга», «Два брата Лазаря»[3]; два напева — от Н. К. Семенова: «Аника-воин», «Трудник и Пятница»[4]. По одной мелодии собиратели зафиксировали от В. М. Михеева — «Христово вознесение»[5] и от М. Ф. Авдышевой — «Алексей человек Божий»[6]. В д. Латьюга Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд дважды записали напев стиха «Сон Богородицы» от мужского дуэта в составе Ивана Кирилловича Букина и Васи-юродивого[7].

[3] ФВ 359.01–03. Зап. 1 июля.

[4] ФВ 400.03, 402.03. Зап. 6 июля.

[5] ФВ 350.02. Зап. 29 июня.

[6] ФВ 425.02. Зап. 13 июля.

[7] ФВ 320.01, 321.01. Зап. 24 июня. Поэтического текста стиха в архиве обнаружить не удалось.

В собрании «Былины Севера» А. М. Астаховой девятью текстами представлен сказитель М. Г. Антонов, один из наиболее ярких знатоков эпоса [Астахова, с. 163–218, № 11–19]. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд зафиксировали от него напев «Голубиной книги» — к сожалению, всего два мелостиха[8].

Нотный пример 1

Текст этого стиха А. М. Астахова записывать не стала, хотя он наверняка мог быть интересным. В репертуаре самого М. Г. Антонова напев духовного стиха «Голубиная книга» соответствует напеву былины «Про татарское нашествие». Последний был исполнен сказителем во время того же сеанса и зафиксирован на том же фонографическом цилиндре более продолжительным по звучанию фрагментом [Гиппиус, Эвальд, № 2]. Заметим, что в эпическом репертуаре сказителя был и другой напев, на который он исполнил былину «Поездки Ильи Муромца» [Гиппиус, Эвальд, № 3].

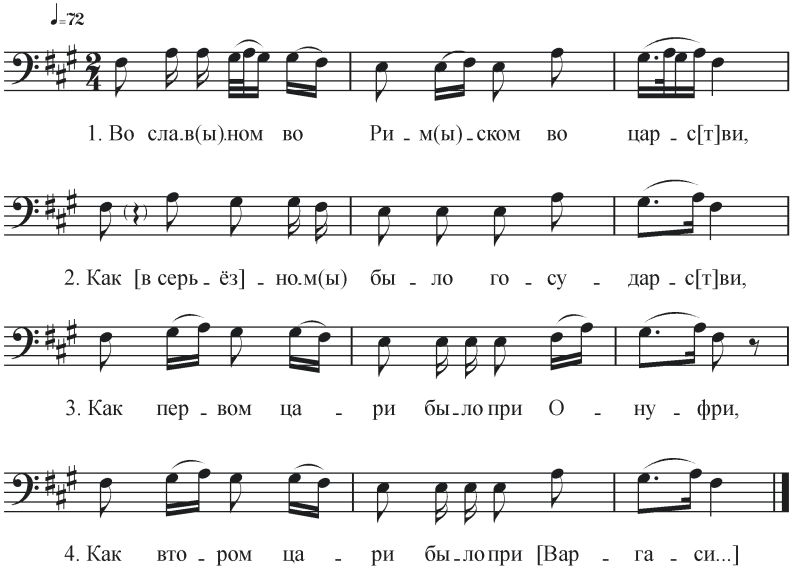
Связь «Голубиной книги» с былинными напевами на Мезени также подтверждается записью былины «Илья Муромец и сын» от В. М. Михеева [Гиппиус, Эвальд, № 4]. Для сравнения прежде всего интересны севернорусские мелодии, опубликованные в классических собраниях [Истомин, Дютш, с. 19, № 10; Григорьев, т. 1, № 33; т. 2, № 38; т. 3, № 15].

А. Л. Маслов в издании 1911 г. указал на особый признак напева духовного стиха: «три или два ритмических периода с двусложным последним периодом (окончанием)» [Маслов, с. 316–317], т. е. напев с двусложной клаузулой, в отличие от трехсложной (дактилической) в былинных мелодиях. В материалах, записанных на Мезени Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, этим признаком характеризуются все напевы духовных стихов, кроме «Голубиной книги». Приводим фрагмент стиха «Алексей, человек Божий», сообщенный М. Г. Антоновым[9].

[8] ФВ 359.02.

[9] ФВ 359.01.

2. Алексей человек Божий.

Нотный пример 2

При сравнении напева стиха с публикациями из классических собраний следует заметить, что мелодические особенности образцов, записанных в разных и территориально отдаленных населенных пунктах, чаще всего связаны с певческими навыками местных сказителей. Но между композициями все же можно обнаружить структурные связи [Истомин, Дютш, с. 6, № 3; Истомин, Ляпунов, с. 5, № 2; Марков, с. 969, № 4].

Особое внимание обратим на ансамблевую запись стиха «Сон Богородицы», которую собиратели осуществили от И. К. Букина и Васи-юродивого.

Первая ансамблевая запись этого стиха, но только от женского дуэта, была выполнена еще в 1909 г. А. В. Марковым в Карельском Поморье [Марков, с. 982, № 22]. Однако в 1928 г. собиратели не могли слышать фонограмму, которая, несмотря на сложную судьбу наследия А. В. Маркова, все-таки сохранилась [Марченко, с. 221, 229, 233].

Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд нашли исполнителей и зафиксировали на звуковом цилиндре стих как раз в то время, когда работали в деревнях верховьев Мезени самостоятельной группой [10]. К сожалению, рукописного текста обнаружить в архивах не удалось, хотя известно, что в подобных случаях работу за филолога возлагала на себя З. В. Эвальд. Тем не менее наличие

[10] ФВ 321.01.

записи указывает на особое внимание музыковедов к традиции группового исполнения как былин [Гиппиус, Эвальд, № 7], баллад и образцов комического эпоса [Кастров 1990, с. 167–168, № 9; с. 174, № 15], так и духовных стихов.

3. Сон Богородицы.

Нотный пример 3

Мелодически контрастные напевы стихов «Сон Богородицы» и «Алексей, человек Божий» опираются на типовую метрическую структуру. А. Ю. Кастров указывал на связь таких музыкальных форм с образцами церковного пения, отмечая, что на Русском Севере они наиболее часто встречаются в стихах «Алексей, человек Божий», «Сон Богородицы», «Трудник и Пятница», «Вознесение» [Кастров 1998, с. 409–411, № 2, 3]. Наблюдения А. Ю. Кастрова подтверждаются мезенскими напевами стихов «Трудник и Пятница», «Христово вознесение», «Алексей, человек Божий», которые были записаны от Н. К. Семенова, В. М. Михеева и М. Ф. Авдышевой.

Духовный стих (песня-притча) «Два брата Лазаря» получил широкое распространение, причем не только в России [БРМЭ, с. 586–587]. Тем интереснее напев, записанный на Мезени от М. Г. Антонова[11].

[11] ФВ 359.03.

Нотный пример 4

Материалы для сравнения содержатся в ранних собраниях севернорусского фольклора [Истомин, Дютш, с. 13–16, № 6, 7; Истомин, Ляпунов, с. 26–31, № 6–8]. Как и в большинстве случаев, одностиховая музыкальная структура состоит из двух полуфраз, разделенных цезурой. Судя по ранним записям, такие композиции для стиха «Два брата Лазаря» наиболее типичны.

Напевно-декламационная форма стиха, сообщенного М. Г. Антоновым, богата мелодически. Но важнее подчеркнуть то, что сказитель как с былинами, так и с духовными стихами строго придерживался музыкальных форм, предназначенных для исполнения конкретных произведений. При этом все напевы оказываются музыкально контрастными.

Запись напева духовного стиха «Аника-воин», выполненная от Н. К. Семенова, существенно дополняет знания о музыкальных композициях мезенского эпоса. К сожалению, фондовая копия, снятая с цилиндра, содержит технические искажения и нуждается в дополнительной обработке. Но сохранилась слуховая запись (или нотировка?) начала стиха, выполненная, по-видимому, З. В. Эвальд. Эта запись заслуживает особого внимания[12].

[12] РФ. Папка V, л. 3. Напев помещается в нашей редакции.

Нотный пример 5

В мезенском томе собрания А. Д. Григорьева основу напевов духовного стиха «Аника-воин» составляет мелодика, которая состоит из узкообъемных попевок, устремленных к опорному тону. От количества попевок зависит протяженность мелостихов. Интонирование напоминает монотонную неторопливую речь [Григорьев, т. 3, № 10, 12]. Такими же особенностями характеризуется и напев из собрания Зимнего берега Белого моря, но музыкальная композиция духовного стиха составная: использованы мелостихи с двух- и трехслоговой клаузулой [ММБ, с. 151, № 22].

В одной из поздних записей стиха «Аника-воин» напев имеет форму, восходящую к простой музыкальной декламации, и, по существу, утрачивает связь с интонационными канонами местной сказительской традиции [Петрова 2008, с. 178–180]. Все же в начале 1960-х гг. на Мезени был зафиксирован «двухстиховой», по определению Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова, напев с мелодикой широкого диапазона и сложной структурой мелостихов [БРМЭ, с. 477–479, 581, № 120].

Напев, зафиксированный Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, восходит к свободнострофовым композициям, которые, судя по известным эпическим материалам, как опубликованным, так и архивным, не могут считаться типичными для мезенской сказительской культуры. Возможно, собирателям удалось зафиксировать на Мезени особую музыкальную форму, свидетельствующую об очаговом распространении на Мезени композиций, напоминающих мелострофы-тирады северо-западных эпических традиций. Однако в репертуаре мезенских сказителей такие композиции не сохранились.

Как известно, крупнейшим собирателем севернорусского эпоса, в том числе и в музыкальной части, является А. Д. Григорьев. Ему же принадлежат и первые записи напевов мезенских духовных стихов, нотировки которых выполнил И. С. Тезавровский. Эти материалы уникальны.

Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд дополнили музыкальный репертуар мезенских духовных стихов мелодиями, по которым устанавливаются прямые связи с напевно-декламационными формами севернорусских религиозных произведений. Поздние записи религиозных произведений далеко не во всех случаях способны заменить материалы ранних собирателей. Причина в том, что одни произведения забыты, другие же вспоминаются фрагментарно.

Постепенное угасание устного народного творчества, которое наблюдалось за последние два десятилетия XX в. на Русском Севере в целом и на Мезени в частности, уже привело к утрате творческой преемственности, забвению ключевых жанров песенного фольклора, но в первую очередь — к исчезновению всего эпического репертуара, включая духовные стихи. Таким образом, архивные материалы ранних собирателей оказываются среди главных источников, по которым еще возможно изучение севернорусской народной культуры устной традиции.

Литература

Астахова — Былины Севера / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора. 655 с.

БРМЭ — Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов; ред. Л. Н. Лебединский. М.: Сов. композитор, 1981. 615 с.

Гиппиус, Эвальд — *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* [Напевы мезенских и печорских былин] // Былины Севера / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора. [Ненумер. л. между с. 544 и 545].

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. М.: Изд-во Имп. Академии наук, 1904. Т. 1, ч. 1: Поморье; ч. 2: Пинега. 708 с. [С. 653–688: Ноты / И. С. Тезавровский]; Прага, 1939. Т. 2: Кулой. Со списком собственных имен в 1, 2 и 3 т. 589 с. [С. 489–511: Ноты / И. С. Тезавровский];

СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1910. Т. 3: Мезень. С картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России. 732 с. [С. 657–682: Ноты / И. С. Тезавровский].

Истомин, Дютш — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб.: Изд-во Рус. геогр. о-ва, 1894. 244 с.

Истомин, Ляпунов — Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб.: Изд-во Рус. геогр. о-ва, 1899. 279 с.

Кастров 1990 — Архивные записи пинежского эпоса (по материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года) / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1990. Вып. 3. С. 156–179.

Кастров 1998 — Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926–1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 4–5. С. 403–438.

Марков — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1079 с.

Марченко — *Марченко Ю. И.* Фонографические записи А. В. Маркова в собрании Пушкинского Дома // Русский фольклор / Отв. ред. Н. Г. Комелина. СПб.: Нестор-История, 2022. Т. 39: Наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова и современная фольклористика. С. 217–236.

Маслов — Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад. С муз. прил. / Исслед. А. Л. Маслова // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.: [б. и.], 1911. Т. 2. С. 229–329 [9 с. нот между с. 328 и 329].

ММБ — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1: Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.: [б. и.], 1906. Т. 1. С. 11–146, 147–157 [ноты].

Петрова 1990 — Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1990. Вып. 3. С. 180–218.

Петрова 1998 — Духовные стихи Обонежья (по материалам экспедиций 1926–1932 гг.) / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 4–5. С. 439–491.

Петрова 2004 — *Петрова Л. И.* Духовные стихи на Мезени: (Из полевых тетрадей А. М. Астаховой 1928 г.) // Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред.: М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Наука, 2004. Т. 32. С. 318–348.

Петрова 2008 — *Петрова Л. И.* Стих об Анике-воине: Материалы к исследованию // Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред. А. Ю. Кастров. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 168–180.

References

Azbelev, S. N., Marchenko, Yu. I., eds. (2002). *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi: Sobranie A. V. Markova* [*White Sea Bylinas and Spiritual Poems: A. V. Markov's Collection*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1079 p. (In Russ.)

Dobrovol'skii, B. M., Korguzalov, V. V., Lebedinskii, L. N., eds. (1981). *Byliny: Russkii muzykal'nyi epos* [*Byliny: Russian Musical Epic*]. Moscow: Sovetskii kompozitor Publ., 615 p. (In Russ.)

Kastrov, A. Yu. (1990). 'Arkhivnye zapisi pinezhskogo eposa (po materialam ekspeditsii Gosudarstvennogo instituta istorii iskusstv 1927 goda)' ['Archival Recordings of the Pinega Epic (Based on Materials from the 1927 Expedition of the State Institute of Art History)'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 3, 156–179. (In Russ.)

Kastrov, A. Yu. (1998). 'Epicheskie ballady i dukhovnye stikhi Obonezh'ia v zapisiakh 1926–1934 godov' ['Epic Ballads and Spiritual Poems of Obonezhye in Recordings from 1926 to 1934'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. Vol. 4–5, 403–438. (In Russ.)

Marchenko, Yu. I. (2022). 'Fonograficheskie zapisi A. V. Markova v sobranii Pushkinskogo Doma' ['Phonographic Recordings of A. V. Markov in the Collection of the Pushkinskii Dom'], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ. Vol. 39, 217–236. (In Russ.)

Petrova, L. I. (1990). 'Dukhovnye stikhi na Pinege v zapisiakh A. M. Astakhovoi 1927 goda' ['Spiritual Verses on Pinega in the Notes of A. M. Astakhova, 1927'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 3, 180–218. (In Russ.)

Petrova, L. I. (1998). 'Dukhovnye stikhi Obonezh'ia (po materialam ekspeditsii 1926–1932 gg.)' ['Spiritual Poems of Obonezhye (Based on Materials from Expeditions of 1926–1932)'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. Vol. 4–5, 439–491. (In Russ.)

Petrova, L. I. (2004). 'Dukhovnye stikhi na Mezeni (Iz polevykh tetradei A. M. Astakhovoi 1928 g.)' ['Spiritual Verses on the Mezen (From the Field Notebooks of A. M. Astakhova, 1928)'], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 32, 318–348. (In Russ.)

Petrova, L. I. (2008). 'Stikh ob Anike-voine: Materialy k issledovaniiu' ['A Poem About Anika the Warrior: Research Materials'], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 33, 168–180. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 156–176
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-156-176
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 156–176
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Т. С. Канева

Tatyana S. Kaneva

БЫЛИНА О «НИКИТИЧЕ ДОБРЫНЮШКЕ» ИЗ СЕЛА УЕГ: В ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕЧОРСКИМ ТОМАМ «СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА»

BYLINA ABOUT 'NIKITICH DOBRYNUSHKA' FROM THE VILLAGE OF UEG: AN ADDITION TO THE PECHORA VOLUMES OF THE *SVOD RUSSKOGO FOL'KLORA*

Резюме. Объектом изучения в статье являются аудиозаписи из Фольклорного архива им. А. Н. Власова (Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина), относящиеся к одной былине. Они сделаны тремя группами собирателей в период с 1987 по 1990 г. в селе Уег Усть-Цилемского района Республики Коми от Агафьи Ивановны Дуркиной (1915 г. р.). В результате получено девять вариантов, преимущественно это пересказы сюжета, а также отдельные фрагменты — попытки напеть былину (объем стихов в вариантах — от трех до 35). Фрагментарность записей, неуверенность исполнительницы, путаница в имени главного героя (прекрасен Васенька Окулович и Никитич Добрынюшка), вероятно, стали причиной того, что эти материалы не были переданы для публикации в серию былин «Свода русского фольклора». Автору статьи удалось атрибутировать сюжет былины — «Добрыня Никитич и Маринка» — и рассмотреть ее в сравнении с другими печорскими былинами. Приложение к статье содержит записи уежской былины о «Никитиче Добрынюшке» и тем самым вводит ее в научный оборот.

Ключевые слова: былина, сказка, «Свод русского фольклора», Добрыня Никитич, Печора, А. И. Дуркина, исполнительство, Фольклорный архив им. А. Н. Власова.

Информация об авторе: Канева Татьяна Степановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, институт гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Россия, t-kaneva@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org 0000-0002-1748-0886.

Для цитирования: *Канева Т. С.* Былина о «Никитиче Добрынюшке» из села Уег: в дополнение к печорским томам «Свода русского фольклора» // Словесность и история. 2026. № 3. С. 156–176.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-156-176.

Abstract. The article analyzes audio recordings of a bylina from the Folklore Archive named after A. N. Vlasov at the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. The recordings, which feature Agafya Ivanovna Durkina (born in 1915), were made by three groups of collectors in the village of Ueg, Ust-Tsilma District, Komi Republic, between 1987 and 1990. There are nine variants of the text, which mostly represent retellings of the plot, and individual fragments – attempts to sing the bylina (the number of verses in the variants ranges from three to 35). The fragmentary nature of the recordings, the performer's uncertainty, and the confusion surrounding the name of the main character ('Vasenka Okulovich' and 'Nikitich Dobrynyushka') likely contributed to the fact that these materials were not included in publication of the *Svod russkogo fol'klora*. The author of

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

the article attributes the bylina to the 'Dobrynya Nikitich and Marinka' plot and compares it with other Pechora bylinas. An appendix to the article includes recordings of the Ueg bylina about 'Nikitich Dobrynyushka', thus making it available to a scholarly audience.
Keywords: bylina, folk tale, *Svod russkogo fol'klora*, Dobrynya Nikitich, Pechora, A. I. Durkina, performing, Folklore Archive named after A. N. Vlasov.
Information about the author: Tatyana S. Kaneva, PhD in Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, t-kaneva@yandex.ru; ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1748-0886.
Received: May 4, 2026. ***Approved***: June 27, 2026.
For citation: Kaneva, T. S. (2026). 'Bylina About 'Nikitich Dobrynushka' from the Village of Ueg: An Addition to the Pechora Volumes of the *Svod russkogo fol'klora*', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 156–176.

Впервые, печорские, тома академического «Свода русского фольклора. Серия „Былины“» (далее — «Свод») вошли практически все известные исследователям к концу XX в. записи произведений данного жанра, зафиксированных к этому времени в двух русских традициях Печоры — в Усть-Цилемском районе Республики Коми и в Ненецком автономном округе Архангельской области [БП]. Из Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета[1], который начал активную полевую фольклористическую работу на этих территориях во второй половине 1980-х гг., уже в ситуации угасшей эпической традиции, в «Свод» вошло скромное количество текстов — девять, пять из них — с нотировками [БП, № 131, 152; Прил. V, № 1–7][2]. Однако их число могло быть больше. Так, в ФА СГУ имеется три записи «сказки» (по обозначению исполнительницы) об Илье Муромце, которые являются вариантами опубликованного в «Былинах Печоры» пересказа сюжета «Исцеление Ильи Муромца» из архива кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова [БП, № 57]. Все они были зафиксированы в течение одного десятилетия (1980–1990) от одной и той же исполнительницы, Марфы Алексеевны Семеновой (см.: [Канева 2023; 2025]), так что эти сыктывкарские материалы вполне могли занять место в «Своде». И это не единственный пример.

Сравнительно недавно в ФА СГУ наше внимание привлекли аудиозаписи былины, сделанные в разные годы от жительницы с. Уег Усть-Цилемского района Агафьи Ивановны Дуркиной (1915 г. р.)[3]; в архивных описях они обозначены как «былина», «былина о Васеньке Окуловиче», часто — с пометами

[1] Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Фольклорный архив им. А. Н. Власова; далее — ФА СГУ.

[2] Семь из них [БП, Прил. V, № 1–7] вместе с девятью другими вариантами, также из ФА СГУ, впервые были напечатаны в одном из томов «Русского фольклора» [Бильчук и др.]. Записи былин из Усть-Цильмы, полученные ФА СГУ в XXI в., опубликованы: [Ангеловская; Ангеловская, Канева 2018; 2020].

[3] Это девичья фамилия исполнительницы, фамилия мужа — Чупров [ФА СГУ, АФ 0399-1а].

«пересказ», «проба», «фрагмент», «дубль». Всего нами выявлено три группы этих записей.

Первая была сделана летом 1987 г., когда в рамках усть-цилемской фольклорной экспедиции Сыктывкарского университета (рук. А. Н. Власов) сбор материала в с. Уег вела лаборант кафедры русской литературы, выпускница филфака З. Н. Мехреньгина, уже имевшая опыт собирательской работы. От А. И. Дуркиной ею зафиксировано смешанное вспоминание былины с преобладанием стихотворного пересказа: сначала пересказ 14 неполных стихов, затем — попытка напеть былину (пять неполных стихов) и снова пересказ девяти неполных стихов (см. Приложение, текст № 1).

Через два года, летом 1989 г., с А. И. Дуркиной общались ленинградские собиратели А. М. Келарев и Л. Бухарева; в ФА СГУ хранятся копии их аудиоматериалов. К былине относится четыре единицы записи, каждая — попытка воспроизведения былины с начала: два пересказа из 25 и 23 неполных стихов и два фрагмента, исполненных «на голос», из пяти и шести стихов (см. Приложение, тексты № 2–5).

Зимой 1990 г. село Уег снова посетила фольклорная экспедиция Сыктывкарского университета, и группа в составе З. Н. Мехреньгиной и А. А. Бильчука, тогда студента 4-го курса филологического факультета, вновь навестила А. И. Дуркину. Любопытно, что ими было сделано такое же количество вариантов записи былины, что и их предшественниками: по два — с напевом, объемом в три и пять стихов, и по два — в пересказе, объемом в 35 и 24 неполных стиха (см. Приложение, тексты № 6–9[4]).

Итак, мы имеем девять вариантов записи былины объемом от трех до 35 условных стихов; пять небольших фрагментов представляют собой попытки напеть былину в ответ на настойчивые просьбы собирателей «показать на голос», большинство из них относится к зачинному мотиву пира у «солнышка-батюшка» (Т — 4, 5, 7, 9), один — к мотиву расспрашивания князем Владимиром своего невеселого гостя (Т — 1). Наиболее полным вариантом, дающим представление о сюжете, является Т — 6. Следует отметить, что припоминание былины во время всех трех встреч давалось исполнительнице нелегко. Агафья Ивановна пересказывала и напевала слабым голосом, часто в сомнениях останавливаясь; фонограмма прерывиста (в чем сказалась также пресловутая экономия магнитной пленки[5]), например, при сказывании самого

[4] Далее при ссылках на эти тексты в круглых скобках указывается буква «Т» и порядковый номер текста через тире; паспортные данные и особенности подачи текстов приведены в Приложении.

[5] Добавим, объясняя многочисленные примеры неполноты стихов: при остановках исполнительницы собиратели вынужденно выключали магнитофон, а следующее включение часто не успевало за продолжением сказывания.

объемного (объективно — все же небольшого) фрагмента в 30 с небольшим стихов мы выделили восемь остановок-заминок (см. Т — 6). Сложность восприятия записей усугубляется низким качеством их звучания. Тем не менее мы расцениваем эти материалы как вполне полноправные источники для характеристики одной из усть-цилемских былин.

Чтобы понять, какой сюжет в течение трех лет пыталась вспомнить А. И Дуркина, необходимо прежде всего определить, кто является главным героем.

В вариантах, записанных во время первых двух встреч, он назван Васенькой Окуловичем (Т — 1, 2, 3, 5). При этом обращает на себя внимание следующая закономерность: если при передаче текста в пересказе Агафья Ивановна не абсолютно твердо, но все же вводит в повествование имя персонажа, причем в полной и усеченной формах (ср.: «Один *прекрасен* был *Васенька*, *Васенька Окулович*, / Повеся́ сидел да буйну голову...», Т — 1; «Один *прекрасен Васенька Окулович* / Повеся́ держит голову...», Т — 2; «Один *прекрасен Васенька* / Повеся́ сидел да буйну голову...», Т — 3), то при попытках воспроизвести былину напевом текст обрывается как раз на моменте первого именования (представления) героя: «...Как один-то... *Солнышко-батюшко тут — нет?..*» (Т — 4), «...Как один-то... ⟨нрзб⟩ *Я уж забыла, кого уж и пела. Вот тебе и всё...* Как один-то прекрасен Васенька... *Вот тут ничё не стало, всё потеряла уж...*» (Т — 5). Эти заминки сигнализируют о том, что предлагаемое исполнительницей имя не вмещается в пропеваемый стих; Агафья Ивановна и сама понимала, что оно не соответствует ему, и останавливалась.

Как уже было отмечено, между записями июля 1989 г. (только что приведенными) и следующими, января 1990 г., прошло немного времени. Вполне правомерно оценивать ситуацию таким образом, что процесс вспоминания былины был запущен ленинградскими гостями, и в общении с сыктывкарцами наконец появился («вспомнился») новый и, как мы полагаем, истинный герой былины.

В первом варианте из серии записей 1990 г. (Т — 6) снова наблюдаем сомнения едва ли не каждый раз, когда в повествовании должно появиться имя героя: при первом его представлении — на пиру («Один-то прекрасен Васенька... *Нет...*»), при обращении к нему князя («Подходил ему солнышко-батюшко, / Стал его выспрашивать: / „А почему же ты...“ *Вот, тут так и забываюсь...*»), при назывании героя перед его ответом князю о своей кручине («Прекрасен... *этот... Вот ведь — уж того и забыла...*»). После дальнейшего пересказа сюжета, каковым его вспомнила Агафья Ивановна, зафиксировано трехстрочное начало былины (Т — 7); потом на магнитофонной

записи звучит интервью с другой женщиной, затем — вновь с Агафьей Ивановной. Припоминание былины, очевидно, продолжается (оно — «за кадром»), и вот мы слышим фрагмент, который, хотя и выстраивается с помощью собирателя, наконец содержит новое имя героя:

У солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё,
Все на пиру да напивались,
Все на честнóм да наедались,
Один... *Вот этого...*
— *Как я те давече его назвалá?..*
[*З. Н. Мехреньгина: — Добрынюшка Никитич, да?*]
— *Да, тот, наверно.*
...Один ***Никитич Добрынюшка***
Повеся́ сидел дак буйну голову...
(Т — 8)

Совершенно очевидно, что между включениями магнитофона собиратели продолжали расспрашивать Агафью Ивановну о былине. Однако, назвав другого героя, она не перестает сомневаться, избегая произнесения имени при воспроизведении диалога князя и его гостя:

Подходил ему да солнышко-батюшко,
Спрашивал его, выведывал: *Как?.. Вот...*
— Шо ты сидишь, запечалилсе? ⟨...⟩
Он тут:
— Столы мне были наставлены...
(Т — 8)

В завершении «былинной части» встречи собиратели записали от А. И. Дуркиной пропетый зачин былины, где еще раз названо имя известного русского богатыря в той же инверсированной форме, что и в предыдущем фрагменте, и снова имя останавливает исполнительницу:

Как у солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Уж и все же на пиру да напивалисе,
Уж как все же на честнóм да наедалисе.
Как один-от Никитич-от Добрынюшка...
Вот опеть, вы́тыкало всё горло...
(Т — 9)

Обратимся непосредственно к сюжету вспоминаемой Агафьей Ивановной былины и уже после прокомментируем ее сомнения и путаницу.

Сопоставив все девять вариантов записи, полученных настойчивыми собирателями, можно — несмотря на общую «недосказанность» и обрывочность текстов — выстроить довольно стройную цепь сюжетных ситуаций:

- пир у князя Владимира, на пиру невесел один «прекрасен Васенька Окулович» или «Никитич Добрынюшка»;
- расспросы «солнышка-батюшка», в ходе которых проясняется, а далее устраняется причина невеселого настроения гостя: у него нет «тугá лука, каленóй стрелы» для стрельбы в «птицу-пташицу» в «зеленóм саду»; герой получает желаемое от князя;
- стрельба богатыря в окно терема, убийство татарина.

Даже без смены имени, которая произошла в последних по времени записи вариантах Дуркиной, понятно, что это история не о Василии Окуловиче. Образы и мотивы основной части уежской былины (гуляние героя с луком, терем, стрельба из лука в окно и убийство татарина, как иногда называют любовника киевской «волшебницы») свойственны сюжету о Добрыне и Маринке, в том числе печорским вариантам, ср.:

Выходил-то Добрыня на круто крыльцё,
Брал он себе в руки ***ту́гой лук***,
Закладывал он ***стрелоцьку калёную***,
Стрелил он стрелоцьку по городу. ⟨...⟩
«Не отдам тебе стрелоцьку калёную:
Прострелил у мня ***окно*** косявцето,
Залетела стрелка моёму *милу другу*,
Залетела ему да во черны груди,
Розбила у его да легка-пéценя».
[БП, № 27]

...увидел Маринушкин высок ***те́рем***. ⟨...⟩
Да как взял тут Добрыня ***тугóй лучок***,
Да натягивал тетивочку шолковую,
Да стрелил Добрыня этих голубов. ⟨...⟩
Полетела стрела ниже жолоба,
Залетела в ***окошечко*** косевщето, ⟨...⟩
Да попала ***татарину*** в белую грудь,
Да ***убил татарина*** поганого.
[БП, № 26]

Чем же, кроме естественного забвения, объяснить путаницу исполнительницы в именах? Ответ подсказывают прежде всего сами полевые материалы.

Примечательно, что обе группы собирателей, встречавшихся с А. И. Дуркиной в 1989 и 1990 гг., «в перерывах» между припоминаниями ею былины записали от нее одну и ту же «сказку» — с участием Васеньки Окуловича. В беседе с А. Келаревым и Л. Бухаревой сказительница сама перешла к этому сюжету буквально сразу после неоконченного фрагмента былины (см. Т — 2). Она оценила повествование следующим образом: *«Тут опять была сказка ле, при́сказка ле, ста́рина ле про этого, про царя Соло́маня»*[6]. При сказывании ее сыктывкарцам она четко отделила эту историю от былины: *«Это быва́льшина ле чё ле, как ле. Не пое́тсе»*[7]. В архивных реестрах текст обозначен как сказка «Про царя Соломана»[8] (здесь, по всей видимости, со слов сказительницы) и «Про царя Соломана, жену его Маринку, Таракашку купца и Васеньку Окуловича»[9]. В обоих вариантах записи сказка выглядит более

[6] ФА СГУ, АФ 0399-3.
[7] ФА СГУ, АФ 03105-19.
[8] ФА СГУ, АФ 0399-5.
[9] ФА СГУ, АФ 03105-19.

цельно, чем былина, хотя А. И. Дуркина в процессе рассказывания часто выражала свою неуверенность, ссылаясь на забывчивость[10].

На наш взгляд, именно с этой сказкой связан ответ на вопрос о путанице с именем героя былины. Но прежде соотнесем сказку А. И. Дуркиной с былинным сюжетом.

На Печоре записано семь вариантов былины о Соломане и Василии Окуловиче [БП, № 270–276], пять из них — в Усть-Цилемском районе, причем два — в с. Уег, где проживала наша исполнительница[11]. Как уже было показано нами, в большинстве вариантов былины, которую пыталась вспомнить А. И. Дуркина, а также в обоих вариантах своей сказки она называет героя *прекрасен (прекрасный) Васенька Окулович*. Так же он именуется в уежском варианте былины о царе Соломане, исполненном Марфой Дмитриевной Дуркиной [БП, № 275], причем, судя по именному указателю к «Былинам Печоры», такое формульное обозначение героя отмечено только у нее [БП, т. 2, с. 636]. Еще одно редкое сочетание, сближающее тексты Агафьи Ивановны и Марфы Дмитриевны — инверсированное имя-отчество богатыря *Микитич Добрынюшка*: М. Д. Дуркина использовала его в былине о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче [БП, № 144]; в таком виде это имя больше ни у кого из печорских сказителей не выявлено[12]. Данные схождения поставили вопрос: кем приходятся эти две Дуркины друг другу, просто ли они односельчанки и однофамилицы? Ответ нашелся в полевом дневнике З. Н. Мехреньгиной. В нем на странице, посвященной А. И. Дуркиной, собирательница в связи со ста́риной записала слова своей собеседницы: «Бабка покойна пела *Марфа Дмитриевна*[13] из Кривовицкой»[14].

---

[10] Приведем несколько примеров таких сомнений: «Как же тут?.. Вот никак, ушло опять из головы-то...»; «Тут опеть забыла всё уж я...»; «Как-то так получаетсе у меня, забыла всё... Вы уж там чё ле как ле сами клейте...»; «Вот ведь! Тут помню, и тут и вот и не помню. ⟨...⟩ Вы там приспособьте сами» [ФА СГУ, АФ 0399-3]; «Немножко вот сначала-то вот не помню, упустила. ⟨...⟩ Вы маленько, вы сами там ладно подладьте, я не мо́гу ничё, у меня всё тереется, и говорить-то не могу»; «Худа голова-то! Так ведь и забываюсь...» [ФА СГУ, АФ 03105-19].

[11] Правда, один из этих двух [БП, № 276] — это всего лишь «смутное припоминание библейских сказаний о царе Соломоне и некоторых мотивов русской былины об этом герое» [БП, т. 2, с. 513].

[12] Можно сравнить с не очень последовательным вариантом устьцилёма Е. И. Рочева, где герой наряду с «Никитушкой Романовым» назван *Микитушкой Добрынюшкой* [БП, № 24].

[13] Здесь и далее при цитировании фольклорных текстов и заметок собирателей курсив наш.

[14] ФА СГУ, ФФ, 03 1987. Ссылка на бабушку (без имени) как на источник былины обрывочно зафиксирован и аудиозаписью: «бабка-то покойна всё пела, дак я вот у ей...» [ФА СГУ, АФ 0331-24.3]. «Кривовицкой» («Кривовисской» ?) — имеется в виду деревня Кривая Виска, со временем ставшая частью села Уег.

У нас практически нет сомнений, что это та самая Марфа Дмитриевна Дуркина, которую в 1942 г. записывала А. П. Разумова в составе печорской экспедиции Карело-Финского государственного университета[15]. Кроме уже упомянутых сюжетов о царе Соломане и Дюке Степановиче, она исполнила собирателю еще две былины («Илья Муромец и Сокольник», «Дунай Иванович — сват» [БП, № 77, 127]), а в сборнике плачей В. Г. Базанова и А. П. Разумовой опубликовано ее причитание по племяннику, раненному на фронте [РНБЛ, с. 68–69][16]. Об исполнительнице сообщается, что «она с гордостью вспоминала отца и мать, которые знали очень много старин, что подтверждали многие жители Уега» [БП, т. 2, с. 542]. Свои знания Марфа Дмитриевна связывала с отцом, который «под веселую руку рассказывал много старин и сказок, от него-то я и повыкла» [РНБЛ, с. 555].

Таким образом, наша Агафья Ивановна, очевидно, является наследницей семейной эпической памяти. Она, судя по всему, не снискала славы сказительницы; кроме былины, ставшей объектом изучения в данной статье, и сказки про царя Соломана, мы не располагаем данными о ее сказочно-былинном репертуаре.

Обратим внимание на то, что, кроме общего формульного именования *прекрасен (прекрасный) Васенька Окулович*, находим еще две художественные единицы, сближающие былину Марфы Дмитриевны о царе Соломане и сказку Агафьи Ивановны[17]. Первая из них — это имя неверной жены *Маринка лебедь белая*, см.:

Былина в исполнении М. Д. Дуркиной	Сказка в исполнении А. И. Дуркиной
Таракашко, купец Замóринян, По улицам пошел широ́киим, Переулочками проведённыим, Прем царских окон поклоняитце: «Ох ты ой еси, *Маринка лебедь белая*, Приходи-ко ты на царёв корабь Выбирать товары наши заморские!» [БП, № 275]	Таракашка, купец Замóрянин, пришёл этой вот Маринке, белой лебеди. ⟨…⟩ Зашёл он в и́збу, поклонился: «*Маринка, лебедь белая*, пришёл я к тебе, приехали мы с товарами заморскима. Не желательно ли посмотреть тебе товары заморски?»[18]

[15] По разным источникам, исполнительнице было тогда 70 [БП, т. 2, с. 542] или 78 [РНБЛ, с. 555] лет, т. е. год ее рождения — около 1864 или 1872 г.; в любом случае по возрасту она вполне могла быть бабушкой А. И. Дуркиной, родившейся в 1915 г.

[16] Кстати, врага в нем М. Д. Дуркина назвала «по-былинному»: *Издолище неверное, Издолище поганое* [РНБЛ, с. 69].

[17] Не имея возможности останавливаться подробно на приводимых далее для сравнения эпизодах, предлагаем читателю обратить внимание на близкую по содержанию их передачу в былине бабушки и сказке внучки.

[18] ФА СГУ, АФ 0399-3, зап. в 1989 г. В другом уежском варианте былины — припоминании сюжетов о царе Соломане (см. Приложение, примеч. 7) его жена также названа Маринкой.

Другим сходным элементом является не очень популярное в печорском словнике былин (если не редкое) обозначение иноверных врагов сложносоставным определительным сочетанием: *юрзы-мурзы поганые, татары кособрюхие*, ср.:

Былина в исполнении М. Д. Дуркиной	Сказка в исполнении А. И. Дуркиной
Вы *ю́рзы-му́рзы* да вси *поганыш*, Вы *татары* все да *кособрюхии*, На моей смертью да вы не радуйтесь — Моя смерть будет да страхови́тая! [БП, № 275]	Вы, *юрзы́-мурзы́* да все *поганы*, все *татары* вы да *кособрюхи*, над моей смертью да вы не радуйтесь, моя смерть вам не красовитая![19]

Комментируя былину М. Д. Дуркиной, Ю. А. Новиков отметил ее близость «по композиции» тексту другого усть-цилемского исполнителя — Д. К. Дуркина [БП, № 271] — и выделил их общую деталь: «Жена Соломана, как и у Д. Дуркина, именуется Маринкой, белой лебедью» [БП, т. 2, с. 513][20]. Добавим к этому использование Д. К. Дуркиным близкого М. Д. Дуркиной обозначения иноверцев, ср.:

Завёлся пир на трое суточьки,
На *турзов-мурзов* да *на поганыих*,
На пановья да на улановья,
По-русьски сказать — на русьских на бога́тырей,
На купцов, людей торговыих.
[БП, № 271: 4]

Здесь видим вариант повтора-отзвучия *юрзы-мурзы* (*турзы-мурзы*); в сочетании с прилагательным *поганые* данное именование встречается в словнике печорских былин только у этих двух сказителей[21].

Таким образом, сказка А. И. Дуркиной о царе Соломане и Васеньке Окуловиче обнаруживает сходство с отдельными вариантами былины об этих же героях[22], прежде всего на уровне формульных имен персонажей: это

[19] ФА СГУ, АФ 0399-3, зап. в 1989 г.; то же: ФА СГУ, АФ 03105-19, зап. в 1990 г.

[21] Очень велик соблазн соотнести Дмитрия Карповича Дуркина, которому, по сведениям А. М. Астаховой, в 1929 г. было 83 года (т. е. он был около 1846 г. р.), и Марфу Дмитриевну Дуркину (ок. 1864 или 1872 г. р., см. примеч. 15) как отца и дочь, однако Д. К. Дуркин был жителем села Усть-Цильма, а, исходя из заметок экспедиции 1942 г., родители М. Д. Дуркиной также были уежанами (см. уже приведенные ранее воспоминания: «...она с гордостью вспоминала отца и мать, которые *знали очень много старин, что подтверждали многие жители Уега*» [БП, т. 2, с. 542]). Другими биографическими сведениями мы пока не располагаем, и в целом они не влияют непосредственно на оценку поэтического инвентаря сказителей, но вопрос их родства небезынтересен для дальнейших разысканий.

[22] Сравнительного сказочного материала, к сожалению, недостаточно. В числе опубликованных усть-цилемских сказок (это записи Н. Е. Ончукова нач. XX в. и И. В. Карнауховой 1929 г.) сюжета о царе Соломане и его неверной жене нет; в архивных источниках нами выявлен пока один

два антропонима (*прекрасен Васенька Окулович*, *Маринка лебедь белая*) и этноним (*юрзы (турзы)-мурзы поганые, татары кособрюхие*), а кроме того — на уровне самой передачи сюжетных эпизодов. Полагаем, что Агафье Ивановне, которая вряд ли свободно владела мастерством сказывания былин, сказочная форма была ближе, и можно предположить, что сказочная история о прекрасном Васеньке Окуловиче лучше сохранилась в ее памяти и определенным образом заслоняла былину о других героях, которую она пыталась воспроизвести собирателям.

Что касается собственно былины о Добрыне Никитиче и Маринке, то хотя она и не была зафиксирована в Уеге, это, разумеется, не исключает ее бытования в местной традиции[23], не случайно А. И. Дуркина обронила, что ее пела «бабка покойна». Повторяющееся женское имя в двух разных сюжетах, в двух парах героев (Добрыня Никитич и *Маринка*, Василий Окулович и *Маринка*) могло сыграть свою роль в процессе припоминания (и смешения) былин и некоторое время вести исполнительницу по ложному пути. На это указывает и «подмена» «солнышка-батюшка» царем Соломаном в эпизоде расспрашивания князем невеселого гостя (см. Т — 6).

Вернемся к былине о Добрыне, которую старательно вспоминала А. И. Дуркина во время трех встреч с собирателями, и попытаемся определить, насколько типичны или специфичны в контексте печорского эпоса основные образно-сюжетные детали этого новообретенного варианта, а также особенности их оформления.

Начальная сюжетная ситуация: Добрыня печалится-кручинится на княжеском пиру — может быть оценена как довольно редкая для печорских былин. Известно два варианта, в которых герой уже с пира идет невеселым и даже с плачем [БП, № 29], получив от князя «службу немалую»: в одном случае — вернуть Путятичну, похищенную змеем [БП, № 29], в другом — «от Киева до Царяграда прочистить-то дорожку премоезжую, ⟨...⟩ перебить-то всех калмык да как с татарами» [Ангеловская, Канева 2020, с. 61]. Однако есть

вариант сказки «Про Соломона-царя» — в записи Н. И. Савушкиной 1978 г. от У. Д. Поташовой 79 л., уроженки д. Черногорской (Архив кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова, 4-7-1978, т. 119, № 1, с. 0070-0077). В нем неверная жена и ее «миляш», «хозяин ейный новой», по именам не названы («женку забыла, как зовут»); сводником выступает Мишка Торопанишка. При этом, безусловно, обе сказки заслуживают специальной сопоставительной характеристики как варианты одной локальной традиции.

[23] Начиная с 1902 г. от шести уежан (в том числе от двух женщин) было записано 20 вариантов былин (включая пересказы и припоминания). Из сюжетов о Добрыне это былина о его рождении [БП, № 9]; в уежском варианте былины «Добрыня и Василий Казимирович» [БП, № 17] Добрыни нет (послами князя Владимира выступили Василий Касимирович, Никита Приширокий и Потанюшка Вахроменькой).

в печорских записях и «начало неизвестной былины о Добрыне» [БП, т. 1, с. 671], оканчивающейся именно констатацией отличного от других гостей пира поведения «доброго молодца», который не пьет «чару́ заздравную» за царя православного, за царицу благоверную [БП, № 20]. Записавшая этот фрагмент Н. П. Колпакова отметила: «Так обычно начинается былина об Иване Годиновиче. Возможно, что исполнитель смешал героев» [БП, т. 1, с. 671].

Не споря с этим, присмотримся к эпической биографии Добрыни Никитича в поисках причины его грусти. Богатырь, отданный на службу князю, «без выхода» проводит у него много лет, не имея возможности проявить себя бравым воином[24], и наконец просит у солнышка Владимира позволения-благословения погулять по Киеву. В контексте повествования эта ситуация возникает в сюжете как самостоятельная, во всяком случае, вне пира (см., например: [БП, № 23, 26, 29]). В изложении устьцилёмов — братьев Носовых герой сам рассказывает о наскучившей службе у князя и самовольном уходе в город при его «допрашивании» после расколдовывания (как известно, прогулка по киевским улочкам завершилась убийством Добрыней любовника Маринки-колдуньи, которая обернула его туром); здесь видим отношение героя к службе, красноречиво названной «сижа́ночкой»: «Мне сижаноцька эта как прискуцилась» [БП, № 24]. В уежской же былине скука героя становится практически особым мотивом, который очень органично вписан А. И. Дуркиной в сцену пира, на котором происходит объяснение богатыря с князем (см. Т — 1, 2, 3, 6, 8)[25]. В результате герой признается, что причина скуки-кручины в отсутствии лука со стрелами и возможности пострелять птиц:

А не хватат у мня одно — Не хватат у мня тугá лу́ка, Не хватат у мня калено́й стрелы... (Т — 2)	Не хватат мне одно только — Нету у мня да тугá лу́ка, Нету у меня да этой — калено́й стрелы... (Т — 6)

Формульное сетование богатыря на отсутствие у него *туга лука и каленой стрелы* в печорском эпосе встречается в былине о Василии Игнатьеве

[24] В варианте П. Р. Поздеева он служит 12 лет: по три года во конюхах, в приворотниках, во стольниках, во писарях [БП, № 23]; в варианте Носовых срок службы гиперболизирован: «...десять лет жил ище в кучерах, / Да я тридцеть я лет сидел во писарях» [БП, № 24]; в варианте И. Е. Чупрова отмечено отсутствие возможности у Добрыни, по три года жившего у князя во ключниках, в подносчичках и во писарях, погулять по городу: «Не бывал он по улицам широкиим, / Да по тем по частым переулочкам» [БП, № 26].

[25] В диалоге обращает на себя внимание перечисление возможных причин печали: *столы (не) наставлены, скатерти (не) настелены, чара вина (не) налита / пода(ва)на*: при всей характерности образов ситуации пира-угощения (столы — скатерти — чара вина) мы пока не можем назвать полных аналогов этой формуле из печорских былин.

и Батыге (запись начала XX в. с Пижмы) — в ряду перечисления отсутствующих у Васьки, горького пьяницы, предметов воинского снаряжения:

...Кабы нету у мня приправы молодецкоей,
Кабы нету у меня туга лука,
Кабы нет у меня стрелоцьки каленоей,
Уж и нет у меня палицы буёвоей,
Кабы нет у меня копейчо бурзомецькое...
[БП, № 197]

В былине А. И. Дуркиной нет мотива испрашивания и получения благословения на прогулку с луком, если только не принимать за его осколки сообщение об «удовлетворении просьбы» в прозаических пересказах: «Дал ему ту́гой лук, калену́ стрелу» (Т — 2; подобн.: Т — 3); «Разрешил ему солнышко-батюшко ту́гой лук да калену стрелу» (Т — 6); «Солнышко-батюшко говорит: „Ну давай, я уж тебе дам“» (Т — 8)[26].

Практически во всех печорских вариантах былины о Добрыне и Маринке герой прямо сообщает о намерении прогуляться по улицам Киева, посмотреть Маринкин терем (иногда последний появляется в контексте княжеского запрета не ходить в «Маринкин переулочек»). В уежской былине этот локус прямо не называется. В одном из вариантов намерения героя связаны с *чистым полем*, соответствующим богатырской топике: «Сходил бы я в чисто́ полё, / Пострелял бы я птицу-пташицу» (Т — 1)[27]. В остальных же вариантах на его месте, точнее на месте «Маринкиных улочек», появляется символически близкий (*зелен*) *сад* с его семантикой женского пространства[28], а предметом охоты становятся не «гуси, белые лебеди», а *птица-пташица*: «А хотел бы я сходить во зелен сад, / А пострелять да птицу-пташицу» (Т — 6; подоб.: Т — 2, 3). Иносказательный характер этого мотива, заключающего намерения побывать у Маринки, *лютой грозы да лихой змеи*[29], поддерживается, на наш взгляд, редкой параллелью «птички-пташечки — лютая змея», использованной одной из цилемских сказительниц в сюжете о Дюке Степановиче, ср.:

[26] В былине П. Р. Поздеева (запись нач. XX в.) находим близкий эпизод, но с мотивом благословения, он передан следующим образом: «А как дал ноньце ле князь благословеньицо, / А как дал-де-ка ле тугой лук со стрелкою. / Он пошел ноньце по городу по Кееву» [БП, № 23].

[27] Ср.: «Кабы ездил Добрыня *по чисту́ полю́*, / А стрелял он гусей да белых ле́бедей, / А ещо он стрелял да серых утицей» [БП, № 136] («Бой Добрыни с Дунаем»).

[28] Большинство примеров появления определительного сочетания *зелен(-ые) сад(-ы)* в печорских былинах отсылают к образам героинь — невест или любовниц (сюжеты «Чурила и Катерина», «Лука, змея и Настасья»). Кстати, в словнике печорских былин о Добрыне и Маринке это сочетание отмечено лишь в одном тексте [БП, № 28], так что вариант А. И. Дуркиной умножает эти примеры.

[29] Так названа эта волшебница в одном из печорских вариантов «Добрыни и Маринки» [БП, № 26]. Примечательно, что в одном случае А. И. Дуркина засомневалась в соответствии этого иносказательного образа сюжетной ситуации: «Не птицу-пташицу пошёл стрелять-то...» (Т — 6).

...Приехал к реки́ Волхову ⟨...⟩
И увидел тут *змею лютую*.
Испугался у Дюка добро́й конь, ⟨...⟩
Говорил тут Дюк Степанович:
«Ой ты, конь, мой конь, ⟨...⟩
Для цего ты на колена припадываешь?
Не видал разве *птицек-пташецек*?»
[БП, № 143]

Кстати, сама однокоренная пара слов «птички-пташечки» из процитированного фрагмента до сих пор была единственным примером в словнике печорских былин; единичны употребления этого словосочетания, по нашим наблюдениям, и в других севернорусских былинах.

Окончание истории, сохраненной памятью А. И. Дуркиной, более или менее внятно удалось зафиксировать только при последней встрече с ней собирателей, в 1990 г. (см. Т — 6, более обрывочно: Т — 1 и Т — 8): «Подходил он ⟨...⟩ вот к терему какому ле и... [выстрелил] в окно, и залетела его пуля-то татарину в черны́ груди, разбила-размешала кровь со печенью» (Т — 6), ср.:

И подошёл к этому, ко дворчу и там снаряжал он свою калену стрелу, ту́гой лук. ⟨...⟩ Стал он тут опять выстреливать, и залетела егова пуля в высок терем (Т — 1).	...пошёл он... ⟨...⟩ Стрелял-то он там в окно-то (Т — 8).

И без имени хозяйки терема понятно, что Добрыня Никитич (и уже нет никаких сомнений, что это именно он) убил любовника Маринки, названного Агафьей Ивановной татарином (как и в трех других печорских былинах: [БП, № 23, 26, 30]).

Финал самого полного варианта А. И. Дуркиной (Т — 6) построен на традиционной формуле убийства (*разбить*)-*размешать кровь со печенью*. Мы обнаружили ее в семи печорских былинах разных сюжетов, записанных от шести сказителей [БП, № 74, 84, 119, 127, 156, 180, 183]. При этом не можем не обратить внимания на то, что лишь одна из параллелей принадлежит тексту из Усть-Цилемского района (остальные — с низовой Печоры), более того — тексту из с. Уег, записанному от бабушки нашей исполнительницы; М. Д. Дуркина использовала эту формулу в предостережении Марьи Семеновны, жены Дуная, о возможных последствиях соревнования в стрельбе, см.: «А ты с третьего раза стрельнёшь — / Залетит стрела во белы́ груди́, / Размешашь ты кровь со печенью, / Погубишь меня» [БП, № 127]. Примечательно, что эта история прикреплена М. Д. Дуркиной к Добрыне и записана под условным обозначением «О Добрынюшке Никитиче». Таким образом, не одна Агафья Ивановна замечена в путанице имен богатырей, но благодаря имеющимся в ФА СГУ трем сериям записей сюжет неизвестной до сих пор

широкому кругу исследователей уежской былины нам удалось определить довольно уверенно.

Допускаем, что причиной невключения сыктывкарскими филологами былины А. И. Дуркиной в материалы, рекомендованные для «Свода», стали фрагментарность записей и невнятность сюжета, усугубляющиеся низким качеством фонограмм. Тем не менее специальное обращение к этим записям, результаты которого представлены в данной работе, позволило обозначить сам факт бытования былины о Добрыне и Маринке в одной из печорских микролокальных традиций [30], а также выявить целый ряд довольно редких мотивов и поэтических формул (причем, как было показано, некоторые из них выступают маркерами в оценке семейных связей исполнителей). Представленные сюжетно-текстологические наблюдения могут быть подвергнуты дальнейшим исследованиям в разных аспектах, в том числе и в связи с вопросами эпической памяти, ее сохранения и угасания.

Литература

Ангеловская — *Ангеловская Л. В.* Новые записи усть-цилемских былин в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета // Народная культура в слове и тексте: Сб. исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013. С. 228–239.

Ангеловская, Канева 2018 — *Ангеловская Л. В., Канева Т. С.* Пижемская эпическая песня о Бутмане: новые записи // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова / Отв. ред. М. Н. Власова, Т. С. Канева. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 126–153. (Из истории русской фольклористики; Вып. 10).

Ангеловская, Канева 2020 — *Ангеловская Л. В., Канева Т. С.* Новые источники изучения усть-цилемских былин: записи 1975 г. от Ивана Ивановича Чупрова // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 4. С. 54–71. DOI: org/10.26158/TK.2020.21.4.005.

Бильчук и др. — *Бильчук А. А., Власов А. Н., Захаров А. Н., Мехреньгина З. Н.* Памятники русского песенного эпоса в фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета // Русский фольклор. СПб.: Наука, 1995. Вып. 28. С. 258–290.

БП — Былины: В 25 т. СПб.; М.: Наука; Изд. центр «Классика», 2001. Т. 1–2: Былины Печоры. 776 с. + 784 с. (Свод русского фольклора).

Канева 2023 — *Канева Т. С.* Усть-цилемские сказки об Илье Муромце в исполнении М. А. Семеновой на фоне местной традиции // Словесность и история. 2023. № 3. С. 183–207. DOI: 10.31860/2712-7591-2023-3-193-207.

Канева 2025 — *Канева Т. С.* Прозаические нарративы об Илье Муромце в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина // Русский

[30] На Печоре было записано восемь вариантов былины «Добрыня Никитич и Маринка» [БП, № 23–30].

фольклор. СПб.: Наука, 2025. Т. 40: Материалы и исследования. С. 160–186. DOI: 10.31860/0136-7447-2025-40-160-186.

РНБЛ — Русская народно-бытовая лирика: Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 598 с.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. Т. 1. 553 с.

References

Angelovskaya, L. V. (2013) 'Novye zapisi ust'-tsilemskikh bylin v Fol'klornom arkhive Syktyvkarskogo universiteta' ['New Recordings of Ust-Tsilem Epic Poems in the Folklore Archive of Syktyvkar University'], in: *Narodnaia kul'tura v slove i tekste: Sbornik issledovanii i materialov pamiati Valentiny Viktorovny Filippovoi* [*Folk Culture in Word and Text: A Collection of Research and Materials in Memory of Valentina Viktorovna Filippova*]. Syktyvkar: Izdatel'stvo Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 228–239. (In Russ.)

Angelovskaya, L. V., Kaneva, T. S. (2018). 'Pizhemskaia epicheskaia pesnia o Butmane: novye zapisi' ['The Pizhm Epic Song About Butman: New Recordings'], in: M. N. Vlasova, T. S. Kaneva, eds. *Sovremennye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoi narodnoi kul'tury: K iubileiu Iuriia Aleksandrovicha Novikova (Iz istorii russkoi fol'kloristiki)* [*Modern Methods and Approaches in the Study of Traditional Folk Culture: On the Anniversary of Yuri Aleksandrovich Novikov (From the History of Russian Folkloristics)*]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. Iss. 10, 126–153. (In Russ.)

Angelovskaya, L. V., Kaneva, T. S. (2020). 'Novye istochniki izucheniia ust'-tsilemskikh bylin: zapisi 1975 g. ot Ivana Ivanovicha Chuprova' ['A New Source for the Study of Ust-Tsilma Bylinas (Russian Heroic Epics): The 1975 Recording of Ivan Ivanovich Chuprov'], *Traditional culture*, 21 (4), 54–71. (In Russ.)

Bil'chuk, A. A., Vlasov, A. N., Zakharov, A. N., Mekhren'gina, Z. N. (1995). 'Pamiatniki russkogo pesennogo eposa v fol'klornom arkhive Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta' ['Monuments of the Russian Song Epic in the Folklore Archive of Syktyvkar State University'], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 28, 258–290. (In Russ.)

Ivashko, L. A., ed. (2003). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory: V 2 t.* [*Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora. In 2 vols.*]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1, 553 p. (In Russ.)

Kaneva, T. S. (2023). 'The Ust-Tsilma Folk Tales About Ilia Muromets Performed by Marfa Alekseevna Semenova as a Part of the Local Tradition', *Slovesnost' i istoriia* [*Texts and History*], 3, 183–207. (In Russ.)

Kaneva, T. S. (2025). 'Prozaicheskie narrativy ob Il'e Muromtse v Ust'-Tsilemskom sobranii Fol'klornogo arkhiva SGU im. Pitirima Sorokina' ['Prose Narratives about Ilya Muromets in the Ust'-Tsilma Collection of the Folklore Archive of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University'], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 40, 160–186. (In Russ.)

Приложение

В Приложении публикуются расшифровки аудиозаписей исследуемой в статье былины из Усть-Цилемского собрания Фольклорного архива им. А. Н. Власова Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (ФА СГУ), сделанные в с. Уег Усть-Цилемского района Республики Коми от Агафьи Ивановны Дуркиной, 1915 г. р. (собиратели и годы записи приведены в примечаниях).

Тексты располагаются в хронологическом порядке (в соответствии с фиксацией).

Знаком Z в текстах показаны технические паузы во время аудиозаписи (включение / выключение магнитофона); в квадратные скобки курсивом заключены вопросы собирателей, прямым шрифтом — восполнения упущенных при выключении магнитофона слов, предложенных автором публикации; в угловых скобках показаны неразборчивые слова и пропуски незначительных фрагментов. Остановки исполнительницы во время воспроизведения сюжета (сомнения, повторы) показаны курсивом в круглых скобках; часть таких фрагментов перенесена в примечания, чтобы не сбивать порядка стихов. В совокупности с репликами собирателей эти отступления передают практически весь объем записанного материала, относящегося к былине, и отражают процесс вспоминания былины.

Расшифровки выполнены и подготовлены к публикации автором настоящей статьи.

Текст № 1

[Как у солнышка] у батюшка
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.
Все на пиру да напивалисе,
Все на чесно́м да наедалисе,
Один прекрасен был Васенька, ⟨нрзб⟩ Васенька Окулович,
Повеся́ сидел да буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Подходил ему солнышко-батюшка,
Говорил ему таковы слова:[1]
— Что же ты сидишь запечалился,
Запечалился-закручинился?
Чары те вина не подаваны?
Ле столы тебе были не наставлены?
Чары вина тебе не на́литы? Z
— [Солныш]ко-батюшко, Владимер-князь,
И столы-ти были наставлены,

⟨Видно⟩, скатерти были настелены,
Чары вина были налиты,
(*У мня*) У мня нету только... (*Тут у меня уж не хватает...*) Z
⟨Сходил бы я⟩ в чистó полё,
По... пострелял бы я птицу-пташицу...[2] Z
...Калену стрелу.
Пошёл добрый молодец прогулятися,
Птицу-пташицу постреляти.
И подошёл к этому ко дворчу и там снаряжал он свою калену стрелу,
ту́гой лук[3]. Z
Стал он тут опять выстреливать,
И залетела егова пуля в высок терём...

Текст № 1. ФА СГУ. АФ 0331-24. Записано З. Н. Мехреньгиной в июле 1987 г. Смешанное исполнение: пересказ, стихи 15–19 — попытка напеть фрагмент.

[1] Далее — сбивчивая попытка вспомнить обращение князя к герою: «„Что ты..." Солнышко-батюшко... (*Как вот?.. не Владимир ведь?..* ⟨*нрзб*⟩ *Нет. Солнышко-то князь ли был?*)... таковы слова».

[2] Далее исполнительница сообщила: *«Бабка-то покойна всё пела, дак я вот у ей...»*

[3] Далее: *«Как ле вот тут... Не помню»*.

Текст № 2

У солнышка-батюшка
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Все на пиру напивались,
Все на честнóм да наедались,
Один прекрасен Васенька Окулович
Повеся́ сидел да буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Тут пришёл ему солнышко-батюшко, спрашиват:
— Что... (*Нет.*) Прекрасен Васенька Окулович,
Почему сидишь ты невесёлой?
Повеся́ сидишь да буйну голову,
Потупя́ дёржишь да очи ясные?
Прекрасен Васенька Окулович:[4]
— Столы мне были наставлены,
И скатерти были настелены,
Чара вина мне пода́вана,
А не хватат у мня одно —
Не хватат у мня туга́ лу́ка,
Не хватат у мня калено́й стрелы.
Пошёл бы я во зе́леный сад
А пострелять да птичу-пташичу.
Этот... прекрасен Васенька Окулович...
Дал ему ту́гой лук, калену́ стрелу,
Пошёл он стрелять да птичу-пташичу.

Подошёл...
(*Как тут?.. Вот я и запуталась. Не знаю больше тут...* ⟨...⟩ *Дак не помню, тут чё и...*).

Текст № 2. ФА СГУ. АФ 0399-1. Записано А. М. Келаревым и Л. Бухаревой в июле 1989 г. Пересказ.
[4] Далее: *«Нет, тут еще:* Солнышко-батюшко... *Тут опеть запутала...»*

Текст № 3

У солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Все ле на пиру да напивались,
Все на честнóм да наедались,
Один прекрасен Васенька
Повеся́ сидел да буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Подходит ему солнышко-батюшка,
Спрашиват у ево:
— Почему же ты такой сидишь хмурой?
Столы тебе были не наставлены?
Скатерти тебе были не настелены?
Чара вина тебе не налита?
— А столы мне-ка были наставлены,
Скатерти настелены,
Чары вина были пода́ваны,
Только не хватат у меня туга́ лука.
Спрашиват солнышко-батюшко:
— Куда ты с тугим луком, с калено́й стрелой?
— Пошёл бы я в сад прогуляться,
Птичу-пташичу постреляти.
Дал он ему эту — ту́гой лук, калену́ стрелу, пошёл он...
(*Вот тут я и запуталась, ничё не помню больше. Никак не мо́гу вспомнить-то. Тут опять была сказка ле, при́сказка ле, ста́рина ле про этого, про царя Соло́маня*).

Текст № 3. ФА СГУ. АФ 0399-2. См. текст № 2. Пересказ.
После данного текста на записи звучит сказка про царя Соломаня.

Текст № 4

Как у солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Уж и все на пиру да напивалисе,
Уж как все на чесно́м да наедалисе...
(*Вот дух* ⟨*захватывает*⟩).
[А. К.: — *Не спеша, как есть дух, скоко есть, потихоньку.*]

(*Да, бат*[5]*, и забыла уж*).

Как один-то... (*Солнышко-батюшко-то тут, нет?..*).

[А. К.: — *Ну еще раз с начала, еще раз с начала.*
Л. Б.: — *Там столы были накрыты...*
А. К.: — *С начала еще раз.*]

Текст № 4. ФА СГУ. АФ 0399-5. См. текст № 2. Попытка напеть былину.

[5] Бат — вводное слово, указывает на возможность ('может', 'возможно') или вероятность действия ('наверное', 'по-видимому'), а также связывается со значением 'значит', 'стало быть' [СРГНП, с. 22–23].

Текст № 5

Как у солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Уж и все на пиру да напивалисе,
Уж как все на чеснóм да наедалисе.
Как один-то... (*⟨нрзб⟩ Я уж забыла, кого уж и пела. Вот тебе и всё...*)
Как один-то прекрасен Васенька...
(*Вот тут ничё не стало, всё потеряла уж... Я ведь вам говорила, бажоны*[6] *мои...*).

Текст № 5. ФА СГУ. АФ 0399-6. См. текст № 2. Повторная попытка напеть былину, следует непосредственно после текста № 4.

[6] Дорогие, любимые [СРГНП, с. 15]; в данном контексте — обращение к собирателям.

Текст № 6

...во городе во Киеве
Заводилосе пирóванье-столóванье.
Все ли на пиру да напивалисе,
Все на честнóм да наедались.
Один-то прекрасен Васенька... (*Нет...*)
Повеся́ сидел да буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Подходил ему солнышко-батюшко,
Стал его выспрашивать:
— А почему же ты... (*Вот, тут так и забываюсь...*) Z
...Васенька Окулович,
Потупя́ де... пок... держи́шь да буйну... Повеся́ сидишь да буйну голову,
Потупя́ держишь да очи ясные?
Столы ли те были не наставлены?
Скатерти тебе ли не настелены?
Чара вина ли те не по́дана?
Прекрасен... (*Этот... Вот ведь — уж того и забыла...*)
— Солнышко-батюшко, Владимир-князь,

Столы мне-ка были наставлены,
Скатерти были мне настелены,
Чары вина были поданы,
Не хватат мне одно только —
Нету у мня да туга́ лу́ка,
Нету у меня да этой — калено́й стрелы.
А царь Со... царь Соломань[7] [спрашивает]: Z
— [Зачем] тебе да ту́гой лук?
Зачем тебе да калену́ стрелу?
— А хотел бы я сходить во зелен сад,
А пострелять да птицу-пташицу.
Розрешил ему солнышко-батюшко
Ту́гой лук да калену стрелу,
Пошёл он...[8] Z ...[в] зелен сад с калено́й стрелой...[9]
Подходил он... (*Нет, сказать не могу ничё...*) ...вот к терему какому ле и... Z ...[выстрелил] в окно, и залетела его пуля-то татарину в черны́ груди, разбила-размешала кровь со печенью.

Текст № 6. ФА СГУ. АФ 03105-1. Записано З. Н. Мехреньгиной и А. А. Бильчуком 24 января 1990 г. Пересказ.

[7] Исполнительница спутала царя Соломана и князя Владимира, отметив: *«Опять забылась уж я тут... Долго, много ли я вам тут посказываю?..»*

[8] Далее следует: *«Наверно, всё спутаю ведь я... Ой, Господи!.. Вот надейся на себя... У меня голова-то стала вертеться уж, не по́-людски... Ой...»*

[9] Далее следует: *«Ничё не выйдет, надо быть... Z ...Не птицу-пташицу пошёл стрелять-то, останови пока»*.

Текст № 7

Во стольном во городи во Киеви
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.
А все и на пиру да напивалисе... (*Ой, схватыват у меня...*)

Текст № 7. ФА СГУ. АФ 03105-2. См. текст № 6. Попытка исполнить зачин с напевом; на аудиозаписи следует непосредственно после текста № 6.

Текст № 8

У солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.
Все на пиру да напивались,
Все на честно́м да наедались,
Один...[10] Один Никитич Добрынюшка
Повеся́ сидел дак буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Подходил ему да солнышко-батюшко,
Спрашивал его, выведывал: (*Как?.. Вот...*)

— Шо ты сидишь запечалилсе?
Чё сидишь да закручинилсе?
Столы тебе ли не наставлены?
Скатерти тебе ли не настелены?
Чара вина ли не пода́вана?
Он тут:
— Столы мне были наставлены,
Скатерти были настелены,
Чара вина была нали́вана. (*Вот тут опять, опять тут завертушка…*) Z
Нет, говорит, у меня туга́ лу́ка,
Нет у меня да этой, калено́й стрелы.
Солнышко-батюшко говорит:
— Ну давай, я уж тебе дам.

Вот, взял он этот ту́гой лук, калену́ стрелу и понёс, пошёл он… (*Ак вот в том, в этой ведь, наверно…* ⟨…⟩) Стрелял-то он там в окно-то. (*Как тут?.. Вот всё…*).

Текст № 8. ФА СГУ. АФ 03105-20. См. текст № 6. Пересказ.

[10] Далее следует: *«Вот этого… Как я те давече его назвала?* [З. М.: — *Добрынюшка Никитич, да?*] — *Да, тот, наверно»*.

Текст № 9

Как у солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.
Уж и все же на пиру да напивалисе,
Уж как все же на честно́м да наедалисе.
Как один-от Никитич-от Добрынюшка… (*Вот опеть, вы́тыкало*[11] *всё горло…*)

Текст № 9. ФА СГУ. АФ 03105-21. См. текст № 6. Повторная попытка исполнить зачин былины с напевом (см. текст № 7); на аудиозаписи следует непосредственно после текста № 8.

[11] Искололо [СРГНП, с. 126].

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 177–194
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-177-194
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 177–194
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. В. Никитина

Alla V. Nikitina

«ХОРОШАЯ СТАРИНКА» МАТРЕНЫ МЕНЬШИКОВОЙ

"A FINE BYLINA" BY MATRENA MENSCHIKOVA

Резюме. В статье рассматривается судьба сербской народной баллады «Йово и Мара», странным образом прижившейся в северо-восточном регионе Русского Севера. Она вполне отчетливо отражает трансформации, происходившие в эпической традиции региона на протяжении почти полутора веков — от времени поездки А. Ф. Гильфердинга по начало XXI в. включительно. Есть основание предположить, что благодаря этим изменениям севернорусская версия «Йово и Мары» и получила долгую жизнь. Подтверждение дают немногочисленные зафиксированные собирателями случаи вариантов ее исполнения. Внимание в них привлекает не только сам характер изменений, „переживаемых" этим произведением (смена жанровой формы, переадресация исполнения и перемена смысловых акцентов и др.), но и его восприятие исполнителями и отношение к нему собирателей и исследователей. Рассматриваемый материал потребовал обращения к первой фиксации — записи А. Ф. Гильфердинга «старины» о Йово и Маре от Матрены Меньшиковой 1871 г., а также постановки вопроса о соотнесенности записанного от нее фрагмента с известным переводом Н. Ф. Щербины; заставил коснуться нерешенной проблемы аутентичного источника этого перевода.
Ключевые слова: былина, баллада, сказка, Кенозеро, А. Ф. Гильфердинг, женский эпический репертуар, Ю. И. Смирнов, В. С. Караджич, Н. Ф. Щербина.
Информация об авторе: Алла Владимировна Никитина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, centsouffle@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0008-1331-059X.
Для цитирования: *Никитина А. В.* «Хорошая старинка» Матрены Меньшиковой // Словесность и история. 2026. № 3. С. 177–194.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-177-194.

Abstract. The article addresses the fate of the Serbian folk ballad *Jovo and Mara*, which has curiously imbedded itself in the northeastern region of the Russian North. The fate of this ballade clearly reflects the changes that the region's epic tradition has undergone for nearly a century and a half — from A. F. Gilferding's trip there to the beginning of the 21st century. Evidence found in the scarce records of folklorists regarding variations in the performance of the ballad shows that on account of these changes, the Northern Russian version of *Jovo and Mara* has been able to persist for so long. These records are notable for the nature of the changes that the ballad has undergone (changes in its genre form, shifts to different types of performers, alterations in semantic stresses, etc.). They also reveal how the ballad has been perceived by its performers and the attitudes of folklore collectors and researchers toward it. An analysis of the material required recourse to the first fixation of the ballad, i. e., A. F. Gilferding's 1871 record of the *starina* (bylina) about Jovo and Mara, performed by Matrena Menshikova. The article reevaluates the correspondence between the recorded fragment and the notorious translation by N. F. Shcherbina and thus addresses the issue that the authentic source of this translation remains unresolved.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Keywords: epic song, ballad, folk tale, Keno Lake, A. F. Gilferding, women's epic repertoire, Yu. I. Smirnov, V. S. Karadzhich, N. F. Shcherbina.
Information about the author: Alla V. Nikitina, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, centsouffle@gmail.com; ORCID: http://orcid.org/0009-0008-1331-059X.
Received: November 10, 2025. ***Approved***: July 24, 2026.
For citation: Nikitina, A. V. (2026). '"A Fine Bylina" by Matrena Menshikova', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 177–194.

В «Неизданных материалах экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых („По следам Рыбникова и Гильфердинга“)» приведено начало песни, озаглавленной «Ёва да Мара», записанное в 1927 г. в кенозерской д. Вершинино от Матрены Александровны Лоскутовой:

Девушка Мара и Ёво, дите дорогое,
Одной водой умывались,
Одним полотенцем утирались.
Да один сон видали...
[Соколовы, т. 2, с. 204, № 146][1].

В комментарии указано, что «песня полностью не была записана» и что «текст в полном виде скорее принадлежит эпической поэзии, но в районе Кенозера исполнялся как семейная песня» [Соколовы, т. 2, с. 438]. Это объясняет помещение фрагмента в раздел «Песни любовные и семейные», но неясно, на чем основано утверждение, что «Йово и Мара», баллада по сути, исполнялась на Кенозере как «семейная песня». Подтверждений этому в опубликованных экспедиционных материалах нет; фрагмент мал, четкого понимания формы не дает, разница же между семейной песней (лирика) и семейной балладой (форма лироэпическая) есть. Внимание в связи с этим привлекает пояснение, данное к песне самой М. Лоскутовой: «Да видь она сказка-бывальщина. Да видь она поется. Какая-то стара бабушка пела — Меньшикова Матрена Григорьевна» [Соколовы, т. 2, с. 438][2].

В трех неполных фразах певице удалось обозначить суть изменений, происшедших в местной эпической традиции с момента фиксации А. Ф. Гильфердингом меньшиковской «Йово и Мары»: усиление женской составляющей в исполнении эпоса с ощутимой соответствующей коррекцией репертуара, редукция былинного эпоса, переход к формам лироэпическим (баллада, прежде всего) и прозаическим (пересказ и сказка).

[1] Запись сделана 8 июля Ю. М. Соколовым и С. П. Бородиным; фрагмент взят из полевой тетради С. П. Бородина (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 7. Тетр. 2. Л. 167–168).

[2] *Сказка, бывальщина, песня* — жанры разные, и такой гибрид, как поющаяся сказка, она же бывальщина, невозможен. *Бывальщина* здесь, скорее всего, в значении некогда бывшего случая; М. Лоскутова не нашла подходящего обозначения тому, что не являлось былиной, но понималось как быль и сказывалось (пелось).

Кенозерский прецедент

О записи в 1871 г. «Йово и Мары» от М. Г. Меньшиковой А. Ф. Гильфердинг рассказывает в своей обстоятельной статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», предваряющей публикуемые материалы «Онежских былин»[3]. Он приводит там фрагмент записанного текста, сопоставляя его с аналогичным фрагментом предполагаемого источника — «сербской песни» в переводе Н. Щербины. Примечательно, что среди представленных в «Онежских былинах» текстов «Йово и Мары» нет — ни этой, ни какой-либо другой записи[4]; лишь в информативной справке о М. Г. Меньшиковой есть замечание об исполнении ею этой старины[5] [Онежские былины, стб. 1233 (раздел LV)]. То есть «старинка» была записана (скорее всего, полностью), удостоена отнюдь не мимолетного упоминания во вводной статье, но в публикуемый эпический материал включена не была.

Вероятно, решение не публиковать меньшиковскую запись было принято самим А. Ф. Гильфердингом; Ю. А. Новиков и Ю. И. Смирнов, упоминая эту историю в заметке об экспедициях МГУ конца 1950-х гг., объясняли отстранение «старинки» отношением к ней А. Ф. Гильфердинга как к «курьезу» [Новиков Смирнов, с. 167]. Однако контекст его воспоминания о записи «Йово и Мары» от М. Меньшиковой, то, ради чего оно приводится, свидетельствует скорее о другом.

В этой части статьи А. Ф. Гильфердинг характеризует состояние эпической традиции региона: говорит о распространенности эпоса, о передаче сказительского мастерства и социальном статусе «рапсодов», касается мужского и женского репертуара, стиховых размеров и др., выстраивая цепочку взаимосвязанных проблем. Свои наблюдения и выводы он подкрепляет фактами: в частности, рассказывает, как записывал былины в исполнении «г-жи Георгиевской»[6], отмечая обстоятельства ее личного опыта в перенятии

---

[3] Статья была опубликована автором в 1872 г. в «Вестнике Европы» и включена (перепечатка) в издание «Онежских былин» 1873 г. редакторами, завершавшими его подготовку уже без А. Ф. Гильфердинга — в память об исследователе, как признание его заслуг, см.: [Онежские былины, с. IV]. Запись от М. Меньшиковой сделана 16 августа 1871 г. в кенозерской д. Немята (Немятова) [Гильфердинг, л. XIX].

[4] Записи нет и в полевых материалах А. Ф. Гильфердинга (НИОР БАН. 17.10.18. фол. 2).

[5] *Старина* — то же что *былина*; А. Ф. Гильфердинг использует оба термина без разграничения; но термин *старина* в то время распространялся и на баллады, «низшие эпические песни», по определению А. И. Соболевского («Великорусские народные песни», 1895).

[6] Справку об Авдотье Васильевне Георгиевской и ее репертуаре, ранее, по ее словам, более обширном, см.: [Онежские былины, стб. 1226–1227 (раздел LIV)]; две из трех записанных от нее былин попадают под определение «бабьи старины», что отображает произошедшие изменения и в сказительском составе региона, и в репертуаре.

сказительского мастерства (дочь иерея «от скуки» учила старины «с голоса» от старика-крестьянина, обшивавшего зимами ее семейство). Затем он приводит другой факт, не менее «замечательный», — воспоминание о записи былин от М. Меньшиковой[7].

Но начинает собиратель вовсе не с «Йово и Мары», он отмечает весомость меньшиковского сказительского «багажа»: «Я ⟨...⟩ записал былины про Илью Муромца, как он пришел в Киев каликою и стал поить „голей кабацкиих“, записал вариант редкой и единственно на Кенозеро слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича...»; только после этого он указывает, что Меньшикова «вдруг» сообщила, что «знает еще хорошую старинку, ⟨и⟩ запела:

Были юные Ово и девушка Мара,
Двое с трех лет выростали,
Одною водицей умывались... и т. д.,

словом, пропела с начала до конца всю предлинную сербскую песню про Иову и Мару в переводе Щербины» [Гильфердинг, л. XIX].

Судя по заданным Матрене Григорьевне вопросам и последовавшему комментарию, А. Ф. Гильфердинг отнесся к исполнению неожиданной «старинки» серьезно, посчитав фактом не только «замечательным», но и «знаменательным», демонстрирующим и феномен сказительской памяти — чужая «предлинная песня», «имеющая чуждый русскому уху склад стиха», «пересыпанная непонятными словами», была воспринята «на слух» и воспроизведена «безграмотною кенозерскою крестьянкою», — и живое владение традицией сказывания: «она в состоянии была пропеть всю сербскую поэму так же плавно и без запинки, как какую-нибудь родную былину. Она применила сербский стих к нашему эпическому складу...» [Гильфердинг, л. XIX].

Отношение М. Меньшиковой к своей «старинке» («хорошая») и объяснение, что «научилась» ей от старших («от стариков наших слыхала, отец и другие старики певали»), скорее всего, действительно свидетельствуют о том, что она «уже не отличала» освоенного заимствования от былин родной традиции. Если только не усматривать в этом желание подтвердить, что ее «старинка» — настоящая: так, дескать, пели и прежде.

Комментирование А. Ф. Гильфердинг завершает вопросом-утверждением: «Не показывают ли эти факты, что там, на Кенозере, воздух, так сказать, еще пропитан духом эпической поэзии, что эта поэзия там не только не вымирает, а даже еще ищет себе новых предметов?» [Гильфердинг, л. XIX–XX].

[7] А. Ф. Гильфердинг указывает, что А. Георгиевская с М. Меньшиковой были ровесницами и приятельствовали, но репертуар их разнится. Записи от обеих датированы одним днем (16 августа), однако проводились по отдельности, и М. Меньшикова явно пела после своей подруги, так как нет даже упоминания о знании А. Георгиевской «Йово и Мары».

Едва ли можно согласиться с тем, что меньшиковское исполнение «Йово и Мары» было воспринято А. Ф. Гильфердингом как «курьез». То, что «старинка» не вошла в публикацию «Онежских былин», объясняется строгостью отбора материалов: текст чужой, хоть и распет как свой, а случай единичный. Но по сей день непроясненными в этой истории остаются щербининский перевод и вопрос об аутентичном источнике «Йово и Мары».

Проблема источника

Объяснение М. Меньшиковой, что она «слышала» (= переняла) «старинку» «от стариков», ввести А. Ф. Гильфердинга в заблуждение не могло; перевод Н. Щербины как источник «старинки» он, судя по всему, определил еще в процессе записи[8]. И его предположение, что кто-то из знавших грамоту близких, скорее всего сын[9], прочитал неграмотной Матрене Григорьевне щербининский перевод «Йово и Мары» и тот пришелся ей по душе и вдохновил на распев[10], представляется убедительным.

Не с целью подтвердить, что «старинка» идет от щербининского перевода, а в подтверждение живого состояния местной эпической традиции А. Ф. Гильфердинг приводит «для сличения» начальные фрагменты «сербской народной поэмы»[11] — «в устах Матрены Меньшиковой» («как ее усвоила себе кенозерская крестьянка») и «печатный текст Щербины» [Гильфердинг, л. XIX–XX].

Сопоставление меньшиковской «старинки» (далее — М) и щербининского перевода (далее — Щ) выявляет следующие схождения-расхождения:

---

[8] На тот момент перевод был в активном доступе по региону уже около шести лет: сборник «Пчела» с ним вышел в 1865 г. и был рекомендован Министерством просвещения в качестве обязательного пособия для сельских и воскресных школ («для народного чтения и употребления при народном обучении») [Смирнов 1965, с. 54–55].

[9] Грамотными были и отец М. Меньшиковой (что и как сказывать, она переняла от него), и муж, и сын; но версия с сыном наиболее логична: Меньшиковой на момент записи «около 40», т. е. учеба сына в недавнем прошлом, и их д. Немята расположена невдалеке от Кенозерского погоста, где была единственная на всю округу приходская школа [Смирнов 1965, с. 54–55]. Там, в Кенозерском погосте, А. Ф. Гильфердинг записывал А. Георгиевскую.

[10] Вероятность распева «Йово и Мары» самой М. Меньшиковой высока, во всяком случае, ни от кого из кенозерских сказителей, кроме нее, «старинка» тогда записана не была. Как отметил Ю. И. Смирнов, «к сожалению, А. Ф. Гильфердинг не попытался выяснить подробно историю явно местной обработки перевода баллады, исполненной М. Г. Меньшиковой, и обнаружить других возможных исполнителей ее» [Смирнов 1965, с. 55].

[11] Как «сербскую народную поэму» определяет свой перевод Н. Щербина: «Она названа мною не песней, а поэмой, потому что заключает в себе полный замкнутый круг жизни и все внешние художественные приемы эпической поэмы, встречающиеся только в большом и строго-организованном произведении народного эпоса» [Щербина, с. 15].

— оба фрагмента начальные, прерываются в одной и той же точке сюжета — дана завязка конфликта: юноша и девушка с трех лет любят друг друга; они во всем едины, у них все общее (вода для умывания и полотенце, сны, сила чувств), но он богат и родовит, а она — сирота и бедна; об их любви узнает мать юноши, она требует от сына забыть любимую и прочит ему в невесты другую; объем фрагментов разнится — 38 стихов (М) vs 49 из 358 стихов всего перевода (Щ);

— различия в порядке следования сюжетных элементов, например, сообщение о несоответствии влюбленных по социальному статусу в одном фрагменте идет после описания их совершенств (Щ, ст. 26–28), в другом описанию предшествует (М, ст. 8–10);

— смещение и сжатие стихов у Меньшиковой, например: *Двое милых, любясь выростали*: / *Юный Иово да девушка Мара*, / *С малолетства от третьего года*... (Щ, ст. 1, 2, 3), и: *Были юные Ово и девушка Мара,* / *Двое с трех лет выростали*... (М, ст. 2, 1+3);

— расхождения в организации стиха (прежде всего размер), ср. приведенные выше строки: Щ, 10/10/10 — десятисложник, «обыкновенный эпический размер — хорей с дактилическим окончанием» [Гильфердинг, л. XXXIV] (на л. XXXIII дается сравнение с эпическим размером южных славян)[12]; М, 12/8 (А. Ф. Гильфердинг о распеве Меньшиковой: «она применила сербский стих к нашему эпическому складу, притягивая хореическое окончание, так что оно занимало темп дактиля» [Гильфердинг, л. XIX])[13]. По словам Щербины, его перевод сохранил размер и ритм сербского оригинала, Меньшикова же распела щербининский стих как «родную былину» [Там же]. Так что же сделала Меньшикова: «распела» перевод сербского стиха в родной эпической традиции или «применила сербский стих» к ней?

— описания у Меньшиковой менее развернутые, чем у Щербины, например, описание достоинств Мары занимает 14 стихов (Щ, ст. 16–25) vs 4 стиха (М, ст. 11–14);

— впечатляет памятливость Меньшиковой: почти дословно воспроизводятся многие стихи перевода, ср.: *Любо в очи друг другу глядели,* / *Будто солнце в глубокое море*... (Щ, ст. 8–9) — *Так любо друг другу в очи смотрели* / *И как солнце в глубокое море*... (М, ст. 6–7);

[12] Считается, что с разнообразием «старых стиховых размеров» и нечеткостью их разграничения связано принятое В. Караджичем деление публикуемых песен на «женские» и «мужские», которое он обосновал народным видением: «...все те песни, в каких нет десяти слогов и какие не поют под гусли, простые сербы называют „женскими песнями“» (цит. по: [Смирнов 1987, с. 8]); дополнение и в некотором смысле опровержение см.: [Смирнов 1987, с. 440, коммент.].

[13] О метре и ритме стиха «Йово и Мары» см. работу А. М. Петрова, посвященную русским переводам этой сербской баллады, включая перевод Н. Щербины [Петров 2023].

— у Меньшиковой отсутствуют некоторые стихи Щербины, например: *Их увидишь, — так радостно станет; / Скажешь, это василек со тмином*... (Щ, ст. 4–5); *Пели песню одну вечерами*... (Щ, ст. 10); *Тоньше стана ее не найдется, / Миловидна, что горная вила*... (Щ, ст. 19–20) и др.; вм. *василек*, особенно в сочетании с тмином, „просится“ *босилек* (*серб*. базилик); а *горная вила* — скорее *вила лесная* (*серб*. *гора* — лес; гора — *планина*);

— различия в использовании лексики, например: *майка* (*серб*. мать) воспроизводится Меньшиковой, но отсутствует в соответствующем стихе Щербины (равно как и во всем рассматриваемом фрагменте, однако в полном тексте перевода слово есть): *Донес он Иовановой майки, / Говорит-де Иовану эта майка*... (М, ст. 26–27) и: *Мать Иована те слышала речи; / Злясь на Мару, сказала Иовану*... (Щ, ст. 37–38); а также стилистические расхождения (лексика перевода, стилизованная под фольклорную, vs лексики неграмотной носительницы фольклора, перевод воспроизводящей)[14], например: *промолвить* (Щ) = *говорить* (М); *да* (Щ) = *и* (М); гибка *что* (Щ) = гибка *как* (М) и др.

Поскольку в представленном к «сличению» меньшиковском фрагменте 38 стихов, а полным текстом «старинки» мы не располагаем, судить о степени ее соответствия щербининскому переводу можно, лишь полагаясь на мнение А. Ф. Гильфердинга.

Сравнение фрагментов подтверждает в целом оценку Ю. И. Смирнова, который считал перевод Н. Щербины «пространным», наполненным «литературными реминисценциями, подражающими стилю русского фольклора»; меньшиковский же фрагмент, по его мнению, «выглядит стройнее, в нем удалены многие „лишние“ велеречивые места» [Смирнов 1965, с. 55]. Но, помимо недостатков собственно перевода Н. Щербины, Ю. И. Смирнов указал еще один, весьма существенный, — отсутствие «рукописного списка сербской баллады, с которого сделан перевод» [Смирнов 1965, с. 54–55 (примеч. 6)].

Странности перевода

В примечаниях к переводу Н. Щербина подчеркивает распространенность сербской[15] песни: «...в разных вариантах поется повсеместно, где только

[14] См. в примечаниях Н. Щербины о трудностях перевода: «...нужно было избегать и общеупотребляемого у нас стихотворного языка, и, во многих случаях, простонародного русского языка с его особенностями, чтобы, сохраняя своеобразную простоту подлинника, не свеять характеристических оттенков его в выражении, тоне и содержании, исключительно свойственных известной народной словесности» [Щербина, с. 16].

[15] Или все же боснийской, причем не боснийских сербов-христиан, а принявших ислам? Собрание В. Ст. Караджича названо «Сборник *сербских* народных песен», однако, как сам он указывал, под сербами понимаются «все народы сербскохорватского ареала, различающиеся между

находится сербское народонаселение», — и упоминает четыре ее варианта из «Сербских народных песен» В. Ст. Караджича (№ 342–345) [Караџић, с. 240–259], сообщая, однако, что ни один из них не является источником его перевода. В качестве оригинала он указывает некий пятый вариант (история почти детективная): «В первый раз В. С. Караджич слышал эту песню в Тершине, в Далмации, от турецкого цыгана из Боснии; но, к сожалению, не записал ее со слов цыгана, тем более, что его песня ⟨...⟩ оказалась впоследствии и самой большою, и самой лучшею в эстетическом отношении между многими вариантами этого произведения народной сербской поэзии. Один известный русский славянист, назад тому лет 15, возвратясь из путешествия по славянским землям, привез с собою рукописный список этой песни, превосходящий во всех отношениях упомянутые четыре списка, напечатанные В. С. Караджичем. Можно полагать, что песня, слышанная им от цыгана и почему-то не записанная, записана нашим ученым славянистом, с рукописи которого (до сих пор не напечатанной) и переведена предлагаемая теперь русским читателям сербская народная поэма Йово и Мара, то есть: Иван и Марья» [Щербина, с. 18][16].

По меньшей мере странно: указать сербские варианты, сообщая при этом, что ни один не является источником перевода, и не указать имя «славяниста», записавшего текст-источник, не дать информацию о местонахождении рукописи, с которой делался перевод, — повод усомниться в существовании такого источника.

Сопоставление вариантов из собрания В. Ст. Караджича (№ 342, 343–345) и перевода Н. Щербины дает мало соответствий, но и сами сербские варианты ощутимо разнятся. На это указывал и сам Караджич, он отметил не только обилие существующих сербских вариантов, но и то, что они могли исполняться по-разному, с различными отклонениями от традиционного сюжета (архаичного, международного, «бродячего»), различаться набором основных мотивов и их подачей.

Так, например, сюжетная версия № 342 («Смрт Ивана и Јелине») существенно расходится с традиционной сербской и с переводом Н. Щербины: бра-

собой лишь по вероисповеданию... и по местам расселения» (цит. по: [Смирнов 1987, с. 9]). Йово и Мара — имена, данные героям Н. Щербиной, ни в одном из вариантов этого сюжета у Караджича таких нет, а там, где имена есть, они тюркские — Омер и Мери(й)ма (отдельный случай — Иван и Јелина (№ 342)).

[16] Отметим, что часть истории, касающаяся Караджича, изложена им самим в примечании к № 342 «Смрт Ивана и Јелине». Относительно «известного русского славяниста» есть предположение, что речь идет о И. И. Срезневском [Петров 2023, с. 11]; по сей день рукопись оригинального источника перевода остается необнародованной (видел ли ее еще кто-нибудь, кроме Щербины?), и местонахождение ее неизвестно.

ку влюбленных противится мать Елены, поскольку юноша незнатен и беден → огорченная материнским отказом Елена предлагает Ивану посвататься к ее двоюродной сестре → поначалу он отвергает предложение, но затем отправляет сватов к нелюбимой и получает согласие → узнав об этом, Елена вешается, а Иван с горя умирает на ее могиле → их хоронят рядом, и спустя время на могиле вырастает *бор* (*серб*. сосна), который обвивает «винная лоза».

№ 343 — единственный из рассматриваемых вариантов имеет название «Смрт Омера и Мериме»; он воспринимается как сильное сокращение того, что перевел Н. Щербина (101 стих vs 358 стихов Щ), в нем отсутствуют:

— полюбившийся русским исполнителям фрагмент про одну воду для умывания, одно полотенце для утирания, один и тот же сон (этого фрагмента нет ни в одном из упомянутых Н. Щербиной сербских вариантов);

— подслушанные матерью Омера признания влюбленных, толкающие ее на действия;

— объяснение Омеровой матери Фатиме, отчего сватовство происходит без жениха — из страха перед «горной вилой, ⟨...⟩ что злато с коней выбивает» и может убить Омера;

— материнская угроза проклясть непокорного ее воле сына, который «нейдет» встретить прибывшую невесту — принять с коня «Атлагича Злато»[17];

— прощальный визит Омера с тамбуром (музыкальный инструмент типа мандолины) под окна Меримы;

— выросшие на могиле влюбленных деревья, сплетающие свои ветви, — символ соединения после смерти; и др.

Название вариантов № 344 и № 345 афористическое, что-то вроде «желал одно, получил другое», имена Омер и Мерима — только в тексте. Вариант № 344 короткий и дает частичное соответствие щербининскому переводу: начало сжато в один стих (*Омер љуби Мериму девојку*...), нет фрагмента об общих у влюбленных воде, полотенце, сне; и нет заключительного фрагмента с деревьями, сплетающими ветви над их могилой; есть отклонение — несчастная Фат(им)а здесь не дочь Атлагича, а его сестра.

№ 345 показывает значительное соответствие переводу (даже по объему — 230 стихов); скорее всего, этот вариант и надо считать основой щербининской «сербской народной поэмы». Только в нем есть вошедшие в перевод:

[17] В переводе устойчивое сочетание «Атлагича Злато» едва ли не постоянный эпитет Фатимы (по объяснению Н. Щербины, дочь — самое ценное, что есть у главы именитого рода Атлагичей). По всему тексту перевода *Злато* ставится рядом с *Атлагич* в постпозиции и с прописной (имя собств. — Злат(ан)?). В рассматриваемом варианте Фатима — дочь нового сердара, упоминания рода Атлагичей и ее принадлежности к этому роду нет, возможно, поэтому указанное сочетание там не встречается ни разу.

розы, выпадающие из волос Меримы[18], как предвестье беды; выросшие на могиле влюбленных *бор* (из Омера) и обвивающая его *борика* (из Меримы) как знак их соединения по смерти; растущая по обе стороны их могилы чемерика[19] как символ горя и печали. Но есть здесь и то, чего нет в переводе, — о женитьбе и смерти Омера Мериме сообщает ее младшая сноха: *Ал' говори мила снаа њена: / «Да Бога ти, мила заовице! / Зар ти не знаш за Омера твога? / Омер ти се другом оженио... / ⟨...⟩ Сада мртва Омера ти носе...»* [Караџић, с. 258–259].

В собрании В. Ст. Караджича имеется также «не учтенный» Н. Щербиной вариант «Смрт драге и драгога» («смерть влюбленных») [Караџић, с. 239 (№ 341)]. Эта версия воспринимается как усечение традиционной сербской версии: все сконцентрировано на невозможности разлучаемых жить друг без друга — они договариваются о смерти (сегодня ты умри, завтра — я) и умирают, как договорились; их хоронят вместе, и спустя время на могиле поднимается *бор* (сосна), который обвивает *ружица* (роза). Но именно в этом варианте, единственном из всех, есть фрагмент, который вошел в перевод Н. Щербины (*Два се драга врло миловала, / На једној се води умивала, / О један се пешкир отирала...* — одна вода, одно полотенце...) и стал одним из основных маркеров русских вариантов «Йово и Мары».

Здесь впору задаться вопросами: какой из отмеченных вариантов мог бы быть определен как сербская национальная версия? Какие параметры были бы в этом случае определяющими? И может ли перевод Н. Щербины считаться переводом той самой сербской национальной версии?

Русские варианты

«Тем удивительнее, — справедливо указал Ю. И. Смирнов, — может показаться факт фольклорного распространения сербской национальной версии этого сюжета в переводе Щербины на Русском Севере» [Смирнов 1965, с. 54–55]. Уточним, что под Русским Севером имеется в виду довольно ограниченный регион: Кенозеро, Водлозеро (Пудога), Пинега, Карельский и Терский берега Белого моря. Обнаруженные варианты «Йово и Мары» определяются как точечные, что не позволяет предполагать распространение

[18] У балканских народов, как и у греков, розами было принято украшать волосы невесты; при этом розы были также знаком траура, ими убирали тела умерших и гробницы.

[19] Внятного объяснения, что за растение *чемерика / чемерица*, Н. Щербина не дает; но, по-видимому, название происходит от греч. *чемерис*, т. е. кипарис, который считался символом скорби и траура (миф о превращении в кипарис горюющего юноши изложен Овидием в «Метаморфозах»). Греки в знак печали традиционно сажали у могил кипарисы.

«сербской народной поэмы» по региону из некоего единого центра[20]; и фактически все обнаружения являются случайными, так как целенаправленных поисков не велось.

При этом есть все основания видеть в перипетиях судьбы «Йово и Мары» в рассматриваемом регионе (начиная с интереса исполнителей эпоса к переводной сербской песне и заканчивая трансформацией форм ее бытования) отражение пережитых эпической традицией Русского Севера изменений[21], которые выявляли и исследовали Ю. М. и Б. М. Соколовы, В. Н. Чичеров, А. М. Астахова, Ю. И. Смирнов, Ю. А. Новиков и др.

Все известные варианты имеют книжную основу[22], их принято считать идущими от перевода Н. Щербины — текста в стиховом оформлении, прошедшего основательную литературную обработку, напечатанного и предназначенного для чтения. Возможно, есть причина пересмотреть значение меньшиковской «старинки», так как это не только первая фиксация, с которой начинается история севернорусских вариаций «Йово и Мары», это первый распетый вариант. То, что было проделано М. Меньшиковой, сродни распространенному в народной среде приему перенятия «с голоса»: услышал, усвоил, воспроизвел. Только воспринятый сказительницей на слух текст был не пропет, а прочитан, она адаптировала стих к сказыванию, распела в местной эпической традиции, как «какую-нибудь родную былину».

«Йово и Мара» — баллада, главное в этой специфической повествовательной форме — трагическая коллизия, и доступный к анализу фрагмент «старинки» это подтверждает. В нем есть то, что захватило М. Меньшикову в истории Йово и Мары, — сила их любви, фатальная предназначенность друг другу[23], эмоциональный всплеск; а также жесткость традиционных семейно-родовых отношений с правом родителей решать судьбы детей.

---

[20] Известно предположение А. В. Маркова, считавшего, что подобным центром мог быть Сумский Посад [Смирнов 1965, с. 56].

[21] Данные по необратимым процессам в эпической традиции Русского Севера в XIX–XX вв. см.: [Смирнов 1974, с. 78–81].

[22] Обращение к книжному тексту как источнику Ю. И. Смирнов объяснял эффектом компенсации — восполнение лакун в отмирающем эпосе за счет заимствования сюжетов преданий и сказок, своих и чужих, в том числе переработанных лубочных, книжных [Смирнов 1965, с. 58].

[23] Из сохраненных переводом маркеров предназначенности влюбленных друг другу и невозможности их разделения ни в жизни, ни в смерти, во фрагменте М. Меньшиковой есть лишь три — вода, полотно, сон (*Одною водицей умывались*, / *Однем полотном утирались*, / *Один же сон ночью видали*...). Их происхождение архаичное, в разных традициях все три могут, например, проявляться на разных стадиях обрядов перехода и в связанных с ними верованиях. Русской предсвадебной, свадебной и постсвадебной обрядности известны: сон на жениха / невесту (гадание); сон невесты

Однако то, что позволило проводить параллели с «Василием и Софьей», «русской национальной версией» «Йово и Мары»[24] [Смирнов 1965, с. 54], — апофеоз любви, побеждающей смерть **(***Их в могиле одной схоронили… Из Йована вырос бор зеленый, / А борика*[25] *выросла из Мары, / И по бору вилась та борика…* (Щ, ст. 339, 350–352)**)**, — к сожалению, осталось за пределами меньшиковского фрагмента. Равно как и эпизод прощального поцелуя (Мара целует умершего Йово и падает на землю бездыханной), благодаря которому сюжет вошел в СУС как –365 С* ‘Поцелуй возлюбленной (Омер и Мерима)’. В меньшиковском фрагменте этих эпизодов нет, но, если верить Гильфердингу, в полном тексте «старинки» они были, и они есть в щербининском переводе и в записанных полных прозаических вариантах «Йово и Мары» позднего времени.

Со времени «после Гильфердинга» до начала XXI в. варианты «Йово и Мары» находили и фиксировали как в форме стиховой (песенной), так и в форме прозаической или совмещающей стих и прозу — в виде сказки или пересказа. В каждой из фиксаций значение имеют место и время, а также пол и возраст исполнителей, но особого внимания заслуживают форма исполнения, от кого и как был перенят текст и отношение к нему исполнителя. Информация о фиксациях в хронологическом порядке может быть представлена следующим образом.

- Почти через 40 лет после А. Ф. Гильфердинга бытование «Йово и Мары» в Сумском Посаде (Карельский берег) и в Поное (Терский берег) отмечает А. В. Марков: «…я напал на следы любопытного факта, отмеченного Гильфердингом… В Сумском Посаде лет 35–40 тому назад (т. е. примерно

на ожидающую ее в замужестве жизнь; вливание новобрачной «своей» воды в общий умывальник, чтобы быстрее стать своей в семье мужа; представление, что если муж и жена утираются одним полотенцем, то быть им вместе и после смерти.

[24] Примечательно мнение Ю. И. Смирнова: «Что же касается Кенозера, где баллада „Василий и Софья“ очень популярна, то там „Йова и Мара“ не смогла прижиться» [Смирнов 1965, с. 58]. Однако первая запись «Йово и Мары», меньшиковская, была сделана на Кенозере; и поздние фиксации вариаций сюжета сербской баллады, полных (проза) и в виде фрагментов (стих), подтверждают ее бытование на Кенозере. А что касается «русской национальной версии», можно возразить, что при формальной соотнесенности «Василия и Софьи» с сюжетом о гибели влюбленных по вине родичей, она ближе к другой сербской балладе — «Мать-отравительница» [Караџић, № 417].

[25] Перевод точен (см. № 345), но здесь пример переосмысления символики: он (*бор* = сосна м. р.) и она (*борика* = сосна ж. р.) вместе и после смерти: поднимаются из одного корня или соединяются вершинами (вар. — борика (лоза, роза и т. д.) обвивается вокруг бора, словно обнимает любимого). Но *борика* — не сосна, это *омела белая*; в большинстве европейских традиций есть поверье: поцелуй под омелой обещает скорый брак.

в 1870-х гг. — *Ю. С.*) дети распевали эту былину по книге «Пчела»; что же касается напева, то он кем-то был придуман и передавался от одних детей к другим. В 1903 г. я слышал эту старинку на Терском берегу, в с. Поное» (цит. по: [Смирнов 1965, с. 55–56]). Слышал, но не записал.

• В 1927 г. (7–8 июля) в д. Вершинино (Кенозеро) Ю. М. Соколовым и С. П. Бородиным от М. А. Лоскутовой (59 лет) был записан фрагмент — четыре начальные строки «песни» про Йово и Мару. Поскольку и собирателями, и исполнительницей четверостишие определяется как начало *песни*, можно предположить, что фрагмент был пропет. При этом, если обратить внимание на репертуар М. А. Лоскутовой, фиксаций песен от нее нет, были записаны: 1) *духовные стихи* «Голубиная книга», «Егорий Храброй», «Егорий и Олисафия» и «Олексей человек Божий» [Соколовы, т. 1, с. 51 (№ 16), с. 79 (№ 29), с. 102 (№ 39), с. 162 (№ 65)]; 2) *баллады* «Братья-разбойники и сестра» (контаминация с сюжетом о татарском полоне), «У Дунюшки было у голубушки» (аналог «Князь Роман жену кончал»), «Василей и Софья» (прионежский вариант), «Михайла и рябинка» (запись продублирована) [Соколовы, т. 1, с. 297 (№ 179), с. 317 (№ 196), с. 339 (№ 219), с. 357 (№ 238 и 263)].

• Два свидетельства о бытовании разных, но взаимосвязанных форм «Йово и Мары» на Пинеге и на Терском берегу приводит в своем сборнике «Пятиречие» (изд. 1931 г.) О. Э. Озаровская, это: 1) записанная ею в 1925 г. от Т. О. Кобелевой, 70 лет, *сказка* «Моряжка» (примечателен подзаголовок — «как быдто быль бывала»); в 1930-х гг. Н. И. Рождественская там же, в д. Юбра Пинежского р-на, сделала от Т. О. Кобелевой повторную запись «Моряжки» (публ. 1941 г.); 2) упоминание записи «стиха» про Йово и Мару Е. М. Тагер летом 1930 г. в с. Поной Мурманского округа от А. Ф. Совкиной: «...этот „стих“ (так зовут там *былины*) является колыбелью „Моряжки“, которую было бы правильно назвать Маряшка. А. Ф. Совкина 47 лет, неграмотная, выучила этот „стих“ 20 лет назад от старухи с Терского берега» [Озаровская, с. 409–410, коммент.; характеристика «Моряжки»: «своего рода уника, как прозаическая форма...»].

• Участники экспедиции МГУ 1957 г., Ю. И. Смирнов и Ю. А. Новиков, в д. Гольяницы на Водлозере (Пудожский р-н) записали от 90-летнего старика В. В. Воробьева длинную *сказку* «про Ова-молодца и девушку Мару». Запись случайная — цели найти нечто подобное не было, рассказать исполнитель сам предложил, но, как отметил Ю. И. Смирнов, «поразило нас, что в сказке ⟨...⟩ совершенно заметно присутствовали обороты, свойственные эпосу». Отвечая на расспросы, В. В. Воробьев сообщил, что слышал сказку в Ладожском

Скиту (не существующее ныне поселение в 30 км к северу от Водлозера), где он жил «до 16 лет, т. е. до 1887 года» [Новиков, Смирнов, с. 167–168][26].

• В том же 1957 г. аспирант Пушкинского Дома Д. М. Балашов записал начало *песни* про Йово и Мару. Запись была сделана в д. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от А. Е. Елисеевой, 49 лет. Фрагмент небольшой — девять начальных стихов, а затем досказывание прозой в два коротких предложения; во вполне традиционной стиховой части привлекает внимание привнесенная исполнительницей вставка: *Они друг друга любили, / В одной школы они учились*... (ст. 4 и 5). Во время записи она сказала: «Стих-то он долгой-то, он красивый был, а теперь не знаю...» и «Бабка пела этот стих, не от нее ли записан? У нее записывали стихи», см.: [Смирнов 1965, с. 58, прил. (№ 1)][27].

• В августе 1962 г. в пос. Октябрьский Каргопольского р-на И. Носкова записала от Е. И. Тишининой (67 лет, неграмотная, уроженка кенозерской д. Першлахта) длинную *сказку* «Ваня да Маня» с лексикой и угадывающимися стиховыми формулами: «Жили два юных Ваня да Маня. С трех лет любы выростали, одной водицей умывались, однем полотенцем вытирались, один сон ноцью видели, одну писню вицерами пивали...»; с эпизодами, отсылающими к переводу Н. Щербины (отказ Вани ехать свататься, диалоги Мани с матерью, письмо-завещание и др.), с приведением переосмысленных сербских слов (вила, бор, борица и др.). К сожалению, осталось не выяснено, от кого был перенят текст и какова была форма текста-источника [Смирнов 1965, с. 57, 59, прил. (№ 2)].

• В 1972 г. в с. Колежма Беломорского р-на Карелии А. П. Разумовой и Е. И. Русаковой от Ф. И. Мыхиной (68 лет) записан текст про Ово и девушку Мару, представляющий собой прозаический *пересказ* щербининского перевода[28]; и при этом рассказчица сообщила: «Старухи пели... ⟨...⟩ Они пели как-то... голосом... Мы-то уже того не слышим... Я от бабки одной слыхала...» (цит. по: [Петров 2026, с. 115]). В 1981 г. А. П. и И. А. Разумовыми была

[26] Запись была утрачена, причем еще до расшифровки собранных экспедицией материалов; повторить запись или обнаружить в регионе иные следы «Йово и Мары» последующим экспедициям МГУ 1958–1960 гг. не удалось [Смирнов 1965, с. 57].

[27] Сообщение о записи, но без ее публикации, Д. М. Балашов дает в обзоре экспедиций: [Балашов, с. 419–420]. Сам текст записи он позже передаст Ю. И. Смирнову, и тот его опубликует, см. об этом: [Смирнов 1965, с. 56, примеч. 17].

[28] Примечательно, что данный текст был атрибутирован собирателями как легенда, см.: [Петров 2026, с. 111]. А. М. Петровым предложено развернутое определение колежминских пересказов: «устный прозаический пересказ любовной баллады» [Там же], но оно уводит от очевидной связи этих пересказов с щербининским переводом.

сделана от Ф. И. Мыхиной повторная запись [Петров 2026, с. 115–116], с внесенными рассказчицей изменениями, на наш взгляд лишь подтверждающими связь с переводом Н. Щербины. Другим подтверждением являются встречающиеся в обоих пересказах Ф. И. Мыхиной остатки ритмического оформления — «следы стихотворного оригинала» [Петров 2026, с. 111]. Тогда же (29.06.81) в с. Колежма был записан еще один пересказ щербининского перевода от З. К. Спицыной, 1911 г. р. [Петров 2026, с. 116]; текст подзабыт, и потому изложение сбивчивое, с выпусканием эпизодов, возвратами, потерей связующих элементов; но это не исключает общего источника с пересказами Ф. И. Мыхиной.

• В 1982 г. в д. Горы Плесецкого р-на (Кенозеро) Н. Н. Захаровой, И. Глухих и М. Ожеговым записана от А. И. Спициной, 1906 г. р., *сказка* «Ова и Мара», которую определили как волшебную [Дранникова, с. 64–66]. В повествовании при этом немало элементов, предполагающих знание былин и духовных стихов, но больше удивляет точность передачи рассказчицей перевода Н. Щербины, с воспроизведением его лирических отступлений и характерных мелочей, — не волшебная сказка, а пересказ с элементами сказки.

• Летом 2001 г. в д. Семёново (Кенозеро) Н. М. Ведерниковой от А. С. Третьяковой, 84 лет, была записана *сказка* «Иван и Машенька». Собиратель указала, что исполнительница рассказывала сказку частью стихами, частью прозой, так, как запомнила ее в детстве: «Это я слышала от старинной бабушки — Агафьи Александровны Филипповой (д. Горбачиха). Она рассказывала. Вот тут не все. Я маленькая была. Она словами говорила. Это сказка была. Она называла ее не «Ваня да Маша», а «Иван да Мара». Она интересная. Я как будто запомнила, все детям рассказывала»; начиналась сказка так: «Жили-были Маша и Ваня в одной деревне, с трех годов любилися, в одной умывальне умывалися, одним полотенцем вытиралися, один сон по ночам видали, одну песню вечерами певали...» [Ведерникова, с. 98–99, 135–136].

* * *

Не углубляясь в детальный анализ приведенных фиксаций вариантов «Йово и Мары» в рассматриваемом регионе, укажем лишь общие результаты.

Во-первых, сами фиксации малочисленные — 14 обнаружений за почти столетний период (1903–2001), и определяются по времени и месту **(**Кенозеро, Водлозеро (Пудога), Пинега, Карельский и Терский берега Белого моря**)** как неровные, точечные:

— кенозерских с учетом меньшиковской «старинки» — 5 фиксаций: д. Немята (1871), д. Вершинино (1927), д. Першлахта (1962)[29], д. Горы (1982), д. Семёново (2001);

— утерянная водлозерская запись (1957) учитывается условно, так как о ней есть лишь информация собирателей;

— 2 пинежские фиксации — записи от одной исполнительницы из д. Юбра (1925; 1941); 1941 г. — публикация повторной записи, сделанной другим собирателем в 30-х гг., дублирующей запись 1925 г.;

— из 3 фиксаций с Терского берега — с. Поной (1903; 1930), д. Тетрино (1957) — действительной является только тетринская; обе понойские условны, так как в 1903 г. записи не было, только упоминание А. В. Маркова о бытовании там «старинки», и о записи «стиха» в 1930 г. есть только упоминание у О. Э. Озаровской, публикации не было, и информация о ее местонахождении отсутствует;

— 4 фиксации с Карельского берега — Сумский Посад (1870-е гг.), с. Колежма (1972; 1981 — две); фиксация в Сумском Посаде условная — это марковское упоминание о бытовании (1910); одна из колежминских записей 1981 г. является повторной, но дублем ее считать нельзя, так как она содержит изменения; следовательно, учитываются три пересказа.

Итог: благодаря условным фиксациям, утраченным записям и дублям, 14 фиксаций сокращаются до девяти; Водлозеро как точку фиксации можно снять (утерянная запись от В. Воробьева в Гольяницах была случайной, других не было); основным местом бытования, с учетом временны́х показателей записей, остается Кенозеро; основным временем фиксаций — 2-я половина XX в.

Во-вторых, полноценных текстов, не фрагментов и не усеченных, — 10 записей, включая утраченные водлозерскую сказку (1957) и понойский «стих» (1930). Без учета этих утраченных, все полные записи — варианты прозаические и поздние:

4 сказки — три кенозерских (1962, 1982, 2001) и одна продублированная пинежская (1925, 1941), как минимум в трех из них есть фрагменты с остаточным ритмическим оформлением, отсылающие к стиху щербининского перевода;

3 записи из с. Колежма определяются как пересказы сюжета перевода Н. Щербины, и в них также присутствуют следы остаточной ритмизации. В связи с этим примечательно определение О. Э. Озаровской утраченного

[29] Формально фиксация каргопольская, так как запись была сделана в пос. Октябрьский Каргопольского р-на, но указываем ее как кенозерскую, поскольку Е. И. Тишинина родом из кенозерской Першлахты, где жила постоянно; скорее всего, сказку она переняла там.

понойского «стиха» про Йово и Мару как основы пинежской сказки «Моряжка» (ритмизации в ней нет, но элементы коллизии не оставляют сомнений в том, что это вариант щербининского перевода «Йово и Мары»).

В-третьих, за исключением утраченной водлозерской записи от старика В. В. Воробьева, остальные сделаны от женщин[30], причем в возрасте наличия детей и внуков, которым они и пели, и рассказывали. Скорее с этим, а не с распространенностью перевода Н. Щербины надо связывать упомянутое А. В. Марковым «распевание» детьми «былины» про Йово и Мару — «по книге „Пчела“»: не читали, не декламировали наизусть, а «распевали». Его предположение, что напев «кем-то был придуман и передавался от одних детей к другим», корректируют интервью и пометы собирателей к большей части записей: исполнительницы указывают, что сообщенный ими текст (прозаические формы — не исключение) прежде пелся, во всяком случае теми, от кого был перенят; см. реплику М. Лоскутовой к записанному от нее началу «песни»: «Да видь она сказка-бывальщина. Да видь она поется. Какая-то стара бабушка пела — Меньшикова Матрена Григорьевна».

Литература

Балашов — *Балашов Д. М.* Новые записи фольклора на побережьях Белого моря // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 418–421.

Ведерникова — Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. ст., сост., примеч. Н. М. Ведерниковой. М.: Институт Наследия, 2003. 147 с.

Гильфердинг — *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. Л. VII–XLVIII.

Дранникова — Архангельские сказки: Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. 253 с.

Караџић — Народне српске пјесме, скупио их и на свјет издао Вук Стефановић Караџић. У Бечу, у штамп. Јерменскога манастира, 1841. Књ. 1, у којој су различне женске пјесме. 640 с.

Новиков, Смирнов — *Новиков Ю. [А.], Смирнов Ю. [И.].* Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956–1959 гг.) // Советская этнография. 1960. № 4. С. 162–168.

Озаровская — *Озаровская О. Э.* Пятиречие. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 451 с.

Онежские былины — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. LVI с., 1336 стб.

[30] Свидетельство усиления женской составляющей в исполнении эпоса и смены репертуарных приоритетов; и, как предположение, это могло способствовать переходу от сказывания к рассказыванию с постепенной утратой ритмизации.

Петров 2023 — *Петров А. М.* Сербский стих на русской почве: художественные переводы и фольклорные версии баллады «Йово и Мара» из собрания народных песен Вука Караджича // Зборник Матице српске за славистику. 2023. Књ. 104. С. 9–34. DOI: https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2023.104.1.

Петров 2026 — *Петров А. М.* Несколько поздних севернорусских записей сербской баллады о Йове и Маре: (Из архивов Карельского научного центра Российской академии наук) // Традиционная культура. 2026. Т. 27, № 2. С. 109–118. DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.008.

Смирнов 1965 — *Смирнов Ю. И.* Сербская баллада на Русском Севере // Советское славяноведение. 1965. № 6. С. 54–59.

Смирнов 1974 — *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. М.: Наука, 1974. 264 с.

Смирнов 1987 — Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича / Пер. с сербскохорв. Сост., предисл. и примеч. Ю. Смирнова. М.: Худож. лит., 1987. 311 с.

Соколовы — Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых, 1926–1928 (По следам Рыбникова и Гильфердинга): В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. 630 с.; 2011. Т. 2. 763 с.

Щербина — *Щербина Н.* «Йово и Мара»: Сербская народная поэма. М.: Тип. Каткова и К°, 1860. 18 с. [Отт. из: Русский вестник. 1859. Т. 29, кн. 2. С. 921–934].

References

Drannikova, N. V., ed. (2002). *Arkhangel'skie Skazki. Iz Materialov Laboratorii Fol'klora Pomorskogo Universiteta* [*Arkhangelsk Tales from Records Stored at Folklore Laboratory of Arkhangelsk University*]. Arkhangel'sk: Pomorskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 253 p. (In Russ.)

Petrov, A. M. (2023). 'Serbskii stikh na russkoi pochve: khudozhestvennye perevody i fol'klornye versii ballady "Iovo i Mara" iz sobraniia narodnykh pesen Vuka Karadzhycha' ['Serbian Poetry on Russian Grounds: Artistic Translations and Folklore Versions of the Ballad "Yovo and Mara" from Folk Songs Collection by Vuk Karadchych'], in: *Zbornik Matice Srpske za Slavistiku*. Vol. 104, 9–34. DOI: https://doi.fil.bg.ac.rs/pdf/journas/ms_zmss/2023-104/ms_zmss-2023-104-/pdf-p_10-34. (In Russ.)

Petrov, A. M. (2026). 'Several Late Northern Russian Recordings of the Serbian Ballad about Jovo and Mara (From the Archives of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences)', in: *Traditional Culture*. Vol. 27, 2, 109–118. (In Russ.)

Smirnov, Yu. I. (1974). *Slavianskie epicheskie traditsii: Problemy evoliutsii* [*Slavic Epic Traditions: Problems of their Evolution*]. Moscow: Nauka Publ., 264 p. (In Russ.)

Smirnov, Yu. I. (1987), ed. *Serbskie narodnye pesni i skazki iz sobraniia Vuka Stefanovicha Karadzhycha* [*Serbian Folk Songs and Tales from Collection Compiled by Vuk Stefanovich Karadzhych*]. Moscow: Khudozhestvennaia Literatura Publ., 311 p. (In Russ.)

Sokolov, B. M., Sokolov, Yu. M. (2011). *Neizdannye materialy ekspeditsii B. M. i Yu. M. Sokolovykh 1926–1928 (Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga)* [*Unpublished Materials of Expedition by B. M. and Yu. M. Sokolovs (Tracing Rybnikov and Gil'ferding)*]. Moscow: IMLI RAN Publ. Vol. 1, 628 p.; Vol. 2, 763 p. (In Russ.)

Vedernikova, N. M., ed. (2003). *Kenozerskie skazki, predaniia, bylichki* [*Kenozeskie Tales, Legends and Sprits Stories*]. Moscow: Institut Naslediia Publ., 147 p. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 195–215
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-195-215
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 195–215
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

И. А. Разумова

Irina A. Razumova

ПЕЧОРСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1942 Г. В ЖИЗНИ И ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИЦ*

THE PECHORA FOLKLORE EXPEDITION OF 1942 IN THE LIVES AND MEMORIES OF ITS PARTICIPANTS

Резюме. Фольклорная экспедиция 1942 г. на Печору оставила заметный след в истории науки, прежде всего благодаря выявленному очагу живого бытования традиции причитаний. Она была организована в рамках учебной практики студентов Коми педагогического института и эвакуированного из Петрозаводска в Сыктывкар Карело-Финского государственного университета. Цель статьи — определить, как отразилась эта экспедиция на профессиональных биографиях и в письменных воспоминаниях студенток-участниц, и выявить основные факторы, которые повлияли на различия в репрезентации этого события в индивидуальной памяти. Совмещение биографического и контекстуального подходов соответствует типам источников. Ими служат фактологические биографии семи участниц экспедиции и два мемуарно-автобиографических повествования, одно из которых не опубликовано и в науку вводится впервые. Фольклористика стала сферой деятельности тех студенток, чья научная социализация была связана с образовательной средой и университетом Петрозаводска и с ленинградской филологической школой. Социально-биографические контексты мемуаристов на время описываемого события, их актуальные интересы на момент создания текстов и жанровые особенности источников сказались на существенных различиях в содержании воспоминаний.

Ключевые слова: история фольклористики, биография, мемуары, контекст, экспедиция, Карело-Финский государственный университет, Сыктывкар, 1942 г.

Информация об авторе: Ирина Алексеевна Разумова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных исследований Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, irinarazumova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5960-9772.

Для цитирования: *Разумова И. А.* Печорская фольклорная экспедиция 1942 г. в жизни и воспоминаниях участниц // Словесность и история. 2026. № 3. С. 195–215. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-195-215.

Abstract. The 1942 folklore expedition to the Pechora River left a significant mark on the history of science, primarily due to the discovery of a vibrant lament tradition. The expedition was organized as part of a practical training program for students from the Komi Pedagogical Institute and the Karelo-Finnish State University, who had been evacuated from Petrozavodsk to Syktyvkar. This article seeks to determine how this expedition was reflected in the professional biographies and

* Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных исследований Кольского научного центра Российской академии наук.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

written memoirs of the participating students and to identify the main factors that influenced the different perceptions of this event in individual memory. The combination of biographical and contextual approaches corresponds to the types of sources. These include factual biographies of seven participants in the expedition and two memoir-autobiographical narratives. One of the latter is unpublished and is being introduced into scholarly discourse for the first time. Folklore studies became the field of activity for female students whose scientific socialization happened within the educational environment of the University of Petrozavodsk and the Leningrad Philological School. The socio-biographical contexts of the authors at the time of the described event, their personal interests at the time of the creation of the texts, and the genre features of the sources account for the significant differences in the content of the memoirs.

Keywords: history of folklore studies, biography, memoirs, context, expedition, Karelian-Finnish State University, Syktyvkar, 1942.

Information about the author: Irina A. Razumova, D. Sc. in History, Chief Researcher, Center for Humanitarian Research of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, irinarazumova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5960-9772.

Received: July 8, 2026. ***Approved***: July 15, 2026.

For citation: Razumova, I. A. (2026). 'The Pechora Folklore Expedition of 1942 in the Lives and Memories of Its Participants', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 195–215.

Введение

Летом 1942 г. состоялась студенческая фольклорная экспедиция в район Средней Печоры, организованная Карело-Финским государственным университетом (КФГУ) и Коми государственным педагогическим институтом (КГПИ), которые работали тогда в прямом смысле под одной крышей в городе Сыктывкаре. Результаты этой экспедиции внесли немалый вклад в отечественную фольклористику, в изучение народной культуры одного из интереснейших ареалов бытования фольклора Русского Севера [Канева 2021]. В самом начале XX в. здесь работал Н. Е. Ончуков, в 1920-е гг. записывала былины А. М. Астахова. Несмотря на то что экспедиция направлялась «по следам Н. Е. Ончукова и А. М. Астаховой», по задачам она была «многожанровой»: студентов-филологов нацеливали на запись былин, сказок, лирических песен и по возможности другого фольклорного материала. В итоге были вновь записаны былины от известных сказителей, найдены новые исполнители как в обследованных ранее местах (Усть-Цильме и близлежащих селах), так и в обойденных фольклористами деревнях, расположенных севернее Усть-Цильмы и по левому притоку Печоры — Цильме. Были записаны былины от 12 сказителей, в том числе хорошо знающих эпос [Астахова, с. 11]. Тексты вошли в академические издания былин и неоднократно становились предметом эпосоведческих исследований.

В отличие от былин, широкое бытование которых в изучаемом районе было хорошо известно, плачи на Печоре до 1942 г. не записывались никогда.

«Они были для нас целым откровением», — писал один из руководителей экспедиции, В. Г. Базанов, в изданной сразу по итогам полевой работы книге [Базанов 1943, с. 26]. Описание живой массовой традиции причитывания, публикацию текстов плачей по справедливости можно считать основным достижением участников экспедиции, которые оказались «в нужное время в нужном месте». Тексты усть-цилемских причитаний продолжают изучаться [Канева 2010; 2015; 2020].

Всего в экспедиции было записано 36 былин, 70 сказок, 140 причитаний, не считая лирических песен (насколько возможна их запись в отсутствие звукозаписывающей техники) и диалектологических материалов. Таких результатов достигла небольшая группа студентов-младшекурсников под руководством двух преподавателей в условиях военного времени. Приобретенный опыт и само событие экспедиции в разной мере сказались на дальнейшей профессиональной судьбе студенток (мужчинами в этой группе были только преподаватели).

Цель статьи — показать, как отразилась студенческая фольклорная экспедиция 1942 г. в биографиях и в письменных воспоминаниях участниц, и определить основные «внешние» контексты, которые обусловили различия в степени влияния этого события на профессиональное становление и на репрезентацию прошлого в индивидуальной памяти.

Совмещение биографического и контекстуального подходов предопределено спецификой источников: фактологических биографий и мемуарно-автобиографических повествований. В современных исследованиях понятие «контекст» распространяется «на все многообразие связей, которые могут быть вменены тексту как репрезентации ⟨...⟩ „жизненного мира“». Связи выявляются внутри текста, между текстами, а также между текстом и «любыми жизненными обстоятельствами, которые допускают свою „текстуализацию“» [Богданов, с. 37–39]. При попытке выявить смысловое наполнение источника различаются и учитываются социально-биографические и личностные характеристики автора; цель, которую автор преследует; место, время и обстоятельства на моменты и описываемой ситуации, и создания текста; тематики (референта); особенности изложения, связанные с авторской ролью, видом и жанром текста. В одной статье учесть все факторы сложно, поэтому ограничимся «контекстуальными» сведениями об экспедиции, которые предоставили публикации историков, базирующиеся на архивных данных, справочно-биографические материалы, а также «фоновые» знания автора, почерпнутые из устных источников и ретроспективного опыта общения с несколькими участниками событий и авторами воспоминаний.

Время и место

История экспедиции начинается с эвакуации Карело-Финского университета в город Сыктывкар, в первую очередь для эвакуированных из Петрозаводска преподавателей и студентов. Фактически к новому месту учебы и работы они ехали из разных мест, где их застало первое военное лето, и в разное время — из-за отсутствия информации о местонахождении вуза, транспортных проблем, семейных причин. Пребывание в Сыктывкаре и частичное объединение КФГУ с местным пединститутом определили состав участников, цели и место вошедшей в историю фольклористики учебной практики филологов. В Сыктывкар были эвакуированы научные учреждения — Кольская и Северная базы АН СССР, а также, что очень важно в данном случае, Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК) из Петрозаводска. По справедливому утверждению сыктывкарских историков, это значительно изменило интеллектуальную городскую среду [Рощевская, Кочедыкова, с. 52]. Добавим: и не могло не сказаться на филологической подготовке студентов. В КФГУ в Сыктывкаре в годы войны работал выдающийся лингвист финно-угровед Д. В. Бубрих. В Карелии предвоенных лет активно развивались фольклористика и в целом историко-культурные исследования [Филимончик 2010; Лызлова, Подрезова]. Любое сообщение об экспедиции 1942 г., будь то научная статья, пресс-публикация, личное воспоминание, не может не начаться с главного «контекстного» обстоятельства: факта эвакуации университета в Сыктывкар. В автобиографической проекции эвакуированных история полевого выезда встраивается в историю «путешествия» с расширенным хронотопом: «Сыктывкар» — это место и время.

Процесс эвакуации Карело-Финского (Петрозаводского) университета, организационная деятельность, кадровый состав факультетов и кафедр, численность и успеваемость учащихся, условия работы, учебы, быта в северном тыловом городе получили освещение в трудах историков [Малкова; Зеленская, Климентьев; Филимончик 2022а], сборниках воспоминаний (см., например: [Китайгородский]), публикациях на городских и университетских сайтах Петрозаводска и Сыктывкара и в других открытых интернет-источниках[1]. Во всех научных, мемуарных текстах, публикациях СМИ так или иначе присутствуют описания кризисных обстоятельств жизни эвакуированных: голода, холода и тяжелого физического труда. Молодым женщинам-студенткам (естественно,

[1] Эвакуация Карело-Финского университета в Коми пединститут // Музейный комплекс СГУ им. Питирима Сорокина. URL: https://muzkomp.syktsu.ru/?s=Эвакуация+Карело-Финского+университета+в+Коми+пединститут (дата обращения: 10.06.2026); Сотрудничество двух вузов в годы Великой Отечественной войны. URL: https://petrsu.ru/news/2023/116584/sotrudnitchestvo-2h- (дата обращения: 10.06.2026); и др.

что их было подавляющее большинство) приходилось работать на лесосплаве и лесозаводе — с предсказуемыми последствиями для здоровья. На стипендию первокурсника едва можно было купить полторы буханки хлеба, на стипендию выпускника — две [Филимончик 2022а]. Обеспечение профессоров и преподавателей было хоть и немногим, но лучше, и педагоги по возможности поддерживали учеников. В такой ситуации выезд в печорские деревни, где жители ловили рыбу, имели огороды и пользовались дарами леса, давал передышку в борьбе за выживание, прежде всего эвакуированным студентам.

Участники

Руководили фольклорной экспедицией преподаватели Василий Григорьевич Базанов и Иван Афанасьевич Василенко. Единственной публикацией, которая специально посвящена участникам экспедиции, является статья [Рощевская, Кочедыкова]. В ней основное внимание уделено В. Г. Базанову и его вкладу в организацию и развитие науки и образования, а также содержится информация о тех студентках, которые впоследствии стали учеными-фольклористами. Постараемся эту информацию дополнить и уточнить, основываясь на открытых биографических источниках.

В. Г. Базанов (1911–1981) — литературовед и фольклорист, член-корр. АН СССР, начал научную деятельность в Петрозаводске, где до войны работал заведующим кафедрой в Карельском государственном педагогическом институте и старшим научным сотрудником в КНИИК, в котором в 1944 г. возглавил отдел фольклора. Работая в Карелии, В. Г. Базанов уделял особое внимание народной словесности. После создания Карело-Финского университета он стал первым деканом историко-филологического факультета (1940–1948). В 1948–1952 гг. руководил сектором литературы и фольклора в Институте языка, литературы и истории Карело-Финского филиала АН СССР, затем работал в Ленинграде, был директором ИРЛИ АН СССР [Емельянов; Антошин, Петров]. Самым плодотворным периодом работы В. Г. Базанова как фольклориста можно считать 1940-е гг. По возвращении из эвакуации он организовал еще несколько экспедиций — в Заонежский и Пудожский районы Карелии. Они были так же богаты на записи причитаний, как и экспедиция на Печору, что позволило подготовить ряд изданий, в том числе сборник «Русская народно-бытовая лирика», который относится к «классике» советской фольклористики [Базанов 1945; Астахова, Базанов; Базанов, Разумова].

И. А. Василенко (1899–1970) — доктор филологических наук, профессор, специалист по истории русского литературного языка, синтаксису и вопросам преподавания русского языка в вузе, автор трехтомной «Исторической грамматики русского языка» (1954–1956). Он эвакуировался в Сыктывкар

из Москвы, где заведовал кафедрой русского языка в Московском областном педагогическом институте им. В. И. Ленина; туда же вернулся в 1944 г., заведовал кафедрой общего языкознания. Судя по редким, но всегда теплым упоминаниям в публикациях, его очень любили студенты. В Сыктывкаре он преподавал самые разные лингвистические дисциплины. Руководство фольклорно-диалектологической практикой полностью соответствовало научным интересам И. А. Василенко как историка языка и педагога.

В полевом отряде было 10 практиканток: из петрозаводского вуза — шесть, из сыктывкарского — четыре. Л. П. Рощевской и М. М. Кочедыковой по архивным материалам не удалось установить фамилии двух студенток Коми пединститута. Еще у одной практикантки известна только фамилия — Ермолина. Два записанных ею текста былин вошли в академическое собрание [Астахова, с. 67–69][2]. Больше биографических данных имеется о студентках Карело-Финского университета, прежде всего потому, что четверо из них связали с фольклористикой свой профессиональный путь на всем его протяжении или на значительном этапе.

Белованова (в замужестве Щемелева) Александра Васильевна (1921–2002?) начала записывать фольклор в Карелии еще до Великой Отечественной войны и эвакуации. Судя по материалам Научного архива Карельского научного центра РАН, первые записи ею сделаны не позднее 1939–1940 гг. [Марковская, с. 133, 134][3]. Утверждение, что А. В. Белованова не была студенткой, а работала в Карельском научно-исследовательском институте культуры с начала 1930-х гг. [Рощевская, Кочедыкова, с. 55], неточно, так как Белованова родилась в 1921 г. У нас нет документальных подтверждений участия А. В. Беловановой и в довоенных полевых исследованиях, и в экспедиции 1942 г. в каком-то ином, не студенческом, статусе. Возможно, к фольклорным экспедициям КНИИК в 1939–1940 гг. привлекались студенты Карело-Финского педагогического и учительского института, годом позже они могли стать студентами университета[4]. В педагогическом институте тогда заведовал кафедрой литературы В. Г. Базанов. В 1942 г. научно-исследовательский институт, перемещенный в Сыктывкар, временно прекратил свою деятельность. Карело-Финский университет Александра Васильевна окончила вместе с однокурсницами — членами экспедиции 1942 г., хотя эвакуироваться могла

[2] В комментариях к текстам и списке собирателей инициалы Ермолиной указаны по-разному: И. К. и С. К. [Астахова, с. 528, 585].

[3] Записи 1937–1939 гг. (коллекция 15), 1925–1940-х гг. (коллекция 18). В частности, имя А. В. Беловановой указано среди собирателей, работавших с известным сказителем Ф. А. Конашковым.

[4] Карело-Финский государственный университет был открыт 1 сентября 1940 г. на базе Карельского государственного педагогического института.

и с научно-исследовательским институтом. Так или иначе, к собирательской работе она была подготовлена. Из записей Белованової в д. Трусовской Усть-Цилемского р-на Коми АССР опубликованы семь текстов былин [Астахова, с. 47–66]. По возвращении в Петрозаводск она вместе с В. Г. Базановым и А. П. Разумовой ездила в экспедиции в Заонежский (1944) и Пудожский (1945) районы Карелии, в том числе с целью записи причитаний и дальнейшего изучения плачевого фольклора. В 1946 г. КНИИК был реорганизован в Институт истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Карело-Финского филиала Академии наук СССР, в 1953 г. — в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ), где в секторе литературы и работала А. В. Белованова. Во второй половине 1940-х — 1950-е гг. и позже она неоднократно выезжала в районы Карелии (Пудожье, Заонежье, Поморье), собирала фольклор разных жанров: былины, причитания, песни, много сказок и т. д. Она занималась составлением библиографии русского фольклора Карелии советского периода [Кузнецова]. А. В. Белованова подготовила к печати объемный сборник «Пудожские сказки», который остался неопубликованным, за исключением текстов, вошедших впоследствии в другие издания [Лызлова]. В дальнейшем Александра Васильевна перешла на работу в научно-издательский отдел Карельского филиала АН СССР, который возглавляла с 1973 по 1985 г.

Лупанова Ирина Петровна (1921–2003) — уроженка Петрозаводска, из семьи известных в республике педагогов. По окончании школы она поступила на филологическое отделение Ленинградского государственного университета, а в начале войны эвакуировалась с родителями в Сыктывкар, поскольку в Карело-Финском государственном университете заведовал кафедрой химии ее отец. Своим учителем в науке Ирина Петровна считала М. К. Азадовского, благодаря которому заинтересовалась фольклором. В печорской экспедиции она работала успешно, например, в Усть-Цильме от одного сказочника записала 16 сказок [Базанов 1943, с. 12], два текста былин в ее записи опубликованы [Астахова, с. 117–123]. При первой возможности, в 1943 г., И. П. Лупанова продолжила учебу в Ленинградском университете, находившемся в эвакуации в Саратове, по окончании университета — в аспирантуре под руководством М. К. Азадовского и В. Я. Проппа. В 1951–1979 гг. Ирина Петровна преподавала в Петрозаводском университете, много лет заведовала кафедрой русской и зарубежной литературы. Научные интересы И. П. Лупановой распределялись между литературой и фольклором. Кандидатскую диссертацию она посвятила русской бытовой сказке, а докторскую — русской народной сказке в творчестве писателей первой половины XIX в. [Лупанова 1959]. Ирина Петровна была специалистом по детской литературе и фактически создала в Петрозаводском университете научную

школу по этой области истории литературы [Лупанова 1969; Колесова, Неёлов]. Ее воспоминания были изданы учениками [Лупанова 2007] и являются ценным историческим и антропологическим источником [Филимончик 2022b; Разумова И. А. 2025].

Митропольская Нина Константиновна (1921–1993) — уроженка Бологовского уезда Петроградской губернии, дочь Константина Дмитриевича Митропольского, проректора Карело-Финского университета. В годы войны он стал ректором одновременно двух вузов: эвакуированного университета и Коми педагогического института. Экспедиция 1942 г. положила начало научной деятельности Нины Константиновны Митропольской как фольклориста. Ее кандидатская диссертация, выполненная под руководством В. Я. Проппа, была посвящена русскому эпосу. В сборнике 1961 г. она участвовала не только как собиратель печорских былин ([Астахова, с. 70–90]: девять текстов в записи Н. К. Митропольской и Е. И. Переваловой), но и как соавтор вступительной статьи [Астахова, с. 9–43], заметок об исполнителях и комментариев к текстам (составленных вместе с А. М. Астаховой). С начала 1950-х гг. Нина Константиновна жила в Вильнюсе, работала доцентом Вильнюсского университета, заведовала кафедрой русской литературы и вплоть до 1987 г. занималась полевыми исследованиями вместе со студентами. По свидетельству близкого коллеги, видного эпосоведа Ю. А. Новикова, за это время будущие филологи побывали чуть ли не на каждом литовском хуторе, жители которого считали родным языком русский; среди них было много старообрядцев. Результатом работы по комплексному собиранию фольклора, включая жанры, внимание к которым не приветствовалось (духовные стихи, поверья, заговоры и пр.), стало более 60 тыс. записей текстов русского фольклора Литвы [Новиков]. Публикация и изучение этого материала были делом жизни Н. К. Митропольской, см., например: [Митропольская]. К сожалению, почти готовую докторскую диссертацию о теоретических аспектах исследования локальной фольклорной традиции она защитить не успела.

Перевалова (в замужестве Петряева) Евгения Ильинична (1921–1995) — уроженка с. Визинга Сысольского района Коми АССР. Семья жила в Сыктывкаре, и Евгения училась в Карело-Финском университете. Для Евгении Переваловой занятия фольклором ограничились студенческой экспедицией, в которой она работала в паре с Н. К. Митропольской в Среднем и Верхнем Бугаеве Усть-Цилемского района. По окончании университета она вышла замуж за историка доцента Константина Дмитриевича Петряева — фронтовика, направленного после демобилизации в Сыктывкарский пединститут, впоследствии профессора, автора авторитетных монографий по европейской истории и методологии исторических исследований. В 1953 г.

супруги переехали в Одессу, где К. Д. Петряев заведовал кафедрой всеобщей истории Одесского университета, а Евгения Ильинична, защитив кандидатскую диссертацию по творчеству А. Гайдара, была доцентом кафедры русской литературы.

Разумова Александра Павловна (1911–2004) до поступления в Карело-Финский государственный университет и эвакуации имела больший, чем у сокурсниц, жизненный опыт: среднее специальное педагогическое образование, работу учителем, свою семью, раннее вдовство. Экспедиция на Печору сыграла большую роль в ее профессиональной ориентации. Именно ей удалось записать большинство причитаний, пронаблюдать и описать ритуал проводов на войну и выявить наиболее одаренных вопленицы. Записывала она и другой материал, в том числе былины[5]. Работу по сбору причитаний А. П. Разумова продолжила вместе с В. Г. Базановым и А. В. Белововой по возвращении в Карелию. Поступив в аспирантуру ИРЛИ, она начала работать над диссертацией о причитаниях под руководством М. К. Азадовского, но помешали внешние драматические обстоятельства: увольнение Азадовского в ходе кампании «борьбы с космополитизмом», идеологические препоны для занятий плачевым фольклором. Диссертацию А. П. Разумова защищала по истории эпосоведения под руководством А. М. Астаховой [Разумова А. П.]. Далее она работала в Институте языка, литературы и истории Карело-Финского (Карельского) филиала АН СССР (КарНЦ РАН). Основными своими задачами считала собирание и публикацию русского фольклора Карелии, постоянно ездила в экспедиции, особенно выделяя Карельское Поморье. Она подготовила ряд ценных научных изданий сказок, песен, свадебного фольклора, переиздание собрания былин П. Н. Рыбникова [Миронова, Чикина; Разумова И. А. 2011].

Сапожникова Дебора Яковлевна (1921–2001) — сибирячка, школу закончила в Омске, после неудачного поступления в Московский институт философии, литературы и истории (знаменитый ИФЛИ) училась на историко-филологическом факультете Карело-Финского университета. Известно, что в студенческой экспедиции 1942 г. она записывала былины в д. Крестовке от М. И. Чупрова — представителя видной династии пижемских сказителей [Астахова, с. 114–116]. По окончании университета Дебора Яковлевна работала лаборантом и преподавателем в Омском педагогическом институте, вышла замуж за Николая Васильевича Горбаня — историка-архивиста, украинского писателя, относившегося к кругу «инакомыслящих» [Флаум].

[5] Десять текстов былин, записанных в 1942 г. А. П. Разумовой от пяти исполнителей в деревнях Уег и Хабариха Усть-Цилемского района, опубликованы: [Астахова, с. 96–114].

Во время «борьбы с космополитизмом» Д. Я. Сапожникову вслед за мужем уволили из института, и она работала школьным учителем в городе и селе, заслужила как педагог большое признание земляков. Дебора Яковлевна занималась литературными обзорами, выступала в СМИ и отдала много сил для популяризации работ мужа после его кончины[6].

Из студенток Коми педагогического института, участвовавших в экспедиции 1942 г., есть информация лишь об одной, которая стала лингвистом, заслуженным деятелем науки Коми АССР.

Фролова (в замужестве Жилина) Татьяна Ивановна (1923–2019) по окончании сыктывкарской школы училась на историко-филологическом факультете Коми пединститута, затем в аспирантуре Коми базы АН СССР, защитила диссертацию по диалектологии коми языка. Всю жизнь она работала в Коми филиале АН СССР в должностях младшего, старшего научного сотрудника, а затем ученого секретаря Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР [Жилина]. Научные интересы Т. И. Жилиной были связаны с диалектологией и лексикографией. Вероятно, в экспедиции 1942 г. она собирала языковой материал. В публикациях фольклора ее записи отсутствуют.

Таким образом, профессиональными фольклористами, которые придавали первостепенное значение собирательской и научно-эдиционной работе, стали Н. К. Митропольская и А. П. Разумова, а также А. В. Щемелева (Белованова), хотя она и отказалась от пост-высшего образования, изменив с течением лет профиль деятельности с научного на редакторский. И. П. Лупанова, блестящий преподаватель фольклора, научный руководитель студентов и аспирантов по этой специальности, как исследователь склонялась к изучению фольклора в его «литературных» аспектах, а не к полевой фольклористике. В итоге она сделала предметом изучения детскую литературу. Большой заслугой профессора Лупановой было то, что на своих ярких лекциях и спецсеминарах она формировала интерес к русскому фольклору у студентов-филологов.

По завершении образования А. П. Разумова, А. В. Щемелева и И. П. Лупанова всю жизнь работали в одном городе, первые две — в одном учреждении. Их связывали не только коллегиальные, но дружеские или приятельские отношения. Н. К. Митропольская, Е. И. Петряева и А. П. Разумова регулярно переписывались до конца своих дней.

---

[6] Сапожникова Дебора Яковлевна // Краеведение Омского Прииртышья. URL: https://kraeved.omsklib.ru/index.php/articles/people/my-filter-3/337-sapozhnikova-debora-yakovlevna (дата обращения: 18.06.2026).

Два воспоминания об одной экспедиции

Мы располагаем двумя автобиографическими текстами участниц экспедиции. Они были написаны в конце жизни авторов, близко по времени, при этом имеют ряд различий, касающихся типа источника и содержательного наполнения. Основаниями для сопоставления являются прежде всего единство референта (экспедиции как жизненного события), общность социального статуса авторов на описываемый момент прошлого и сходство авторской роли — мемуариста-автобиографа.

В опубликованной книге воспоминаний И. П. Лупановой, которую автор писала во второй половине 1990-х гг., в основной повествовательной части показан отрезок жизни автора с раннего детства до начала работы в университете в 1950 г. Глава «Сыктывкар» содержит фрагмент, посвященный печорской экспедиции. Он располагается между рассказом о преподавателях и студенческой среде, в которой оказалась мемуаристка, и описанием «каторжной» работы на лесозаводе, которая «навсегда останется самым страшным, самым тяжелым, но вместе с тем самым ненужным, самым необязательным испытанием на прочность» [Лупанова 2007, с. 124]. В общем биографическом и смысловом контекстах воспоминаний Лупановой понятие «испытание» является ключевым. Все пребывание в эвакуации — это проверка на прочность характера и на верность учителям студентки ленинградского вуза, изъятой из комфортного семейного и «столичного» университетского быта. Кроме того, первая экспедиция — инициационное событие для представителя полевой профессии. В таком контексте рассказ о печорской экспедиции оказывается «травелогом в травелоге», и сам путь туда и обратно приобретает не меньшее значение, чем содержание работы. «В целом в полевом дискурсе экспедиция конструируется как текст, сюжетную основу которого составляет повествование о путешествии героя (этнографа) в иной мир» [Щепанская, с. 173], тем более когда речь идет о первой, «инициационной», экспедиции. «Мы должны были добраться пароходом до Усть-Цильмы, — пишет мемуаристка, — а дальше разойтись по окрестным деревням. Я оказалась в паре со студенткой пединститута по имени Таня. Вместе с И. А. Василенко нам предстояла непростая „прогулка“ от Усть-Цильмы до большого села (название забыла!), расположенного на берегу тихой прозрачной Пижмы. Путь был длинный, поэтому местное начальство выделило нам лошадь. Однако ночью ее кто-то угнал, и добираться до места пришлось пешим ходом» [Лупанова 2007, с. 116–117]. На прибывших «обрушились впечатления», которые были «поистине необыкновенны». Они в чем-то книжные, нацеленные на экзотику, и очень эмоциональные: «Это был край, как бы напрочь отрезанный от цивилизованного мира, сохранивший нравы и традиции далеких

предков-новгородцев, высадившихся когда-то на этой земле. Длинные сарафаны с „ластовицами“ (нечто вроде маленьких погончиков) — не только на взрослых бабах, но даже на пятилетних девчушках; узорчатые платки женщин и длинные девичьи косы ⟨...⟩; и, конечно, — песни, сказки, даже (совсем неожиданно!) былины, жанр, считавшийся исчезнувшим из фольклорного обихода. Здесь можно было исписать не те жалкие пять тетрадок, которые нам выдали в Усть-Цильме, а в десять раз больше» [Лупанова 2007, с. 118].

Об исполнителях фольклора, общении с ними, о записанных текстах больше ничего не сказано. Исходя из общего содержания книги И. П. Лупановой, можно предположить, что в период написания мемуаров и фольклорный материал, и процесс полевой работы не обладали для автора мемориальной ценностью, в отличие от взаимодействий в университетской, дружеской и семейной среде, отношений с научными наставниками. Вероятно, на описываемый момент времени студентка-отличница, нацеленная на будущую научную работу под руководством М. К. Азадовского, иначе определяла значение своей фольклорной практики, чем на склоне лет[7]. Как автобиографу, описывающему время эвакуации, ей важен не собранный на Печоре материал и не процесс освоения профессии — он у И. П. Лупановой меньше всего ассоциировался с Сыктывкаром и Карело-Финским университетом. Имеет значение только та роль, которую сыграла экспедиция в личностном самоопределении.

Персонажами рассказа об экспедиции стали напарница-студентка местного, сельского происхождения, но оказавшаяся менее приспособленной к экспедиционным условиям и общению с жителями, и романтический знакомец — «уездный начальник», «высокий статный мужчина», с которым велись интересные разговоры. Кульминацией оказывается эпизод обратного пути как проверки на физическую выносливость, твердость духа и лидерские качества. Ирине с напарницей представилась возможность вернуться в Усть-Цильму на карбасе с местными жителями: «две женщины — на веслах и иконописный дед — на руле». На Печоре их застиг сильный шторм, и выяснилось, что женщины-гребцы не справляются с веслами. Все испугались, а Ирина, которую отец с шести лет посадил за весла на Онежском озере, стала командовать, схватила одно из весел и смогла выровнять лодку. «Мое бесстрашие и проявленное в трудную минуту „мастерство“ были вознаграждены комплиментом, который остался для меня самой высокой похвалой всей моей жизни, — пишет мемуаристка. — Когда мы наконец пристали к усть-цилемскому берегу, наш

[7] Я благодарна А. В. Пигину за сведения о том, что в готовящейся к печати переписке И. П. Лупановой с М. К. Азадовским есть письма, в которых студентка сообщала своему научному руководителю и о материале, записанном в печорской экспедиции, и об информантах.

рулевой, всю дорогу хранивший молчание, сказал: „Ну, Иринушка, с тобой не пропадешь“». Следует признание: «...память о том, как однажды в меня так безоговорочно, так истово поверили, не один раз помогла мне выстоять в непростых жизненных ситуациях» [Лупанова 2007, с. 121–122]. На этом заканчивается рассказ об экспедиции.

Второй мемуарный текст, написанный А. П. Разумовой и озаглавленный «Воспоминание о собирании фольклора в годы Великой Отечественной войны», датирован апрелем 2000 г. и пока не опубликован[8]. По объему он сопоставим с соответствующим фрагментом книги И. П. Лупановой. Речь в нем только об экспедиции 1942 г. Оба воспоминания воспроизводят одну и ту же жизненную ситуацию, какой она удержана в памяти и оценена с высоты времени. Вместе с тем повествование А. П. Разумовой имеет больше интертекстовых связей. Со специальными целями его можно сопоставить, в частности, с интервью мемуаристки на ту же тему или шире — нацеленного на «обзор жизни» [Кулешов, Лурье; Лурье, Сенькина], с текстом вступительной статьи к сборнику причитаний [Базанов, Разумова, с. 8–19]. Содержательные различия воспоминаний двух участниц экспедиции связаны с назначением текста. В первом случае это эпизод в контексте автобиографии, во втором — самоцельный рассказ о конкретном полевом опыте. Важным фактором различий является значение результатов экспедиции (и материала, и опыта) для дальнейшей профессиональной деятельности авторов.

Ситуация, в которую погрузилась собиратель в деревне Уег Усть-Цилемского района в августе 1942 г., определила характер полевой работы: «Мобилизация мужчин на войну шла полным ходом. В деревню приходили письма с фронта, хотя и редкие пока, но письма были. Каждое письмо становилось известным в каждой семье деревни: читали вслух, дополняли, фантазируя (как могло бы быть); военкомат присылал мобилизационные требования; кто-то появлялся раненым и больше воевать уже не мог. Все эти события нашли отражение в жанре причитания» (л. 14–15). Иллюстрацией служит подробный рассказ о проводах односельчан на войну, включающий наблюдения за ходом действия, поведением женщин и мужчин, когда «каждая женщина оплакивала по-своему, обнимая отъезжающего на фронт за шею, за пояс», и «голоса сливались в один звуковой поток» (л. 17–21).

В рассказе сделан акцент на процессе и технологиях полевой работы: «При собирании фольклора очень важно найти доступ к исполнителю, будь это

[8] *Разумова А. П.* Воспоминание о собирании фольклора в годы Великой Отечественной войны. 23.04.2000 г. [Рукопись]. 33 л. (Личный архив автора). Далее ссылки на листы рукописи приводятся после цитат в круглых скобках.

мужчина или женщины любого возраста. Мне очень хорошо удавалось найти нужного для записи человека. Надо обязательно изучить человека, знать — по возможности — всё о его жизни и быте, принять участие в их рассказе о себе» (л. 14); «Мы не имели с собой ни звукозаписывающей аппаратуры, ни фотоаппарата. Записывали только текст, записывали карандашом и не имели даже качественной бумаги. Т. о. мы обедняли эти уникальные записи. И когда я, например, поняла, что такая запись песен в целом не вполне качественная, я обратила внимание на жанр причитаний» (л. 15).

Основное место в воспоминаниях А. П. Разумовой занимают взаимоотношения с жителями деревень: «С первых же встреч с людьми я почувствовала исключительное расположение, приветливое отношение к себе. В основном работала я среди женщин» (л. 7); «...я побывала не только в семьях, меня пригласили на тоню к рыбакам. Впервые удалось видеть и лов рыбы, и обработку, и коллективный прием пищи. Это было необыкновенно приятно и интересно ⟨...⟩; я здесь (на тоне́) чувствовала себя как дома, т. е. среди давно знакомых мне людей. Обычно меня называли или только по имени, или только по отчеству» (л. 9); «Я жила в доме с одной пожилой женщиной, с нею этим летом был внук, подросток, очень внимательный и любознательный мальчик. С ним я подружилась, ходили мы в лес за грибами, сушили сено, варили на улице на костре уху» (л. 11); «Местное население называли нас „руськими“, хотя сами они тоже русские и говорят на русском языке. Отличие они увидели в платье — нашем и их» (л. 12); и т. д. Упоминаются и характеризуются самые талантливые вопленицы, известные по сборнику «Русская народно-бытовая лирика». Автор несколько раз отсылает читателя к этой книге, в создании которой она участвовала, к опубликованным в ней текстам. Фрагменты фольклорных текстов цитируются. Уделено большое внимание эмоциональному состоянию женщин, которые рассказывали собирателю со сходной судьбой о своей жизни, родных и «выплакивали свое горе».

Воспоминания А. П. Разумовой этнографичны, в них много места отдано описаниям, начиная с ландшафтной зарисовки, которая предваряет рассказ о занятиях жителей: «Тот сельсовет, где пришлось работать мне (Хабарицкий сельсовет), примечателен тем, что один берег (левый по течению реки) был крутой, высокий, поросший разнообразной растительностью, буйно рос хвойный и лиственный лес, перемежавшийся кустарниками. К осени этот берег представлял собой живописную картину: желтеющие лиственные деревья, ярко-зеленая хвоя, вызревающая рябина и другие ягодные породы покоряли своей красотой. На этом крутом берегу и строились в свое время деревни. А противоположный берег реки был отлогий, с большими

песчаными пляжами, заливными лугами и буйной травяной растительностью ⟨...⟩. На этих травяных лугах в летнее время пасли скот, переправляли его с берега на берег вплавь. Здесь же были организованы места для переработки молока, изготовляли масло и сыр. Бóльшая часть трудоспособного населения всё лето проводила на этом берегу, обслуживали скот, ловили рыбу. Остававшиеся в деревне мужчины и женщины заготавливали корм скоту на зиму» (л. 3–4).

Повествование детализировано в том, что касается занятий жителей, особенно быта рыбаков, питания, одежды. В эпизоде посещения тони вначале рассказывается о приготовлении ухи из пеляди с подробностями разделки рыбы, варки, хода трапезы, затем — о рыболовецких жилищах — катагáрах, в которых спят рыбаки (л. 7–9). Со знанием дела кройки и шитья описана женская и мужская одежда: «Местные женщины одевались в сарафан с кофтой. Кофта с длинными рукавами и без воротника у ворота называлась просто „рукава“ или „рубаха“, а сам сарафан имел свой фасон: во-первых, на такой сарафан надо было потратить не менее 10 аршин ситца (реже сатина), на груди и по спинке была узкая полоса ситца...»; и т. д. о покрое, отделке, комплектности, праздничной одежде, обуви (л. 11–12).

Описывая жизнеобеспечение в печорской деревне 1942 г., эвакуированная студентка отмечает продуктовое изобилие и возможность взаимопомощи между приезжими и жителями: «Основное питание здесь рыба, молочные продукты (молоко, творог, сметана и сливочное масло). После столовской пищи в Сыктывкаре мне, да и другим моим товарищам по экспедиции казалось, что мы находимся (в смысле питания) на курорте. Кроме того, по реке и на болотах мужчины били много дичи. Питание было великолепное. В нашем распоряжении были хлебные карточки (по увеличенной норме до 600 гр. черного хлеба) и 300 гр. сахара. Этим мы постоянно делились с местными женщинами. Так что в этом смысле был полный порядок» (л. 10).

Воспоминание А. П. Разумовой — один из источников исторической информации об экспедиции. Указаны точное число практиканток, имена и фамилии участниц из КФГУ, особенности организации самостоятельной работы студентов, обстоятельства записи от некоторых исполнительниц. Автор сетовала на то, что и полевые дневники, и рукописные записи 1942 г., скорее всего, утрачены. Она предполагала два варианта. Во-первых, финансировал экспедицию КФГУ, и материалы могли остаться там, а университетского архива тогда не было. Во-вторых, В. Г. Базанов, впоследствии перешедший на работу в Пушкинский Дом, мог передать часть печорских записей в архив ИРЛИ (л. 6, 23–24).

Заключение

Историю печорской экспедиции нельзя считать полностью написанной хотя бы потому, что остаются ненайденными оригиналы фольклорных записей и полевые дневники. Что касается открытия традиции причитаний военного времени и изучения локальной эпической традиции, значение усть-цилемских записей 1942 г. определяется ясно, но в отношении сказок и другого материала нельзя сказать того же из-за отсутствия не только оригиналов, но и публикаций. В чем нет сомнений, так это в роли экспедиции в формировании будущих ученых-фольклористов — полностью согласимся в этом с сыктывкарскими коллегами.

Фольклористика стала делом жизни студенток, чья научная социализация была связана с университетом и образовательной средой Петрозаводска, а через нее — с ленинградской филологической школой. Образовательная среда Коми пединститута того времени, очевидно, больше способствовала развитию интереса студента-филолога к лингвистике и коми языку, что показывает путь становления академического ученого Т. И. Жилиной. Другие участницы экспедиции — Е. И. Петряева (Перевалова) и Д. Я. Сапожникова — реализовались как педагоги: первая — высшей школы, вторая — средней. На их профессиональных траекториях, включая места, виды и направления работы, значительно сказался семейный фактор: личности и деятельность мужей.

Воспоминания двух ученых-фольклористов показали различия в репрезентации памяти об одной и той же экспедиции в зависимости, во-первых, от социально-биографических обстоятельств авторов на время и описываемых событий, и создания текстов; во-вторых, от актуальных интересов мемуаристок и оценки своего профессионального опыта; в-третьих, от целевой направленности воспоминаний. В одном случае экспедиция сыграла большую роль в личностном становлении, укреплении веры в себя и свои возможности по части жизнестойкости, влияния на людей, физической и культурной состоятельности. Во втором случае экспедиция стала катализатором профессионального становления, определила профессиональные интересы и утвердила в главном принципе работы полевого исследователя: обоюдно заинтересованном общении с информантами в процессе получения знаний о народной культуре.

Литература

Антошин, Петров — Россия. Эмиграция. Комарово: Сборник научных трудов к юбилею доктора исторических наук, профессора П. Н. Базанова / Под ред. А. В. Антошина, Е. В. Петрова. СПб.: Культ.-просвет. товарищество, 2019. 242 с.

Астахова — Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова [и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 606 с.

Астахова, Базанов — Избранные причитания / Под ред. А. Астаховой, В. Базанова; подгот. текста и вступ. ст. В. Базанова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1945. 130 с. (Библиотека русского фольклора Карелии).

Базанов 1943 — *Базанов В. Г.* Поэзия Печоры. Сыктывкар: Коми ГИЗ, 1943. 76 с.

Базанов 1945 — *Базанов В. Г.* За колючей проволокой: Из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1945. 71 с.

Базанов, Разумова — Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 598 с.

Богданов — *Богданов К. А.* Переменные величины: Погода в русской истории и другие сюжеты. М.: НЛО, 2014. 368 с.

Емельянов — *Емельянов Л. И.* Василий Григорьевич Базанов // Русский фольклор. Л.: Наука, 1981. Т. 21: Поэтика русского фольклора. С. 223–226.

Жилина — Татьяна Ивановна Жилина: Материалы к расширенному заседанию Ученого совета Института языка, литературы и истории / Сост. С. А. Сажина. Сыктывкар: [б. и.], 2013. 16 с. (Ученые ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; Вып. 6).

Зеленская, Климентьев — *Зеленская Ю. Н., Климентьев Н. Д.* Деятельность Карело-Финского государственного университета в условиях эвакуации в городе Сыктывкаре Коми АССР (1941–1944 гг.) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 1 (94). С. 24–29.

Канева 2010 — *Канева Т. С.* «Страна советская» в усть-цилемских причитаниях (по записям экспедиции 1942 г.) // Образный мир традиционной культуры / Сост. М. Д. Алексеевский [и др.]. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 286–293.

Канева 2015 — *Канева Т. С.* Война в усть-цилемской причети: образно-тематическая характеристика // Традиционная культура: Научный альманах. 2015. Т. 16, № 2 (58). С. 7–18.

Канева 2020 — *Канева Т. С.* Русские причитания Печоры: материалы к аннотированному библиографическому указателю // IV Всероссийский конгресс фольклористов (Тула, 1–5 марта 2018 г.): Сб. науч. ст.: В 3 т. М.: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2020. Т. 3: Комплексные исследования традиционной культуры / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; отв. ред. А. Б. Ипполитова. С. 53–70.

Канева 2021 — *Канева Т. С.* Устная традиция Усть-Цильмы в печатных изданиях, указателях и электронных ресурсах: материалы к библиографии (к 120-летию публикаций усть-цилемского фольклора) // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. 2021. № 4 (20). С. 94–99.

Китайгородский — Признание: Коми пединститут в воспоминаниях выпускников (филологов и историков) / Гл. ред. М. Д. Китайгородский. Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2012. 402 с.

Колесова, Неёлов — *Колесова Л. Н., Неёлов Е. М.* Традиции школы профессора И. П. Лупановой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 5. С. 55–57.

Кузнецова — *Кузнецова В. П.* Деятельность К. В. Чистова и его коллег по сектору литературы ИИЯЛ Карело-Финской базы АН СССР в послевоенный период // Рябининские чтения — 2019. Петрозаводск, 2019. С. 408–412.

Кулешов, Лурье — *Кулешов Е. В., Лурье М. Л.* «...Я постараюсь все это не забывать»: К юбилею Александры Павловны Разумовой // Живая старина. 2001. № 4 (32). С. 45–46.

Лупанова 1959 — *Лупанова И. П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Гос. изд-во КарАССР, 1959. 503 с.

Лупанова 1969 — *Лупанова И. П.* Полвека: Советская детская литература, 1917–1967. М.: Дет. лит., 1969. 671 с.

Лупанова 2007 — *Лупанова И. П.* «Минувшее проходит предо мною...»: Книга о пережитом. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2007. 314 с.

Лурье, Сенькина — *Лурье М. Л., Сенькина А. А.* «Моя первая экспедиция на Печору — это был 42-й год» (из воспоминаний А. П. Разумовой) // Живая старина. 2005. № 2. С. 47–48.

Лызлова — *Лызлова А. С.* Неопубликованные сборники сказок из фондов научного архива КарНЦ РАН // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2013. СПб.: Наука, 2014. С. 3–12.

Лызлова, Подрезова — *Лызлова А. С., Подрезова С. В.* Студенческие экспедиции в Заонежье в начале 1930-х гг.: теория и практика «поля» // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 93–143. DOI: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-93-143.

Малкова — *Малкова Т. А.* Эвакуация Карело-Финского университета в городе Сыктывкаре в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2012. № 4 (20). С. 68–79.

Марковская — Описание фольклорных коллекций Научного архива КарНЦ РАН / Сост. Е. В. Марковская // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов: Материалы V научно-практического семинара (Петрозаводск, 21–22 марта 2012 г.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 125–274.

Миронова, Чикина — У истоков карельской фольклористики. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. Вып. 3: К 100-летию А. П. Разумовой / Сост. В. П. Миронова, Н. В. Чикина. 86 с.

Митропольская — *Митропольская Н. К.* Русский фольклор в Литве / Исслед. и публ. Н. К. Митропольской. Вильнюс: Вильнюс. гос. ун-т им. Капсукаса, 1975. 431 с.

Новиков — *Новиков Ю. А.* Заметки о научно-педагогической деятельности Н. К. Митропольской // Literatūra. 2003. № 45 (2): Rusistica Vilnensis. С. 142–147.

Разумова А. П. — *Разумова А. П.* Из истории русской фольклористики: П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 142 с.

Разумова И. А. 2011 — *Разумова И. А.* «Правда жизни, подтвержденная собранным материалом» // Традиционная культура. 2011. № 2 (42). С. 155–161.

Разумова И. А. 2025 — *Разумова И. А.* О роли семьи в становлении ученого (по мемуарам И. П. Лупановой) // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2025. Вып. 3 (23). С. 75–88. DOI: https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88.

Рощевская, Кочедыкова — *Рощевская Л. П., Кочедыкова М. М.* Фольклорная экспедиция в с. Усть-Цильма Коми АССР в 1942 году // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 52–56.

Филимончик 2010 — *Филимончик С. Н.* Роль научно-исследовательских институтов Карелии в развитии гуманитарных наук в 1930-е годы // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 103–114.

Филимончик 2022а — *Филимончик С. Н.* Деятельность Карело-Финского государственного университета в эвакуации (1941–1944) // Непрерывное образование:

XXI век: Науч. электронный журнал. 2022. Вып. 4 (40). DOI: http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2022.8012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-karelo-finskogo-gosudarstvennogo-universiteta-v-evakuatsii-1941-1944-gg/viewer (дата обращения: 15.06.2026).

Филимончик 2022b — *Филимончик С. Н.* Российский университет середины XX века как коммуникационное пространство в книге И. П. Лупановой «Минувшее проходит предо мною» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 54–63. DOI: https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.788.

Флаум — *Флаум Л. М.* Омские кухни: Страницы истории филологического факультета ОмГПУ: события и лица // Филологический сборник: Лингвистика. Литературоведение. Фольклористика: Сб. науч. ст. Омск: [б. и.], 2005. С. 255–262.

Щепанская — *Щепанская Т. Б.* Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 2. С. 165–179.

References

Bogdanov, K. A. (2014). *Peremennye velichiny. Pogoda v russkoi istorii i drugie siuzhety* [*Variables. Weather in Russian History and Other Stories*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 368 p. (In Russ.)

Emel'ianov, L. I. (1981). 'Vasilii Grigor'evich Bazanov' ['Vasily Grigorievich Bazanov'], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 21, 223–226. (In Russ.)

Filimonchik, S. N. (2010). 'Rol' nauchno-issledovatel'skikh institutov Karelii v razvitii gumanitarnykh nauk v 1930-e gody' ['The Role of Research Institutes in Karelia in the Development of the Humanities in the 1930s'], *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [*Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*], 4, 103–114. DOI: https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.788. (In Russ.)

Filimonchik, S. N. (2022). 'Russian university of the mid-twentieth century as a communication space in Irina Lupanova's book *The Past is Passing before Me*', *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 44 (5), 54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.788. (In Russ.)

Filimonchik, S. N. (2022). 'The Work of the Karelian-Finnish State University in the Evacuation (1941–1944)', *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [*Lifelong Education: The 21st Century*], 4 (40). DOI: http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2022.8012. Accessed June 15, 2026, https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-karelo-finskogo-gosudarstvennogo-universiteta-v-evakuatsii-1941-1944-gg/viewer. (In Russ.)

Flaum, L. M. (2005). 'Omskie kukhni. Stranitsy istorii filologicheskogo fakul'teta OmGPU: sobytiia i litsa' ['Omsk Kitchens. Pages from the History of the Philological Faculty of Omsk State Pedagogical University: Events and People'], in: *Filologicheskii sbornik: Lingvistika. Literaturovedenie. Fol'kloristika* [*Philological Collection: Linguistics. Literary Studies. Folklore Studies*]. Omsk: [s. n.], 255–262. (In Russ.).

Kaneva, T. S. (2010). '"Strana sovetskaia" v ust'-tsilemskikh prichitaniiakh (po zapisiam ekspeditsii 1942 g.)' ['"The Soviet Country" in Ust-Tsilma Lamentations (Based on the Records of the 1942 Expedition)'], Alekseevsky, M. D., ed., *Obraznyi mir traditsionnoi kul'tury* [*The Figurative World of Traditional Culture*]. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 286–293. (In Russ.)

Kaneva, T. S. (2015). 'Voina v ust'-tsilemskoi pricheti: obrazno-tematicheskaia kharakteristika' ['War in Ust-Tsilemskaya Parish: Figurative and Thematic Characteristics], *Traditsionnaia kul'tura* [*Traditional culture*], vol. 16, 2 (58), 7–18. (In Russ.)

Kaneva, T. S. (2020). 'Russkie prichitaniia Pechory: materialy k annotirovannomu bibliograficheskomu ukazateliu' ['Russian Lamentations of Pechora: Materials for an Annotated Bibliographic Index'], in: *IV Vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sbornik nauchnyhk statei: V 3 t.* [*IV All-Russian Congress of Folklorists. Collection of Scientific Papers. In 3 vol.*]. Moscow: GRNDT imeni V. D. Polenova. Vol. 3, 53–70**.** (In Russ.)

Kaneva, T. S. (2021). 'Ustnaia traditsiia Ust'-Tsil'my v pechatnykh izdaniiakh, ukazateliakh i elektronnykh resursakh: materialy k bibliografii (k 120-letiiu publikatsii ust'-tsilemskogo fol'klora)' ['Oral Tradition of Ust-Tsilma in Printed Publications, Indexes and Electronic Resources: Materials for a Bibliography (For the 120th Anniversary of Publications of Ust-Tsilma Folklore)'], *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriia gumanitarnykh nauk* [*Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*], 4 (20), 94–99. (In Russ.)

Kitaigorodskii, M. D., ed. (2012). *Priznanie. Komi pedinstitut v vospominaniiakh vypusknikov (filologov i istorikov)* [*Recognition. Komi Pedagogical Institute in the Memories of Graduates (Philologists and Historians)*]. Syktyvkar: Komi gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 402 p. (In Russ.)

Kolesova, L. N., Neelov, E. M. (2010). 'Traditsii shkoly professora I. P. Lupanovoi' ['Traditions of the School of Professor I. P. Lupanova'], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [*Proceedings of Petrozavodsk State University. Social and Humanitarian Sciences*], 5, 55–57. (In Russ.)

Kuleshov, E. V., Lur'e, M. L. (2001). '"...Ia postaraius' vse eto ne zabyvat'". K iubileiu Aleksandry Pavlovny Razumovoi' ['"...I Will Try Not to Forget All This". On the Anniversary of Alexandra Pavlovna Razumova'], *Zhivaia starina*, 4 (32), 45–46 (In Russ.)

Kuznetsova, V. P. (2019). 'Deiatel'nost' K. V. Chistova i ego kolleg po sektoru literatury IIYAL Karelo-Finskoi bazy AN SSSR v poslevoennyi period' ['Activities of K. V. Chistov and His Colleagues in the Literature Sector of the Institute of History, Language and Literature of the Karelo-Finnish Base of the USSR Academy of Sciences in the Post-War Period'], in: *Riabininskie chteniia — 2019* [*Ryabinin Readings – 2019*]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 408–412. (In Russ.)

Lupanova, I. P. (2007). *"Minuvshee prokhodit predo mnoiu...". Kniga o perezhitom* ["*The Past Passes Before Me...*" *A Book About the Past*]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 314 p. (In Russ.)

Lur'e, M. L., Sen'kina, A. A. (2005). '"Moia pervaia ekspeditsiia na Pechoru — eto byl 42-i god" (iz vospominanii A. P. Razumovoi)' ['"My First Expedition to Pechora Was in 1942" (From the Memoirs of A. P. Razumova)'], *Zhivaia starina*, 2, 47–48. (In Russ.).

Lyzlova, A. S. (2014). 'Neopublikovannye sborniki skazok iz fondov nauchnogo arkhiva KarNC RAN' ['Unpublished Collections of Fairy Tales from the Scientific Archives of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'], *Trudy Ob"edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediiu. 2013* [*Proceedings of the Joint Scientific Council on Humanitarian Issues and Historical and Cultural Heritage. 2013*], 3–12. (In Russ.)

Lyzlova, A. S., Podrezova, S. V. (2025). 'Student Expeditions to the Zaonezhye in the Early 1930s: Theory and Practice of the "Field"', *Antropologicheskii forum*, 67, 93–143. DOI: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-93-143. (In Russ.)

Malkova, T. A. (2012). 'Evakuatsiia Karelo-Finskogo universiteta v gorode Syktyvkare v gody Velikoi Otechestvennoi voiny' ['Evacuation of the Karelian-Finnish University in the City of Syktyvkar During the Great Patriotic War'], *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii* [*Historical and Cultural Issues of Northern Countries and Territories*], 4 (20), 68–79. (In Russ.)

Markovskaia, E. V., ed. (2012). 'Opisanie fol'klornykh kollektsii Nauchnogo arkhiva KarNC RAN' ['Description of Folklore Collections of the Scientific Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences'], in: *Polevye issledovaniia i arkhivatsiia fol'klornykh i etnograficheskikh materialov. Materialy V nauchno-prakticheskogo seminara. Petrozavodsk, 21–22 marta 2012 g*. [*Field Research and Archiving of Folklore and Ethnographic Materials. Proceedings of the 5th Scientific and Practical Seminar. Petrozavodsk, March 21–22, 2012*]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 125–274. (In Russ.)

Mironova, V. P., Chikina, N. V., eds. (2011). *U istokov karel'skoi fol'kloristiki. Vyp. 3: K 100-letiiu A. P. Razumovoi* [*At the Origins of Karelian Folklore Studies. Issue 3: On the 100th Anniversary of A. P. Razumova*]. Petrozavodsk: Institut iazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 86 p. (In Russ.)

Novikov, Yu. A. (2003). 'Zametki o nauchno-pedagogicheskoi deiatel'nosti N. K. Mitropol'skoi' ['Notes on the Scientific and Pedagogical Activities of N. K. Mitropolskaya'], *Literatūra*, 45 (2): Rusistica Vilnensis, 142–147. (In Russ.)

Razumova, I. A. (2011). '"Pravda zhizni, podtverzhdennaia sobrannym materialom"' ['"The Truth of Life, Confirmed by the Collected Material"'], *Traditsionnaia kul'tura* [*Traditional Culture*], 2 (42), 155–161. (In Russ.)

Razumova, I. A. (2025). 'On the Role of Family in the Scientist Becoming (Based on the Memoirs of I. P. Lupanova)', *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriia Istoriia. Iazykoznanie* [*Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics*], 3, 75–88. DOI: https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88. (In Russ.)

Roshchevskaia, L. P., Kochedykova, M. M. (2014). 'Fol'klornaia ekspeditsiia v s. Ust'-Tsil'ma Komi ASSR v 1942 godu' ['Folklore Expedition to the Village. Ust-Tsilma Komi ASSR in 1942'], *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [*Bulletin of the Chuvash University*], 3, 52–56. (In Russ.)

Shchepanskaia, T. B. (2003). 'Polevik: figura i deiatel'nost' etnografa v ekspeditsionnom fol'klore (opyty avtoetnografii)' ['Field Worker: The Figure and Activity of the Ethnographer in Expeditionary Folklore (Experiments in Autoethnography)'], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [*Journal of Sociology and Social Anthropology*], vol. 6, 2, 165–179. (In Russ.)

Zelenskaia, Yu. N., Kliment'ev, N. D. (2022). 'Deiatel'nost' Karelo-Finskogo gosudarstvennogo universiteta v usloviiakh evakuatsii v gorode Syktyvkare Komi ASSR (1941–1944 gg.)' ['Activities of the Karelo-Finnish State University During the Evacuation in the City of Syktyvkar, Komi ASSR (1941–1944)'], *Scientific Notes of Orel State University*, 1 (94), 24–29. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 216–247
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-216-247
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 216–247
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Е. И. Якубовская

ХРИСТОСЛАВНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ НА ПИНЕГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ А. Ю. КАСТРОВА 1980-Х ГГ. ИЗ СОБРАНИЯ ФОНОГРАММАРХИВА ПУШКИНСКОГО ДОМА)

Elena I. Yakubovskay

CHRIST-GLORIFYING CHANTS FROM PINEGA (BASED ON A. YU. KASTROV'S RECORDINGS FROM THE 1980s IN THE COLLECTION OF THE PHONOGRAM ARCHIVE OF PUSHKINSKII DOM)

Резюме. В 1983–1985 гг., благодаря полевой работе в Пинежском районе Архангельской области сотрудника Фонограммархива ИРЛИ А. Ю. Кастрова, был собран богатый материал для изучения рождественского христославления. В христославный цикл входили богослужебные песнопения, колядки с сюжетами о рождественской звезде и волхвах, о Богородице, посылающей проповедников с вестью о Рождестве, а также припевки-щедровки с просьбой о вознаграждении. Богослужебные песнопения Рождества Христова в 1910-е гг. разучивались с детьми в церковно-приходских школах. Записи от исполнителей 1899 г. рождения показывают высокую сохранность канонического текста и напева. Следующее поколение детей уже не имело возможности усваивать песнопения «из первых рук», что способствовало утратам и искажениям. Колядки сохранились в памяти пинежан в нескольких вариантах, чрезвычайно разнообразных по своим напевам. Публикуемые образцы текстов и напевов представляют особую ценность для изучения русской духовной культуры, ввиду редкости и немногочисленности звукозаписей полных вариантов христославного цикла, в том числе на Русском Севере.

Ключевые слова: Рождественское христославление, колядки, Русский Север, Пинега, Фонограммархив Пушкинского Дома, А. Ю. Кастров.

Информация об авторе: Якубовская Елена Ивановна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, elena_yakub@mail.ru.

Для цитирования: *Якубовская Е. И.* Христославные песнопения на Пинеге (на материале записей А. Ю. Кастрова 1980-х гг. из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома) // Словесность и история. 2026. № 3. С. 216-247.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-216-247.

Abstract. Between 1983 and 1985 A. Yu. Kastrov, a staff member of the Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, collected a wealth of material for the study of Christmas hymns during fieldwork in the Pinezhsky District of the Arkhangelsk Region. The Christmas hymn cycle included liturgical hymns, carols featuring stories about the star of Christmas and the Magi and about the Mother of God sending preachers with the news of Christmas, and carols requesting rewards. In the 1910s, liturgical hymns about the Nativity were taught to children in parish schools. Recordings by performers born in 1899 demonstrate that the canonical text and the melody were preserved to a high degree. The next generation of children no longer had the opportunity to learn the hymns firsthand, which con-

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

tributed to their loss and distortion. The residents of Pinega remember carols in several versions, which are extremely diverse in their melodies. Given the rarity and scarcity of sound recordings of complete versions of the Christ-glorifying cycle, the published samples of texts and chants are particularly valuable for the study of Russian spiritual culture, including that of the Russian North.
Keywords: Christmas hymns, carols, Russian North, Pinega, Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), A. Yu. Kastrov.
Information about the author: Elena I. Yakubovskaya, PhD in the Arts, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, elena_yakub@mail.ru.
Received: May 24, 2026. ***Approved***: June 29, 2026.
For citation: Yakubovskaya, E. I. (2026). 'Christ-Glorifying Chants from Pinega (Based on A. Yu. Kastrov's Recordings from the 1980s in the Collection of the Phonogram Archive of Pushkinskii Dom)', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 216–247.

В основу статьи легли материалы научного описания пинежского звукового собрания Фонограммархива Пушкинского Дома, которым автор занимается на протяжении нескольких последних лет. Речь в ней пойдет о песенной традиции, охватывающей поселения, расположенные в среднем течении Пинеги[1].

В архиве пинежских записей, осуществленных начиная с 1920-х гг. по начальные десятилетия XXI в., присутствуют и те, в которых принимала участие А. М. Астахова. Научная традиция полевых исследований Пушкинского Дома, в частности на Пинеге, в последующие годы так или иначе связана с ее именем; можно даже сказать, что собирательская работа строилась как своеобразный научный диалог с ней. Так, готовясь в 1980-е гг. к новым экспедициям для записи эпической традиции на Пинеге, фольклористы Пушкинского Дома (прежде всего А. Ю. Кастров, который в этих экспедициях представлял Фонограммархив) особое внимание уделяли посещению мест, где были сделаны записи А. М. Астаховой, и поискам потомков или родственников исполнителей тех лет[2].

Вместе с тем постоянный научно-творческий диалог с участниками экспедиции 1927 г. не ограничивался только фигурой Астаховой. Так, А. Ю. Кастров

[1] Современный Пинежский район Архангельской области. Далее в ссылках на место записи мы опускаем наименования области и района (Архангельская область, Пинежский район), ограничиваясь лишь обозначением сельсовета и деревни.

[2] Материалы экспедиций 1983–1985 гг. отложились в звуковых коллекциях Фонограммархива МФ 401F, 404F и 405F. Кроме А. Ю. Кастрова, который проводил полевые исследования по составленному им плану, участниками поездок стали звукорежиссеры Г. В. Матвеев (1983) и В. П. Шифф (1984–1985), а также филолог-фольклорист Н. И. Хомчук (1984). Необходимо отметить, что экспедициям Пушкинского Дома оказала огромную помощь в поиске исполнителей и налаживании контакта с ними Е. Е. Зорина — местная уроженка и наследница певческой традиции, выпускница Московского института культуры, в те годы бывшая руководителем фольклорного коллектива в Пинежском районном Доме культуры (с. Карпогоры).

ориентировался и на результаты, полученные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. В продолжение их исследований, проведенных на Пинежье в 1927 и 1930 гг., осуществлялись специальные наблюдения над функционированием фольклора в системе жизни традиционного общества.

Созданные А. Ю. Кастровым подробные опросники с особым упором на поющиеся жанры фольклора, последовательно реализуемые им во время полевого сезона, из года в год расширяли источниковую базу. Собранный в экспедициях 1980-х гг. материал позволяет более глубоко понять разнообразные связи местного фольклора с бытом и обрядами и в итоге научно достоверно представить картину праздничной традиции на Пинежье. В числе других праздников подробно и полно была зафиксирована традиция празднования Рождества Христова и Святок.

Одним из элементов этого богатого множеством ярких и значимых событий празднования был обычай рождественского христославления, т. е. обхода домов в своей и соседних деревнях молодежью и детьми с исполнением под окнами или в самой избе богослужебных песнопений праздничной рождественской утрени, колядок, сложенных как отклик на празднуемое событие, и припевок-щедровок[3] с призывом к хозяевам получше одарить христославцев.

Сам обычай праздничного обхода назывался *«Христа славить»* или просто *«славить»*. Говорили также: *«ходить со звездой»* (*«со звездой ходили»*[4]). В районе среднего течения Пинеги «славить взрослые не ходили, робятúшка всё это ходили»[5]. При более подробных расспросах выясняется, что

[3] По поводу наименования этого типа поздравительных припевок в литературе существуют различные мнения. А. Н. Розов — автор нескольких исследований, специально посвященных теме рождественского христославления, — вслед за Т. А. Бернштам именует их «короткими колядками» [Бернштам, с. 158], которыми дети «могли благодарить хозяев за щедрое вознаграждение или бранить их за скупость» [Розов, с. 42]. Говоря конкретно о припевке «Маленький юнчик», представленной и в нашей публикации, ученый характеризует ее как «рождественскую песенку», указывая, что в публикациях XIX в. такие песенки называются «детскими рацеями», «припевками, присказками» [Розов, с. 48]. Авторы недавно вышедшей монографии «Календарная культура русского населения заводских поселений Республики Коми», указывая на разнообразие жанровых дефиниций этих произведений в современной научной литературе («славильные приговоры», «рождественские песенки», «колядки», «рацейки», «славки»), относят их к рождественским приговорам-славлениям [Крашенинникова, Низовцева, с. 42]. Мы решаемся предложить свой вариант термина: «припевки-щедровки», исходя из определения смысла и назначения этих песенок: «расщедрить» поздравляемых хозяев на подарки. Сами носители местной традиции определяют его выразительным словом «припра́шивать» (ФА ИРЛИ. МФ 2618.01. Тарасова Лидия Яковлевна).

[4] ФА ИРЛИ. МФ 2625.08. Мельникова Александра Андрияновна (1906 г. р., родом из д. Айнова Гора). 22.02.1985. Карпогорский сельсовет, деревня Церкова Гора.

[5] ФА ИРЛИ. МФ 2618.13. Тарасова Лидия Яковлевна (1912 г. р., родом из д. Лавела). 17.02.1985. Лавельский сельсовет, деревня Лавела.

это были дети 10–11 лет, которые учились в школе: «*Со звездой* в деревне *ходили* только школьники»[6], — а к ним присоединялись братья и сестры, из тех, кто посмышленей, — как старшие, так и младшие. В некоторых деревнях ходили славить и молодые парни, хотя чаще рассказчики отрицают их участие в славлении: «Парни у нас не ходили. У нас дети маленьки только ходили, славили. А те парни большие не ходили»[7].

Славить ходили рано утром в день праздника: «Мы ишше к церкви идём, а которы робятишка и славить идут!»[8] Христославцев ждали, особенно любопытные малыши: «Утром ходили всё, я помню. Ишчо раньше таки́ пола́ти были, дак мы лежим на полати, ждём христославцей-то там, загля́дывам! С полатей-то. Они сла́вя Христа-то-дак...»[9] Дети приходили под окошко: «Другой раз утром рано каки-нибудь прибежат да под окошком кричат: „Рождество Твоё, Христе Боже наш!“»[10]. «Если *ворота*[11] не закрыты — в и́збу заходишь. ⟨...⟩ Заходили в и́збу — *под порог-от*[12] зайдёшь тут. А кото́ры не открывают *воро́т*, — ⟨у них⟩ на у́лици поют, под окошком. А гостинци-ти вынесут на у́лицю»[13].

Хозяева, как правило, охотно подавали детишкам-христославам покупные сласти (конфеты, пряники, калачи, сушки), рождественские пряники-козули, домашнюю выпечку и мелкие денежки: «Подают: хто копейки-ти подава́ет же. А большинство были пряники, *опа́рны* назывались. Колаць ле́бо пряник берём, ле́бо конфету». ⟨...⟩ А если «большие ребята (т. е. взрослые парни. — *Е. Я.*) тоже славили, так им подают — *ханжо́й*[14] угошшают»[15].

---

[6] ФА ИРЛИ. МФ 2618.24. Шубина Надежда Матвеевна (1907 г. р., родом из д. Лавела). 18.02.1985. Лавельский сельсовет, деревня Лавела.

[7] ФА ИРЛИ. МФ 2533.03. Дыроватая Наталья Савельевна (1910 г. р., родом из д. Вальтёво / Березник). 19.06.1983. Труфаногорский сельсовет, деревня Труфанова Гора.

[8] ФА ИРЛИ. МФ 2632.02. Кормачёва Анна Игнатьевна (1899 г. р., родом из д. Кеврола). 25.02.1985. Архангельская область, Пинежский район, Кеврольский сельсовет, деревня Кеврола.

[9] ФА ИРЛИ. МФ 2625.11. Мельникова Александра Андрияновна (см. примеч. 4).

[10] ФА ИРЛИ. МФ 2533.03. Дыроватая Наталья Савельевна (см. примеч. 7).

[11] *Воро́та* — здесь: входная дверь в дом с улицы.

[12] *Подпорог* — пространство внутри жилого помещения у входной двери (*зайти под порог, стоять под порогом*). Согласно правилам традиционной этики зашедшему в избу чужому человеку полагалось остановиться «*под порогом*»; пройти дальше можно было только по приглашению хозяев.

[13] ФА ИРЛИ. МФ 2621.08. Фефилова Улита Матвеевна (1899 г. р., родом из д. Ваймуша). 21.02.1985. Кушкопальский сельсовет, поселок Пачи́ха.

[14] *Ханжа́* — легкий хмельной напиток из солода. Пояснение исполнительницы в ответ на уточняющий вопрос собирателя.

[15] ФА ИРЛИ. МФ 2623.01. Таборская Ульяна Степановна (1906 г. р., родом из д. Шардомень). 21.02.1985. Кушкопальский сельсовет, поселок Пачи́ха.

Исполнение христославных песнопений предварялось «формульным» диалогом христославцев с хозяевами: «Христа-то славить — так придёшь ведь: „Хозяин с хозяюшкой! Не можно ле *Христа сославить*?“ Скажут: „Славьте!“ Ну вот, и тут-от славишь: „Христос рождается, славите!“»[16] Как правило, на вопрос о разрешении хозяева отвечали согласием: «Приходят робята: „Хозяин да хозяюшка! Розрешите *Христа прославить*!“ Дак уж нехто́ не отказыват, всё: „Пожалуста!“»[17] Но бывало и так, что, в зависимости от обстоятельств, могли и отказать: «Скажут: „Можно!“ — Вот, славишь. А скажут, бывает: „Нельзя!“, — дак и уйдёшь»[18].

Славильщики носили с собой звезду. Описание звезды по материалам пинежских экспедиций 1980-х гг. дает возможность достаточно ясно представить ее устройство, которое в целом совпадает с тем, которое дает П. С. Ефименко[19]. Пожилые пинежане рассказывали: «Звезда — это такая штука, как венок на могилках, из разной бумаги делаетце»[20]; «Звезду из дерева сделают и бумажками оклеят — красиву таку сделают, тут навыре́зывают бумажек-то, края-те красивые. Придут тут и вертят»[21]; «Это звезда-то крутитце. Поют и ее крутят»[22]. «Со свецькой хо́дя. Прили́пя ко звезды́ свецьку-да. ⟨Звезду⟩ крутили, круго́м, она крутилась у их — ⟨так⟩ изделано»[23]. Собеседники собирателя сообщают, что тому, как делать звезду, особенно никто их и не учил: «...все как-то сами знали: все *из векó в* ходили-то!»[24] — т. е. это умение передавалось из поколения в поколение.

Ниже по течению Пинеги, в Труфаногорском сельсовете, рождественскую звезду называли *колядой*, при этом ее устройство сходно в обеих местностях. А. Ю. Кастрову удалось записать более подробный рассказ об этом. На вопрос, что такое *коляда*, А. И. Лукина (1899 г. р., из д. Михеево) ответила: «А вот — такой кру́глой круг, ну как решето. Дак от решета вот эта ячейка,

---

[16] ФА ИРЛИ. МФ 2621.07. Фефилова Улита Матвеевна (см. примеч. 13)

[17] ФА ИРЛИ. МФ 2618.13. Тарасова Лидия Яковлевна (см. примеч. 5).

[18] ФА ИРЛИ. МФ 2621.08. Фефилова Улита Матвеевна (см. примеч. 13).

[19] «Звезда делается из палок, бумаги и слюды. В середине бывает склеенный из бумаги круг, в котором бывают и зажигаются восковые свечи. От круга протянуты по тонким палкам рожки (лучи). Для украшения звезда оклеивается цветами разновидною бумагою, и даже от конфет. Звезда прикрепляется к большой палке, так что она прикасается пола, на которой обращается около освещенного круга, от движения руками, делает беспрестанные обороты, за которыми освещаются пустые внутри из бумаги рожки, и представление выходит привлекательное» [Ефименко, с. 148].

[20] ФА ИРЛИ. МФ 2617.15. Тарасова Лидия Яковлевна (см. примеч. 5).

[21] ФА ИРЛИ. МФ 2625.08. Мельникова Александра Андрияновна (см. примеч. 4).

[22] ФА ИРЛИ. МФ 2626.04. Немирова Александра Христофоровна (1912 г. р., родом из д. Вайму́ша). 23.02.1985. Карпогорский сельсовет, деревня Ваймуша.

[23] ФА ИРЛИ. МФ 2618.13. Тарасова Лидия Яковлевна (см. примеч. 5).

[24] ФА ИРЛИ. МФ 2632.04. Кормачёва Анна Игнатьевна (см. примеч. 8).

и в ету ячейку, вот эти штуцьки деревянны (лучи из лучинок. — *Е. Я.*) — вот столь до́лги. И вот на эти штуцьки-ти — навешаны бумажки, красивы вся́ки-разны ⟨...⟩. И вот эту ⟨коляду⟩ ⟨по⟩верну́т, а тут палка, на которой оно ве́ртитце-то, и там свешша́ горит, а тут стекóлко издéлано. Вертитце оно, огонек тут горит, а это ве́ртят — поют да ве́ртят, эту *колядý*. И очень красиво наре́дят, и больш⟨ý сделают⟩. ⟨...⟩ В избу у нас, бывало, *с колядой* там — бóком заносят *коляду*! Во двери-ти не вохóдит дак»[25].

А. Х. Немирова из д. Ваймуша уточняла, что во времена ее детства (1920-е гг.) «ребята славить ходили со звездой, а девки-те без звезды»[26]. Изготовление звезды тоже было в основном делом мальчиков: «Звезды́ краси́вы сделают! Вон у Ивана Филипьевиця робята-ти росли, дак из бума́жок-то ведь звезду-ту сделают, дак *пора́то* уж *ба́ско*-да тут!»[27], хотя материалы для нее, прежде всего цветные обертки от конфет, в течение целого года собирали как раз в основном девочки: «...всё время храним конфетны-ти (бумажки. — *Е. Я.*) да собира́м, *на звезду* храним»[28].

По воспоминаниям собеседников собирателей, дети стремились участвовать в христославлении, ждали его и готовились: делали звезду, заранее запасая для нее материал, повторяли и заучивали песнопения, колядки и припевки. Однако не все родители это одобряли: «Та́та не хотел (не разрешал. — *Е. Я.*) славить: „Што это ты как *сиротина*[29] просишь ходишь? Кусок просишь ходишь, кабыть нецего исть...“ — а у нас было цего исть-то! А мы тайком удерём, да эту *звезду-ту* сли́пим из конфетных бума́жок!»[30]

Среди записей экспедиций Пушкинского Дома имеются два полных христославных цикла. Первый из них (*нотный пример 1*) исполняет А. И. Кормачёва, детство которой прошло в деревне Кеврола. У нее молитвословная часть представлена наиболее полно: ирмос первой песни канона, тропарь и кондак

---

[25] ФА ИРЛИ. МФ 2544.07. Лукина Анна Ивановна (1899 г. р.). 21.06.1983. Труфаногорский сельсовет, деревня Михеево.

[26] ФА ИРЛИ. МФ 2626.03. Немирова Александра Христофоровна (см. примеч. 22).

[27] ФА ИРЛИ. МФ 2618.13. Тарасова Лидия Яковлевна (см. примеч. 5). *Пора́то ба́ско* — очень (сильно) красиво (хорошо).

[28] ФА ИРЛИ. МФ 2623.01. Таборская Ульяна Степановна (см. примеч. 15).

[29] *Сироти́на* (сироты, собирательное от: *сирота*) — здесь: крестьяне, собиравшие «кусочки» в голодные, неурожайные годы, в случае бедствий и потерь в семье. *Сироти́не* охотно подавали, оставляли ночевать, но само это занятие в деревенском сообществе считалось «непочетным»: «Просили ходили. Отовсю́д. У нас „верхоты́“ много ходило — там „с ве́рьху“ (из деревень выше по реке. — *Е. Я.*). Просили. И здешных у нас много *сироти́н* ходило. „Христа ради милостинку“ попросят. Им подают, они: „Спаси Господи, помилуй!“ скажут. У нас с верховья много бывало — на лошаде́, и ночуют! Они мешки сухарей насушат, везут». ФА ИРЛИ. МФ 2625.13. Мельникова Александра Андрияновна (см. примеч. 4).

[30] ФА ИРЛИ. МФ 2623.01. Таборская Ульяна Степановна (см. примеч. 15).

Рождества, ирмос третьей песни канона и, в порядке катавасии, снова ирмос первой песни. Затем следует колядка с сюжетом о том, как Богородица посылает «проповедничков» с вестью о Рождестве Христовом. Проповедники будят боярина, требуя одарить их: «Подавай христославцям пирог да полтину, серéбрену гривну! ⟨...⟩ Не ломай ломкóм, подавай целкóм» (*нотный пример 3*).

Второй цикл напет У. М. Фéфиловой, уроженкой деревни Ваймуша, расположенной на противоположном берегу Пинеги. Он включает в себя ирмос первой песни канона, тропарь, кондак Рождества (только последний стих) и ирмос 3-й песни канона (*нотный пример 2*). Далее без перерыва следуют: колядка с сюжетом о Рождестве, чудесной звезде и волхвах, несущих дары рожденному Спасителю, и припевка-щедровка «Мáленькой вьюльчик» (*нотный пример 4*).

Обратимся к богослужебным песнопениям (*нотные примеры 1–2*).

Нотный пример 1 [31]

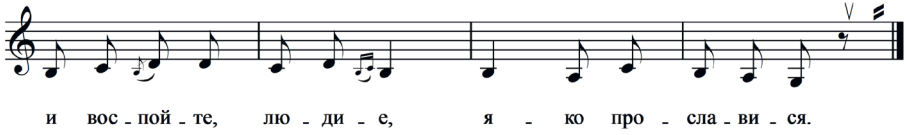

[31] «Христос раждаитце, славите...». Цикл песнопений утрени Рождества Христова: ирмос 1-й песни канона, тропарь и кондак Рождества, ирмос 3-й песни канона, ирмос 1-й песни (катавасия). ФА ИРЛИ. МФ 2631.06. Поет Кормачёва Анна Игнатьевна (см. примеч. 8). Записал А. Ю. Кастров в деревне Кеврола Кеврольского сельсовета 25.02.1985. Нотация Е. И. Якубовской.

и вос-пой-те, лю-ди-е, я-ко про-сла-ви-ся.
Ро-жде-ство Тво-е, Хри-сте Бо-же наш,
воз-си-я ми-ро-ви свет ра-зу-ма:
В нем бо звез-дам слу-жа-шы-(й)и
зве-здо-ю у-ча-ху-ся
Те-бе кла-ня-ти-ся, Солн-цу Прав-ды,
и Те-бе ве-де-ти
с вы-со-ты во-сто-ка.
Гос-по-ди, сла-ва Те-бе!

Сла ва От цу и Сы ну и Свя то му Ду ху!
Де ва днесь Пре су ще ствен на го ра жда ет,
и зем ля вер теп Не при ступ но му при но сит,
Ан ге ли с пас тырь ми сла во сло вят,
вол сви же со звез до ю пу те ше ствуют,
нас Бог ра ди ро ди ся,
От ро ча Мла до, Пре веч ный Бог.
Пре жде век

от От - ца рож - ден - но - му не - тлен - но Сы - ну
и в по - след - ни - я от - Де - вы
во - пло - щен - но - му без - се - мен - но - му
Хри - сту Бо - гу во - зо - пи - им: [...]
Хри - стос ра - жда - ет - це, сла - ви - те,
Хри - стос с не - бес, зря - щи - те,
Хри - стос на зем - ли, воз - но - си - те - ся,
Пой - те Гос - по - да и вся зем - ля, и ве - се - ли - е,

Нотный пример 2[32]

[32] «Христос раждаитце, славите...». Цикл песнопений утрени Рождества Христова: ирмос 1-й песни канона, тропарь, (кондак) Рождества, ирмос 3-й песни канона. ФА ИРЛИ. МФ 2621.07. Поет Фефилова Улита Матвеевна (см. примеч. 13). Записал А. Ю. Кастров в поселке Пачиха Кушкопальского сельсовета 21.02.1985. Нотация Е. И. Якубовской.

(В) нем бо зве - здам слу - жа - щи - (й)и
зве - здо - ю у - ча - ху - ся
Те - бе кла - ня - ти - ся, Солн - цу Прав - ды,
и Те - бе ве - де - ти с вы - со - ты во - сто - ка.
О - тро - ця Мла - до, Пре - веч - ный Бог!
Пре - же век
от От - ца ро - ждён - но - му не - тлен - ну Сы - ну,
и (в) по - след - ни - и от Де - вы
во - пло - щён - но - му без - се - мен - но
Хри - сту Бо - гу во - зо - пи - им:

Сравним текст А. И. Кормачёвой (*табл. 1*, слева) и У. М. Фефиловой (*табл. 1*, справа). Эти исполнительницы 1899 г. рождения. А. И. Кормачёва выучила богослужебные песнопения в школе. Она вспоминает: «Мы учились в шко́лы ⟨...⟩. Мы тропари пели-да, молитвы-ти пели-да — всё пели. ⟨...⟩ Псаломщик был — петь-то учил, дьячок, значит, — вот он учил нас тропари петь. Он тоже уроки вёл»[33]. У. М. Фефилова знает рождественские молитвословия от брата-школьника, который тоже выучил их в школе под руководством священника: «Я не училась (в школе. — *Е. Я.*). А я ходила славить с Овдюшкой — Овдоки́мом — с младшим братом. Этот брат учился в школе, и я с ним славить ходила, только двои́ма»[34].

Таблица 1

Канонический текст	
Ирмос первой песни канона: Христос раждается, славите, Христос с небес, срящите, Христос на земли, возноситеся, пойте Господа, вся земля, и в веселии воспойте, людие, яко прославися. **Тропарь Рождества Христова:** Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащии звездою учахуся Тебе кланятися, Солнцу Правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. **Кондак Рождества Христова:** Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит, ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют, нас бо ради родися Отроча Младо, Превечный Бог. **Ирмос третьей песни канона:** Прежде век от Отца рожденному нетленно Сыну и в последния от Девы воплощенному безсеменно, Христу Богу возопиим: вознесый рог наш, свят еси Господи!	
Вариант А. И. Кормачёвой	*Вариант У. М. Фефиловой*
Ирмос первой песни канона: Христос раждаитце, славите, Христос с небес, зрящуйте,	**Ирмос первой песни канона:** Христос раждается, славите, Христос с небес, зрящите,

[33] ФА ИРЛИ. МФ 2632.04. Кормачёва Анна Игнатьевна (см. примеч. 8). 25.02.1985. Кевральский сельсовет, деревня Кеврола. Об учителе пения П. Ф. Шмакове см.: [Нетесова, с. 64].

[34] ФА ИРЛИ. МФ 2621.08. Фефилова Улита Матвеевна (см. примеч. 13). 21.02.1985. Кушкопальский сельсовет, поселок Пачиха.

Христос на земли, возноситеся, пойте Господа и вся земля, и в веселия, и воспойте, людие, яко прославися.	Христос на земли, возноситеся, Пойте Господа и вся земля, и веселием, и воспойте, люди, яко прославимся.
Тропарь Рождества Христова: Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служашыи звездою учахуся Тебе кланятися Солнцу Правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.	**Тропарь Рождества Христова:** Рождество Твоё, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, ⟨в⟩ нем бо звездам служащии звездою учахуся, Тебе кланятисе, Солнцу Правды, и Тебе ведети с высоты Востока. ⟨...⟩
Кондак Рождества Христова: Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит, ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют, нас бо ради родися Отроча Младо, Превечный Бог.	**Кондак Рождества Христова:** ⟨...⟩ Отроча Младо, Превечный Бог.
Ирмос третьей песни канона: Прежде век от Отца рожденному нетленно Сыну и в последния от Девы воплощенному безсеменному, Христу Богу возопиим: ⟨...⟩ **Ирмос первой песни канона:** Христос раждаитце, славите... и т. д.	**Ирмос третьей песни канона:** Преже век от Отца рождённому нетленну Сыну, и ⟨в⟩ последнии от Девы воплощённому безсеменно Христу Богу возопиим: вознесый рог наш, свят еси Господи!

Передачу текста песнопений певицами весьма преклонного возраста, исполнявшими их в свои детские годы, можно считать практически безошибочной — вопреки установившемуся в научной среде мнению о якобы неизбежных искажениях молитвословного текста, непонятного крестьянам, и тем более детям. Восьмидесятишестилетнюю А. И. Кормачёву память подвела только в том, что она выпустила последние слова в ирмосе третьей песни рождественского канона: *вознесый рог наш, / свят еси, Господи*. У. М. Фефилова, наоборот, сохранила их, но вместо последнего стиха тропаря поет заключительный стих кондака, сам же кондак пропускает.

В пинежском звуковом собрании 1980-х гг. имеются еще несколько записей христославления от людей, которые детьми выучили их в школе, в частности от У. С. Таборской (1906 г. р.): «Ишчо нас уцил поп! Дак только он-то не говорил, што славить, не посылал, а только што поп уцил»[35]. Текст и напев богослужебных песнопений (ирмосы 1-й и 3-й песни канона) передаются певицей с минимальными потерями.

После реорганизации в 1919 г. на Пинежье, и в частности в Ваймуше, церковно-приходских школ в учебные заведения, подчиненные Народному

[35] ФА ИРЛИ. МФ 2623.03. Таборская Ульяна Степановна (см. примеч. 15). 21.02.1985. Кушкопальский сельсовет, поселок Пачиха. Звукозапись: ФА ИРЛИ. МФ 2623.02.

комиссариату просвещения (школы первой ступени) [Нетесова, с. 175], церковное пение в них не преподавалось. Среди материалов пинежских экспедиций имеется запись христославления от группы жительниц деревни Ваймуша 1911–1916 г. р. (*табл. 2*, справа)[36], которые принадлежат к тем детям, которые выучили молитвословные песнопения уже не в школе, а на слух от старших. Одна из певиц, А. Х. Немирова, как раз была ученицей ваймушской «школы первой ступени» именно в этот период [Нетесова, с. 175]. По сравнению с У. М. Фефиловой — ваймушанкой более старшего поколения (*табл. 2*, слева), они воспроизводят уже несколько искаженный текст молитвословий. Выпускаются многие стихи, другие переосмысляются в новый, как бы «детский» вариант, где сохраняется лишь общий смысл песнопения[37].

Таблица 2

Вариант У. М. Фефиловой	*Вариант А. П. Вехоревой, А. Х. Немировой и Т. А. Никулиной*
Ирмос первой песни канона: Христос раждается, славите, Христос с небес, зрящите, Христос на земли, возноситеся, пойте Господа и вся земля, и веселием, и воспойте, люди, яко прославимся. **Тропарь Рождества Христова:** Рождество Твоё, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, ⟨в⟩ нем бо звездам служащии звездою учахуся, Тебе кланятисе, Солнцу Правды, и Тебе ведети с высоты Востока. ⟨...⟩ **Кондак Рождества Христова:** ⟨...⟩ Отроча Младо, Превечный Бог. **Ирмос третьей песни канона:** Преже век от Отца рождённому нетленну Сыну, и ⟨в⟩ последнии от Девы воплощённому безсеменно Христу Богу возопиим: вознесый рог наш, свят еси Господи!	**Ирмос первой песни канона:** Христос раждается, славите, Христос с небес, зряшшуйте, Христос на земли, возноситесе, пойте Господа, люди, яко прослависе. **Тропарь Рождества Христова:** Рождество Твоё, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездой служашчую, небо звездою учахуся, Тибе кланяимся, Солнцу Правды, ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. **Кондак Рождества Христова:** ⟨...⟩ Волк(х) сидит, со звездою путешествую (я), нас Бог ради родилса. Господи, слава Тебе!

[36] ФА ИРЛИ. МФ 2640.05. Вехорева Анна Павловна (1911 г. р.), Немирова Александра Христофоровна (1912 г. р.), Никулина Таисия Алексеевна (1916 г. р.), все родом из д. Ваймуша. 19.12.1985. Запись в ФА ИРЛИ.

[37] Результат этого процесса отражен в звукозаписях из различных областей России, от людей моложе 1910-х гг. рождения, например: [Крашенинникова, Низовцева, с. 41–42, 362 (ноты)].

Весьма характерен именно для детского восприятия образ «доброго волка», который путешествует со звездой, чтобы поклониться рожденному Спасителю (вместо не понятого ребенком на слух церковнославянского слова «волсви́» — волхвы): «волк сидит, со звездою путешествуя». Хотелось бы обратить внимание на то, что именно так слышит это слово и маленький герой автобиографического романа Ивана Шмелева «Лето Господне»: «Волсви?.. Значит, мудрецы, волхвы. А маленький я думал — волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, думал. Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады» [Шмелев, с. 371].

Напев ирмоса, усвоенный старшими певицами в детстве, передается ими в соответствии с обиходом. Таков распев ирмоса первой песни рождественского канона в исполнении А. И. Кормачёвой (*нотный пример 1*), которая выучила его на уроках пения в Кевроло-Троицкой церковно-приходской школе [38], и близкий ему вариант У. М. Фефиловой (*нотный пример 2*), которая усвоила его от брата — ученика Ваймушской Никольской школы [39]. Ваймушанки более младшего поколения хорошо сохранили в памяти данный напев [40], а их эпизодическое двухголосие воспроизводит сочетание одноголосных вариантов Кормачёвой и Фефиловой.

Мелодика ирмоса рождественского канона в передаче пинежан определяет также и попевочный словарь тропаря и кондака праздника, которые во всех записанных в данной местности вариантах исполняются на один напев, близкий четвертому тропарному гласу, — особенность, ранее отмеченная нами в нескольких записях христославления из разных местностей и разного времени [Якубовская, с. 62–63][41]. Интересно, что пинежские исполнительницы, усвоившие эти песнопения каждая в своей местной школе, передают характерные, усвоенные, вероятно, еще в далекие детские школьные годы, метроритмические отличия в клаузуле стиха тропаря Рождества Христова. У А. И. Кормачёвой из Кевролы заключительный трехсложник передан фигурой из четверти, восьмой и четверти (*нотный пример 1*, строки 6–9), а ваймушанка У. М. Фефилова интонирует его ровными четвертями (*нотный пример 2*, строки 6–11). Кондак, в обиходе исполняемый на третий глас, здесь поется на тот же напев, что и тропарь, хотя и сохраняет характерные для него ритмические детали, например пунктирный ритм на слове «путеше-ствуют».

[38] Подробнее о Кевроло-Воскресенской церковно-приходской школе см.: [Нетесова, с. 67–71].

[39] О церковно-приходской школе в д. Ваймуша см.: [Нетесова, с. 172–175].

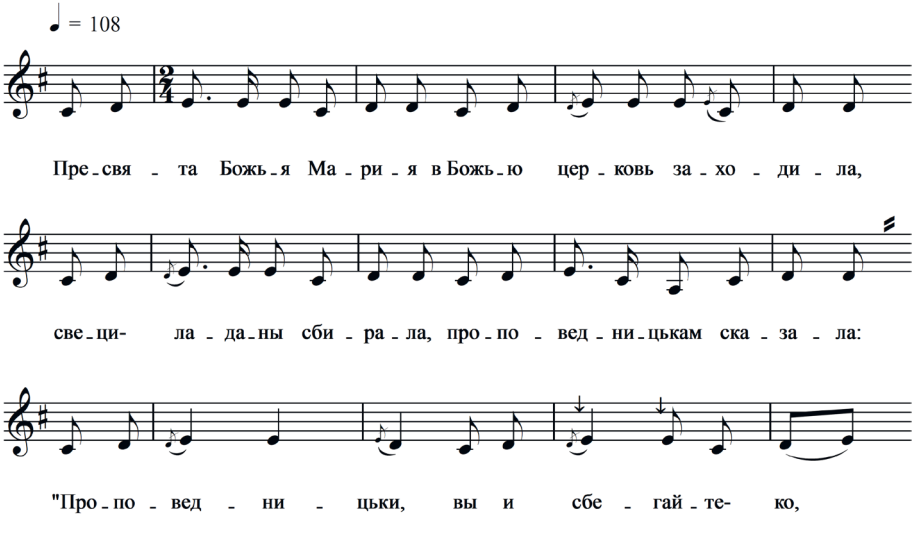
[40] Звукозапись: ФА ИРЛИ. МФ 2640.05.

[41] В статье приводятся примеры из публикаций: [Гилярова, с. 46–47 (№ 26); Народная традиционная культура, с. 65–66 (№ 1)].

Непосредственно за молитвословиями обычно следует колядка. В экспедициях 1980-х гг. А. Ю. Кастров зафиксировал варианты двух таких песен. Обе встречаются вперемежку на одной и той же территории.

А. И. Кормачёва поет колядку о том, как проповедники, отправленные Богородицей, будят спящего боярина, чтобы прославить родившегося в мир Спасителя (*нотный пример 4*). Прекрасный вариант этого сюжета приводит А. Н. Розов в своей статье о христославлении [Розов, с. 51–52], цитируя публикацию 1866 г. из Сумского Посада [Шешенин, с. 469]. Этот текст проясняет некоторые несколько темные по смыслу, очевидно искаженные детским восприятием на слух, стихи нашего образца: «Проповедуйте-ко, про *пови́дно-то вино*, про церьковно-то житьё». В сумпосадской колядке, опубликованной А. Шешениным, поется: «Проповедайте про книжное письмо, про Христово Рождество!» [Шешенин, с. 469]. Еще более близки к нашему варианту строки из сборника Н. Е. Ончукова [Ончуков, вып. 4, с. 102 (№ 19)]: «Проповедайте про то, што про книжное четьё, про церковно про петьё, про Христово Рождество»[42].

Нотный пример 3[43]

[42] В академическом собрании «Песни Печоры» эти строки звучат так: «Проповедайте про то, да что про книжное читьё, да что про церковное петьё, да про Христово Рождество» [Песни Печоры, с. 315 (№ 287)].

[43] «Пресвята Божья Мария в Божью церковь заходила». Колядка. ФА ИРЛИ. МФ 2632.01. Поет Кормачёва Анна Игнатьевна (см. примеч. 8). Записал А. Ю. Кастров в деревне Кеврола Кевральского сельсовета 25.02.1985. Нотация Е. И. Якубовской.

про - по - ве - дуй - те- ко,
Про по - вид - но- то ви - но, про церь - ков - но- то жить - ё,
Где, бы - ва, бо - я - рин- от жи - вёт?"
Ста - вай- бо, бо - я - рин, ста - вай, до - ро - гой,
С пе - ри - ны пу - хо - вой, с кро - ва - ти те - со - вой,
По - да - вай хри - сто - слав - цам пи - рог да пол - ти - ну,
се - ре - бре - ну грив - ну!
Пи - рог- ша - н(и) - га по - да - ва - ит - це,

Пресвята Божья Мария
В Божью церковь заходила,
Свещи-ладаны сбирала,
Проповедницькам сказала:
«Проповедницьки,
Вы и сбегайте-ко,
Проповедуйте-ко,
Про повúдно-то вино,
Про церьковно-то житьё,
Где, бывá, боярин-от живёт?»
Ставай-бо, боярин,
Ставай, дорогой,
С перины пуховой,
С кровати тесовой,
Подавай христославцям
Пирог да полтину,
Серéбрену гривну!
Пирог-шан(и)га
Подаваитце,
Серебреной копейкой
Покрываитце.
Не ломай ломкóм,
Да подавай целкóм!

Характер напева здесь формируют попевки, образованные на основе нисходящего хода от верхнего опорного тона (терция лада) к его тонике. Ход со второй на третью ступень, падающую на акцентный слог стиха, с последующим поступенным движением к первой, образует контур «просительной» интонации: «Ставай бо, боярин, ставай, дорогой!»

На Печоре эта колядка, записанная в нескольких вариантах как в Усть-Цилемском, так и в Нарьян-Марском районах, исполняется с иными напевами, чью выразительность определяют квартовые / секундовые нисходящие попевки [Песни Печоры, с. 155–156 (№ 122, 123)], более мелодически развернутые в записи из Нарьян-Марского района [Песни Печоры, с. 315 (№ 287)]. На Пинеге два варианта записаны экспедицией Московского уни-

верситета в Чакольском сельсовете; один из них, к сожалению, опубликован без напева [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 21 (№ 4)], о записи второго сообщается в комментариях [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 237].

Колядка, напетая У. М. Фефиловой (*нотный пример 4*)[44] отличается напевом повествовательно-декламационного склада. Он основан на попевках — формулах опеваний, которые складываются в тирады с различным числом стихов, описывающие события Рождества Христова, чудесную звезду и поклонение волхвов. Мы публикуем здесь одноголосный вариант, но имеются и многоголосные записи[45], где терцовые созвучия образуются благодаря одновременно звучащим разнонаправленным опевающим ходам. Этот тип образования фактуры можно обозначить как «разветвление» мелодической линии.

Нотный пример 4[46]

[44] Близкий вариант текста записан в деревне Кеврола: ФА ИРЛИ. МФ 2628.02 — запись от Черемной М. П. (1907 г. р., родом из д. Кеврола).

[45] ФА ИРЛИ. МФ 2640.01, 03–07, 09, 12 — запись от Вехоревой А. П., Немировой А. Х., Никулиной Т. А. (см. примеч. 36).

[46] «Пречистая Дева Мария Исуса Христа породила». Колядка; «Маленькой вьюльчик». Рождественская поздравительная припевка-щедровка. ИРЛИ. МФ 2621.07. Поет Фефилова Улита Матвеевна (см. примеч. 13). Записал А. Ю. Кастров в поселке Пачиха Кушкопальского сельсовета 21.02.1985. Нотация Е. И. Якубовской.

Трём ца - рям путь по - ка - за - ла.
Три ца - ря при - хо - ди - ли,
Бо - гу да - ры при - но - си - ли,
на ко - ле - ни при - па - да - ли,
И - су - са Хри - ста взве - ли - ча - ли.
Хо - зя - ин, хо - зя - ю - шка,
С празд - ни - цьком, да с Хри - сто - вым Ро - же - ством!
Ма - лень - кой вьюль - чик са - дил - се на стуль - чик,
Ду - до - чкой и - гра - е,
И - су - са Хри - ста взве - ли - ча - е.

Пречистая Дева Мария
Исуса Христа породила,
В ясли положила.
Звезда ясно сияла,
Трём царям путь показала.
Три царя приходили,
Богу дары приносили,
На колени припадали,
Исуса Христа взвеличали.
Хозяин-хозяюшка,
С праздничком,
Да с Христовым Рожеством!
Маленькой вьюльчик
Садилсе на стульчик,
Дудочкой играе,
Исуса Христа взвеличае.
Хозяин с хозяюшкой,
С праздницьком,
Да с Христовым Рождеством!

В обрядовой практике пинежан вслед за колядкой обычно исполнялась поздравительная припевка-щедровка с просьбой о вознаграждении в честь праздника — «Маленький ю́нчик» (или «ю́льчик», «вьюльчик» и даже «у́льчик», т. е. юноша)[47]: «Сначала „Рожество“ споем, а потом и *припра́шивам* тут, что „в дудочку играе, Христа проздравляе“... дак вот они дают цего — они хоть цего нанесут! Пекли, дак всё настряпают, и денег дава́ют. Обойдёшь

[47] А. Н. Розов высказывает замечание о назначении этих припевок «позабавить, повеселить хозяев» [Розов, с. 48]. Полевые материалы бесед с носителями традиции не дают оснований для таких выводов: все они сходятся в том, что такие припевки являются по своей функции «щедровками», побуждающими хозяев более щедро одарить маленьких христославцев. В публикациях также встречается переосмысление значения слова «юнчик» («юльчик») как имени собственного и написание его с заглавной буквы, например: [Святочная поздравительная поэзия, с. 192; Крашенинникова, Низовцева, с. 363 (подтекстовка в нотах)]. Если такое переосмысление принадлежит самим местным жителям, это должно специально оговариваться.

деревню, так и много насбира́шь»[48]. Вместе с тем У. М. Фефилова сообщила собирателю, что «это „Маленький юльчик садился на стульчик“ — кото́ры пели, а кото́ры не пели». При записи христославления целиком по просьбе собирателя она спела ее сразу же после колядки и на тот же напев (*нотный пример 4*).

Эти припевки, стабильные в отношении поэтического текста, склада стиха, отличаются чрезвычайно характерными вариантами напева. В целом можно сказать, что он состоит в близком родстве с мелодиями считалок и иными напевными формами игрового детского фольклора, что подтверждается и другими записями в районах Русского Севера. Так, типологически близок считалкам напев «Маленький юнчик», опубликованный в монографии, посвященной календарной культуре русского населения заводских поселений Коми [Крашенинникова, Низовцева, с. 41–42, 363 (ноты, № 4)]. То же можно сказать и о колядке «Ко́ляда, ко́ляда, ко́лядица», зафиксированной на Пинеге [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 189 (№ 1)]. К сожалению, в публикации, посвященной обрядовому фольклору Пинежья, припевка «Маленький у́нчик» [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 22 (№ 10)] опубликована без напева, поэтому судить о его сходстве с нашим нет возможности. Словесный же текст припевки, записанной студентами МГУ в д. Кушкопала, близок нашему (*нотный пример 5*). Между тем в архиве собирателей имеются 29 вариантов этого текста [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 238], в том числе записанных в тех же сельсоветах, что и наши образцы.

Некоторые словесные формулы, которые встречаются в колядках и припевках-щедровках, можно обнаружить в известных по публикациям текстах рождественских «рацей». Так, приводимые Н. Е. Ончуковым образцы «рацеи» («стиха») включают формулу: «вам, господам, господиновым жона́м» [Ончуков, вып. 4, с. 103, № 20 («Достойно удивление»)]; вар: «вам, господам, господинам и женам» [Ончуков, вып. 4, с. 110, № 27 («Христа славят»)], которую мы находим в пинежской припевке, записанной А. Ю. Кастровым (*нотный пример 5*).

Среди записей экспедиций Пушкинского Дома 1980-х гг. можно выделить несколько характерных версий интонационного оформления припевки-щедровки «Маленький юльчик». Вариант, напетый О. И. Сидоровой из д. Лавела (*нотный пример 5*) основан на повторе короткой терцовой утверждающей формулы, направленной к основному нижнему устою.

[48] ФА ИРЛИ. МФ 2618.01. Тарасова Лидия Яковлевна (см. примеч. 5).

Нотный пример 5[49]

[49] «Маленькой юл(и)цик сел на стульцик». Рождественская поздравительная припевка-щедровка. ФА ИРЛИ. МФ 2618.11. Поет Сидорова Офимья Ильинична (1902 г. р., родом из д. Лавела). Записал А. Ю. Кастров в деревне Лавела (околок Заéдовье) Лавельского сельсовета 17.02.1985. Нотация Е. И. Якубовской.

Маленькой юл(и)цик
Сел на стульцик,
В дудоцьку игра́ё,
Христа проздравля́ё.
Вам(ы) господам,
Господи́новым жёна́м,
Вам для потехи,
Нам на орехи.
Пирог-шан(и)га
Подаваитце,
Нам серебряной копейкой
Закрываитце.
Нам не дорога копейка
Серебреная,
Дорога наша козул(и)ка
Рожественная!

Л. Я. Тарасова из той же деревни исполняет вариант, передающий еще более активную интонацию утверждения за счет субквартового скачка к тонике (*нотный пример 6*).

Нотный пример 6[50]

[50] «Маленький ульчик сел на стульчик». Рождественская поздравительная припевка-щедровка. ФА ИРЛИ. МФ 2618.19. Поет Тарасова Лидия Яковлевна (см. примеч. 5). Записал А. Ю. Кастров в деревне Лавела Лавельского сельсовета 18.02.1985. Нотация Е. И. Якубовской.

Маленький ульчик
Сел на стульчик,
В дудочку игра́ёт,
Христа проздравля́ёт,
Вам на потехи,
Да нам на орехи!
Пирог-шаньга́
Подаваитце,
Серебряной копейкой
Покрываитце.
А нам не дороги копейки
Серебреные,
А нам до́роги козульки
Рожже́ственские!

В деревне Церкова Гора от последней пинежской «былинщицы» В. А. Кузнецовой[51] был записан необычный, редкий для местной традиции повествовательный напев припевки-щедровки «Маленькой юльчик», с вопросо-ответной структурой (*нотный пример 7*). Интересен и необычен также его поэтический текст, особенно завершение, явно взятое из книжной традиции стихотворных «рацей», хотя близкого аналога в их текстах нам найти не удалось. Далеким отзвуком внешне схожих с концовкой нашего образца звукосочетаний могут служить строки «рацеи», приводимой П. С. Ефименко: «Вы господа, подивитеся; златом, серебром поделитеся» [Ефименко, с. 148].

Нотный пример 7[52]

[51] Васса Алексеевна Кузнецова — потомственная сказительница из рода Мельниковых, уроженка д. Айнова Гора — сохранила в памяти достаточно полный вариант былины «Илья Муромец и станичники» [Былины Пинеги, № 41–44], который усвоила от отца и певала в юности вместе с братом — Андреем Алексеевичем Мельниковым [Былины Пинеги, с. 602 (коммент. к № 41)] (его вариант см.: [Былины Пинеги, № 40]), но исполняла его на напев баллады о братьях-разбойниках и их сестре.

[52] «Маленькой юл(и)чик садился на стул(и)чик». Рождественская поздравительная припевка-щедровка. ФА ИРЛИ. МФ 2623.06. Поет Кузнецова Васса Алексеевна (1898 г. р., родом из д. Айнова Гора). Записал А. Ю. Кастров в деревне Церкова Гора Карпогорского сельсовета 22.02.1985. Нотация Е. И. Якубовской.

Маленькой юл(и)чик(ы)
Садился на стул(и)чик(ы),
В дудочку игра́ё,
Христа проздравля́ё,
Здра́вьё жала́ё.
Восподин-хозя(а)ин(ы),
Повесели́ ми ся,
Христовыма словами, радостя́ми
Награди́ ми ся!

От Л. Я. Тарасовой из д. Лавела записан еще один сюжет припевки-щедровки: «Был я в Вифлееме, видел я чудо» (*нотный пример 8*). Она спела его на тот же напев, что и «Маленький ульчик» (*нотный пример 6*).

Нотный пример 8[53]

[53] «Маленькой мальчик, у Бога баранцик». Колядка-«щедровка». ФА ИРЛИ. МФ 2618.20. Поет Тарасова Лидия Яковлевна (см. примеч. 5). Записал А. Ю. Кастров в деревне Лавела Лавельского сельсовета 18.02.1985. Нотация Е. И. Якубовской.

Маленькой мальцик,
У Бога баранцик.
Был он в Вехлиéме,
Видел он цюдо,
Как Христос рождаитце,
К зéмле приклоняитце.
Ангели запели,
Громко загремели.
Я грóму боялсе,
К зéмле приклонилсе.
В землю колпачок –
Хозяин с хозяюшкой,
Пожалуйста, на чаёк!

Варианты этой припевки были записаны экспедициями МГУ на Пинеге; один из них, из д. Кушкопала, относящийся к изучаемой нами местной традиции, опубликован в сборнике «Обрядовая поэзия Пинежья» [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 238–239, коммент. к № 10]. Более раннюю версию мотива о громком пении ангелов, от которого «маленький юночик» в страхе пал на землю, можно найти в публикации рождественской «рацеи» у П. С. Ефименко: «Был я во граде Вифлееме, видел я чудо великое: Ангели на небеси возгремели; с этого грому пад на землю, не мог я встати, по дороге убежати» [Ефименко, с. 148].

Таким образом, картина рождественского христославления по материалам, записанным А. Ю. Кастровым на среднем Пинежье, дает возможность достаточно основательно судить о местной традиции распева. Диахронный аспект показывает степень полноты и точности передачи молитвословных песнопений у разных поколений. Значительную роль в осмысленном усвоении богослужебных текстов сыграло то, что они разучивались детьми в школе на уроках церковного пения, проводимых членами церковного причта. Это же обстоятельство положительно сказалось и на стабильности напевов молитвословий, впрочем имеющих тонкие местные отличия, не выводящие за рамки инварианта. Что же касается напевов колядок и припевок-щедровок, то для них как раз, согласно законам устной традиции, характерно многообразие вариантов интонационного прочтения. Корпус колядных текстов, представленный в собрании пинежских христославлений 1980-х гг., позволяет показать роль рождественских стихотворных «рацей» в формировании фольклорных текстов: от буквального совпадения строк («Маленькой юльцик», *нотный пример 5*) и целых сюжетов («Маленькой мальцик», *нотный пример 8*) до отдельных «квази-церковнославянских» словесных форм, творчески переработанных в изустной передаче («Маленькой юльчик», *нотный пример 7*).

Литература

Бернштам — *Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1983. 234 с.

Былины Пинеги — Свод русского фольклора: Былины: в 25 т. СПб.: Наука, 2012. Т. 7: Былины Пинеги / Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. 974 с.

Гилярова — *Гилярова Н. Н.* Голоса Хопра: Книга для взрослых и детей. М.: Научтехлитиздат, 2001. 93 с.+ 8 с. ил., нот.

Ефименко — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. 223 с.

Крашенинникова, Низовцева — *Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г.* Календарная культура русского населения заводских поселений Республики Коми / Отв. ред. Т. А. Золотова. Екатеринбург: КрО РАН, 2025. 440 с. + 16 с. ил., нот.

Народная традиционная культура — Народная традиционная культура Вологодской области / Сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. СПб.; Вологда: Изд-во Вологод. обл. науч.-метод. центра культуры и повышения квалификации, 2005. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны, ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / А. М. Мехнецов (руководитель авт. коллектива), Г. В. Лобкова, И. В. Корольков а и др. 416 с., ил., нот.

Нетесова — *Нетесова Н. А.* История Пинежских приходов. М.: Сказочная дорога, 2026. 260 с.

Обрядовая поэзия Пинежья — Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области, 1970–1972 гг. / Сост. В. Варганова и др.; под ред. Н. И. Савушкиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 279 с., нот.

Ончуков — *Ончуков Н. Е.* Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 1. С. 10–24; Вып. 2. С. 51–54; Вып. 3. С. 73–82; Вып. 4. С. 100–110. [Отд. отт.]: СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1908. 38 с.

Песни Печоры — Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 460 с., нот.

Розов — *Розов А. Н.* Русское рождественское христославление (материалы и исследование) // Русский фольклор: Материалы и исследования / Отв. ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. Т. 30. С. 20–53.

Святочная поздравительная поэзия — Святочная поздравительная поэзия в Фольклорном архиве СыктГУ: Систематический указатель / Сост. И. И. Демченко, Т. С. Канева (отв.): [Материалы указателя записей жанров обрядового фольклора] // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. Гуманитарных наук. 2013. Вып. 2. С. 185–199.

Шешенин — *Шешенин А.* Историко-этнографические очерки Сумского Посада в Кемском уезде Архангельской губернии // Архангельские губ. ведомости. Часть неофиц. 1866. № 50, 10 дек. С. 468–469.

Шмелев — *Шмелев И. С.* Лето Господне: Праздники: Рождество // Шмелев И. С. Избранное. М.: Правда, 1989. С. 368–374.

Якубовская — Русский фольклор и христославные песнопения на Анадыре и Колыме в записи В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900–1903 гг.) /

Публ. Е. И. Якубовской // Русский фольклор / Отв. ред. М. В. Рейли. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 58–178.

References

Bernshtam, T. A. (1983). *Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX — nachale XX v.: Etnograficheskie ocherki* [*Russian Folk Culture of Pomorye in the 19th — Early 20th Centuries: Ethnographic Essays*]. Leningrad: Nauka Publ., 234 p. (In Russ.)

Demchenko, I. I., Kaneva, T. S. (2013). 'Sviatochnaia pozdravitel'naia poeziia v Fol'klornom arkhive SyktGU: sistematicheskii ukazatel'' [Christmastide Congratulatory Poetry in the Syktyvkar Folklore Archive: A Systematic Index], *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriia Gumanitarnykh nauk*, 2, 185–199. (In Russ.)

Giliarova, N. N. (2001). *Golosa Khopra. Kniga dlia vzroslykh i detei* [*Voices of the Khoper River. A Book for Adults and Children*]. Moscow: Nauchtekhlitizdat Publ., 93 p. (In Russ.)

Ivanova, T. G., Kastrov, A. Yu., Reili, M. V., eds. (2012). *Svod russkogo folklora: V 25 t. T. 7: Byliny Pinegi* [*Collection of Russian Folklore. Vol. 7: Epics of the Pinega Region*]. St. Petersburg: Nauka Publ., 974 p. (In Russ.)

Krasheninnikova, Yu. A., Nizovtseva, S. G. (2025). *Kalendarnaia kul'tura russkogo naseleniia zavodskikh poselenii Respubliki Komi* [*Calendar Culture of the Russian Population of the Factory Settlements of the Komi Republic*]. Ekaterinburg: KrO RAN, 440 p. (In Russ.)

Mekhnetsov, A. M., Lobkova G. V., Korol'kova I. V., eds. (2005). *Narodnaia traditsionnaia kul'tura Vologodskoi oblasti* [*Folk Traditional Culture of the Vologda Region*]. St. Petersburg; Vologda: Oblastnoi nauchno-metodicheskii tsentr kul'tury i povysheniia kvalifikatsii. Vol. 1, pt. 1, 416 p. (In Russ.)

Netesova, N. A. (2026). *Istoriia Pinezhskikh prikhodov* [*History of Pinezhsky Church Parishes*]. Moscow: Skazochnaia doroga Publ., 260 p. (In Russ.).

Rozov, A. N. (1999). 'Russkoe rozhdestvenskoe khristoslavlenie (materialy i issledovanie)' [Russian Christmas Praise of Christ (Materials and Research)], in: Rozov, A. N., ed., *Russkii folklor. Materialy i issledovaniia* [*Russian Folklore: Materials and Research*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 30, 20–53. (In Russ.)

Varganova, V., Savushkina, N. I., eds. (1980). *Obriadovaia poeziia Pinezh'ia: materialy fol'klornykh ekspeditsii MGU v Pinezhskii raion Arkhangelskoi oblasti, 1970–1972 gg.* [*Ritual Poetry of Pinega: Materials of Folklore Expeditions of Moscow State University to the Pinezhsky district of the Arkhangelsk region, 1970–1972*]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 279 p. (In Russ.)

Yakubovskaia, E. I., ed. (2012). 'Russkii fol'klor i khristoslavnye pesnopeniia na Anadyre i Kolyme v zapisi V. G. Bogoraza, V. I. Iokhel'sona i Ia. Strozhetskogo (1900–1903 gg.)' ['Russian Folklore and Christ-Glorifying Chants in Anadyr and Kolyma as Recorded by V. G. Bogoraz, V. I. Jochelson and J. Strozhetsky (1900–1903)'], in: Reili, M. V., ed., *Russkii folklor* [*Russian Folklore*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 36, 58–178. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 248–264
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-248-264
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 248–264
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. А. Хробостова, Я. В. Слепков

Anastasia A. Khrobostova, Iakov V. Slepkov

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА: ПИСЬМА А. Я. ШТРЁМ К В. Я. ПРОППУ

FROM THE FAMILY ARCHIVE: LETTERS FROM A. IA. STRÖHM TO V. IA. PROPP

Резюме. В публикации приведены пять из 210 выявленных в семейном архиве писем сестры Владимира Яковлевича Проппа Альмы Яковлевны Штрём за 1943–1948 гг. На этот период в жизни Штрём, которая, следуя за ссыльным мужем, оказалась в республике Коми, пришелся значительный перелом в ее судьбе: от работы на лесоповале, нищеты, ухода за умирающим супругом, длительной болезни, одиночества и культурного «голода» — к устройству преподавателем в филиале Академии наук СССР и относительно безбедному существованию. Ее тексты, написанные ярко и живо, часто отсылающие к общим воспоминаниям брата и сестры, позволяют дополнить биографию знаменитого ученого и членов его семьи новыми сведениями. В письмах Штрём затрагиваются темы петербургского детства и юности, жизни сосланных немцев, эвакуации Ленинградского государственного университета в Саратов во время блокады, отношений Проппа с семьей и научным окружением. Комментарии дополнены фрагментами из воспоминаний Штрём, которые она писала в 1970-е гг., после смерти брата.

Ключевые слова: В. Я. Пропп, А. Я. Штрём, В. М. Жирмунский, история репрессий, эвакуация ЛГУ, борьба с космополитизмом, семейная переписка.

Информация об авторах: Хробостова Анастасия Александровна, ведущий археограф Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, a.khrobostova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7800-6389.
Слепков Яков Вениаминович, ведущий археограф Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, iakovslepkov@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6742-1673.

Для цитирования: *Хробостова А. А., Слепков Я. В.* Из семейного архива: письма А. Я. Штрём к В. Я. Проппу // Словесность и история. 2026. № 3. С. 248–264.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-248-264.

Abstract. The publication presents five of the 210 letters written by Vladimir Yakovlevich Propp's sister, Alma Yakovlevna Ströhm, between 1943 and 1948, which were discovered in the family archive. This period marked a major turning point in the life of Ströhm, who had followed her exiled husband to the Komi Republic. Her fate shifted from labor in logging camps, poverty, caring for her dying husband, prolonged illness, loneliness, and cultural "starvation" to the obtainment of a teaching position at a branch of the USSR Academy of Sciences and the achievement of a relatively comfortable life. Written in a vivid and lively manner and often referring to shared memories between brother and sister, her letters provide valuable new insights into the biography of the renowned scholar and his family. Ströhm's correspondence addresses topics such as her and her brother's childhood and youth in St. Petersburg, the lives of exiled Germans, the evacuation of

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Leningrad State University to Saratov during the Siege, and Propp's relations with his family and his academic circle. The commentary is further enriched with excerpts from Ströhm's memoirs, which she composed in the 1970s in the aftermath of her brother's death.
Keywords: V. Ia. Propp, A. Ia. Ströhm, V. M. Zhirmunsky, history of repression, evacuation of Leningrad State University, struggle against cosmopolitanism, family correspondence.
Information about the authors: Anastasia A. Khrobostova, Leading Archaeographer, Department of Manuscripts, National Library of Russia, St. Petersburg, Russia, a.khrobostova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7800-6389.
Iakov V. Slepkov, Leading Archaeographer, Department of Manuscripts, National Library of Russia, St. Petersburg, Russia, iakovslepkov@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6742-1673.
Received: February 5, 2026. ***Approved***: June 27, 2026.
For citation: Khrobostova, A. A., Slepkov, Ia. V. (2026). 'From the Family Archive: Letters from A. Ia. Ströhm to V. Ia. Propp', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 248–264.

Значительная часть жизни филолога Альмы Яковлевны Штрём (1896–1977) — младшего ребенка в семье Якова (Иоганна Якоба) Филипповича Проппа (1858–1919) и Анны (Анны Елизаветы) Фридриховны Бёзель (1859–1942) — прошла вне родного города, Петербурга—Петрограда—Ленинграда, где она получила образование и вышла замуж. Ее мужем был ученик и коллега Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971), филолог-германист, диалектолог и фольклорист Альфред Николаевич Штрём (1898–1944), который «с 1924 года участвовал в работе организованного Жирмунским семинара по изучению немецких поселений в СССР при Научно-исследовательском институте сравнительного изучения литератур и языков Востока и Запада» [Светозарова] (библиографию работ Штрёма см. там же).

30 декабря 1935 г. Штрём был арестован, а спустя два месяца приговорен к пяти годам лишения свободы по обвинению в руководстве контрреволюционной организацией, наказание отбывал в Воркутинском исправительно-трудовом лагере (подробнее см.: [Светозарова]). А. Я. Штрём в это время переселилась на три года в Саратов, откуда отправилась на поселение к освобожденному 15 февраля 1939 г. мужу под Воркуту. В январе 1942 г. Штрём вместе с женой был выслан в Коми АССР, работал на лесоповале, скончался в 1944 г., возможно, от туберкулеза.

В середине 1940-х гг., тяжело заболев, А. Я. Штрём провела около двух лет в больнице и в туберкулезном диспансере в Сыктывкаре; выздоровев, осталась жить в том же городе (незадолго до смерти она решила вернуться в Саратов [Сивкова, с. 328]). Все это время она поддерживала связь со своим братом, Владимиром (Германом Вольдемаром) Яковлевичем Проппом (1895–1970).

В семейном архиве Проппов к настоящему времени выявлено 210 писем А. Я. Штрём к брату за 1940–1960-е гг., не считая нескольких, сохранившихся

частично, в виде отдельных листов. Ниже приводится пять писем, по которым можно составить представление о семейных отношениях, детстве и юности Проппов, жизни ссыльнопоселенцев, эвакуации В. Я. Проппа в Саратов, семье и научном окружении ученого.

Ответные письма, вероятнее всего, не сохранились; личные вещи Штрём после ее смерти пропали: «Между ножками стульев и столов валялись стопки писем, когда-то перевязанные ажурными ленточками. Суровые мужчины в ватниках, сновавшие между улицей и подъездом, втаптывали в грязь ослепительно-белоснежное белье с аккуратной штопкой. „Что вы делаете?“ — спросили ошеломленные соседи. Ответ обескуражил своей простотой: „А что? Освобождаем квартиру. Ведь никого не осталось“. Потом все пожитки погрузили на самосвал и увезли на свалку. Лишь ветер еще несколько дней разносил по двору обрывки писем и конвертов с убористыми почерками» [Сивкова, с. 328].

Выражаем глубокую благодарность Луизе Николаевне Пропп, давшей разрешение на публикацию писем. Мы также признательны Татьяне Рафаиловне Осиповой и Фриде Рафаиловне Усвяцевой за сведения о семье и потомках О. Я. Шварц; Татьяне Владимировне Зеленовой и Ирине Генриховне Щегловой — за сведения о С. П. Пропп и ее потомках.

Тексты писем публикуются по оригиналам из собрания авторов настоящей статьи. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам, конъектуры публикаторов даны в угловых скобках. Даты писем унифицированы.

Воспоминания А. Я. Штрём, фрагменты которых приведены в комментариях, цитируются по ксерокопии подготовленной В. С. Шабуниным машинописи с выдержками из писем Штрём к нему (также передана публикаторам Л. Н. Пропп) и обозначаются «Из писем-воспоминаний».

1

⟨осень — зима 1943?⟩

Дорогой Воля[1]! Письмо твое от меня[2] и обрадовало, и очень огорчило. Здравым умом я, конечно, сама думала, что мама не смогла выжить[3], т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ еще от 5/XII 41 я имела телеграмму из Л⟨енингра⟩да, что мама слабеет, но что и Отя погибла[4], я никогда не думала. Напиши подробно все, что знаешь. Адрес Н. В. Яхимович[5]: Волжская, 21, кв. 2.

Сообщаю тебе вкратце кое-что о нас. С Воркуты, где мы жили во всех отношениях прекрасно, мы выехали в январе 42 г.[6] Тут нас ⟨нрзб⟩ передали в распоряжение лесопромышлен⟨ного⟩ хозяйства. Работа тут только физическая — лесоповал, сплав, и в небольшой дозе сельск⟨ие⟩ хозяйства. На первом лесопункте я работала банщицей, с Фр⟨едей⟩[7] в лесу по подготовке к сплаву.

Через 10 дней нас перекинули на второй лесопункт — там мы вместе пилили дрова, затем были переброшены на сель⟨ско⟩хоз⟨яйственный⟩ участок. Через 2 месяца Фр⟨едю⟩ назначили завед⟨ующим⟩ этим участком. По здешним условиям жили мы там ничего. Квартирка — комната, кухня и кладовка, часто проходили охотники, мы покупали у них глухарей, белок и пр., посадили первый год немного картошки, а второй год уже больше и табак, кроме того, я сушила и солила грибы и собирала бруснику на зиму. Так мы прожили 1 ½ года — сель⟨ско⟩хоз⟨яйственные⟩ работы все же легче и как-то ближе мне (Линевка[8]) — картошка, овес, сено. Сейчас этот участок ликвидировали и нас перебросили на последний, 4-й участок. Тут нам живется во всех отношениях очень тяжело. Живем как в вагоне, в общей комнате, ночью все кладу под голову (украдут!). Еще темно, когда все отправляются на работу — рубщики, возчики, свальщики, навальщики, дорожники, сучкожеги и десятники.

Первое время мы с Фр⟨едей⟩ были на повале, причем первые же дни нас чуть-чуть не убило дерево (неожиданность!), сейчас я жгу сучки, а Фр⟨едя⟩ на свалке (самая тяжелая работа). Приходим домой в темноте — дорога туда и обратно — 8 км. Дома тоже темно (иногда коптилка). Питание — 600 гр. и утром, и вечером суп ⟨нрзб⟩. Пока еще есть свое: картошка и немного грибов, а дальше не знаю и не думаю. Остальные наши соседи уже спят на голых досках и покрываются пальто, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ все променяли — но это тоже очень тру⟨дно⟩.

Климат и все проч⟨ее⟩ очень сурово, так что неотступно преследует мысль о том, как бы уж поскорее разделить мамину и Отину участь.

Вообще кинороман моей жизни мне очень надоел. Встретив меня на улице, ты, даже посмотрев на меня, не подумал бы: «На кого-то она похожа?» — так я изменилась — вся белая и худая как жердь. За прошлый месяц мы вместе получили заработок — 5 р.

Я бесконечно рада, что хоть ты живешь как человек и имеешь великое счастье — работать в своей области[9]. Напиши подробно — какие курсы ты читаешь, соединился ли Л⟨енинград⟩ский универс⟨итет⟩ с С⟨аратовским⟩ г⟨осударственным⟩ у⟨ниверситетом⟩.

Как Мишенька?[10] Как жизнь вообще, как вы питаетесь? У нас нет ни радио, ни газет, ни кино — кругом лес и лес, поэзия которого навек исчезла для меня.

Единственный человек, который мне пишет, это Лена Львова[11], но думаю, что в С⟨аратове⟩[12] многие помнят меня и лихом никто не поминает. Встречаешься ли ты с кем-нибудь из моих бывших товарищей по работе? Лена прислала мне Элин[13] адрес. Я написала, но письмо вернулось (адресат выбыл). Пришли все адреса. Где Рома и Робушка?[14] Мы ничего не знаем — пур тужур[15]

ли мы тут или нет. Эту зиму, может быть, еще выдержим, но дальше нет. Брат моей подруги Лотте Ш⟨тейнман⟩[16] уже погиб от истощения тоже в лесу[17]. Я пишу очень сухо и сжато не потому, что я стала черствой, но больше гарантии, что дойдет. Моя единственная маленькая радость — придешь, сядешь перед печкой и минут 10 читаешь хоть учебник.

К тебе просьба — если сможешь, вышли бандеролью какие-нибудь хоть старые газеты (литературн⟨ая⟩ «Сов⟨етское⟩ искусство»[18]) или журналы, «Огонек» или хоть что. Тут людям посылают. Ну кончаю, темно, все спят, устала сильно (выходных почти нет), уже третий день с t° хожу в лес. Если хочешь, зайди к моей подруге Наташе Яхимович, преподавательнице музыки (у нее познакомишься с музыкальн⟨ым⟩ миром[19]), она очень простая и хорошая, очень ее люблю, хотя она тоже забыла меня.

Целую. Жду ответа. Целую крепко Лизу[20], Мишеньку (нет ли его карточки?)

[1] Домашнее имя В. Я. Проппа, сокращение от «Вольдемар».

[2] В тексте письма оставлен пропуск. Вероятно, Штрём писала, не имея письма от брата под рукой, и предполагала вписать дату позже, но забыла сделать это перед отправкой.

[3] Анна Фридриховна Пропп (урожд. Бёзель; 1859–1942). Жила в Ленинграде по адресу Калашниковская наб., д. 32/33, кв. 39, вместе со старшей дочерью от первого брака, Оттилией (см. след. примеч.). Похоронена на Пискаревском кладбище в общей могиле.

[4] Оттилия Яковлевна Шварц (1876 (по другим сведениям 1877) — 1941). По сообщению Т. Р. Осиповой и Ф. Р. Усвяцевой, она была похоронена внучкой, К. П. Усвяцевой, на Большеохтинском кладбище. В книге [Мартынова, с. 142] ошибочно указано, что ее похоронила на Богословском кладбище ее дочь, М. К. Усачёва.

[5] Наталья Вячеславовна Яхимович (1895 — после 1960 (?)) — музыкант; дочь известного саратовского инженера В. А. Яхимовича (1875–1942); адресат стихотворения К. Д. Бальмонта «Беседка» (1919). «После окончания Саратовской консерватории по классу профессора А. Н. Дроздова с 1920 по 1922 год преподавала фортепиано в Пролеткульте. Позже, с середины 30-х годов, заведовала отделом специального фортепиано в центральной детской музыкальной школе на улице Т. Шевченко. А сразу же после Великой Отечественной войны, в 1946 году, Наталья Вячеславовна была приглашена в консерваторию преподавателем по классу общего фортепиано и проработала там почти пятнадцать лет» [Морковина].

[6] В январе 1942 г. А. Я. Штрём и ее мужа выслали в Корткеросский район Коми АССР [Мартынова, с. 18].

[7] Одно из домашних имен А. Я. Штрёма — Фредя.

[8] Верно — Линёво. Бывшее немецкое поселение (Линёво-Озеро, Гуссенбах) располагается на территории современного Жирновского района Волгоградской области. Там же находилось поместье с садом Я. Ф. Проппа, принадлежавшее до 20 декабря 1929 г. его наследникам [Мартынова, с. 99]. Подробнее об этом месте см.: [Бочкарева]. А. Я. Штрём писала: «А потом этот хуторок стал райским уголком. Отец разбил сад в 10 десятин, разводил самые разнообразные сорта яблок, ездил к Мичурину, хотел приучить и своих земляков к садоводству — и сумел это, мечтал, чтобы они там построили плодоовощной завод на кооперативных началах. И представьте себе: после смерти отца в 1919 году, после Октябрьской революции, его мечта сбылась» (Из писем-воспоминаний).

[9] В. Я. Пропп был эвакуирован из блокадного Ленинграда 3 марта 1942 г. [Мартынова, с. 143]. С апреля того же года жил с семьей в Саратове, где продолжил преподавать. В Ленинград Пропп вернулся в конце весны — начале лета 1944 г.

[10] Михаил Владимирович Пропп (1937–2018) — сын В. Я. Проппа от второго брака (см. примеч. 20 к наст. письму); в дальнейшем — гидробиолог.

[11] Неустановленное лицо.

[12] В Саратове А. Я. Штрём жила с 1935 по 1939 г. [Мартынова, с. 18].

[13] Элла Яковлевна Гефеле (урожд. Пропп; 1891–1975) — старшая сестра А. Я. Штрём и В. Я. Проппа, учительница. В 1941 г. она вместе с детьми была выслана из Саратова в Томск, возможно, как родственник репрессированного: ее бывший муж, Натан Адамович Гефеле (1887–1937), был приговорен к расстрелу по статье 58-10 УК РСФСР. В 1944–1946 гг. проживала в селе Мамонтово в Алтайском крае.

[14] Племянники В. Я. Проппа и А. Я. Штрём: Роман Натанович Гефеле (1915–?) — старший сын или пасынок Э. Я. Гефеле, художник, в конце 1930-х гг. — инструктор физической культуры общества «Динамо» или «Спартак» в Саратове; Роберт (Павел) Натанович Гефеле (1920–1999) — сын Э. Я. Гефеле, преподаватель немецкого языка, художник, краевед; работал на строительстве железного пути Абакан—Ташкент, на лесоповале в Хакасии, на шахте «Щекинуголь» в Тульской области; в 1960-е гг. переехал в Кулешово, затем — в Суворов, где работал в школах. В своих письмах к В. Я. Проппу Р. Н. Гефеле неоднократно говорил о сломанной судьбе и нереализованном желании заниматься творческой работой, а не физическим трудом.

[15] От *франц*. pour toujours — навсегда.

[16] Шарлотта Рудольфовна Молоткова (урожд. Штейнман; 1903–1983) — филолог, преподаватель немецкого языка; дочь Р. И. Штейнмана (1856–1916), директора училища святого Петра (Петришуле). В 1921–1925 гг. обучалась на факультете общественных наук Петроградского (затем Ленинградского) государственного университета, где, вероятно, познакомилась со Штрём.

[17] Возможно, речь идет о враче Рудольфе Рудольфовиче Штейнмане (1892–?). 25 февраля 1931 г. он был арестован, 7 октября того же года ему был вынесен приговор по статьям 58-4, 58-11 и 193-24 УК РСФСР — 10 лет заключения в концлагерях. В сентябре 1932 г. работал в центральном лазарете 4-го отделения УСЛАГа. Дальнейшая судьба неизвестна.

[18] Газета «Советское искусство» с 1 января 1942 г. по 28 октября 1944 г. была объединена с «Литературной газетой» под единым заглавием «Литература и искусство».

[19] А. Я. Штрём и В. Я. Пропп были с детства увлечены музыкой; Пропп свободно играл на фортепиано. См. статью И. И. Земцовского «Пропп-музыкант» [Неизвестный В. Я. Пропп, с. 448–451].

[20] Елизавета Яковлевна Антипова (1905–1979) — филолог-англист, фонетист, преподавательница Ленинградского государственного университета; вторая жена В. Я. Проппа (с 20 октября 1934 г.).

2

10 января 1944

Дорогой Воля! Давно получила письмо твое и ответила тебе, не знаю только, получил ли ты его. О себе пока ничего хорошего не могу сообщить. Все работаю в лесу, ноги уже отморожены (это не освобождает), силы со дня на день убывают, стала совсем слабой старушкой. Дорогу заносит, приходится ходить по пояс в снегу: нести на себе дрова. А главное — носилок-то нет. У меня к тебе очень большая просьба. Может быть, ты знаешь, где и кому Эля оставила мои вещи (целый сундук). Если сможешь, то продай, что сумеешь и как сумеешь, и пришли нам деньги. Нам даже не на что выкупать хлеб ⟨нрзб⟩,

суп ⟨нрзб⟩. Осталось у меня и много книг. Фр⟨едя⟩ у меня уже почти отходит от нормы на почве недоедания — все это очень тяжело, может быть, как-нибудь и протянем до весны, а там грибы спасут! От Эли ничего еще не имею, а ты? Где Робушка и Рома? Какое счастье, что тебя это миновало. Получила от Лены М. извещение о смерти ее мужа[1]. Целую крепко тебя, Лизу и Мишеньку, прости за беспокойство, но нет выхода. Как вы материально живете?

Пиши!

Саратов. Пр. Кирова, 18, комн. 413. Владимиру Яковлевичу Пропп.
⟨Почтовые штампы⟩: Лопыдино Коми 19.1.44; Саратов 11.2.44

[1] Неустановленные лица.

3

19 апреля 1946

Дорогой Воля! Получила на имя М. К.[1] — 305 р. Сердечно благодарю, но почему так много, ведь ты, наверное, еще не покончил с долгами. Да и Мусю[2] надо поддерживать. Обо мне, пожалуйста, меньше всех думай, я свой век отжила и как-нибудь обойдусь. Я не сразу после получки денег тебе ответила, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ ждала какого-нибудь письма, но его пока нет, на что я ничуть не обижаюсь, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ знаю, как вы все заняты.

Поздравляю тебя от всей души с рожденьем[3], и если б я была какая-нибудь добрая фея из сказок Перро, то, конечно, пожелала бы тебе, чтобы тебе исполнился не 51 г⟨од⟩, а чтобы, дойдя до 50, годы пошли обратно, но, к сожалению, я не в силах выполнить такие пожелания и потому желаю тебе здоровья, умственной бодрости и мира и дружбы дома.

О себе наконец-то могу сообщить, что у меня определенно пошло дело на улучшение — стала падать t° — 37^{3-4}, прибавила я почти целый пуд, даже если часть веса падает на жидкость в брюшной полости, то все же это много. Правда, я еще слаба, недавно в бане опять упала в обморок и вызывали сестру со шприцем, но все же перелом есть. Рентген показал, что затемнение стало меньше, и плевральн⟨ая⟩ жидкость тоже уменьшилась, т⟨ак⟩ ч⟨то⟩, может быть, скоро выпишут, а дальше я себе ничего не представляю. Эля пишет все очень грустные письма, она так одинока, дети пишут редко. Больше всего меня беспокоит, что у нее что-то, видимо, вроде аппендицита, вдруг нужна будет операция, а кто его знает, какие там врачи! Эля, как всегда, идет по линии наименьшего сопротивления и согласна вызвать и Робу, и Нету[4] к себе, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ там есть вакансии. Но я думаю, если уж их отпустят, то они смогут устроиться и в другом месте, где есть хотя бы железная дорога.

У нас, наверное, как и всюду, необычайно ранняя весна — на столике около койки у меня стоят вербочки, и я любуюсь на них. В палате у нас сейчас сплошь молодежь — от 15–22 л⟨ет⟩. Я им всем вместо мамы. А та высокая милая девушка, про которую я писала тебе, что я, глядя на нее, все время вспоминаю Мусю, — умерла! Все мои героини позалезали под одеяла, а я все время сидела около нее, и так она и умерла, и ее рука застыла в моей.

Пожалуйста, прошу тебя временно писать мне по адресу: Сыктывкар, ул. Орджоникидзе, школа № 1, преподав⟨ательни⟩це М. К. Д. Хозяйка Манечку гонит с квартиры, и пока неизвестно, переедет ли она и куда, а тут люди такие, что могут и не впустить в дом. Адрес этот вполне надежен, ей тоже пока туда будут все высылать.

Как у вас дома? Какие планы на лето? Как Муся? Сделали ли операцию Ксанечке Михайловой?[5] Удалось ли Гейману выписать жену?[6] Кто все же Зоя Николаевна?[7] Не знаешь ли что про Ольгу Леопольдовну[8], Альбину[9] и особенно про Лотте Штейнман-Молоткову и Эльзу Павловну Иванову-Смоленскую?[10] Они обе преподавали в Университете. У нас было стало немного легче жить, но сейчас пути нет, все коммерческое исчезло, и на базаре все опять стало дороже. Лиля[11] пишет мне редко — у нее, конечно, своя жизнь, и ей не до меня. Как Мишенька? Крепко вас всех целую и очень за все благодарю. Праздновали ли вы рождение?

Твоя А.

Родила ли Ксеничка?[12]

Ленинград. Ул. Марата, 20, кв. 37. Профессору Владимиру Яковлевичу Пропп.

⟨Почтовые штампы⟩: Сыктывкар 23.4.46; Ленинград 12.5.⟨46⟩.

[1] Мария Карловна Дорн (урожд. Коссе; 1891–1981) — знакомая детства Штрём. См. о ней и фотоархиве ее семьи: [Дачная жизнь]. В письмах Штрём называла ее «М. К.», «М. К. Д.», «Манечка». Встреча с Дорн была спасительной для Штрём: «Хочу только еще сказать, как добр был Воля ко мне во время, или, вернее сказать, после войны, когда мы опять нашлись. Я ведь во время войны работала в лесу в Коми крае, вернее, пыталась работать, но не могла из-за сердца, убежала из леса и уже в Сыктывкаре попала в больницу. Во мне было 28 кг, и я полтора года лежала сперва с дистрофией, а потом в туберкулезной больнице с экссудативным плевритом. Случайно, как это бывает в жизни, я встретила здесь двоюродную сестру моей любимой Лили (...). Я шла по улице в мужских, не по ноге, сапогах, в рваном полушубке, стриженная наголо, в каком-то подобии платка на голове. И только что была в кино, и, так как у меня не было ни копейки, я отдала свой хлебный паек кассирше за билет на фильм „Жила-была девочка" о блокаде в Ленинграде, о котором я так грустила! Я была так худа, что едва высидела на жестком стуле. И тут я встретила Мери Карловну, мне она показалась такой элегантной с муфточкой в руках, а я была без перчаток в 30° мороза. Как-то я тогда на все смотрела через совсем другие очки на весь мир! Мелькнули воспоминания юности, старинный дом на Выборгской стороне,

гостиная в колоннах, и мы веселились в пестром карнавале, а Мери Карловна была постарше нас и уже „невеста"... и первый мой импульс был броситься к ней, и тут же другая мысль: какой же у меня вид?! — кладбищенской нищей, захочет ли она меня знать такую — и я прошла мимо. И все же судьба была милостива ко мне: когда я попала наконец в больницу и когда я наконец начала немного ходить, я пошла по палатам в поисках духовной пищи, и вот у одной больной на тумбочке я увидела „Сонеты Петрарки" — для Сыктывкара того времени — чудо! Больная была преподавательница английского языка. Мы с ней разговорились, и она случайно назвала имя Мери Карловны. „Так это была она! Передайте ей привет от Лилиной подруги Али". Моя учительница выписывалась, и на следующий же день — это был жаркий июльский день — уже пришла ко мне Мери Карловна в платье в золотистую и сиреневую полоску, залитая солнцем, — мне она казалась каким-то небесным явлением! Она принесла черничный пирог, была мне страшно рада, хотя врачи ей и сказали, что мне осталось жить самое большее 10 дней, — это она мне рассказала, когда я уже выжила. ⟨...⟩ С тех пор не было ни одного дня, чтобы она не приходила, не приносила мне книги и передачи! Она поехала в Ленинград, нашла там Волю и рассказала ему все обо мне. Она переехала жить недалеко от туберкулезной больницы, где я лежала, и сказала мне, чтобы я постаралась как-нибудь в „мертвый час" зайти к ней, хотя бы в больничном халате. Дома она усадила меня в кресле, открыла чемодан и стала вынимать одну вещь за другой. Обо всем-то подумал Воля! Тут были белье, чулки, туфли, белая фуфайка, черное платье и пластмассовая коробка (она и сейчас у меня) с шоколадом! А я только сидела и заливалась слезами! Мери Карловна говорила мне, что увещевала Волю, что это слишком много, но он и слышать не хотел. Я ведь была просто голая, и меня не могли выписать из больницы, хотя я уже поправлялась, так как не в чем было. А теперь я могла выписаться! В больнице мне дали телогрейку и оставили работать бельевщицей и банщицей. Больных я жалела, и они отвечали мне любовью, но я думала, что никогда уже не выберусь со дна!» (Из писем-воспоминаний).

[2] Мария Владимировна Пропп (1924–2015) — дочь В. Я. Проппа от первого брака с историком Серафимой Павловной Пропп (урожд. Соколовой; 1905–1990), биолог.

[3] День рождения В. Я. Проппа праздновался 28 апреля (16 апреля по старому стилю).

[4] Анна Натановна Гефеле (1916–?) — дочь Э. Я. Гефеле, врач; ее домашнее имя — Нета. В 1943 — первой половине 1946 г. жила на станции Сама в Ивдельском районе Свердловской области. 29 июня 1946 г. она писала В. Я. Проппу: «Постепенно начинают все же люди от нас уезжать, особенно те, у которых имеются дома дети. Некоторых отпускают по вызовам. Я писала маме, чтобы она мне выслала вызов через Райздрав, но там нет вакантных мест, поэтому они вызов выслать не могут. У Робы почти такое же положение, как и мое, он писал в Москву, но ответа пока что еще не было».

[5] Ксения Михайлова (урожд. Новикова; ?–1962). В юности — возлюбленная В. Я. Проппа, впоследствии первая жена его друга — филолога, преподавателя немецкого языка Дмитрия Дмитриевича Михайлова (1895–1941). Прототип героини по имени Ксения в автобиографической повести Проппа «Древо жизни».

[6] Возможно, речь идет о Фриде Карловне Гейман, жене филолога-германиста Бориса Яковлевича Геймана (1899–1968), которая в 1941 г. была осуждена на спецпоселение в Томской области. После выпуска из Петроградского университета в 1923 г. Гейман преподавал в Саратове и Энгельсе, по возвращении в Ленинград в 1932 г. — в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена и Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (в 1937 г. слит с Ленинградским государственным университетом).

[7] Неустановленное лицо.

[8] Неустановленное лицо.

[9] Неустановленное лицо.

[10] Эльза Павловна Иванова-Смоленская (1894–1968) — преподавательница немецкого языка, автор методических работ.

[11] Елизавета Ивановна Тавастшерна (урожд. Сарапик; 1897–1967) — подруга детства и одноклассница Штрём, двоюродная сестра М. К. Дорн.

[12] Ксения Павловна Усвяцева (урожд. Усачёва; 1922–2000) — дочь М. К. Усачевой (см. примеч. 19 к письму 4), внучка О. Я. Шварц, внучатая племянница А. Я. Штрём и В. Я. Проппа. В 1946 г. родилась ее вторая дочь, Ф. Р. Усвяцева.

4

22 мая ⟨1946⟩

Дорогой Воля! Воскресенье 20-го пришла Манечка, принесла мне твое письмо от 2/V, большое тебе за него спасибо. Мы сели с М. К. на крылечко и прочитали его вместе. Она почему-то имеет издали к тебе большую симпатию и очень обрадовалась, что ты тоже не любишь Шостаковича[1]. Для меня тоже лучше Моцарта ничего на свете нет, за время болезни ведь часто приходилось думать о смерти, и всегда мне хотелось, умирая, слушать Моцарта и умереть примиренной с жизнью. Ну, а у нас антураж таков — недавно передавали по радио «Дон Жуана», а одна из больных и говорит: «Ради бога, выключите радио, это точно телега громыхает!» — и это еще девушка-учительница! Вообще удивительно немузыкальный пёпл[2]. Я помню, мама всегда просила меня, чтобы я пела ей «венн их ейнмал золл шейден»[3], когда она будет умирать, и даже это я не смогла исполнить! А сегодня день маминого рождения — 9 мая!

Ты пишешь про посылку, пожалуйста, не ломай себе на этот счет голову, мне вообще с посылками не везет, ну и бог с ней! И денег, пожалуйста, лишних не присылай, а лучше прибереги их на лето. Я тебе очень советую поехать в Теберду (Северн⟨ый⟩ Кавказ) в «Дом отдыха ученых», если сможешь получить путевку. Я была и в Сочи, и в Адлере, и в Гаграх, в Пятигорске, в Кисловодске, и на всем крымском побережье, и все это мне совершенно не понравилось по сравнению с Тебердой. Там совершенно чудесно, кругом лес, масса земляники, дикие, прозрачные, как хрусталь, горные ручьи, альпийские луга, глетчеры, синие горные озера. И сам дом отдыха очень благоустроен, прекрасные цветники, хорошие комнаты, отличное питание и т. д. А главное, дикое место, ничего курортного. Только надо ехать в старый дом отдыха в самой Теберде, а не в Али-бек. Я, конечно, не любитель лазать по горам, но я как зачарованная сидела всегда на балконе и только любовалась зелеными горами и вдыхала всей грудью какой-то особо легкий воздух. Немножко противна только там какая-то рангорднунг[4] среди больных, более важные и менее важные. Зато Комаров († президент Академии наук)[5] и его жена[6] держали себя скромнее всех. В Крыму «Гаспра» тоже хороша, но совсем уж не то, что Т⟨еберда⟩.

Манечка, как только кончатся экзамены, собирается в Л⟨енингра⟩д, и, если вы будете в городе или где-нибудь в окрестностях, конечно, повидается с тобой. Получила наконец и от Лили два письма и 2 старые фотографии — одна — мы с Ксеной[7], на другой мы с тобой в маскарадном костюме. Сколько сразу воспоминаний! С грустью вспоминала свою последнюю встречу с Ксеной, когда она лежала умирающая, тоже от этого проклятого tbc[8], в санатории под Москвой. Она лежала все такая же розовая, только чуть похудевшая, в своих белых подушках; была зима, за огромными зеркальными окнами качались старые ели, я сидела у нее до сумерек и, как Пер Гюнт свою старую мать[9], баюкала ее сказками о том, как я увезу ее в Линевку, буду кормить гоголь-моголем и поить парным молочком. Этой мечтой она опять зажила, а через 2 недели умерла! Как хорошо, что Муся уже в Токсово[10], как мне ее ужасно жалко, у нас тоже все молодые девушки вяжут и вяжут: чулки, кружева и пр⟨очее⟩ с утра до вечера, и я уже научилась. Но у нас, у нас — немолодых — ведь большой культурный багаж и воспоминания, и это помогает жить, а как тяжело таким молодым! Представляю себе, как чудесно сейчас в Токсове, для меня нет лучше этой нежной северной весны, помнишь приютинский парк[11] весь в белых анемонах?! Тут их нет, и вообще тут нет таких «дураков», которые бы продавали или покупали цветы! Лиля еще пишет, что ее сын Кира[12] по университету подружился с Лешей Жирмунским[13]. Когда бледный юноша вернулся с фронта, он застал мать[14] одну. Жирмуниус-то[15], оказывается, развелся и женился[16]! Эх, слюнтяй противный, сушка, какой он завистливый, как не переносит молодых талантов, затирает своих учеников, и как он всегда противно на лекциях смаковал все schlüpfrige[17] места. А кто же это вышел за него замуж? Наверное, какая-нибудь девчонка, которая прельстилась на его пайки? Правда, Танечка однажды ему дурхгеганген[18] с одним художником, но это неудивительно! Лиля пишет очень мило, она все же осталась сама собой, а это сейчас так редко и ценно. Меня очень печалит, что Эля пишет все такие грустные письма, и не знаю, как и чем ей помочь. Когда-нибудь же отпустят ребят, я только и живу этим, а уж на Воркуту нас всегда пустят. Там ведь очень хорошие условия, и можно культурно жить.

Насчет своего драгоценного здоровья могу сообщить, что t° снижается $37^{4-3-2-1}$ и даже 37^{0}. Я уже не такая слабая, врач разрешила немного гулять вокруг дома. Меня теперь больше беспокоят живот и боли в печени (не могу сидеть), причем я абсолютно соблюдаю диету, совершенно не пью, что часто бывает очень тяжело, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ уже бывает душно и жарко. Я немного надеялась, что это не так, но опять был обход, и главврач подтвердила, что у меня асцит, и еще огорчила меня тем, что это якобы самостоятельное заболевание,

а лечащий врач говорит, что это все связано. Врачи между собой не ладят, и если один говорит «бело», то другой говорит «черно», пойди разберись!

Итак, Магда[19] тебе пишет, и что? Отчего же она мне ничего не пишет? Я ведь ее ни о чем не прошу, поздравила ее с замужеством и даже с рождением. Правда, я ее раз пробрала за то, что она ссорится с Рафаилом[20], и напомнила ей, как ей было сладко от родителей из-за ее Усачева[21], ведь это то же самое, она еще считает, что раз он на 12 л⟨ет⟩ старше ее, то он ей уже не подходит, но и Кузьмич настолько был старше ее, а теперешний[22] еще того больше, и потом ведь это все условно и совершенно глупо! А как Ксеничка, родила ли она? И Туспельда?[23] Мишенька, наверное, уже благополучно кончил свою учебу и теперь блаженствует? Думаю, что меня скоро выпишут, не потому, что я поправилась, а потому, что мест нет, а я давно лежу, ведь уж 1 г⟨од⟩ 4 месяца — целый срок! Когда будет точно известно, что М. К. едет в Л⟨енингра⟩д, я тебе напишу, куда писать, а пока пиши по старому адресу, на нее. Целую вас всех крепко, крепко,

твоя А.

[1] Ср. запись в дневнике В. Я. Проппа от 5 января 1968 г.: «Под Шостаковича я скучаю. Ничего не могу с собой поделать. Не цепляет. А Моцарт — беспрерывное счастье» [Неизвестный В. Я. Пропп, с. 320]. См. также его записи о Моцарте в дневнике 1965 г.: от 17 января (о музыке как самом сильном потрясении дня), от 29 января (об игре на фортепиано), от 4 февраля (о прослушивании пластинки и игре на фортепиано). 3 июля 1966 г. Пропп писал Л. М. Ивлевой: «Моцарт — бог моей юности. Я люблю его за светлость, мелодику, прозрачность, а также за глубину и трагичность» [Письма В. Я. Проппа, с. 287]. И. И. Земцовский отдельно отметил, что Пропп произносил фамилию композитора с ударением на второй слог — Моца́рт [Неизвестный В. Я. Пропп, с. 451].

[2] От *франц.* peuple — люди, народ..

[3] «Wenn ich einmal soll scheiden» — хорал из оратории И. С. Баха «Страсти по Матфею» (BWV 244).

[4] От *нем.* Rangordnung — иерархия.

[5] Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945) — ботаник; с 1936 по 1945 г. занимал пост президента АН СССР.

[6] Надежда Викторовна Комарова (урожд. Старк; 1886–1962) — вторая жена Комарова; ботаник, преподавательница.

[7] Неустановленное лицо. Вероятно, подруга детства А. Я. Штрём.

[8] Туберкулез.

[9] Такой сценой завершается третье действие пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт».

[10] В годы войны М. В. Пропп лечилась «в костно-туберкулезной клинике профессора Коренева» (Из писем-воспоминаний). В Токсово жила ее мать, С. П. Пропп.

[11] Речь о бывшей усадьбе А. Н. Оленина под Ленинградом (ныне музей). Письмо А. Я. Штрём к В. С. Шабунину от 1 марта 1973 г.: «...была в Петербурге такая молочная ферма „Приютино“ ⟨...⟩. Муж моей старшей сестры был там до Октября ⟨некоторое⟩ время агрономом, и мы с Волей часто гостили там. ⟨...⟩ парк — весь в этих чудесных бело-розовых анемонах. Это была чистейшая поэзия, по лугу протекала речонка, а берега ее голубые от незабудок»; письмо от 15 июня 1973 г.: «Муж моей старшей сестры ⟨...⟩ агроном, специалист по молоку — Карл Иванович Шварц ⟨...⟩. Он был моим крестным

отцом, был добр ко мне, очень честный, добросовестный и очень скучный. Приютино в то время было самой знаменитой, образцовой в то время в Петербурге молочной фермой. Ездили мы туда часто, больше с Волей, иногда и с мамой. ⟨…⟩ На Охте начиналась Ириновская железная дорога. Садились в бутафорские вагончики, хрипло свистел допотопный паровозик, ⟨…⟩ до станции Приютино было 11 верст, и пешком можно было скорей дойти, чем пользоваться этим допотопным транспортом! Тогда за станцией Приютино были станции Всеволожская, Бернгардовка, а конечным пунктом была станция „Мельничий ручей". Когда мы выходили со станции, то сперва шли немного вдоль забора и через ворота попадали в имение. Почти сразу у входа стоял неказистый двухэтажный дом из красного кирпича, внизу была контора, а наверху жила моя сестра. У них были четыре небольшие комнаты. Господский дом был почти напротив. Этот некрасивый кубообразный дом скоро снесли, и для управляющего построили „дачу" — уже много дальше, за ручьем» (цит. по машинописной копии В. С. Шабунина; из собрания публикаторов).

[12] Кирилл Николаевич Тавастшерна (1921–1982) — сын Е. И. и Н. И. Тавастшерна, астроном.

[13] Алексей Викторович Жирмунский (1921–2000) — сын филолога-германиста В. М. Жирмунского (1891–1971) от первого брака, биолог. В 1939 г. поступил на биологический факультет Ленинградского университета, в октябре этого же года был призван на военную службу. После демобилизации в октябре 1945 г. продолжил обучение в университете, окончил его в 1950 г.

[14] Татьяна Николаевна Жирмунская (урожд. Яковлева; 1903–1999) — первая жена В. М. Жирмунского, художница, искусствовед.

[15] Неясно, чем было вызвано негативное отношение Штрём к Жирмунскому, выраженное и в других письмах тех лет к брату. Благодаря совместной работе ее мужа с Жирмунским они тесно общались в 1920–1930-е гг. 6 октября 1971 г. А. Я. Штрём сообщала В. С. Шабунину: «Жирмунский часто в шутку называл меня „The Lady of The Lake" — по ассоциации с школой английских поэтов озера» (Из писем-воспоминаний). Свадьба Пропп и Штрёма праздновалась в квартире Жирмунского (сообщено Л. Э. Найдич). В 1968 г. Жирмунский приложил усилия для реабилитации Штрёма во время пересмотра дела.

[16] Нина Александровна Жирмунская (урожд. Сигал; 1919–1991) — вторая жена В. М. Жирмунского; переводчица, литературовед. Развод Жирмунского с первой женой был оформлен только осенью 1948 г. Об обстоятельствах семейного скандала и отношении к нему коллег-филологов, а также о его влиянии на репутацию Жирмунского и Сигал см.: [Дружинин, с. 388–389].

[17] Сальный, фривольный (*нем.*).

[18] От *нем*. durchgegangen — *дословно*: сбежала; обычно в специфическом контексте измены и оставления женщиной (сообщено К. Ю. Лаппо-Данилевским).

[19] Магда Карловна Усачёва (урожд. Шварц; 1895–1980) — дочь О. Я. Шварц, племянница А. Я. Штрём и В. Я. Проппа. После революции работала учительницей в Приютине, там же вышла замуж за П. К. Усачёва (см. примеч. 21 к наст. письму). Она была выслана как немка в Казахстан, жила в селе Токаревка Карагандинской области.

[20] Рафаил Давидович Усвяцев (1911–1987) — муж К. П. Усачёвой, преподаватель техникума.

[21] Павел Кузьмич Усачёв **(**1880 (?) — 1931 (?)**)** — лесничий.

[22] Второй муж М. К. Усачёвой (имя и годы жизни не установлены). По сообщению Т. Р. Осиповой и Ф. Р. Усвяцевой — немец, ветеринар, был репрессирован через год после заключения брака.

[23] Младшая сестра К. П. Усвяцевой (имя не установлено; 1927–?). Туспельда, Туся — по сообщению Т. Р. Осиповой и Ф. Р. Усвяцевой, образовано либо от «Мария» (Маритуся), либо от «Наталья» (Натуся). В 1944 г. переехала из Ленинграда к матери в Казахстан.

5

21 ноября ⟨1948⟩

Воля, дорогой! Невольно начинаешь верить в какие-то флюиды, не получая писем от тебя, я все время с какой-то тревогой думала о тебе, проходила целый день с открыткой к тебе, а придя домой, обнаружила в ящике письмо. Журнал «С⟨оветская⟩ э⟨тнография⟩»[1] я не видела и пока еще не читала. Все эти дни я думаю о тебе. Ты всегда так стойко, по крайней мере судя по письмам, относился к невзгодам такого рода. Но ведь, конечно, всякому терпению есть предел, особенно если это еще отражается на ежедневной работе. Я не сомневаюсь, что все перемелется и перемен в твоей работе не будет (я, по крайней мере, сужу о нашей обстановке — все же степенями очень дорожат), только все это нелегко пережить, даже будучи философом[2]. Но, с другой стороны, жизнь ведь таким колесом крутится, как и не заметишь, как ты сегодня внизу, а завтра опять наверху. Ведь я вот была ведь совсем, совсем на дне (но в моральном отношении — нет), не было буквально рубашки на теле, а потом эта работа в форест[3], а еще хуже тут — грязное белье, вши и т. д., и т. д., а ведь еще до форест я была и банщицей, и утиль собирала, и уборные чистила — а вот курилка опять жив, дальше больше я скажу, старая премудрость в словах — вен гот либт ден цюхтигт ер[4]. Я стала внутри совсем другая и живу иначе.

Ну, если даже... (обидно ужасно!), не будешь же ты без работы, а там остается еще очень, очень много — семья (вот мои соседи — он тоже научный работник — живут пять человек на 1.300 р⟨ублей⟩), книги, музыка, Л⟨енингра⟩д, а потом тот ларчик, который внутри, наполненный никому не ведомыми сокровищами — мысли, воспоминания, культура, — ведь это никто и ничто не может у нас отнять, пока мы сами не забросаем его — как это было у Фр⟨еди⟩. Недавно тоже было очень тяжело и грустно на душе — и вдруг 7-я симф⟨ония⟩ Бетховена и мое самое любимое — кажется, allegro, — и сразу стало, точно кто-то тихо по голове погладил или руку пожал. Я сейчас ни на что не жалуюсь, но помню каждую минуту, что живу у подножия Везувия. Иногда думаю, когда что-нибудь делаю: на что? Но все равно, ведь всего не предугадаешь, и потому забавляюсь, как дети куклой, тем, что мне нравится, — вчера мне сделали ширмочку, чтобы скрыть прозу жизни в виде плиты. Работы много, даже слишком[5], 3 раза в неделю хожу к 7 ½ (политзанятия и кружки с научн⟨ыми⟩ работниками), всего у меня сейчас 28 ч⟨асов⟩ да еще 4 в партшколе и 6 часов частных (по соседству — gratis[6]). За все получаю одну ставку, хотя сильно перерабатываю, но т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ у нас не педагогическ⟨ое⟩ заведение, то как-то никто этого не понимает — я считаюсь на ставке, не по часам, — ну все равно. Пока хватит сил и здоровья, пью

понемногу ежедневно рыбий жир и держусь. Сижу над французским, тоже не думала, что еще и это мне пригодится, понемногу всплывает в памяти. Сейчас прорабатываю Щербу — «Фонетика франц⟨узского⟩ языка»[7], и хотя прошло вот уже 32 года, как вчера помню, как декламировала ему на экзамене по фонетике монолог из «Сирано де Бержерака»[8]. Прочли мы с моей старушкой[9] и А. Франса, которого ты мне прислал, есть очень хорошие места, с тонким юмором и эмоцией, как уж это ему свойственно.

Получила письмо от Эли, у нас родился еще внучатый племянничек, Владимир Дворецкий[10], письмо унылое, перед окном мусорный ящик, лужа, и так все серо, серо и безрадостно — но ведь синяя птица не прилетает к нам. Беда с Робушкой, в 30 лет считает себя конченым человеком, и никто не может помочь, раз в самом нет бродильного фермента!

Ты ничего не пишешь про Лизу (как у нее нынче складывается жизнь и нагрузка) и Мишеньку. Что же слышно про Магду — ведь, наверное, Ксеничка знает — и Тусю[11].

Крепко целую, не грусти, пиши скорей — хоть хорошо, хоть плохо. Всех крепко целую. А что Муся и Элличка?[12] Что твой Плис⟨овский⟩?[13] Его жена работает у нас уборщицей!

А.

[1] Видимо, в письме В. Я. Проппа речь шла об одном из двух выпусков журнала «Советская этнография» (№ 2 или № 3). В обоих выпусках были напечатаны статьи и материалы, содержащие нападки на Проппа в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, см. подробнее: [Дружинин, с. 49–51].

[2] Вследствие нервных потрясений, вызванных «проработками» ученого и его коллег, в конце 1949 г. Пропп пережил обширный инфаркт.

[3] Имеется в виду работа на лесоповале, от *англ.* forest — лес.

[4] Wen Gott liebt, den züchtigt Er (*нем.*) — «⟨Ибо⟩ Господь, кого любит, того наказывает» (Евр. 12: 6).

[5] В 1947 г. Штрём была принята на работу в Коми филиал АН СССР, где преподавала немецкий и французский языки аспирантам.

[6] Бесплатно (*нем.*).

[7] Вероятно, Штрём пользовалась изданием: [Щерба].

[8] В 1916 г. А. Я. Штрём «с отличием окончила французское отделение курсов иностранных языков Бобрищевой-Пушкиной, директором которых был Л. В. Щерба, гуманный и просвещенный человек, который пресекал в корне все националистические выпады, видимо неизбежные во время войны в учреждении, где учились и „немцы", и „французы", и „англичане" и где даже французы-преподаватели не скрывали ненависти к немцам и называли их „бошами"» [Мартынова, с. 18].

[9] Видимо, имеется в виду соседка-ученица.

[10] Владимир Робертович (Роберт-Павлович) Дворецкий — фотограф.

[11] По сообщению Т. Р. Осиповой и Ф. Р. Усвяцевой, отношения М. К. Усачёвой с дочерью, К. П. Усвяцевой, были сложными и общение между ними прервалось.

[12] Елена Владимировна Шурыгина (урожд. Пропп; 1932–1993) — дочь В. Я. Проппа от первого брака.

[13] Федор Васильевич Плесовский (1920–1988) — фольклорист. Осенью 1947 г. был направлен в Институт русской литературы для учебы в аспирантуре; готовил кандидатскую диссертацию «Эпический фольклор народа коми» (по другим сведениям — «Сказки народа коми», см.: [Диссертации, с. 253]) под руководством Проппа, которую защитил 29 марта 1951 г. Во время учебы в аспирантуре неоднократно выезжал в экспедиции; во время очередной поездки познакомился с Мариной Алексеевной Плесовской (годы жизни не установлены), которая стала его женой; подробнее о биографии Плесовского см.: [Кудряшова]. Литературу о Плесовском см.: [Календарь, с. 52].

Литература

Бочкарева — *Бочкарева Л. И.* Владимир Яковлевич Пропп и его любимое Линёво // Стрежень: Науч. ежегодник / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 169–185.

Дачная жизнь — Выставка «Дачная жизнь. Фотографии конца XIX — начала XX века». URL: https://rosphoto.org/events/dachnaya-zhizn-fotografii-konca-xix-nachala-xx-veka/.

Диссертации — Диссертации, защищавшиеся в Пушкинском Доме / Сост. А. К. Михайлова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография / Отв. ред. В. Н. Баскаков. Л.: Наука, 1982. С. 252–264.

Дружинин — *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 704 с.

Календарь — Календарь знаменательных дат Прилузского района на 2020 / Сост. Т. А. Кетова; ред. Е. П. Морозова. Объячево: [б. и.], 2019. 94 с.

Кудряшова — *Кудряшова В. М.* Ф. В. Плесовский — исследователь коми сказки // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 4. С. 106–113.

Мартынова — *Мартынова А. Н.* Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 265 с.

Морковина — *Морковина А.* Стойкие кариатиды в доме на Советской. URL: https://trsobor.ru/stojkie-kariatidy-v-dome-na-sovetskoj/.

Неизвестный В. Я. Пропп — Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой; подгот. текста, коммент. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб.: Алетейя, 2002. 480 с.

Письма В. Я. Проппа — Письма В. Я. Проппа Л. М. Ивлевой и А. Ф. Некрыловой / Подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Арт-Экспресс, 2024. Вып. 12: Памяти Владимира Яковлевича Проппа / Сост. и науч. ред. В. И. Еремина; отв. ред. С. А. Жадовская. С. 274–290.

Светозарова — *Светозарова Н. Д.* Штрём Альфред Николаевич. URL: https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5439.

Сивкова — *Сивкова А. Н.* Дым Отечества. 2002–2003 гг. Сыктывкар: Коми республ. тип., 2009. Кн. 4. 655 с.

Щерба — *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка: Очерк французского произношения в сравнении с русским. 3-е изд., испр. и расшир. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. 288 с.

References

Bochkareva, L. I. (2009). 'Vladimir Iakovlevich Propp i ego liubimoe Linevo' ['Vladimir Iakovlevich Propp and His Favourite Linevo'], in: M. M. Zagorul'ko, ed. *Strezhen'*:

nauchnyi ezhegodnik [*Midstream: Academic Annual*]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 7, 169–185. (In Russ.)

Druzhinin, P. A. (2012). *Ideologiia i filologiia. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie* [*Ideology and Philology. Leningrad, 1940s: Documentary Research*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Vol. 2. 704 p. (In Russ.)

Ketova, T. A., Morozova, E. P., eds. (2020). *Kalendar' znamenatel'nykh dat Priluzskogo raiona na 2020* [*Calendar of Significant Dates of the Priluzsky District for 2020*]. Ob"iachevo: [s. n.], 94 p. (In Russ.)

Kudriashova, V. M. (2008). 'F. V. Plesovskii — issledovatel' komi skazki' ['F. V. Plesovskii as a Komi Fairy Tale Researcher'], in: *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii* [*Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*], 4, 106–113. (In Russ.)

Martynova, A. N. (2006). *Vladimir Iakovlevich Propp: Zhiznennyi put'. Nauchnaia deiatel'nost'* [*Vladimir Iakovlevich Propp: Life's Journey. Scientific Activity*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 265 p. (In Russ.)

Martynova, A. N., Prozorova, N. A., eds. (2002). *Neizvestnyi V. Ia. Propp* [*Unknown V. Ia. Propp*]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 480 p. (In Russ.)

Mikhailova, A. K., ed. (1982). 'Dissertatsii, zashchishchavshiesia v Pushkinskom Dome' ['Dissertations Defended at the Pushkinskii Dom'], in: Baskakov, V. N., ed. *Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia* [*The Pushkinskii Dom: Articles. Documents. Bibliography*]. Leningrad: Nauka Publ., 252–264. (In Russ.)

Morkovina, A. *Stoikie kariatidy v dome na Sovetskoi* [*Persistent Caryatids in the House on Sovetskaya Street*], https://trsobor.ru/stojkie-kariatidy-v-dome-na-sovetskoj/. (In Russ.)

Nekrylova, A. F., ed. (2024). 'Pis'ma V. Ia. Proppa L. M. Ivlevoi i A. F. Nekrylovoi' ['V. Ia. Propp's Letters to L. M. Ivleva and A. F. Nekrylova'], in: Eremina, V. I., Zhadovskaia, S. A., eds. *Iz istorii russkoi fol'kloristiki. Vyp. 12: Pamiati Vladimira Iakovlevicha Proppa* [*From the History of Russian Folklore Studies. Iss. 12: In Memory of Vladimir Iakovlevich Propp*]. St. Petersburg: Art-Ekspress Publ., 274–290. (In Russ.)

Sivkova, A. N. (2009). *Dym Otechestva. 2002–2003 gg.* [*Smoke of the Fatherland. 2002–2003*]. Syktyvkar: Komi respublikanskaia tipografiia Publ. Vol. 4, 655 p. (In Russ.)

Svetozarova, N. D. Shtrem Al'fred Nikolaevich [Shtröhm Alfred Nikolaevich], https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5439. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 265–290
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-265-290
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 265–290
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

П. И. Кондратенко

НЕМЕЦКАЯ БИБЛИОТЕКА В. Я. ПРОППА: СОСТАВ, ТЕМАТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ, ОБЪЕКТЫ ГЕРМАНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

Polina I. Kondratenko

VLADIMIR PROPP'S GERMAN LIBRARY: COMPOSITION, THEMATIC FOCI, AND OBJECTS OF INTEREST FOR GERMAN STUDIES

Резюме. В статье впервые получают рассмотрение немецкоязычные книги из личной библиотеки В. Я. Проппа (1895–1970). В ходе изучения книжной коллекции решены задачи библиографического описания, инвентаризации и систематизации немецкоязычных книг. Коллекция насчитывает 245 томов, опубликованных с XIX по XX в. в видных немецких издательствах. Тематический спектр коллекции охватывает не только основные произведения европейских классиков, но и наследие литератур Востока, филологические и искусствоведческие исследования, философские и религиозные труды, учебную литературу. Коллекция представляет интерес для современной германистики. Особому рассмотрению в этом контексте подвергаются маргиналии в словарях цитат «Lexikon deutscher Citate» (1888) и «Lexikon fremdsprachlicher Citate» (1888) На основании первичного палеографического и почерковедческого анализа предполагается, что маргиналии выполнены Яковом Филипповичем (Иоанном Яковом) Проппом (1858–1919), отцом В. Я. Проппа. Критические заметки на полях представляют собой образец индивидуального авторского старонемецкого курсива XIX–XX вв., интересного для последующего изучения.

Ключевые слова: В. Я. Пропп, Я. Ф. Пропп, инскрипт, маргиналия, старонемецкий курсив, частная книжная коллекция, немецкоязычные книги XIX и XX вв., библиографическое описание.

Информация об авторе: Полина Игоревна Кондратенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, p.kondratenko@spbu.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6749-3047.

Для цитирования: *Кондратенко П. И.* Немецкая библиотека В. Я. Проппа: состав, тематические доминанты, объекты германистического интереса // Словесность и история. 2026. № 3. С. 265–290.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-265-290.

Abstract. This article represents the first examination of German-language books in V. Propp's (1895–1970) personal library. While studying the collection, the author created a bibliographic description and an inventory of the German books and systematically organized them. V. Propp's collection comprises 245 volumes, which were published in the 19th and 20th centuries by prominent German publishing houses. The collection's thematic scope encompasses not only major works of European literature but also works of the Eastern literary heritage, philology, art studies, philosophy, religion, and education. This collection is of interest to contemporary German studies. The author especially focuses on the marginalia in the dictionaries of quotations "Lexikon Deutscher Citate"

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

(1888) and "Lexikon Fremdsprachlicher Citate" (1888). Preliminary paleographic and handwriting analysis suggests that the marginalia were produced by Jacob Propp (1858–1919), Vladimir Propp's father. The critical notes in the margins are an example of Old German cursive handwriting from the 19th and 20th centuries and invite further study.
Keywords: Vladimir Propp, Jacob Propp, inscription, marginalia, German cursive handwriting, private book collection, German books of the 19th and 20th centuries, bibliographic description.
Information about the author: Polina I. Kondratenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, p.kondratenko@spbu.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6749-3047.
Received: December 31, 2025. ***Approved***: June 26, 2026.
For citation: Kondratenko, P. I. (2026). 'Vladimir Propp's German Library: Composition, Thematic Foci, and Objects of Interest for German Studies', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 265–290.

Высокий авторитет В. Я. Проппа (1895–1970) в профессиональном филологическом сообществе и востребованность трудов выдающегося филолога и фольклориста широко отмечаются исследователями [Еремина; Сухих, с. 111]. Неудивительно, что на фоне многочисленных переизданий «Морфологии сказки» значительно меньшее внимание уделяется тому факту, что в 1913 г. В. Я. Пропп поступает на германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, с 1926 по 1934 г. преподает немецкий язык в ряде высших учебных заведений Ленинграда [Неизвестный В. Я. Пропп, с. 357], а его статья о проблеме артикля в современном немецком языке [Пропп] в дальнейшем цитируется видными исследователями грамматической категории определенности / неопределенности в родственных и неродственных языках [Кашкин, с. 114, 123].

Настоящая статья продолжает серию работ, посвященных В. Я. Проппу как германисту и носителю филологического знания в энциклопедических масштабах[1]. Предметом рассмотрения в работе стали немецкоязычные книги из личной библиотеки В. Я. Проппа, их тематическое разнообразие; особенности некоторых экземпляров (инскрипты, марки, маргиналии), представляющие интерес для германистов. Эти книги были переданы кафедре немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета Луизой Николаевной Пропп в 2024 г.[2] За возможность их описания и публикации результатов изучения я искренне благодарю Л. Н. Пропп и Якова Вениаминовича Слепкова, сотрудника Отдела рукописей Российской национальной

[1] В этой связи современного исследователя, воспитанного в узком русле филологической специализации, не может не восхищать упоминание Л. Н. Пропп о том, что В. Я. Пропп, «человек, весь пропитанный „германским духом"», владел шестью европейскими языками — см. интервью с Л. Н. Пропп: URL: https://www.labirint.ru/now/intervyu-s-luizoy-propp/ (дата обращения: 30.12.2025).

[2] Книги из библиотеки В. Я. Проппа на русском языке находятся в настоящее время в Научной библиотеке КарНЦ РАН (Петрозаводск).

библиотеки. В основу статьи лег мой доклад на мемориальном заседании семинара Отдела русского фольклора и Фонограммархива Пушкинского Дома «Вопросы истории фольклористики, поэтики и текстологии фольклора», состоявшемся 24 апреля 2025 г. и посвященном 130-летию со дня рождения В. Я. Проппа. Название доклада — «От „Одиссеи“ до почтовой марки: немецкая библиотека В. Я. Проппа в поле зрения современного германиста» — обусловлено широтой хронологического и тематического горизонта немецкой книжной коллекции В. Я. Проппа. Описание и изучение книг, систематизация библиографических записей, оценка состояния изданий, а также выявление объектов германистического интереса производились в период с сентября по декабрь 2024 г.

Немецкая библиотека В. Я. Проппа насчитывает 245 книг в твердых и мягких переплетах. 111 книг увидели свет в XX в., 134 книги изданы в XIX в. Самое раннее издание — сборник басен К. Ф. Геллерта [Gellert] — датируется 1829 г.; наиболее близкое к нам по времени издание представляет собой литературоведческую монографию 1970 г. о народной и элитарной литературе [Lüthi]. Список издательств, в которых выходили собранные тома, включает в себя имена, широко известные в немецкоязычном культурном пространстве: Reclam (Лейпциг, издания XIX–XX вв.), Volksverlag (Веймар, издания второй половины XX в.), Insel-Verlag (Лейпциг, издания 1-й четверти XX в.), Fischer-Verlag (Берлин, издания XX в.), Druck und Verlag von B. G. Teubner (Лейпциг, издания 1-й четверти XX в.), Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung (Штутгарт, издания конца XIX в.), F. A. Brockhaus (Лейпциг, издания 1-й четверти XX в.) и многие другие.

Тематическое разнообразие книг простирается далеко за пределы собраний классиков немецкой литературы и филологических исследований. В немецкоязычной коллекции В. Я. Проппа отведено место и античным классикам, изданным в XIX в., и научно-популярным альбомам, компиляциям и сборникам: от календаря с гетевскими цитатами до видов Веймара, от хрестоматий по регионоведению и репродукций полотен Рембрандта до «Kleine Welt der Briefmarke» («Маленький мир почтовой марки») [Hardt].

Чем же интересна немецкая библиотека В. Я. Проппа современному германисту? Во-первых, бесспорно, включением работ по германскому и общему языкознанию, например, компендиума трудов Г. Шухардта [Schuchardt]. Дидактический интерес представляют также два тома Й. Диффенбахера, предлагающего новый взгляд на «Песнь о нибелунгах», «Кудрун» [Dieffenbacher 1901], а также рассмотрение немецкой социальной и бытовой действительности в XII столетии сквозь призму народной поэзии, сказаний и миннезанга [Dieffenbacher 1907]. Доступное, несмотря на временную дистанцию, логично

структурированное объяснение ключевых средневековых реалий в этих книгах может стать подспорьем для исследователей немецкого языка и литературы в диахронической перспективе, а также для обучающихся, испытывающих трудности языкового и культурно-исторического характера при освоении текстов отдаленных эпох.

Во-вторых, немецкоязычная библиотека В. Я. Проппа в целом достаточно подробно отражает развитие литературы, причем не только европейской. Так, в библиотеке широко представлена античная литература в немецких переводах (произведения Эсхила, Апулея, Аристофана, Платона и других авторов). Обращают на себя внимание прекрасное собрание китайской поэзии III–XI вв. в вольном переложении на немецкий язык [Chinesische Dichter] и «1001 ночь» с карандашными пометами в третьем томе собрания [1001 Nacht].

Необходимо особо выделить издания И. В. фон Гете и Ф. Шиллера в коллекции, вспомнив, что В. Я. Пропп с большим пиететом относился к этим великим немцам[3] и проявлял, по воспоминаниям А. Ф. Некрыловой, потрясающе точное знание цитат: «Я прихожу к В. Я., а он хохочет. Редко он именно хохотал, обычно улыбался. Что же произошло? Оказывается, переводчики из ГДР не удосужились эпиграфы из Гете воспроизвести в оригинале, а перевели их с русского перевода Владимира Яковлевича на современный немецкий. Это выглядело совершенно невероятно, так что было от чего хохотать»[4]. Помимо ожидаемого и естественного «Фауста», изданного, предположительно, на рубеже XIX и XX вв., с цитатой на авантитуле и множественными пометами в блоке, в коллекции В. Я. Проппа собраны и издание переписки Гете и Шиллера в двух томах, и (судя по пометам, тщательно изученный) трактат Шиллера об эстетическом воспитании [Schiller], а также образцы критической литературы о немецких классиках [Alt].

К характеристике гетеведческой темы необходимо прибавить упоминание примечательного случая наложения времен и исторической неточности. По всей видимости, твердый переплет у «Разговоров с Гете» И. П. Эккермана [Eckermann] появился позднее, и на корешке этого переплета вместо *ch* в *Gespräche* ошибочно вытиснено минускульное *g* (см. *рис. 1*).

---

[3] Так, в автобиографической повести «Древо жизни» находим неизгладимый след Гете: «Читайте Гете. Он приучит вас к конкретности. Знаете, что он говорит? Что во всяком малом открывается бесконечное. Возьмите малое и продумайте его до конца. Возьмите какое-нибудь стихотворение и слово за словом, строчка за строчкой продумайте его. Это научит вас не думать о себе» [Неизвестный В. Я. Пропп, с. 86].

[4] А. Ф. Некрылова о Проппе. URL: http://www.pragmema.ru/ru/a.f.-nekryilova.-o-propppe (дата обращения: 30.12.2025).

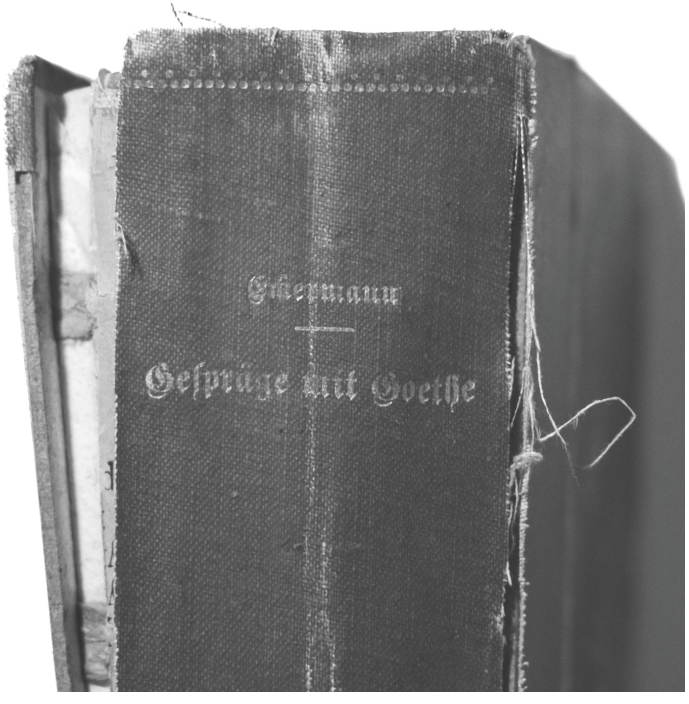

Рис. 1. Переплет книги И. П. Эккермана «Разговоры с Гёте»

В-третьих, стоит обратить внимание на философские и религиозные сочинения: произведения А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, два тома И. Г. Фихте, четыре тома И. Канта. С историко-культурной точки зрения интересны сборник гимнов для евангелическо-лютеранских общин Российской империи [Gesangbuch], а также не самое известное сочинение протестантского деятеля Генриха Лоцкого о гневе и его преодолении [Lhotzky], которое вполне выдержит сопоставление с популярными психологическими текстами нашего времени.

Несомненно, тематический охват немецкоязычной коллекции В. Я. Проппа сам по себе способен стать предметом углубленного научного описания. Первичное изучение самих экземпляров книг, тем не менее, также готовит немало увлекательных открытий о жизни владельцев, встречах и пересечениях исторических контекстов. Например, на титуле «Королевских идиллий» А. Теннисона [Tennyson] мы находим следующий инскрипт: «W. Propp / 1910 / von Ella» — «В. Проппу / 1910 / от Эллы» (см. *рис. 2*), что позволяет полагать, что, вероятно, «Идиллии» были подарены В. Я. Проппу старшей сестрой, Эллой Яковлевной Пропп.

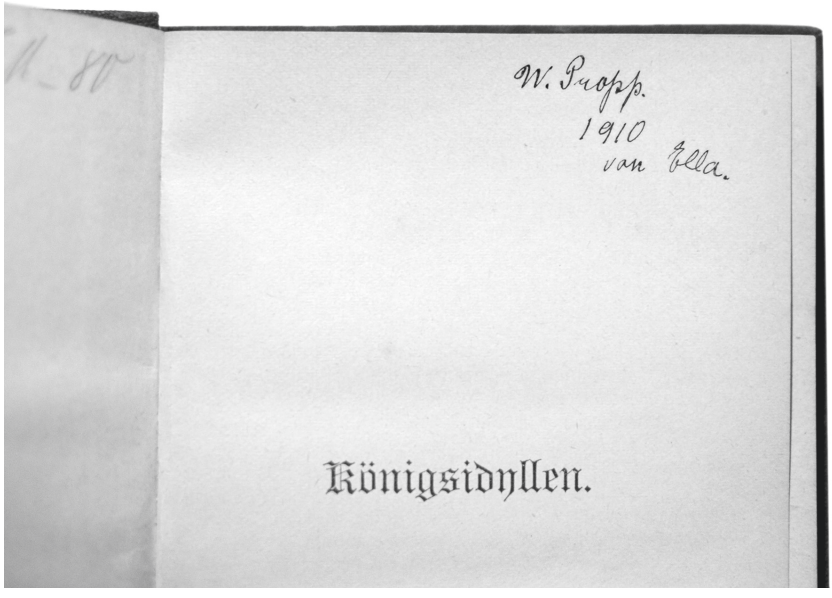

Рис. 2. Инскрипт на титуле «Королевских идиллий» А. Теннисона

На титуле «Одиссеи» Гомера мы также находим дарственную надпись: «W. Propp. / Weihnachten / von / Mama / 1906» — «В. Проппу. / Рождество / от / мамы / 1906» (*рис. 3*).

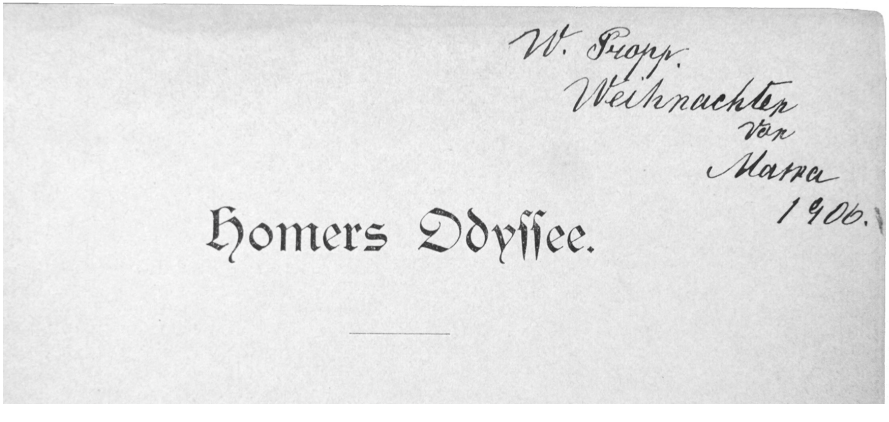

Рис. 3. Инскрипт на титуле «Одиссеи» Гомера

За границами семейных взаимоотношений оказывается инскрипт на форзаце третьего тома собрания сочинений Ф. Ницше[5] [Nietzsche] (см. *рис. 4*): «Prof. dr. Wl. Propp / Zum Jahres- & Zeitenwechsel / Frühjahr 1955» — «Проф. д-р Вл. Проппу / На смену лет и времен / Весна 1955». Следующая за этим текстом подпись, вероятнее всего, прочитывается как Isidor Levin: по-видимому, даритель книги — Исидор Геймович Левин, видный фольклорист, библеист, выпускник Тартуского университета.

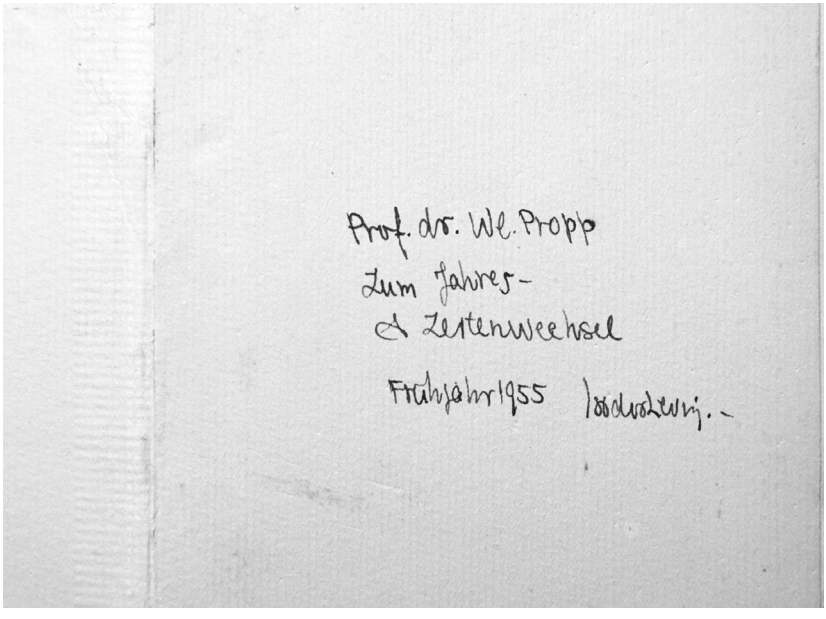

Рис. 4. Инскрипт на форзаце III тома собрания сочинений Ф. Ницше

Помимо инскриптов, в книгах можно найти опознавательные знаки книжных магазинов. Так, штампом петербургского книжного магазина А. Дейбнера отмечены классические тома — «Поэтика» Аристотеля [Aristoteles] и «Одиссея» Гомера [Homer]. Встречаются также марки других книжных магазинов: «А. Дейбнеръ. С.-Петербургъ. Б. Морская 12»; «Книжный магазинъ т-ва М. О. Вольфъ С. Петербургъ-Москва». Чаще всего (16 раз) в коллекции находим тома, отмеченные маркой популярного в дореволюционном Петербурге книжного магазина Андреаса Излера: «Andreas Jsler Buchhandlung Leihbibliothek St. Petersburg Newsky Pr. No 20».

[5] К сожалению, другие тома из того же собрания в коллекции В. Я. Проппа не обнаружены.

Рис. 5. Марка магазина книготорговца Андреаса Излера на одном из томов коллекции

В магазине А. Излера приобреталась не только художественная литература (Новалис, Боккаччо, Ибсен, Гельдерлин, Вальтер фон дер Фогельвейде), но и памфлет Мартина Лютера «Против Ганса Вурста» [Luther], а также жизнеописания выдающихся художников, подготовленные Дж. Вазари [Vasari], биография Ф. Шуберта [Niggli] из серии «Musiker-Biographien», из которой в коллекции представлены биографии Л. ван Бетховена и Ф. Листа. Кроме того, у Излера был также приобретен монументальный двухтомник А. Бильшовски [Bielschowsky 1910; 1911], посвященный жизни и творчеству И. В. фон Гёте, — opus magnum, столь же полезный немецким гетеведам, сколь и иностранным поклонникам творчества немецкого гения [Schade van Westrum, p. 445].

Интересно, что на форзаце книги о Праксителе [Ubell] сохранился штамп училища св. Анны (Анненшуле), которое заканчивал В. Я. Пропп: «Bibliothek der Annenschule».

Немецкий мир Петербурга отразился не только в марках и штампах, которыми отмечены некоторые тома коллекции. В сборнике гимнов Евангелическо-лютеранской церкви от руки заполнено поле «Zur Erinnerung» («На память»). Далее значится: «an: den Konfirmationstag; von: den Eltern» — «о: дне конфирмации; от: родителей», проставлена дата: 27 марта 1908. На тот момент В. Я. Проппу было 13 лет: по канонам протестантизма, 13–14 лет — самый подходящий возраст для конфирмации.

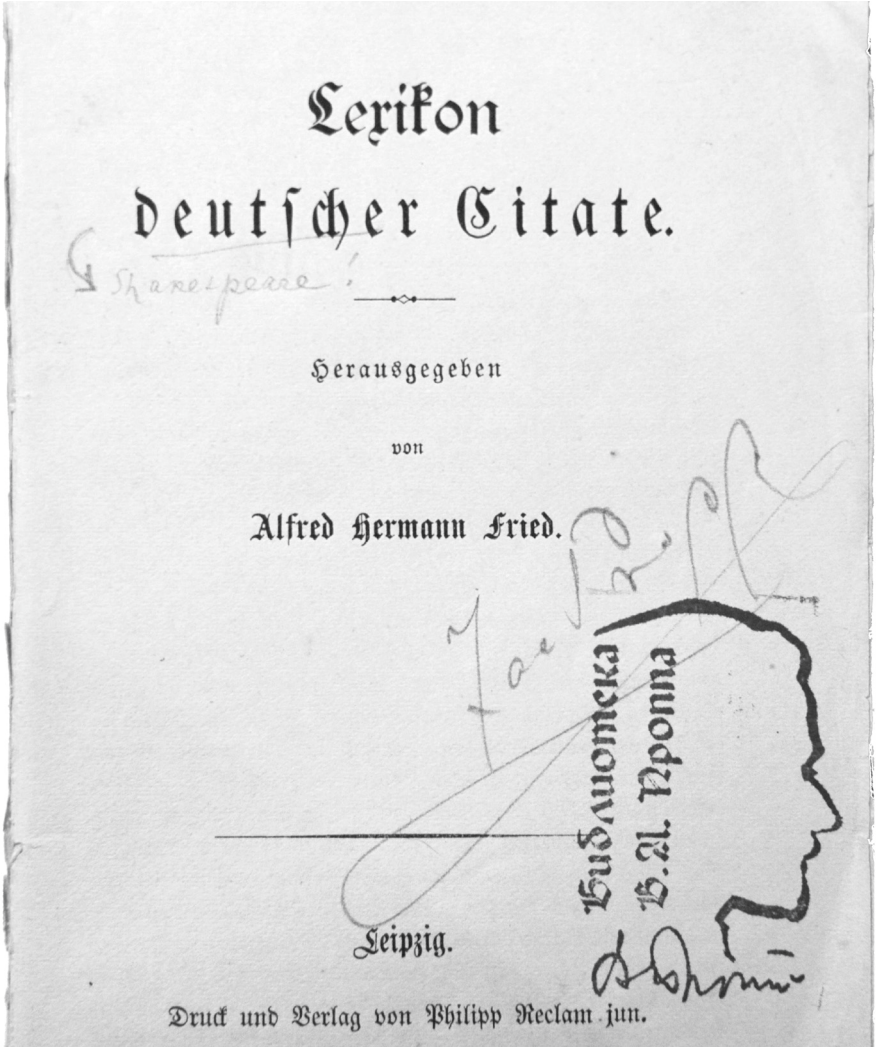
Обращает на себя внимание учебник по немецкому языку, построенный по методу М. Берлица и изданный в Петербурге [Berlitz]. Учебник содержит ряд курсивных помет на немецком и русском языках, вероятно относящихся

ко времени обучения В. Я. Проппа в Анненском училище. Пометы — эти неразлучные спутники вдумчивого чтения — зафиксированы в 34 книгах. Ожидаемо, что заметки сопровождают тексты немецких классиков, рассуждения Тацита о германцах и Германии; на страницах мы находим карандашные пометы, старонемецкий курсив и антикву, разнообразные графические выделения содержательно важных мест (крестики, точки, подчеркнутый текст); нахзац собрания немецкой лирики содержит выполненное курсивом перечисление названий избранных стихотворений [Vesper].

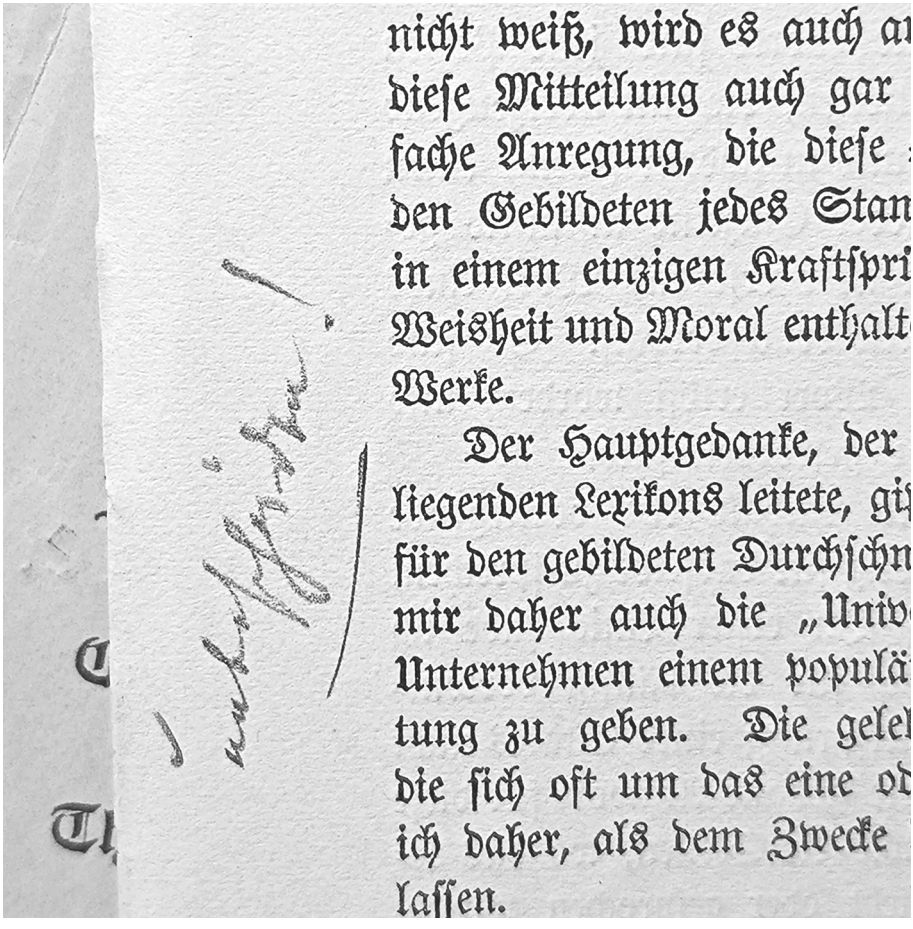
Однако пометы встречаются и за границами собственно германского мира. Мы обнаруживаем их и в томе, посвященном истории музыки [Storck], и в экземпляре «Божественной комедии» Данте Алигьери, в которую, помимо прочего, вписаны девятки (для истории встреч Данте и Беатриче девять, как известно, судьбоносное число). Карандашные записи на греческом языке и подчеркивания в греческой части сопровождают текст билингвы «Пира» Платона [Platon], а «Пролегомены» И. Канта [Kant] дополняются и вовсе неожиданными графическими подробностями (вероятно, это дело рук предшествующего владельца книги, подписанного на обложке как L. Haenschke). На форзаце «Пролегомен» читатель наблюдает рисунки карандашом: два мужских профиля, формула воды (*H2O-Wasser*), в блоке находим нетипичное для немецкоязычного собрания Проппа использование красного и синего карандаша для комментариев.

Интересны также маргиналии в двух словарях цитат, немецких и общеевропейских [Fried 1888a, b]. Их описание с переводом и указанием страниц представлено ниже.

Маргиналии в «Lexikon deutscher Citate»

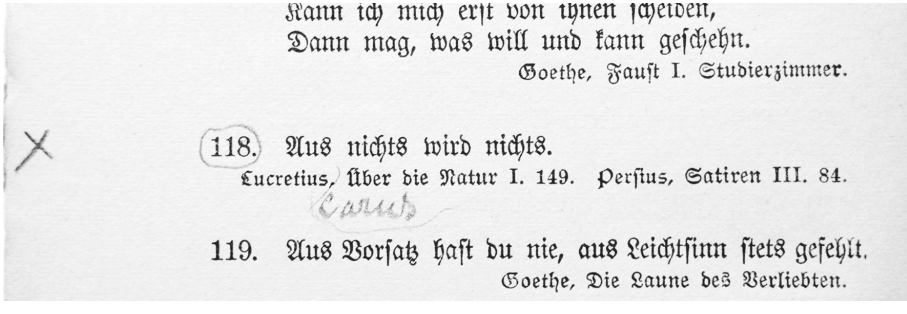

1. Shakespeare !/?
Jac. Propp
Шекспир !/?
Як. Пропп

nicht weiß, wird es auch a
dieſe Mitteilung auch gar
ſache Anregung, die dieſe
den Gebildeten jedes Stan
in einem einzigen Kraftſpri
Weisheit und Moral enthalt
Werke.

Der Hauptgedanke, der
liegenden Lexikons leitete, gi
für den gebildeten Durchſchn
mir daher auch die „Univ
Unternehmen einem populä
tung zu geben. Die gele
die ſich oft um das eine od
ich daher, als dem Zwecke
laſſen.

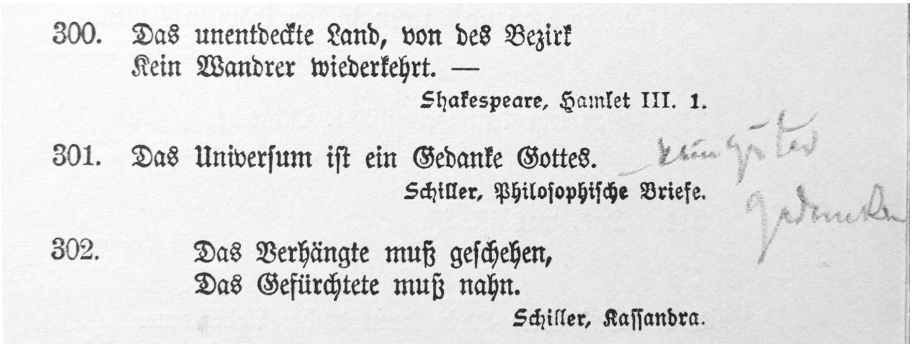
2. unbescheiden! — нескромно! (с. 4)

Kann ich mich erſt von ihnen ſcheiden,
Dann mag, was will und kann geſchehn.
Goethe, Fauſt I. Studierzimmer.

118. Aus nichts wird nichts.
Lucretius, Über die Natur I. 149. Perſius, Satiren III. 84.
Carus

119. Aus Vorſatz haſt du nie, aus Leichtſinn ſtets gefehlt.
Goethe, Die Laune des Verliebten.

3. Carus — Кар (с. 20)

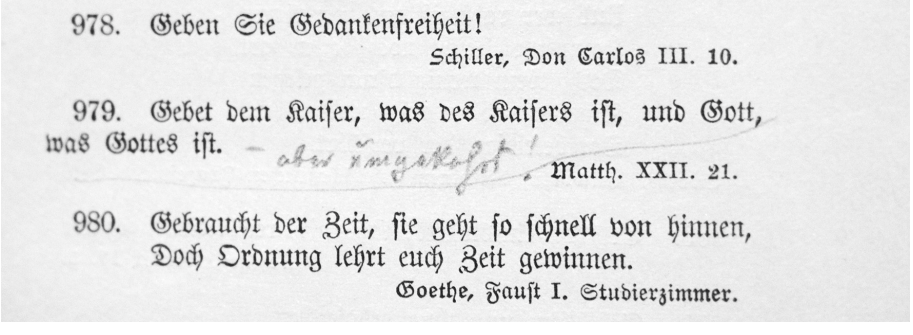

300. Das unentdeckte Land, von des Bezirk
Kein Wandrer wiederkehrt. —
Shakespeare, Hamlet III. 1.

301. Das Universum ist ein Gedanke Gottes.
Schiller, Philosophische Briefe.

302. Das Verhängte muß geschehen,
Das Gefürchtete muß nahn.
Schiller, Kassandra.

4. kein guter Gedanke — не лучшая мысль (с. 39)

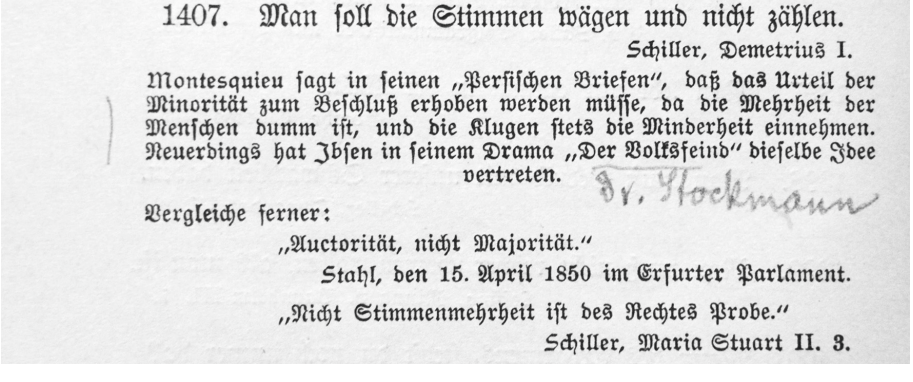

978. Geben Sie Gedankenfreiheit!
Schiller, Don Carlos III. 10.

979. Gebet dem Kaiser, was des Kaisers ist, und Gott, was Gottes ist. — aber umgekehrt! Matth. XXII. 21.

980. Gebraucht der Zeit, sie geht so schnell von hinnen,
Doch Ordnung lehrt euch Zeit gewinnen.
Goethe, Faust I. Studierzimmer.

5. aber umgekehrt! — однако наоборот! (с. 109)

1407. Man soll die Stimmen wägen und nicht zählen.
Schiller, Demetrius I.

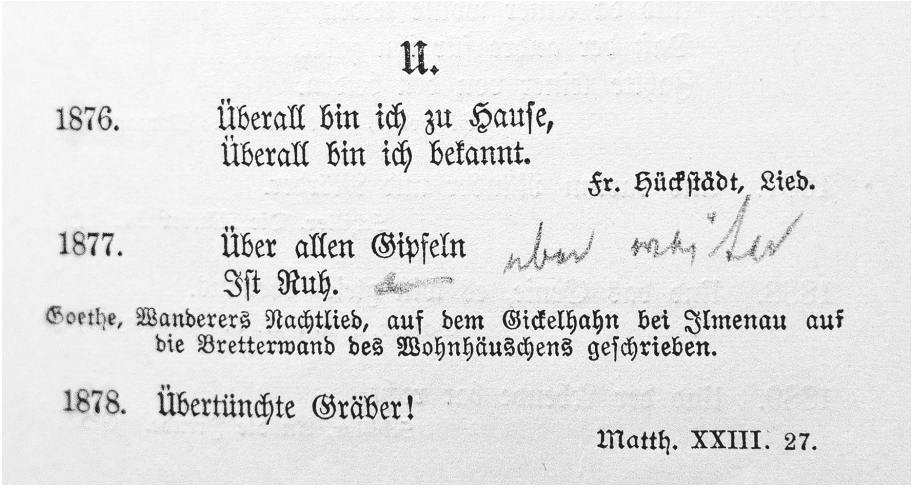
Montesquieu sagt in seinen „Persischen Briefen", daß das Urteil der Minorität zum Beschluß erhoben werden müsse, da die Mehrheit der Menschen dumm ist, und die Klugen stets die Minderheit einnehmen. Neuerdings hat Ibsen in seinem Drama „Der Volksfeind" dieselbe Idee vertreten. Dr. Stockmann

Vergleiche ferner:

„Auctorität, nicht Majorität."
Stahl, den 15. April 1850 im Erfurter Parlament.

„Nicht Stimmenmehrheit ist des Rechtes Probe."
Schiller, Maria Stuart II. 3.

6. dr. Stockmann — д-р Стокман (с. 152)

U.

1876. Überall bin ich zu Hauſe,
Überall bin ich bekannt.

Fr. Hückſtädt, Lied.

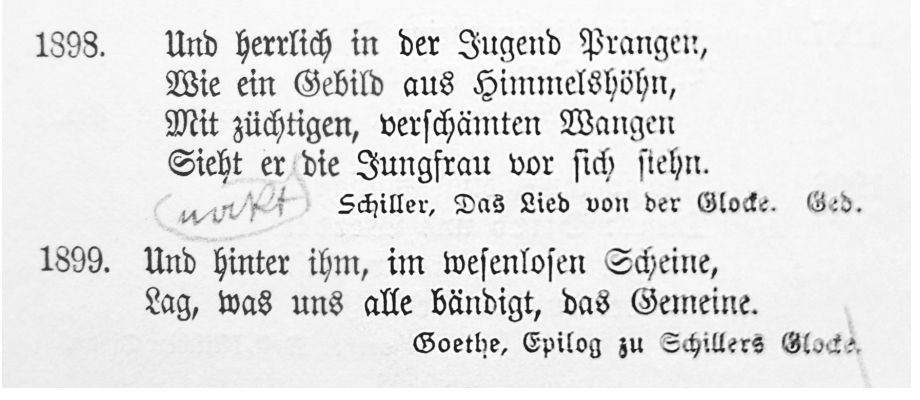
1877. Über allen Gipfeln
Iſt Ruh.

Goethe, Wanderers Nachtlied, auf dem Gickelhahn bei Ilmenau auf die Bretterwand des Wohnhäuschens geſchrieben.

1878. Übertünchte Gräber!

Matth. XXIII. 27.

7. aber weiter — а дальше (с. 201)

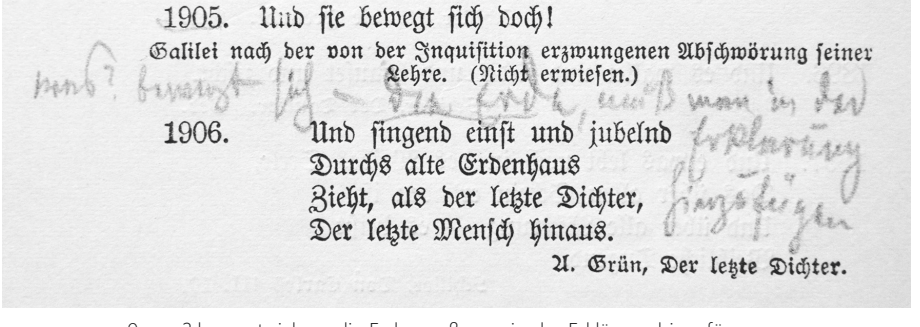
1898. Und herrlich in der Jugend Prangen,
Wie ein Gebild aus Himmelshöhn,
Mit züchtigen, verſchämten Wangen
Sieht er die Jungfrau vor ſich ſtehn.

Schiller, Das Lied von der Glocke. Ged.

1899. Und hinter ihm, im weſenloſen Scheine,
Lag, was uns alle bändigt, das Gemeine.

Goethe, Epilog zu Schillers Glocke.

8. nakt — обнаженная (с. 203)

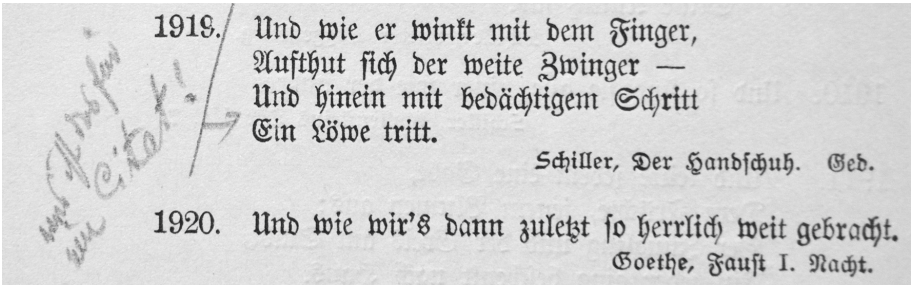
1905. Und ſie bewegt ſich doch!

Galilei nach der von der Inquiſition erzwungenen Abſchwörung ſeiner Lehre. (Nicht erwieſen.)

1906. Und ſingend einſt und jubelnd
Durchs alte Erdenhaus
Zieht, als der letzte Dichter,
Der letzte Menſch hinaus.

A. Grün, Der letzte Dichter.

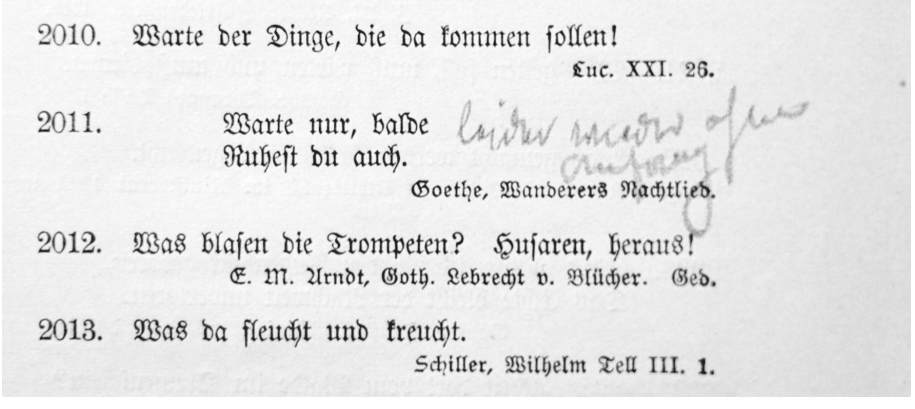
9. was? bewegt sich — die Erde, muß man in der Erklärung hinzufügen —
что? [она] двигается (вращается) — Землю нужно добавить в объяснение (с. 204)

1919. Und wie er winkt mit dem Finger,
Aufthut ſich der weite Zwinger —
Und hinein mit bedächtigem Schritt
Ein Löwe tritt.
Schiller, Der Handſchuh. Ged.

1920. Und wie wir's dann zuletzt ſo herrlich weit gebracht.
Goethe, Fauſt I. Nacht.

10. was ist das für ein Citat !/? — что это за цитата !/? (с. 206)

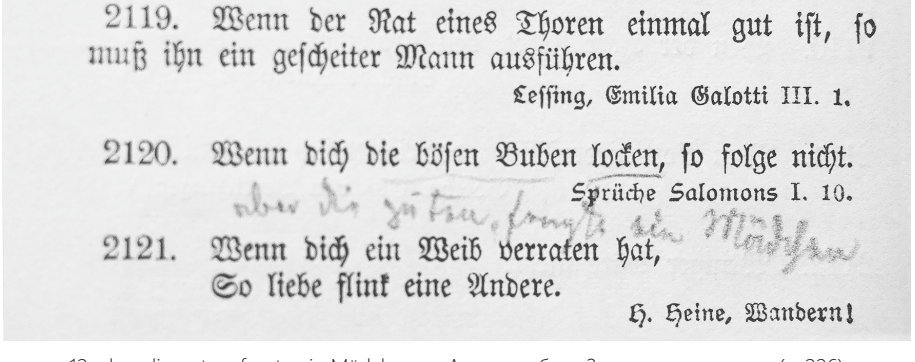
2010. Warte der Dinge, die da kommen ſollen!
Luc. XXI. 26.

2011. Warte nur, balde
Ruheſt du auch.
Goethe, Wanderers Nachtlied.

2012. Was blaſen die Trompeten? Huſaren, heraus!
E. M. Arndt, Goth. Lebrecht v. Blücher. Ged.

2013. Was da fleucht und kreucht.
Schiller, Wilhelm Tell III. 1.

11. leider wieder ohne Anfang — к сожалению, снова без начала (с. 215)

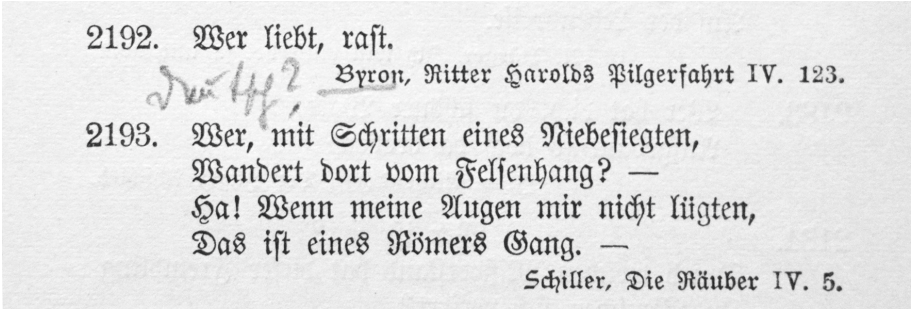

2119. Wenn der Rat eines Thoren einmal gut iſt, ſo muß ihn ein geſcheiter Mann ausführen.
Leſſing, Emilia Galotti III. 1.

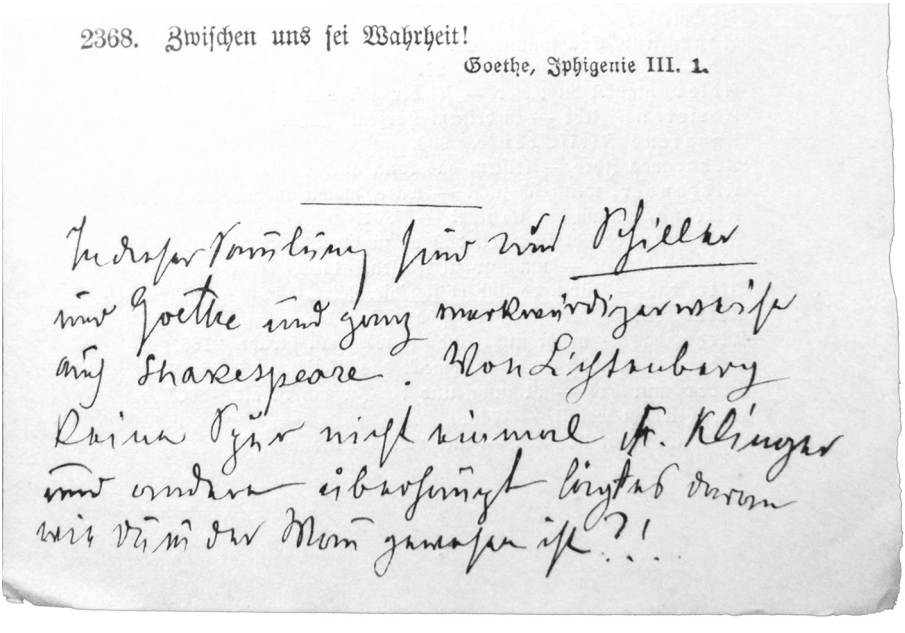
2120. Wenn dich die böſen Buben locken, ſo folge nicht.
Sprüche Salomons I. 10.

2121. Wenn dich ein Weib verraten hat,
So liebe flink eine Andere.
H. Heine, Wandern!

12. aber die guten, fragte ein Mädchen — А если добрые? спросила девушка (с. 226)

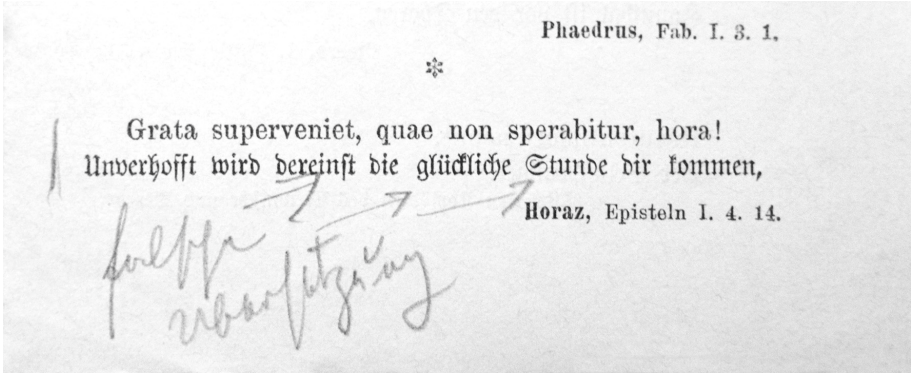

2192. Wer liebt, rast.
Byron, Ritter Harolds Pilgerfahrt IV. 123.
deutsch?
2193. Wer, mit Schritten eines Niebesiegten,
Wandert dort vom Felsenhang? —
Ha! Wenn meine Augen mir nicht lügten,
Das ist eines Römers Gang. —
Schiller, Die Räuber IV. 5.

13. deutsch? — немецкий / немец? (с. 234)

2368. Zwischen uns sei Wahrheit!
Goethe, Iphigenie III. 1.

14. In dieser Sammlung sind nur Schiller und Goethe und ganz merkwürdigerweise auch Shakespeare. Von Lichtenberg keine Spur nicht einmal F. Klinger und andere überhaupt liegtes daran wie dumm der Mann gewesen ist?!. — В этом сборнике есть только Шиллер, только Гете и, престранным образом, Шекспир. Ни следа Лихтенберга, ни даже Ф. Клингера и других. Объясняется ли это тем, что составитель был настолько глуп?! (с. 253)

Маргиналии в «Lexikon fremdsprachlicher Citate»

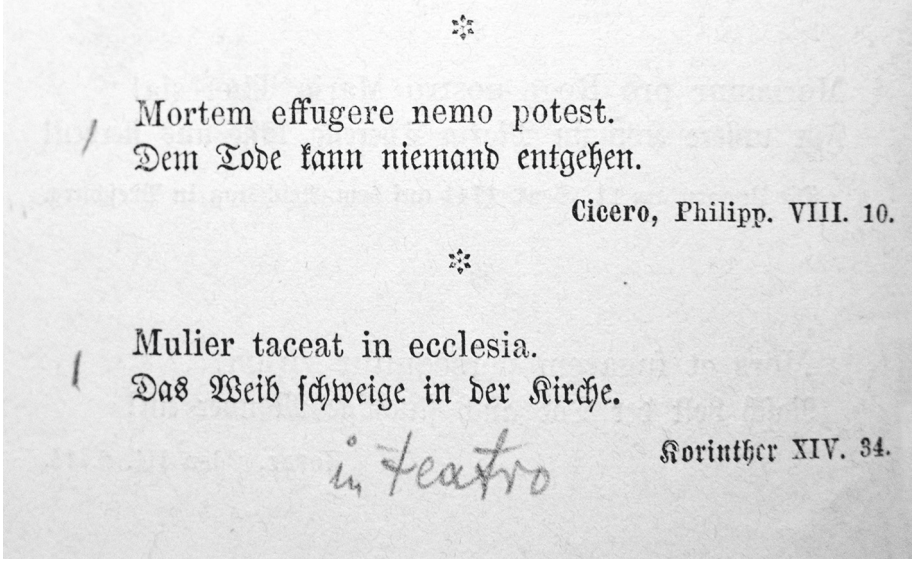

Phaedrus, Fab. I. 3. 1.

Grata superveniet, quae non sperabitur, hora!
Unverhofft wird dereinst die glückliche Stunde dir kommen,

Horaz, Episteln I. 4. 14.

falsche Übersetzung

1. falsche Ubersetzung — неверный перевод (с. 43)

Mortem effugere nemo potest.
Dem Tode kann niemand entgehen.

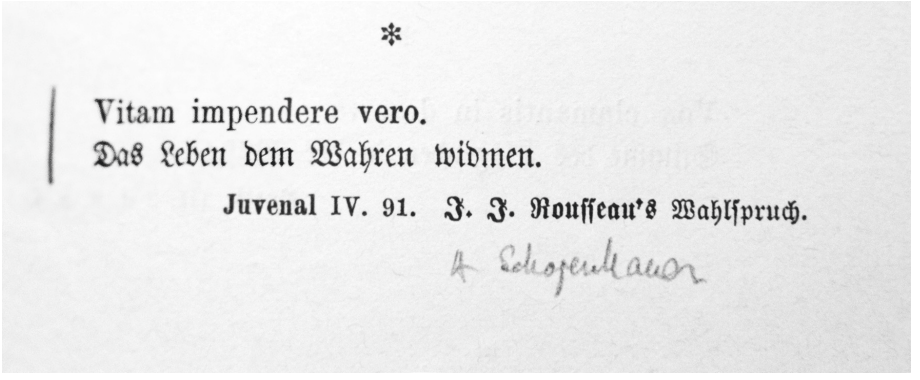
Cicero, Philipp. VIII. 10.

Mulier taceat in ecclesia.
Das Weib ſchweige in der Kirche.

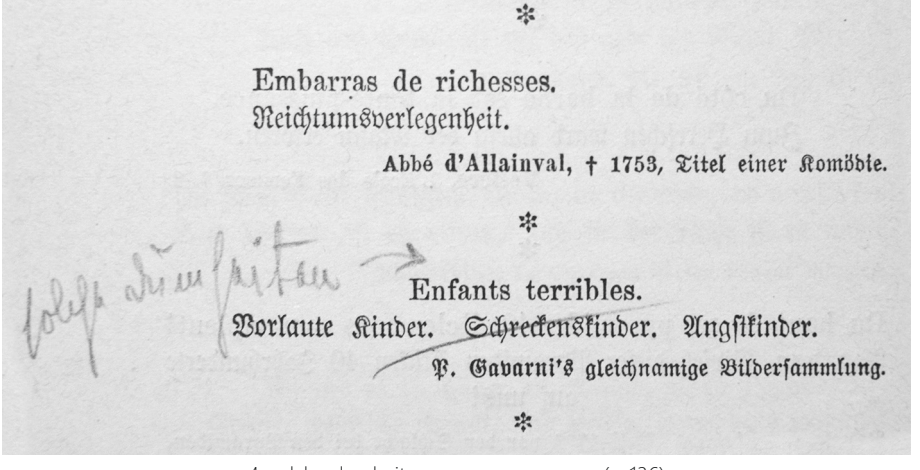
Korinther XIV. 34.

in teatro

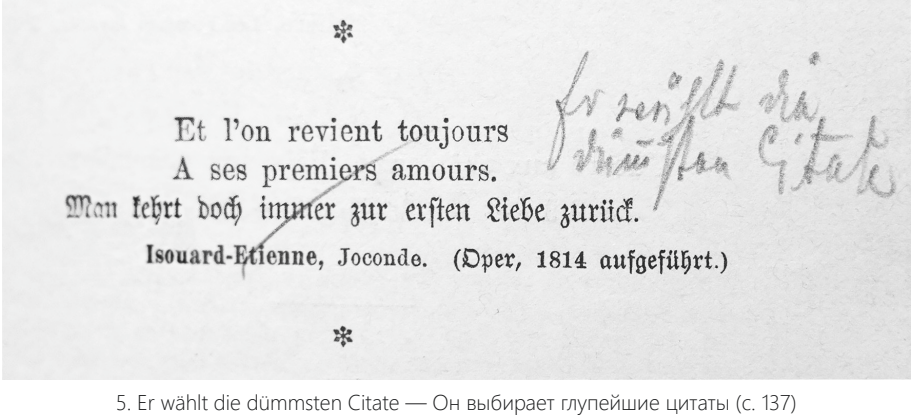
2. in teatro — в театре (с. 64)

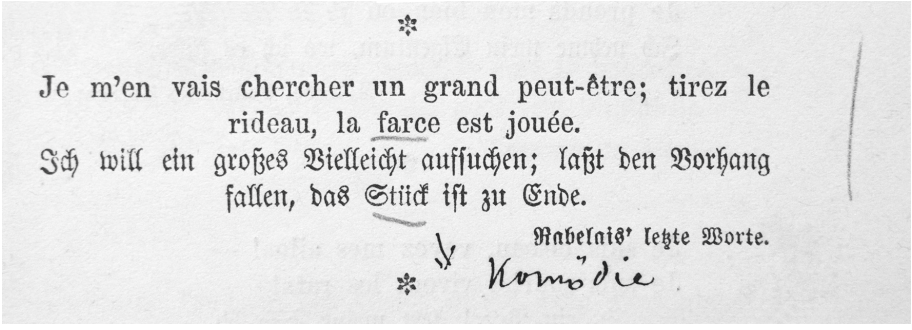
3. A Schopenhauer — А Шопенгауэр (с. 123)

4. solche dumheiten — какие глупости (с. 136)

5. Er wählt die dümmsten Citate — Он выбирает глупейшие цитаты (с. 137)

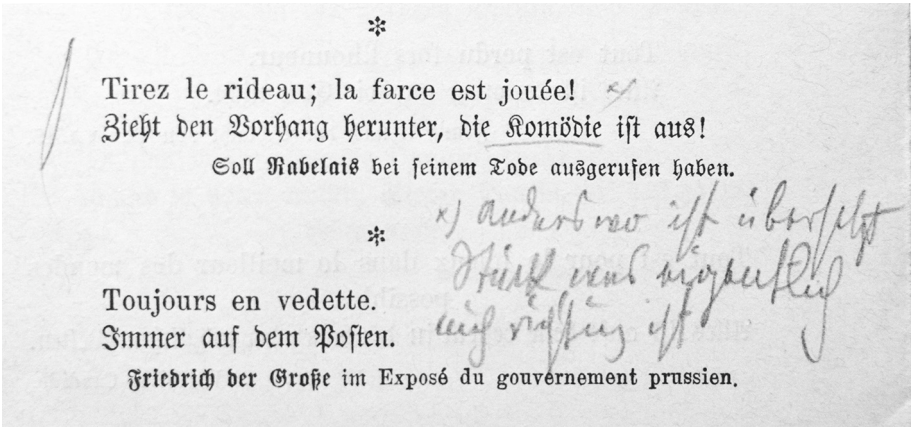

Je m'en vais chercher un grand peut-être; tirez le rideau, la farce est jouée.
Ich will ein großes Vielleicht aufſuchen; laßt den Vorhang fallen, das Stück iſt zu Ende.

Rabelais' letzte Worte.

Komödie

6. Komödie — комедия (с. 145)

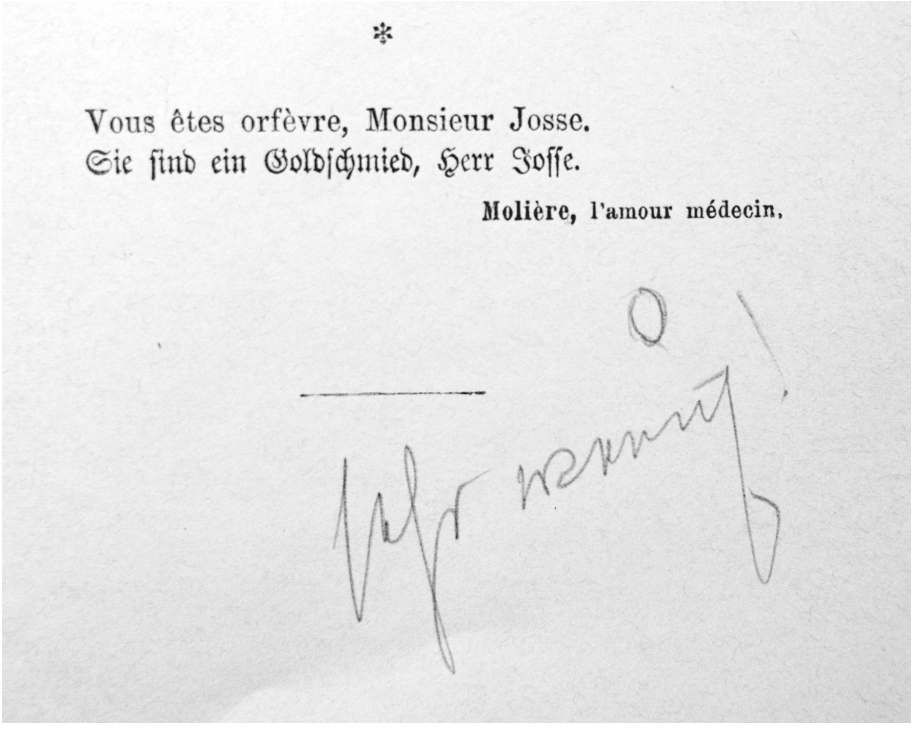
Tirez le rideau; la farce est jouée!
Zieht den Vorhang herunter, die Komödie iſt aus!

Soll Rabelais bei ſeinem Tode ausgerufen haben.

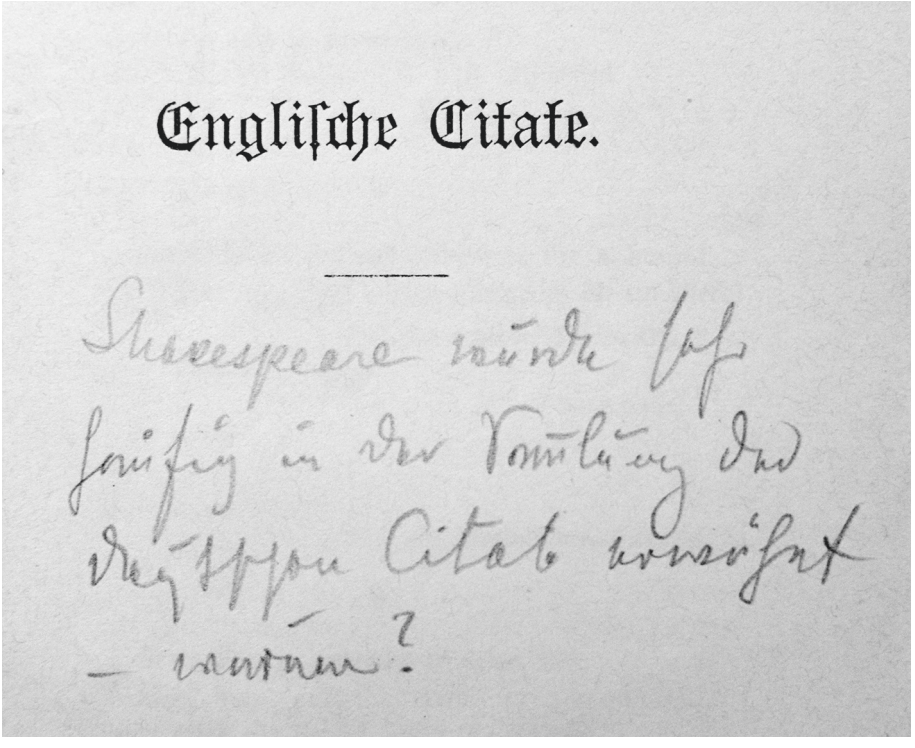
Toujours en vedette.
Immer auf dem Poſten.

Friedrich der Große im Exposé du gouvernement prussien.

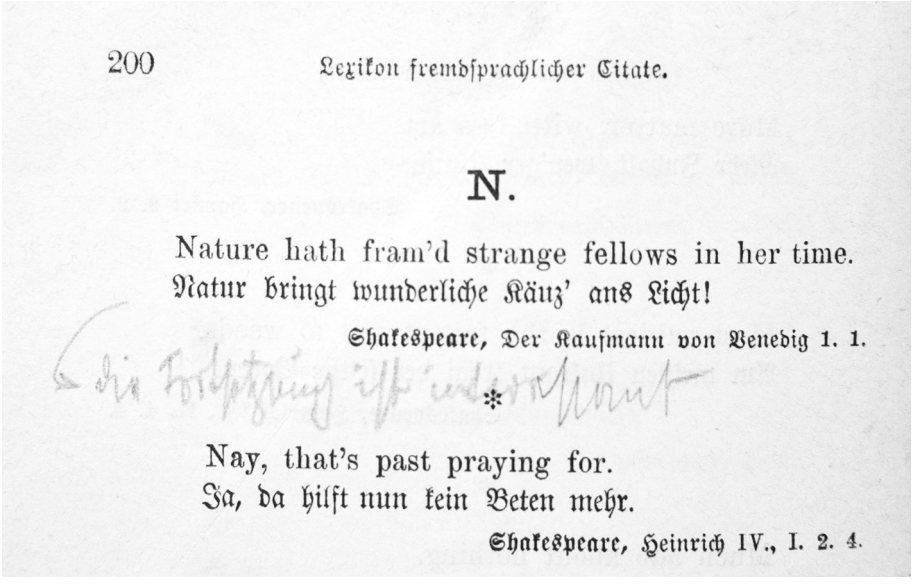
7. anderswo ist übersetzt Stück was eigentlich nich richtig ist — в другом месте переведено «пьеса», что, собственно, неверно (с. 169)

8. sehr wenig! — очень мало! (с. 173)

9. Shakespeare wurde sehr häufig in der Sammlung der deutschen Citate erwähnt — warum? — Шекспир очень часто упоминается в сборнике немецких цитат — почему?

200 Lexikon fremdsprachlicher Citate.

N.

Nature hath fram'd strange fellows in her time.
Natur bringt wunderliche Käuz' ans Licht!

Shakespeare, Der Kaufmann von Venedig 1. 1.

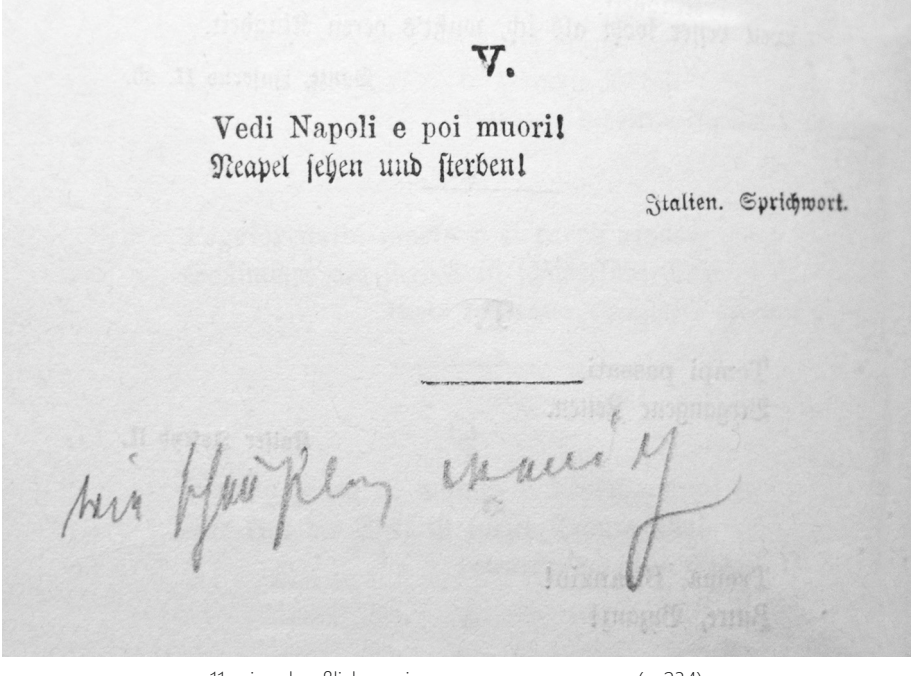
die Fortsetzung ist interessant

*

Nay, that's past praying for.
Ja, da hilft nun kein Beten mehr.

Shakespeare, Heinrich IV., I. 2. 4.

10. die Fortsetzung ist interessant — интересно продолжение (с. 200)

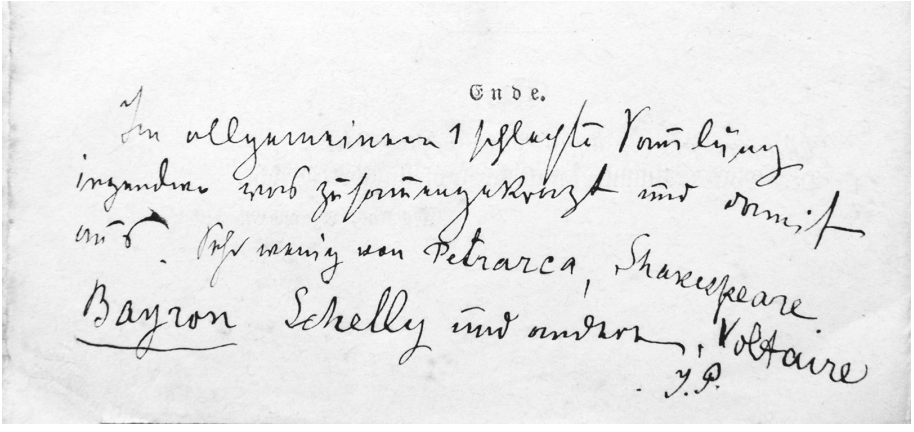
V.

Vedi Napoli e poi muori!
Neapel ſehen und ſterben!

Italien. Sprichwort.

wie scheußlich wenig

11. wie scheußlich wenig — сколь ужасно мало (с. 234)

12. Im allgemeinen 1 schlechte Sammlung irgendwi[e] was zusammengekrazt und damit aus. Sehr wenig von Petrarca, Shakespeare Bayron Schelly und andere, Voltaire. J. P. — В общем ужасный сборник, как-то сляпанный, и всё. Крайне мало Петрарки, Шекспира, Вольтера, Байрона, Шелли и др. Я. П. (с. 288)

Приведенные маргиналии позволяют наметить основную тематическую линию комментирования, направленную на критику составителя и результатов его труда. Открытое и завуалированное неодобрение нацелено на форму приведения цитат (фрагментарное цитирование, неоправданные купюры) и их содержание, на неточности перевода и, не в последнюю очередь, на источники цитат. В конце каждого сборника цитат приводится развернутый критический рукописный комментарий. Потрясающая эрудиция автора маргиналий, восполняющего недостающие сведения об именах поэтов и писателей, персонажах цитируемых литературных произведений, жанровой принадлежности избранных источников, тем не менее накладывается на вольную расстановку знаков препинания и ошибочное написание некоторых слов: *zusammengekrazt* вместо *zusammengekratzt, schreklich* вместо *schrecklich, nich* вместо *nicht, nakt* вместо *nackt* и т. д. Маловероятно, что такие особенности могли быть свойственны письменной речи В. Я. Проппа, продолжительное время преподававшего немецкий язык студентам.

В одном из критических резюме комментатор подписывает себя как *J. P.,* что наводит на мысль о том, что маргиналии могли быть выполнены отцом В. Я. Проппа — Яковом Филипповичем (Иоанном Яковом) Проппом. Я. Ф. Пропп, управляющий петербургским отделением торгово-промышленной фирмы «Братья Шмидт» и потомственный почетный гражданин Петрограда, как отмечает Р. Н. Гефеле, не ограничивал свой круг чтения специальной литературой, но много читал и художественные, классические

произведения, заботился о пополнении домашней библиотеки. Инициалы «J. P.» нередко встречаются на форзаце и авантитуле книг из немецкой библиотеки В. Я. Проппа [Гефеле; Мартынова, с. 11, 13].

Анализ выполнения элементов букв и соединительных элементов в различных фрагментах показывает сходство почерка в маргиналиях. Оно становится заметным в том числе на примере частотного сочетания графем *sch* и при сопоставлении повторяющихся слов, ср. *Sammlung* в разных словарях.

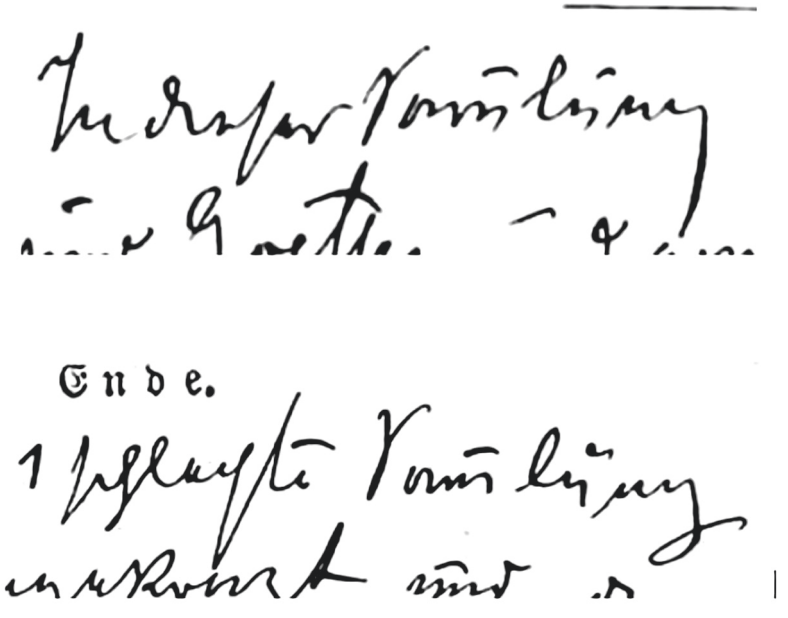

Рис. 6. Sammlung в двух критических резюме

Кроме того, отметим, что автор комментариев последовательно придерживается распространенного в XVIII–XX вв. правила, которое сводилось к тому, что при написании исконно германских имен собственных использовалось ломаное начертание, в то время как фамилии иностранного происхождения давались антиквой. Лишь единожды в маргиналиях фамилия Шопенгауэра также передается более скругленным, привычным начертанием.

Дополнительным устойчивым признаком письма, подтверждающим версию о том, что маргиналии выполнены Я. Ф. Проппом, можно считать достаточно круглое начало буквы *C* в *Citate*. Похожее начало разгибательного

движения в скругленном элементе демонстрируют маюскульная *P* и минускульные *p* в фамилии *Propp* на титуле словаря немецких цитат.

Следует, впрочем, признать, что сравнительные почерковедческие изыскания в дальнейшем потребуют подключения бóльших по объему образцов почерков Проппов. Изучение маргиналий и инскриптов в немецкоязычных книгах из личного собрания В. Я. Проппа с уверенностью можно назвать одной из перспектив будущих исследований.

Литература

Гефеле — *Гефеле Р. Н.* Предки, вы в памяти нашей // Geschichte der Wolgadeutschen. URL: https://web.archive.org/web/20160404131714/http://wolgadeutsche.ru/history/propp.htm (дата обращения: 22.06.2026).

Еремина — *Еремина В. И.* Идеи «Морфологии сказки» В. Я. Проппа в мировом контексте // Из истории русской фольклористики. СПб.: Арт-Экспресс, 2024. Вып. 12: Памяти Владимира Яковлевича Проппа / Сост. и науч. ред. В. И. Еремина; отв. ред. С. А. Жадовская. 324 с.

Кашкин — *Кашкин В. Б.* Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. 255 с.

Мартынова — *Мартынова А. Н.* Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 265, [2] с.

Неизвестный В. Я. Пропп — Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. СПб.: Алетейя, 2022. 480 с.

Пропп — *Пропп В. Я.* Проблема артикля в современном немецком языке // Памяти акад. Л. В. Щербы: Сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. С. 218–226.

Сухих — *Сухих И. Н.* Кафедра русской литературы Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета: XX век (к 300-летию СПбГУ) // Русская литература. 2024. № 1. С. 103–130. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-103-130.

1001 Nacht — 1001 Nacht: In 8 Bd. Leipzig: Reclam, [s. a.].

Alt — *Alt K.* Goethe. Leipzig: Verlag von Quelle und Meyer, 1911. 160 S.

Aristoteles — *Aristoteles.* Die Poetik / Übers. H. Stich. 2. Auflage. Leipzig: Reclam, 1887. 101 S.

Berlitz — *Berlitz M. D.* Zweites Buch für den Unterricht in den neueren Sprachen. Deutscher Teil für Erwachsene. 30. Auflage. St. Petersburg: M. O. Wolff, 1910.

Bielschowsky 1910 — *Bielschowsky A.* Goethe. Sein Leben und seine Werke: In 2 Bänden. Erster Band mit einer Photogravüre. 22. Auflage. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1910. IX, 522 S.

Bielschowsky 1911 — *Bielschowsky A.* Goethe. Sein Leben und seine Werke: In 2 Bänden. Zweiter Band mit einer Photogravüre. 21. Auflage. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1911. IV, 748 S.

Chinesische Dichter — Chinesische Dichter des dritten bis elften Jahrhunderts. In deutscher Nachdichtung von Vincenz Hundhausen. Eisenach: Erich Röth Verlag, 1926. 149 S.

Dieffenbacher 1901 — *Dieffenbacher J.* Deutsches Leben im 12. Jahrhundert. Kulturhistorische Erläuterungen zum Niebelungenlied und zur Kudrun. Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1901. 177 S.

Dieffenbacher 1907 — *Dieffenbacher J.* Deutsches Leben im 12. und 13. Jahrhundert. Realkommentar zu den Volks- und Kunstepen und zum Minnesang. I. Öffentliches Leben. Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1907. 162 S.

Eckermann — *Eckermann J. P.* Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens / Mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von Gustav Moldenhauer. Leipzig: Reclam, 1884. Bd. 1: (1823–1827). 282 S.

Fried 1888a — *Fried A. H.* Lexikon deutscher Citate. Leipzig: Reclam, 1888. 310 S.

Fried 1888b — *Fried A. H.* Lexikon fremdsprachlicher Citate. Leipzig: Reclam, 1888. 288 S.

Gellert — *Gellert Ch. F.* Fabeln. Erstes Bändchen. Hildburghausen; New-York: Druck und Verlag vom Bibliographischen Institut, 1829. 102 S.

Gesangbuch — Gesangbuch für evangelisch-lutherische Gemeinden im russischen Reiche. Nebst einem Anhange. St. Petersburg: Druck der Gesellschaft R. Golicke u. A. Willborg, 1903. II, 491, 222 S.

Hardt — *Hardt H.* Kleine Welt der Briefmarke. Berlin: Altberliner Verlag Lucie Groszer, 1954. 144 S.

Homer — *Homer.* Die Odyssee. In neuer Übersetzung von Oskar Hubatsch. Bielefeld und Leipzig: Verlag von Velhagen und Klasing, 1892. 344 S.

Kant — *Kant I.* Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können. Leipzig: Reclam, [s. a.]. 270 S.

Lhotzky — *Lhotzky H.* Darf ich mich nicht ärgere. Ludwigshafen am Bodensee: Haus Lhotzky Verlag, 1913. 152 S.

Luther — *Luther M.* Wider Hans Wurst / Bearb., mit Einleitung und Anmerkungen versehen von Karl Pannier. Leipzig: Reclam, [s. a.]. 93 S.

Lüthi — *Lüthi M.* Volksliteratur und Hochliteratur. Menschenbild. Thematik Formstreben. Bern und München: Francke Verlag, 1970. XV, 316 S.

Nietzsche — *Nietzsche F.* Nietzsches Werke. Taschen-Ausgabe. Bd. 3: Menschliches, Allzumenschliches I. Aus dem Nachlaß 1874–1877. Leipzig: Alfred Kröner Verlag, 1923. XLI, 445 S.

Niggli — *Niggli A.* Schubert. Musiker-Biographien. Zehnter Band. Leipzig: Reclam, [s. a.]. Bd. 10. 103 S.

Platon — *Platon.* Symposion. Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1884. 232 S.

Schade van Westrum — *Schade van Westrum A.* Review: Bielschowsky's "Life of Goethe" // The North American Review. 1907. Vol. 186, No. 624, Nov. P. 442–446.

Schiller — *Schiller F.* Ästhetische Erziehung. Ausgewählt und eingeleitet von Alexander von Gleicen-Russwurm mit Porträt. Jena; Leipzig: Eugen Diederichs, 1905. 165 S.

Schuchardt — *Schuchardt H.* Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Zweite erweiterte Auflage. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1928. 483 S.

Storck — *Storck K.* Geschichte der Musik. 2. vermehrte Auflage. Stuttgart: Muth'sche Verlagshandlung, 1910. XV + 799 S.

Tennyson — *Tennyson A.* Königsidyllen / Im Metrum des Originals übertragen von Dr. Carl Weiser. Leipzig: Reclam, 1882. 175 S.

Ubell — *Ubell H.* Praxiteles. Die Kunst / Herausgegeben von Richard Muther. Zweite vermehrte Auflage. Berlin: Marquardt & Co, [s. a.]. 69 S.

Vasari — *Vasari G.* Lebensbeschreibungen der ausgezeichnetsten Maler, Bildhauer und Architekten der Renaissance / Nach Dokumenten und mündlichen Berichten. Herausgegeben von Ernst Jaffé. Berlin: Verlag von Julius Bard, 1910. 443 S.

Vesper — *Vesper W.* Die Ernte aus acht Jahrhunderten deutscher Lyrik. Ebenhausen bei München: Wilhelm Langewiesche-Brandt, [s. a.]. Bd. 12.

References

Gefele, R. N. (1994). Predki, vy v pamiati nashei [Ancestors, You Are in Our Memory]. Geschichte der Wolgadeutschen, accessed June 22, 2026, https://web.archive.org/web/20160404131714/http://wolgadeutsche.ru/history/propp.htm (In Russ.)

Eremina, V. I. (2024). 'Idei "Morfologii skazki" V. Ia. Proppa v mirovom kontekste' ['Ideas of V. Propp's "Morphology of the Folktale" in a Global Context'], in: V. I. Eremina, S. A. Zhadovskaia, eds. *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Art-Ekspress Publ. Vol. 12, 324 p. (In Russ.)

Kashkin, V. B. (2001). '*Funktsional'naia tipologiia (neopredelennyi artikl')*' [*Functional Typology (Indefinite Article)*]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 255 p. (In Russ.)

Martynova, A. N. (2006). *Vladimir Iakovlevich Propp: Zhiznennyi put'. Nauchnaia Deiatel'nost'* [*Vladimir Yakovlevich Propp: Life and Scientific Work*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 265 p. (In Russ.)

Martynova, A. N., ed. (2022). *Neizvestnyi V. Ia. Propp* [*Unknown V. Propp*]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 480 p. (In Russ.)

Sukhikh, I. N. (2024). 'Department of Russian Literature of St. Petersburg / Petrograd / Leningrad University: The 20th Century to the 300th Anniversary of St. Petersburg State University', *Russkaia literatura*, 1, 103–130. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-103-130 (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 291–297
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-291-297
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 291–297
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Б. А. Успенский

Boris A. Uspenskij

О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ МАЛЫШЕВЕ*

IN MEMORY OF VLADIMIR IVANOVICH MALYSHEV

Резюме. Публикация посвящена выдающемуся археографу XX в., создателю Древлехранилища Пушкинского Дома Владимиру Ивановичу Малышеву (1910–1976). Автор делится воспоминаниями о своем общении с В. И. Малышевым. В центре повествования защита В. И. Малышевым докторской диссертации в 1968 г. и несколько эпизодов из археографической работы ученого и его участия в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны.
Ключевые слова: В. И. Малышев, Пушкинский Дом, археография, старообрядчество, мемуары.
Сведения об авторе: Борис Андреевич Успенский, доктор филологических наук, профессор, заведующий Лабораторией лингвосемиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, borisusp@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2018-587X.
Для цитирования: *Успенский Б. А.* О Владимире Ивановиче Малышеве // Словесность и история. 2026. № 3. С. 291–297.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-291-297.

Abstract. The publication is dedicated to Vladimir Ivanovich Malyshev (1910–1976), an outstanding 20th-century archaeographer and the founder of the Repository of Ancient Manuscripts (*Drevlekhranilishche*) of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg. The author recalls his conversations with V. I. Malyshev. Along with several episodes from the scholar's archaeographic work and events during the Great Patriotic War, V. I. Malyshev's defense of his doctoral dissertation in 1968 represents the centerpiece of the memoirs.
Keywords: V. I. Malyshev, Pushkinskii Dom, archaeography, Old Believers, memoirs.
Information about the author: Boris A. Uspenskij, D. Sc. in Philology, professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, borisusp@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2018-587X.
Received: July 1, 2026. ***Approved***: July 30, 2026.
For citation: Uspenskij, B. A. (2026). 'In Memory of Vladimir Ivanovich Malyshev', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 291–297.

В 1968 г. Никита Ильич Толстой предложил мне поехать в Ленинград на защиту диссертации Владимира Ивановича Малышева, сказав, что у Владимира Ивановича можно будет остановиться. Я с удовольствием согласился.

* Публикуемый текст был написан Б. А. Успенским в июле 2023 г. для сборника воспоминаний о В. И. Малышеве (к 50-летию со дня его смерти) (составители Е. Д. Конусова и А. В. Пигин), подготовка которого в настоящее время завершается в Пушкинском Доме. — *Примеч. ред.*

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

С Владимиром Ивановичем к тому времени я был заочно знаком: я занимался старообрядческим литургическим произношением (архаическим церковнославянским произношением, сохранившимся в беспоповских общинах), написал ему, и у нас завязалась переписка[1]. Теперь же мне предстояло с ним встретиться. Встреча эта мне очень запомнилась. Владимир Иванович сразу меня покорил: серьезное, неулыбающееся лицо, большие круглые очки на толстом носу, аккуратный пробор на голове — лицо мастерового или, может быть, протестантского пастора. Он был известен как запойный пьяница, хотя к тому времени, когда мы с ним познакомились, он уже «завязал»; при этом он сочувственно относился к пьяницам и выпивохам. Ю. М. Лотман как-то видел в Ленинграде такую сцену: зима, холод, промозглый ветер. Пьяный Владимир Иванович обеими руками стучится в воронок: «Подвези!» — «А вот я тебя сейчас подвезу!» — угрожающе раздается из воронка. «Нет, ты подвези, будь человеком!» — «Сейчас, сейчас тебя подвезу!» — и так далее. Замечательный диалог: казалось бы, один просит, а другой отвечает согласием; но на деле все иначе.

Похоже, что умение выпить могло помогать Владимиру Ивановичу в его профессиональной деятельности. Вот его собственный рассказ.

Осенью 1944 г. Владимир Иванович в составе действующей армии вошел в Ригу. При первой возможности он отправился в Московский форштадт, в Гребенщиковскую старообрядческую общину (брачных беспоповцев-поморцев). Старообрядцы радушно приняли русского офицера; он попросил показать ему библиотеку. Его отвели на колокольню (там по традиции помещалась библиотека), приставив к нему сопровождающего. Владимир Иванович без труда нашел рижский список «Слова о погибели Русской земли», который был еще в 1933 г. открыт Иваном Никифоровичем Заволоко (сам Иван Никифорович находился в это время в лагере; он был арестован в 1940 г., когда Латвия была присоединена к Советскому Союзу)[2]. Он взглянул на своего сопровождающего; у того был выразительный красный нос пьяницы. «Хорошо бы это самое, — сказал Владимир Иванович. — Вот деньги, сбегай». — «Я мигом», — отвечал тот. Оставшись один, Владимир Иванович ничтоже сумняшеся выдрал из рукописи листы со «Словом о погибели» и сунул в карман. Вернувшись в Ленинград, он их опубликовал [Малышев 1947а]. Сейчас они находятся в созданном им Древлехранилище Пушкинского Дома. «Я потом

[1] На меня большое впечатление в свое время произвела его статья: [Малышев 1949].

[2] Фотокопию найденного им списка И. Н. Заволоко передал Михаилу Горлину, переехавшему в 1933 г. из Берлина в Париж. Трагическая смерть Горлина (он погиб в немецком концлагере в 1944 г.) помешала ему опубликовать эту рукопись. Подготовленная им публикация вышла посмертно, одновременно с публикацией В. И. Малышева: [Gorlin].

покаялся перед рижскими старообрядцами, — сказал мне Владимир Иванович. — Они меня простили».

Удивительной — поистине уникальной — чертой характера Владимира Ивановича была его коммуникабельность: он был открыт для общения, со всеми он находил общий язык; врагов у него не было (и это в Пушкинском Доме, где все были на ножах!). Эта черта, несомненно, также способствовала его профессиональной деятельности: как умение выпить, так и предрасположенность к общению необыкновенно важны для археографа.

Рассказывали, что благодаря своему характеру во время войны он был назначен командиром женского штрафного батальона; se non è vero, è ben trovato... Но не нужно было находиться в женском штрафном батальоне, чтобы убедиться в этих качествах Владимира Ивановича: достаточно было оказаться в Пушкинском Доме.

Пушкинский Дом в те годы был откровенно антисемитским. Антисемиты ненавидели евреев, и евреи отвечали им тем же. Заодно антисемиты ненавидели и тех, кто поддерживал отношения с евреями. Можно сказать, таким образом, что были две партии: антисемитов и анти-антисемитов. Эти люди практически не общались друг с другом; между тем Владимир Иванович общался с теми и другими, и каждая из этих групп считала его своим человеком. Это было поразительно.

Защита Владимира Ивановича (на филологическом факультете Ленинградского университета) проходила очень торжественно. Зал был полон. После защиты все столь же торжественно направились в университетскую столовую, которая была арендована в этот вечер под банкет. Все было необычайно чинно, по-питерски. Гости шли длинной вереницей вдоль здания Двенадцати коллегий: сначала академики, потом члены-корреспонденты, за ними профессора, потом доктора наук, не имеющие профессорского звания, кандидаты наук и, наконец, все остальные — мелкой пташечкой. В таком же порядке, по ранжиру, все расселись в столовой; столы ломились от яств и выпивки. Рядом со мной оказался А. М. Панченко, которого я впервые увидел. Провозгласили тост за Владимира Ивановича, потом — за оппонентов, и вскоре водка исчезла со стола. Закуски по-прежнему оставалось вдоволь. Некоторое время спустя я пошел в уборную и обнаружил там Панченко, сидящего на стульчаке. «Выпить не хотите?» — предложил он. «Так ведь нечего», — говорю. «Вся выпивка здесь, — пояснил А. М. — Мы сюда перенесли. А то ведь всё выпьют», — резонно добавил он. Мы распили бутылку.

На банкете очень ярко проявилось то, о чем я говорил, — всеядность Владимира Ивановича. Там были люди совершенно несовместимые друг с другом. Наряду с учеными (среди которых было много евреев) там были

неприкрытые фашисты (например, Д. А. Жуков, который мог говорить только о евреях). Были также люди из КГБ, они познакомились с Владимиром Ивановичем, когда он участвовал в подготовке Международного съезда славистов в 1958 г.; Владимир Иванович произвел на них тогда большое впечатление, и они приехали из Москвы на его защиту. Это были молчаливые, улыбчивые люди. Позднее, когда все перепились, они очень профессионально укладывали в машины безжизненные тела перепившихся.

Вообще все перепились в стельку, причем как-то совершенно неожиданно. Помню бездыханное тело, которое, высоко подняв, несли к выходу офицеры КГБ (картина, напоминавшая заключительную сцену «Гамлета»). «Владимир Иванович, кто это?» — спросил я. «А это, Борис Андреевич, наш аспирант, — сообщил Владимир Иванович. — Занимается поэзией XVIII века. У него мама профессор. С ним несчастье случилось: в тюрьму попал» (кажется, он грабил квартиры, выдавая себя за сотрудника органов).

Владимир Иванович был прекрасным рассказчиком. Рассказывал он монотонно, даже как-то грустно, не улыбаясь, смотря в глаза собеседнику (слушателю) и поминутно обращаясь к нему по имени-отчеству. Мне запомнились два его рассказа.

В 1940 г., по окончании Ленинградского университета (он окончил его в 1939 г.), Владимир Иванович отправился в г. Семенов в археографическую экспедицию. Ходит по домам, спрашивает рукописи. Семенов, расположенный неподалеку от озера Светлояр, был центром керженских старообрядцев. От одной старухи он услышал: «Ты вот все книги рукописные собираешь, а какие книги были у нашего епископа!» — «Какого епископа?» — «Нашего епископа, которого власти ваши арестовали». — «Когда арестовали?» — спрашивает. «Да вот сейчас и арестовали». Владимир Иванович поспешил на городскую площадь и увидел там грузовик, окруженный вооруженной охраной; на нем сидел арестованный епископ с поникшей головой. Он обратился к начальнику, представился, спросил о рукописях. «Были какие-то сочинения, — сказал начальник, — мы их посмотрели, они для Советской власти опасности не представляют, все божественные». — «А где они?» — «В сарай сложили». Владимир Иванович предъявил командировочное удостоверение из Академии наук и попросил разрешения эти рукописи забрать. Разрешение ему было дано, он перевез их в Ленинград и передал в Библиотеку Академии наук, где был образован фонд Семеновского райотдела НКВД[3].

[3] В статье о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска Владимир Иванович мимоходом упоминает об этой поездке: «В июне 1940 г. в г. Семенове и селе Воскресенье (на озере Светлояр) Горьковской области я собрал для Библиотеки АН СССР 51 рукопись XVI–XIX вв. („Семе-

Прошло много лет. Как-то после войны Владимир Иванович оказался в Москве, на Рогожском кладбище. К тому времени вышли первые его публикации о протопопе Аввакуме, старообрядцы их знали, и он был приглашен на трапезу к архиепископу; как почетного гостя, его посадили рядом с владыкой. Разговорились, архиепископ и говорит: «Эх, Владимир Иванович! и я собирал рукописи в Семенове, когда был молодым еще епископом. Знали бы вы, какое у меня было собрание! И куда все делось...» — «А я, Борис Андреевич, сижу, молчу, ничего не говорю», — заключил свой рассказ Владимир Иванович.

«Или вот еще случай был...» — вспомнил Владимир Иванович и рассказал другую, похожую историю. Дело было во время войны, Владимир Иванович служил в войсках, оборонявших Ленинград. Бои шли на окраине города. Впереди были немцы, а между немцами и нашими войсками торчала роскошная загородная дача, ужасно Владимира Ивановича раздражавшая. «Ребята, — говорит он своим солдатам, — уберите мне эту дачу, она мне мешает. Я из-за нее немцев не вижу». — «Будет сделано», — отвечают солдаты. Поползли по-пластунски, зажгли бикфордов шнур, отползли, спрятались — дача вспыхнула как карточный домик и мгновенно сгорела дотла.

Прошло много лет. Как-то после войны Владимир Иванович оказался в ленинградском Доме композиторов, познакомился с одним известным композитором. Разговорились. «Ах, Владимир Иванович, Владимир Иванович, — говорит композитор. — если бы вы знали, какой у меня до войны загородный дом был! Чудо, а не дом! И даже следа от него не осталось — как корова языком слизнула». — «А я, Борис Андреевич, молчу. Я ничего не говорю», — сказал Владимир Иванович и посмотрел на меня испуганно.

Кто был этот композитор, я не знаю. Что же касается старообрядческого архиепископа, то им был, со всей очевидностью, Иринарх (Парфенов) (1881–1952). В 1928 г. он был рукоположен в старообрядческого епископа Самарского и Уфимского, в 1932 г. арестован, в 1936 г. освобожден, а в апреле 1941 г. стал архиепископом Московским и всея Руси. Сменивший его в 1952 г. архиепископ Флавиан (Слесарев) репрессиям не подвергался. Следующий архиепископ, Иосиф (Моржаков), был арестован в 1935 г., но в 1940 г. он еще не был архиереем; епископом (Кишиневским) он стал в 1945 г., а архиепископом — в 1961 г. Таким образом, речь могла идти только о владыке Иринархе.

После освобождения из заключения Иринарх какое-то время жил, видимо, в Семенове; данных о его проживании в Семенове нет, но это единственное возможное объяснение. Семеновской епархии никогда не существовало;

новское собрание")»; при этом сообщается об описи этих рукописей, составленной М. Н. Мурзановой [Малышев 1947b, с. 154, примеч. 1]. О НКВД по понятным причинам здесь ничего не говорится.

формально он оставался епископом Самарским (окормляющим заволжских старообрядцев)[4].

Рукописи, привезенные Владимиром Ивановичем в августе 1940 г. в Библиотеку Академии наук (51 единица хранения), поступили в собрание Текущих поступлений, но были известны как собрание Семеновского районного отделения НКВД [Исторический очерк, с. 55, 196; Кукушкина, с. 403]; в 1985 г. они были выделены в самостоятельное собрание (под тем же названием). Как сообщила мне М. В. Корогодина, в БАН считали, что сотрудники НКВД собрали и сохранили эти рукописи. Вот что значится в описи собрания: «В Семеновском районе Горьковской области, среди оставленного владельцами имущества, оказался ряд рукописей, сохраненных Семеновским районным Отделом Народного Комиссариата Внутренних Дел...»[5] Как тут не вспомнить стихи Мандельштама: «Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?»

Литература

Исторический очерк — Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 2: XIX–XX века. 400 с.

Кукушкина — *Кукушкина М. В.* Рукописи Библиотеки Академии наук СССР, собранные при участии В. И. Малышева // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1972. С. 401–405.

Малышев 1947a — *Малышев В. И.* Житие Александра Невского: (По рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 185–193.

Малышев 1947b — *Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 149–158.

Малышев 1948 — *Малышев В. И.* Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 6. С. 372–375.

Малышев 1949 — *Малышев В. И.* Как писали рукописи в Поморье в конце XIX — начале XX в.: (К вопросу об изучении техники и быта поморского книгописца) // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Петрозаводск, 1949. № 1. С. 73–84.

Малышев 1951a — *Малышев В. И.* Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума: (Материалы для библиографии) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8. С. 379–391.

[4] Архиепископ Иринарх мог знать о следующих сочинениях Владимира Ивановича, посвященных Аввакуму: [Малышев 1948; 1951a, b].

[5] Пользуясь случаем, благодарю Марию Владимировну Корогодину за предоставленные ею сведения и ценные указания.

Малышев 1951b — *Малышев В. И.* Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета. Л., 1951. Вып. 3. С. 255–266.

Gorlin — *Gorlin M.* Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav // Revue des études slaves. 1947. T. 23, fasc. 1–4. P. 5–33.

References

Kukushkina, M. V. (1972). 'Rukopisi Biblioteki Akademii nauk SSSR, sobrannye pri uchastii V. I. Malysheva' ['Manuscripts from the Library of the USSR Academy of Sciences, Collected with the Participation of V. I. Malyshev'], in: *Rukopisnoe nasledie Drevnei Rusi. Po materialam Pushkinskogo Doma* [*The Manuscript Heritage of Old Russia. Based on Materials of the Pushkinskii Dom*]. Leningrad: Nauka Publ., 401–405. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 298–313
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-298-313
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 298–313
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. В. Пигин

Aleksandr V. Pigin

ПИСЬМА Б. А. УСПЕНСКОГО К В. И. МАЛЫШЕВУ

LETTERS FROM B. A. USPENSKIJ TO V. I. MALYSHEV

Резюме. В статье публикуются 12 писем филолога Бориса Андреевича Успенского к археографу, создателю Древлехранилища Пушкинского Дома Владимиру Ивановичу Малышеву. Письма хранятся в личном фонде В. И. Малышева (ф. 494) в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; они датируются периодом с 21 мая 1967 г. по 21 ноября 1975 г. Ответные письма не сохранились. Общим для исследователей был интерес к старообрядчеству и рукописной книжности, они обменивались информацией на эти темы, посылали друг другу научную литературу. Особый интерес представляет письмо от 21 мая 1967 г., в котором Б. А. Успенский поделился с В. И. Малышевым концепцией своего исследования, посвященного литургическому произношению старообрядцев-беспоповцев, и обратился к нему с рядом вопросов. Письма могут послужить ценным материалом для изучения истории отечественной филологии XX в. В статье содержатся также сведения о личных встречах двух ученых. Публикация писем Б. А. Успенского сопровождается комментариями.
Ключевые слова: Б. А. Успенский, В. И. Малышев, Н. И. Толстой, старообрядчество, эпистолярий.
Информация об авторе: Александр Валерьевич Пигин, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, av-pigin@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9306-1421.
Для цитирования: *Пигин А. В.* Письма Б. А. Успенского к В. И. Малышеву // Словесность и история. 2026. № 3. С. 298–313.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-298-313.

Abstract. The article publishes 12 letters from the philologist Boris Andreevich Uspenskij to the archaeographer and creator of the Repository of Ancient Manuscripts (*Drevlekhranilishche*) of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) Vladimir Ivanovich Malyshev. The letters are stored in the personal fund of V. I. Malyshev (f. 494) in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences; they date from May 21, 1967, to November 21, 1975. The researchers shared an interest in the Old Believers and handwritten books, exchanged information on these topics, and sent each other scientific literature. Of particular interest is a letter dated May 21, 1967, in which B. A. Uspenskij shared with V. I. Malyshev the concept of his research on the liturgical pronunciation of the Old Believers-*bespopovtsy*, and asked him a number of questions. The letters serve as valuable material for studying the history of Russian philology in the 20th century. The article also contains information about the two scientists' personal meetings. The publication of B. A. Uspenskij's letters is accompanied by commentary.
Keywords: B. A. Uspenskij, V. I. Malyshev, N. I. Tolstoy, Old Believers, epistolary.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Information about the author: Aleksandr V. Pigin, D. Sc. in Philology, professor, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, av-pigin@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9306-1421.
Received: July 1, 2026. ***Approved***: July 30, 2026.
For citation: Pigin, A. V. (2026). 'Letters from B. A. Uspenskij to V. I. Malyshev', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 298–313.

В обширном личном фонде В. И. Малышева (ф. 494) в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранятся 12 писем и почтовых открыток Б. А. Успенского, адресованных В. И. Малышеву в период с 21 мая 1967 г. по 21 ноября 1975 г.[1] К сожалению, ответные письма не сохранились.

Очевидно, что и автор писем, и его адресат не нуждаются в подробном представлении. Владимир Иванович Малышев (1910–1976) — крупнейший, по определению А. М. Панченко, археограф XX столетия [Панченко, с. 266], создатель пушкинодомского Древлехранилища, которое носит его имя. Борис Андреевич Успенский (род. в 1937) — один из столпов современной филологии, лингвист, семиотик, исследователь древнерусской и старообрядческой письменности и культуры.

В. И. Малышева и Б. А. Успенского, ученых разных поколений и научных школ, объединял интерес к старообрядчеству. У В. И. Малышева он проявился, как известно, очень рано — уже в студенческие годы начинающий археограф, ученик академика А. С. Орлова, получил шутливое прозвище Аввакум.

Б. А. Успенский пришел к изучению старообрядчества не сразу. Он окончил романо-германское отделение Московского государственного университета (1960), в начале своей научной карьеры изучал структурную типологию языков (этой проблеме были посвящены его кандидатская диссертация и монография 1965 г.). Далее предоставим слово самому Б. А. Успенскому: «...наряду с лингвистикой я занялся семиотикой. ⟨...⟩ Занимаясь семиотикой, я обратился к исследованию икон. ⟨...⟩ Эти занятия привели меня к старообрядцам. Мне хотелось понять, как выглядели иконы в естественном для них освещении: ведь иконы не предназначались для электрического освещения, они должны были освещаться свечами... ⟨...⟩. Вообще мне хотелось воспринимать иконы так, как они воспринимались раньше: они были частью литургического действа, их восприятие в храме было неразрывно от церковного пения. ⟨...⟩ Так я попал в Воздвиженскую церковь старообрядческой общины

[1] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1242. Письма Б. А. Успенского (12) В. И. Малышеву, 1967, мая 21 — 1975, ноября 21.

федосеевского согласия (безбрачных беспоповцев) на Преображенском кладбище в Москве» [Успенский 2023, с. 554–556]. Посещая церковную службу старообрядцев, Б. А. Успенский обратил внимание на «необычное произношение», принятое при чтении церковных книг (различение букв «е» и «ѣ» и др.). Старообрядческое произношение никто не изучал, и Б. А. Успенский решил, что должен описать это явление: так он «стал славистом» [Успенский 2023, с. 557]. Проблема книжного произношения в России является одной из магистральных в научных исследованиях Б. А. Успенского, по этой теме он защитил и докторскую диссертацию (1972).

В 1967 г. Б. А. Успенский работал над статьей о литургическом произношении старообрядцев-беспоповцев для журнала «Вопросы языкознания». Именно в этот период и началось общение ученого с В. И. Малышевым. Познакомил их, вероятно, Н. И. Толстой, обратившийся к В. И. Малышеву в письме от 8 апреля 1967 г. с просьбой: «Еще прошу Вас, милый Владимир Иванович, ⟨...⟩ помочь моему подопечному и доброму знакомому Борису Успенскому, написавшему для нас в ВЯ («Вопросы языкознания». — *А. П.*) статью о старообрядческом произношении. Может, какую литературу печатную или рукописную он пропустил. А дело он делает доброе»[2]. В письме от 21 мая 1967 г. (№ 1)[3] Б. А. Успенский подробно поделился с В. И. Малышевым своими наблюдениями о старообрядческом литургическом произношении и попросил о консультации по целому ряду связанных с этим вопросов; с черновым вариантом статьи Б. А. Успенского В. И. Малышев был к этому времени уже знаком. Это письмо является, по сути, конспективным изложением концепции ученого и представляет интерес как фиксация определенного этапа в ее формировании, когда не весь необходимый материал еще был собран.

Начавшееся с обмена письмами общение двух ученых продолжилось при личной встрече в январе 1968 г., когда Б. А. Успенский и Н. И. Толстой приехали в Ленинград на защиту докторской диссертации В. И. Малышева (состоялась 11 января 1968 г.) и остановились у него дома. Об этом событии Б. А. вспоминал впоследствии в своих письмах к В. И., благодаря его за гостеприимство: «Позвольте еще раз поблагодарить Вас за гостеприимство. Мне, как и Никите Ильичу, было очень у Вас хорошо, и мы с Никитой Ильичом часто вспоминаем о том, как у Вас жили» (№ 2); «Недавно вспоминали с Никитой Ильичом, как мы у Вас жили, и грандиозный Ваш банкет после защиты

[2] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1214. Л. 23 (Письмо Н. И. Толстого к В. И. Малышеву от 8 апреля 1967 г.).

[3] Здесь и далее в скобках приводятся порядковые номера писем Б. А. Успенского, публикуемых в настоящей статье.

диссертации. Славное было время!» (№ 12) (о защите и банкете см. также воспоминания Б. А. Успенского о В. И. Малышеве в настоящем издании).

После встречи в 1968 г. между учеными установились прочные уважительные отношения. Согласно письмам Б. А. Успенского, Б. А. и В. И. обменивались информацией по научным вопросам, посылали друг другу книги и оттиски статей (№ 2, 3, 8–10, 12). С В. И. Малышевым Б. А. Успенский вел переговоры о публикации своей статьи в сборнике памяти В. В. Виноградова, подготовка которого осуществлялась в Пушкинском Доме (№ 6, 7). Готовясь к защите докторской диссертации, Б. А. отправил В. И. автореферат и попросил написать отзыв: «Отзыв Ваш много значил бы для оправдания самого материала исследования — изучения старообрядческой традиции как своеобразного заповедника старой русской культуры» (№ 10). Б. А. не раз приглашал В. И. к себе в гости в Москву[4], в письме от 6 марта 1970 г. (№ 8) он поделился радостью по случаю рождения сына.

Кроме публикуемых писем, входящих в состав д. 1242 (Письма Б. А. Успенского), в фонде 494 сохранились три адресованных В. И. Малышеву кратких коллективных послания на почтовых карточках: от Н. И. Толстого и Б. А. Успенского (июнь 1968 г.), от Н. И. Толстого, Б. А. Успенского, Дина Ворта, С. М. Толстой, Г. П. Коршуновой (Успенской) (ноябрь и декабрь 1971 г.). В. И. Малышев сохранил эти карточки среди писем Н. И. Толстого (Ф. 494. Оп. 2. № 1214). Эти дружеские приветствия составлялись во время застолий в доме Н. И. Толстого: «пирующим» приятно было вспомнить своего ленинградского друга и отправить ему добрые пожелания. Вот текст одной из этих открыток:

> Милый Владимир Иванович!
>
> Мы немножко пьяненькие... точь так мы были пьяненькие с Вами много лет тому назад и писали письмо Виктору Владимировичу[5], которое он прочитал потом на заседании „Вопросов языкознания“. А тут был Н. Толстой.
>
> Владимир Иванович, дорогой, очень Вас вспоминаем с Никитой Ильичом и с Дином Вортом. Как бы хорошо Вас увидеть. Очень по Вам соскучились. Б. Успенский.
>
> Сердечный привет, и до скорого свиданья в Ленинграде. Ваш Дин Ворт.

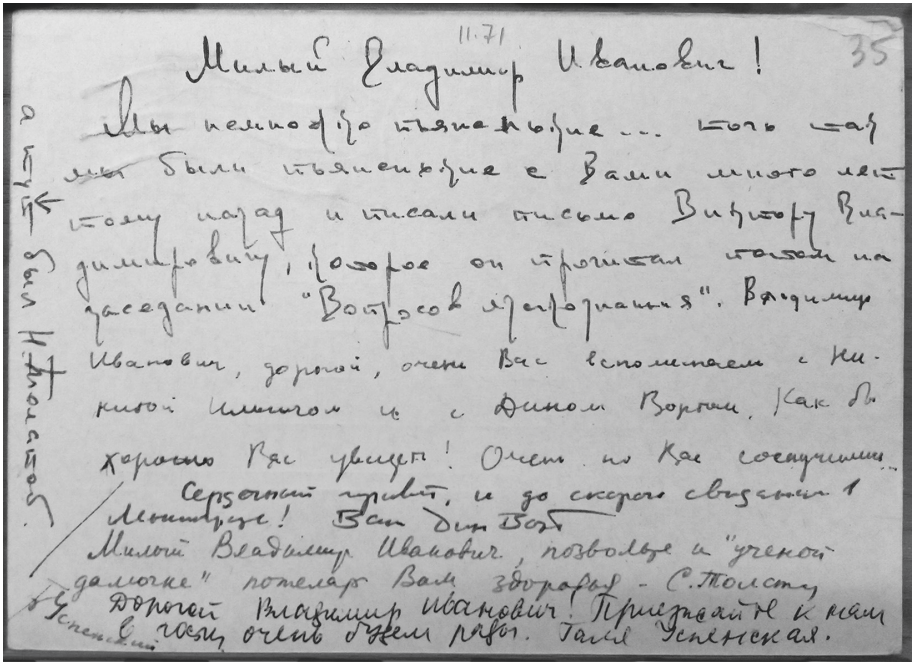
---

[4] «Как-то будучи в Москве, Владимир Иванович занемог и остановился у нас на несколько дней, совершенно больной. Ему поставили раскладушку, моя жена за ним ухаживала, а я сидел у его изголовья и слушал рассказы, некоторые из которых приводятся в воспоминаниях (опубликованных в настоящем номере журнала. — *А. П.*)» (из письма Б. А. Успенского к автору настоящей публикации).

[5] Т. е. В. В. Виноградову (он был главным редактором журнала «Вопросы языкознания»).

Милый Владимир Иванович, позвольте и „ученой дамочке“[6] пожелать Вам здоровья. С. Толстая.

Дорогой Владимир Иванович! Приезжайте к нам в гости, очень будем рады. Галя Успенская[7].

Милый Владимир Иванович!
Мы немножко пьяненькие... Хотя сам
мы были пьяненькие с Вами много лет
тому назад и писали письмо Виктору Вла-
димировичу, которое он прочитал тогда на
заседании "Вопросов литературы". Владимир
Иванович, дорогой, очень Вас вспоминаем с Ни-
китой Ильичом и с Диной Ворон. Как Вы
хорошо Вас увидеть! Очень не Как соскучились...
Сережкин привет, и до скорого свидания!
Мишутка! Ваш Дин Ворт
Милый Владимир Иванович, позвольте и "ученой
дамочке" пожелать Вам здоровья - С. Толстая
Дорогой Владимир Иванович! Приезжайте к нам
в гости, очень будем рады. Галя Успенская.

Письмо (почтовая карточка) к В. И. Малышеву от Н. И. Толстого, Б. А. Успенского, Дина Ворта, С. М. Толстой и Г. П. Успенской. Ноябрь 1971 г.
РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1214. Л. 35

Переписка Б. А. Успенского и В. И. Малышева длилась недолго, но она (в сохранившейся ее части) дает ясное представление о характере их взаимоотношений — деловых и сердечных одновременно. Публикуемые в настоящем номере журнала воспоминания Б. А. Успенского о В. И. Малышеве и представленный эпистолярий хорошо дополняют друг друга.

Благодарю Б. А. Успенского за разрешение опубликовать его письма к В. И. Малышеву и за ценные сведения, которые были использованы при написании преамбулы и комментариев.

[6] «Учеными дамочками» В. И. Малышев ничтоже сумняшеся именовал всех ученых женского пола.

[7] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1214. Л. 35. Ноябрь 1971 г. Отправлена в Усть-Цильму до востребования.

№ 1 (письмо)

21. V. 1967

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Большое спасибо за Ваше письмо и за звонки Ваши, хотя бы и безрезультатные. Я знал, что Вы собираетесь мне звонить (мне сказал об этом Н. И. Толстой[1]) и очень ждал Вашего звонка, но, как на грех, в тот же день у меня стали чинить телефонный кабель. Вы звонили, телефон, видимо, ответил свободными гудками, а на самом деле он просто не работал. Потом он неожиданно наладился, Вы позвонили, но меня, к несчастью, не было дома. Мне очень досадно, потому что крайне важно было бы поговорить с Вами, хотя бы и по телефону.

Тема эта меня увлекла чрезвычайно. Я увлекся ею неожиданно — ходил на Преображенское[2], слушал пение и вдруг обратил внимание на произношение, которое сначала воспринималось просто как диалектальное. Со времени написания статьи в том варианте, который у Вас, я собрал еще довольно материалов: этой весной мне удалось побывать в Причудье, в частности, у раюшских федосеевцев[3]. Основные выводы, как мне кажется, подтвердились, но появилось много уточнений и добавлений. Сейчас статья моя уже выросла вдвое[4]. Особенно поражает единство произношения, сохранившегося на столь большой территории и в разных согласиях, — единство, которое заключается не только в одинаковости употребляемой системы, но и в одинаковости ее нарушений (отступления от общих правил просматриваются в одних и тех же словах).

Большое спасибо за любезное приглашение посетить Вас, если буду в Ленинграде. Непременно им воспользуюсь, но пока, к сожалению, возможности, кажется, не предвидится. А поэтому не согласились бы Вы, если Вам это только не трудно, ответить на некоторые мои вопросы, наиболее меня сейчас волнующие?

Вот эти вопросы:

1) Известна ли Вам такая община беспоповцев, где была бы утеряна данная система (так, как она утеряна, например, у поповцев), — или же эта система держится пока в той или иной степени у всех беспоповских общинах?

У московских поморцев система в большой степени сглажена, но кое-какие рефлексы пока все-таки остаются.

(Говоря о беспоповцах, я имею в виду перекрещенцев.)

2) Не встречали ли Вы какого-либо особого литургического произношения у поповцев? По некоторым слухам, особая система литургического произношения, аналогичная той, которую я описывал, встречается иногда

у иргизских старцев[5] (т. е. у беглопоповцев); не известно ли Вам что-либо в этом роде?

(Вообще, по моему убеждению, данная система сначала была представлена и у старообрядцев-поповцев, так же как и в главенствующей церкви; не исключено, что кое-где она могла и сохраниться).

3) По моим представлениям, сохранение данной системы произношения может быть связано отчасти с сохранением хомового пения. Есть ли сейчас беспоповские общины (кроме московских поморцев) с пением наречным? Не встречалось ли Вам хомовое пение у поповцев?

В энциклопедии Брокгауза (статья «Россия», раздел, посвященный музыке и пению) указано сочинение Андрея Денисова «О хомовом пении», изданное в Пскове в 1879 г. (может быть, Павлом Прусским в «Истине»?)[6]. Мне не удалось найти ни эту работу, ни каких-либо подтверждений ее существования.

4) Имеются ли сейчас какие-либо другие беспоповские толки, кроме федосеевцев, поморцев и филипповцев (например, странники и т. п.)?

Простите, что обременяю Вас этими вопросами. Еще раз хочу поблагодарить Вас за Ваше внимание.

Глубоко уважающий Вас Б. Успенский.

P. S. Никите Ильичу поклонюсь непременно и с удовольствием.

P. P. S. Я работаю не в Институте славяноведения, а в Университете. Если надумаете писать, то лучше по домашнему адресу: Москва А-55, Тихвинский пер., 10/12, кв. 149. Б. А. Успенский.

(*л. 1–2 об.*)

№ 2 (письмо)

23. II. 1968

Дорогой Владимир Иванович!

Большое спасибо за оттиск и за адрес Кириллова[7]. Посылаю Вам свою книгу о старообрядческом произношении, только что вышедшую (где, между прочим, привожу в приложении факсимиле поморской риторики)[8]. У меня для Вас есть ряд работ по старообрядчеству и по Пскову, которые могут быть Вам интересны.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за гостеприимство. Мне, как и Никите Ильичу, было очень у Вас хорошо, и мы с Никитой Ильичом часто вспоминаем о том, как у Вас жили.

В скором времени (буквально через несколько недель) я должен переехать на новую квартиру с большей площадью. Надеюсь, что Вы сможете у меня

останавливаться во время Ваших наездов в Москву, а я постараюсь отплатить Вам за гостеприимство. Я и моя семья будем очень и очень Вам рады.

Если будете в Москве, дайте, пожалуйста, о себе знать.

Ваш Б. Успенский.

(*л. 2а–2а об.*)

№ 3 (письмо)

Москва, 19. VIII. 1968

Дорогой Владимир Иванович!

Вчера послал наконец давно обещанные и непростительно задержанные книги. Это оттиски из «Чтений в Обществе истории и древностей российских», в основном по расколу и связанным с ним проблемам, а также по Пскову[9]. Некоторые работы, к сожалению, неполны, т. е. не имеют либо конца, либо середины. Тем не менее решаюсь все-таки послать Вам и их в предположении, что они могут Вам пригодиться; если же нет — поступайте с ними, как знаете.

Я переехал на новую квартиру (адрес см. на конверте) и совсем замучился с переездом. Главная беда с книгами, стеллажами и т. п. Зато теперь у нас три комнаты, и когда будете в Москве — милости прошу жить у меня. Ехать надо до метро «Юго-Западная», выход у головного вагона, далее на авт⟨обусе⟩ 175 до остановки «12-й корпус». Телефона нет.

Очень хотелось бы знать, как Вы съездили на Печору[10]. Получили ли Вы в Усть-Цильме нашу с Никитой Ильичом открытку, которую мы составляли, выпивши после защиты Светланы?[11]

Всего Вам хорошего, Ваш Б. Успенский.

(*л. 3–3 об.*)

№ 4 (почтовая карточка)

27 августа 1968 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Спасибо за Ваши открытки. Очень рад, что оттиски могут Вам пригодиться. 4-й номер «Вопросов языкознания» вышел только что — с большим опозданием, там помещено Ваше письмо о «Синайском патерике»[12]. Возможно, в начале осени я буду в Ленинграде, так что, может быть, увидимся. Хочу увлечь с собой и Никиту Ильича.

Всего Вам хорошего.

Б. Успенский.

(*л. 4–4 об.*)

№ 5 (почтовая карточка)

25. XII. 68

Дорогой Владимир Иванович!

Мой адрес: Москва В-437, Беляево-Богородское, квартал 48, корп. 19, кв. 87, 3-й подъезд, 4-й этаж. Ехать надо до метро «Юго-Западная» (от вокзала прямая линия, без пересадки), выход из метро у головного вагона. Выйдя из метро, садитесь на авт⟨обус⟩ № 175 и доезжайте на нем до ост⟨ановки⟩ «ул. Волгина». Далее Вам надо пойти направо по улице, которая пересекает ту улицу, по которой идет автобус. По одну сторону этой улицы дома, а по другую — поле. Ведет она в лес. Второй дом (по левую руку) по этой улице — и есть мой корпус. Милости прошу. Большое Вам спасибо за гостеприимство. Жду Вас к себе.

Ваш Б. Успенский.

(*л. 5–5 об.*)

№ 6 (почтовая карточка)

20. IX. 1969

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня отправил заказной бандеролью на имя И. П. Смирнова[13] свою статью в сборник в честь Виктора Владимировича[14]. Статья называется «Структура художественного текста и текстология (некоторые вопросы передачи прямой речи в „Войне и мире“ Толстого)». В ней 16 ½ страниц. Буду признателен, если будете держать меня в курсе дела.

Сердечно Ваш Б. Успенский.

(*л. 6–6 об.*)

№ 7 (письмо)

Москва, 27. IX. 1969

Дорогой Владимир Иванович,

Получилось какое-то недоразумение. Когда я увидел, что статья моя превышает объем, я Вам специально позвонил, чтобы узнать, как быть. Вы сказали: присылайте, — я и послал. А сейчас Вы пишете о необходимости сокращения.

Мне трудно было соблюсти все условия Вашего сборника, и я старался соблюсти главное — и самое для меня трудное — условие, чтобы статья была не по лингвистике. Поскольку я не предполагаю больше писать литературо-

ведческих статей, я хотел бы, чтобы она была напечатана в том виде, как я ее написал.

Я совершенно уверен, что статья не может быть сокращена до требуемого объема без ущерба для ее содержания (вероятно, ее можно было бы сократить на страницу-полторы, но это едва ли Вас устроит). Возможно, Вы считали (если смотрели мою статью), что ее можно было бы сократить за счет примеров из «Войны и мира» — но это было бы крайне нежелательно, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ у меня собраны все примеры из «Войны и мира» на определенный сюжет (французская речь, переданная по-русски), и в этой полноте их ценность и, надеюсь, убедительность.

Итак, если редколлегия сборника не найдет возможным напечатать мою статью в полном ее объеме, я попробую предложить ее в какой-нибудь журнал (присоединив к статье посвящение В. В. Виноградову). В этом случае я очень просил бы вернуть мне экземпляры моей работы.

Должен ли я специально сообщить об этом И. П. Смирнову или я могу рассчитывать, что Вы передадите ему — и редколлегии сборника — это мое условие? Напишите, пожалуйста. В случае, если статья моя по условиям объема не подойдет для сборника, Вы можете сразу (если Вам не трудно) передать ее в «Русскую литературу».

Надеюсь, Вы не будете за это на меня в претензии: Вы ведь понимаете, что трудно уложиться точно в заданный объем, к тому же когда сроки так сжаты, а коль скоро работа написана, возникает естественное желание видеть ее опубликованной целиком.

Буду ждать от Вас сообщения о решении редколлегии[15].

Уважающий и любящий Вас Б. Успенский.

(*л. 7–7 об.*)

№ 8 (письмо)

6. III. 70

Дорогой Владимир Иванович!

Большое спасибо за оттиски Беркова[16], очень мне нужные.

У нас в семье большая радость: Галя родила сына, Ванечке брата[17]. Все мысли и переживания, естественно, связаны сейчас с этим.

Никита Ильич жив-здоров, часто Вас вспоминает.

Если все будет благополучно, весной, может быть, выберусь дня на три в Ленинград (надо было бы поработать в рукописных отделах), но сейчас не приходится загадывать, что будет через несколько месяцев.

Сердечно Ваш Б. Успенский.

(*л. 8–8 об.*)

№ 9 (почтовая карточка)

〈Март 1970 г.〉[18]

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня узнал от Н. И. Толстого, что Вы, видимо, не получили моего письма, в котором я благодарю Вас за оттиски (Беркова и Морозова[19]). Я их давно уже получил и тотчас же об этом Вам написал — с благодарностью, но письмо, вероятно, затерялось. Еще раз большое Вам спасибо: оттиски мне очень пригодились.

Сердечно Ваш Б. Успенский.

(*л. 9–9 об.*)

№ 10 (письмо)

3. I. 72

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю Вам автореферат диссертации[20]. Защита намечена на 3 марта сего года. В свое время Вы обещали написать отзыв, я был бы Вам за него очень благодарен. Отзыв Ваш много значил бы для оправдания самого материала исследования — изучения старообрядческой традиции как своеобразного заповедника старой русской культуры.

Заодно посылаю Вам библиографические сведения об одной статье, посвященной Аввакуму, которая появилась относительно недавно; впрочем, Вы, вероятно, о ней уже знаете.

Искренне Ваш Б. Успенский.

(*л. 10–10 об.*)

№ 11 (письмо)

2. VI. 75

Дорогой Владимир Иванович!

Сергей Александрович Зеньковский[21] написал мне, что он приезжает в Ленинград и что он хотел бы со мной встретиться. Не откажите в любезности передать ему это письмо, где я сообщаю о своих летних планах.

Не будучи уверен, что мое письмо застанет Вас в Ленинграде, я обращаюсь с аналогичной просьбой к А. М. Панченко[22] (прилагаю копию письма к С. А.).

Простите, что утруждаю Вас этой просьбой. Желаю Вам всего хорошего. Очень жду выхода Аввакума.

Сердечно Ваш Б. Успенский.

(*л. 11–11 об.*)

№ 12 (письмо)

21. XI. 75

Дорогой Владимир Иванович!

Только что узнал о выходе в свет Пустозерского сборника[23] (из публикации в «Книжном обозрении»). Поздравляю Вас — это, конечно, большое событие в жизни историков русской литературы, культуры, языка.

В свое время Вы любезно обещали мне помочь приобрести эту книгу (я предвижу, что обычным путем ее не получишь) и предложили мне напомнить Вам об этом, когда она выйдет, — что я и делаю. А может быть, можно было бы приобрести даже несколько экземпляров (скажем, три)? Это было бы совсем замечательно. Но если это трудно, я был бы очень признателен и за один. (Разумеется, я тотчас же верну Вам деньги.)

Недавно вспоминали с Никитой Ильичом, как мы у Вас жили, и грандиозный Ваш банкет после защиты диссертации. Славное было время!

Простите, что обременяю Вас этой просьбой. Буду рад, в свою очередь, быть Вам чем-нибудь полезным.

Сердечно Ваш Б. Успенский.

(*л. 12–13 об.*)

Комментарии

[1] Никита Ильич Толстой (1923–1996) — лингвист, фольклорист, этнограф, доктор филологических наук, профессор, академик АН СССР (1987) и РАН (1991). С Н. И. Толстым В. И. Малышев состоял в переписке, сохранилось более 40 писем Н. И. Толстого 1957–1976 гг. (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1214).

[2] Преображенское кладбище в Москве (основано в 1771 г.) — центр старообрядцев-федосеевцев.

[3] Федосеевская община в деревне Раюши (ныне Рая) в Причудье на западном берегу Чудского озера (Эстония), создана в 1860 г.

[4] Статья была напечатана в последнем номере журнала за 1967 г.: [Успенский 1967]. Статья носила новаторский характер — и по поставленной в ней научной проблеме, и по отсутствию каких-либо отрицательных оценок старообрядчества и религии, что было совершенно не характерно для советской историографии. Ознакомившись с этой статьей в университетской библиотеке Принстона, отец Георгий Флоровский заметил: «В России начинается что-то новое» [Успенский 2023, с. 558; см. также примеч. 9].

[5] Насельники старообрядческих монастырей и скитов, возникших во второй половине XVIII в. на берегах реки Большой Иргиз (левый приток Волги) и являвшихся центром беглопоповства.

[6] Андрей Денисов (1674–1730) — основатель и первый киновиарх старообрядческой Выговской поморской пустыни, писатель. Б. А. Успенский имеет в виду следующий фрагмент в статье «Россия» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (СПб., 1899. Т. 28. С. 686): «Поморец Андрей Денисов, называющий его (многоголосное пение. — *А. П.*) „партесным и многоусугубленным", сообщает, что патриарх Иосиф был недоволен этим нововведением и запрещает его („О хомовом пении", Псков, 1879, стр. 63)». Выражение «новокиевское, партесное многоусугубляемое» пение использовано в статье 22 («О пении») 50-го ответа в выговском полемическом трактате «Поморские ответы» [Поморские

ответы, с. 346], в составлении которого Андрей Денисов принимал участие. В свою очередь, в сборнике единоверческого миссионера А. Сорокина «О хомовом пении» (Псков, 1879) [Сорокин], в опубликованном здесь сочинении Ивана Алексеева (Стародубского) «О песнех и пениях церковных», на с. 63, действительно, содержатся сведения об отношении патриарха Иосифа к реформированию богослужебного пения, но Андрей Денисов при этом не упоминается. Вероятно, автор статьи в энциклопедическом словаре ошибочно полагал, что изданное А. Сорокиным сочинение принадлежит Андрею Денисову. В любом случае сочинения «О хомовом пении» у Андрея Денисова нет (благодарю Т. Г. Казанцеву за консультацию по этим вопросам). Павел Прусский (в миру Петр Иванович Леднёв) (1821–1895) — архимандрит, настоятель единоверческого Никольского монастыря, автор антистарообрядческих полемических сочинений. «Истина» — журнал, имевший целью борьбу со старообрядчеством, первоначально издавался в Восточной Пруссии, затем в Пскове (1863–1889).

[7] Иван Акимович Кириллов (1891–1974), в 1911–1912 гг. секретарь старообрядческого журнала «Старая Русь», автор книги «Правда старой веры» (М., 1916) и других апологетических сочинений в защиту старообрядчества. Впоследствии — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой Московского инженерно-экономического института.

[8] [Успенский 1968].

[9] Об «огромной куче книг на макулатуру» в библиотеке Московского государственного университета, бóльшую часть которых составляли бракованные экземпляры ЧОИДР, Б. А. Успенский сообщал в письме Ю. М. Лотману в начале февраля 1968 г. [Лотман, Успенский, с. 88–89]. Б. А. Успенскому удалось извлечь из этих экземпляров много ценных материалов («вторую неделю занимаюсь тем, что кучу эту просматриваю и выдираю все, что мне надо» [Там же, с. 89]), в том числе публикации по старообрядчеству и истории Пскова, которыми он решил поделиться с В. И. Малышевым. История и культура Пскова интересовали В. И. Малышева по крайней мере с 1940–1950-х гг. В 1952 г. он опубликовал свое исследование древнерусской «Повести о прихожении Стефана Батория на Псков» [Малышев 1952], в 1955 г. — обзор рукописей Псковского музея [Малышев 1955], писал статьи о культуре Пскова для газеты «Псковская правда». Повесть о Стефане Батории В. И. позднее переиздавал. В письмах к писателю Л. Ф. Зурову, уроженцу Псковской губернии, посвятившему ряд сочинений истории Пскова, В. И. Малышев неоднократно упоминал об этом своем интересе (ср.: «Не забывайте о моем интересе к протопопу Аввакуму, осаде Пскова Стефаном Баторием и осаде Пскова Густавом-Адольфом в 1615 г. Собираю по этим темам все, даже мелкие газетные информации») [Любомудров, с. 491].

[10] Археографическая экспедиция 1968 г. в Усть-Цилемский район в составе В. И. Малышева, А. Х. Горфункеля и В. И. Мажуги привезла в Печорское собрание Древлехранилища 56 рукописей XVII–XIX вв. [Малышев 1969, с. 120–121].

[11] Светлана Михайловна Толстая (род. в 1938) — лингвист, фольклорист, этнограф, доктор филологических наук, профессор, академик РАН (2016). В 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках». Открытка, которую упоминает Б. А. Успенский, сохранилась:

«Милый Владимир Иванович!

Борис Андреевич и я очень Вас любим, и не хватает Вас, как щепотки соли, и сегодня. Четвертинка моя защитила диссертацию, и мы вспоминаем, как на Вашей защите было холодно и хорошо.

Дорогой Владимир Иванович, очень надеемся на скорую встречу с Вами. Я так и не прислал обещанных Вам книг, поскольку переезжал (как и Никита Ильич) на новую квартиру. Зато теперь, если приедете в Москву, Вам будет целая комната. Милости прошу» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1214. Л. 27. Июнь 1968 г.).

«Четвертинкой» Н. И. Толстой называл С. М. Толстую, потому что как супруга Н. И. она была его «половиной», «но он был очень высокий, а она небольшого роста» (примечание Б. А. Успенского).

[12] [Малышев 1968]. Публикация представляет собой критический отклик на кн.: [Синайский патерик]. «Серьезным недостатком» издания В. И. Малышев считает отсутствие указателей.

[13] Игорь Павлович Смирнов (род. в 1941) — литературовед, кандидат филологических наук; в 1966–1979 гг. работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в 1979 г. переехал в Германию, преподавал в университете г. Констанц.

[14] Т. е. В. В. Виноградова (1894–1969) — выдающегося лингвиста, академика АН СССР (1946). Подготовкой сборника, посвященного памяти В. В. Виноградова, занимались сотрудники Пушкинского Дома, поскольку в последние годы жизни ученый работал в этом учреждении, где возглавлял сектор исторической поэтики и стилистики. В Пушкинский Дом была передана библиотека В. В. Виноградова, хранившаяся здесь в его мемориальном кабинете. В фонде В. И. Малышева в РО ИРЛИ имеются письма к В. И. жены Виноградова Надежды Матвеевны Виноградовой (Малышевой) (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 292–297, 1960–1976 гг.), в которых обсуждаются вопросы создания этого мемориального кабинета.

[15] Статья была опубликована в этом сборнике: [Успенский 1971b]. В. И. Малышев являлся членом редколлегии, а И. П. Смирнов — секретарем редколлегии сборника.

[16] Павел Наумович Берков (1896–1969) — литературовед, доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР (1960), специалист в области русской литературы XVIII в. С 1933 г. до конца жизни работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

[17] Жена Б. А. Успенского Галина Петровна Коршунова (1937–1978), сыновья: Иван Борисович (род. 1967) — бывший сотрудник Немецкого культурного центра им. Гете в Москве; Федор Борисович (род. 1970) — лингвист, историк, директор Института русского языка РАН, член-корреспондент РАН (2016).

[18] Б. А. Успенский не поставил дату. На московском почтовом штампе указано число 15. 3. 70.

[19] Вероятно, Александр Антонович Морозов (1906–1992) — литературовед, фольклорист, переводчик, автор работ о М. В. Ломоносове.

[20] [Успенский 1971a].

[21] Сергей Александрович Зеньковский (1907–1990) — историк, автор многих работ по русской истории и культуре, в том числе книги «Русское старообрядчество» (München, 1970), преподавал в ряде университетов Европы и США. С. А. Зеньковский и Б. А. Успенский познакомились в 1973 г. на Международном съезде славистов в Варшаве (примечание Б. А. Успенского).

[22] Александр Михайлович Панченко (1937–2002) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, академик РАН (1991), в 1962–2002 работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В соавторстве с А. М. Панченко Б. А. Успенский написал в 1983 г. статью «Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха» [Панченко, Успенский].

[23] [Пустозерский сборник].

Литература

Лотман, Успенский — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Переписка. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.

Любомудров — «Знаю, что вы любите Древний Псков»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева (1957–1971) / Предисл., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 441–517.

Малышев 1952 — Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков / Подгот. текста и статьи В. И. Малышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 135 с.

Малышев 1955 — *Малышев В. И.* Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 471–479.

Малышев 1968 — *Малышев В. И.* Серьезный недостаток хорошего издания: Письмо в редакцию // Вопросы языкознания. 1968. № 4. С. 147.

Малышев 1969 — *Малышев В. И.* Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // Русская литература. 1969. № 2. С. 119–125.

Панченко — *Панченко А. М.* О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 265–276.

Панченко, Успенский — *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха: Статья первая // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 54–78.

Поморские ответы — Поморские ответы: напечатаны с подлинника. [Б. м.]: Тип. П. П. Рябушинского, 1911. XVI, 602 с.

Пустозерский сборник — Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. В. И. Малышев (отв. ред.), Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л.: Наука, 1975. XIV, 264 с.

Синайский патерик — Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1967. 400 с., ил.

Сорокин — О хомовом пении / Предисл. и сост. А. Сорокина. Псков: Славянская тип., 1879. 114 с.

Успенский 1967 — *Успенский Б. А.* Одна архаическая система церковнославянского произношения: (Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев) // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 62–79.

Успенский 1968 — *Успенский Б. А.* Архаическая система церковнославянского произношения: (Из истории литургического произношения в России). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 156 с.

Успенский 1971a — *Успенский Б. А.* Книжное произношение в России: (Опыт исторического исследования): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1971. 34 с.

Успенский 1971b — *Успенский Б. А.* Структура художественного текста и текстология: (Некоторые вопросы передачи прямой речи в «Войне и мире» Л. Н. Толстого) // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1971. С. 219–230.

Успенский 2023 — *Успенский Б. А.* Путь в славистику (Habent sua fata libelli) // От сорочка к Олекше: Сб. ст. к 60-летию А. А. Гиппиуса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. С. 553–616.

References

Liubomudrov, A. M., ed. (2016). '"Znaiu, chto vy liubite Drevnii Pskov". Perepiska L. F. Zurova i V. I. Malysheva (1957–1971)' ['"I Know That you Love Old Pskov". Correspondence Between L. F. Zurov and V. I. Malyshev (1957–1971)'], in: *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [*Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Emigration*]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna Publ., 441–517. (In Russ.)

Lotman, Iu. M., Uspenskii, B. A. (2008). *Perepiska* [*Correspondence*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 512 p. (In Russ.)

Malyshev, V. I., Demkova, N. S., Droblenkova, N. F., Sazonova, L. I., eds. (1975). *Pustozerskii sbornik: Avtografy sochinenii Avvakuma i Epifaniia* [*Pustozersky Collection: Autographs of the Writings of Avvakum and Epiphanii*]. Leningrad: Nauka Publ., 264 p. (In Russ.)

Panchenko, A. M. (1985). 'O Vladimire Ivanoviche Malysheve' ['About Vladimir Ivanovich Malyshev'], in: *Drevnerusskaia knizhnost': Po materialam Pushkinskogo Doma*. [*Old*

Russian Book Culture: Based on the Materials of the Pushkinskii Dom]. Leningrad: Nauka Publ., 265–276. (In Russ.)

Panchenko, A. M., Uspenskii, B. A. (1983). 'Ivan Groznyi i Petr Velikii: kontseptsii pervogo monarkha: Stat'ia pervaia' ['Ivan the Terrible and Peter the Great: The Concepts of the First Monarch: Article One'], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 37, 54–78. (In Russ.)

Uspenskii, B. A. (1971). *Knizhnoe proiznoshenie v Rossii (Opyt istoricheskogo issledovaniia)* [*Book Pronunciation in Russia (An Attempt of a Historical Study)*]. Thesis summary for the degree of Doctor of Sciences in Philology. Moscow, 34 p. (In Russ.)

Uspenskii, B. A. (1971). 'Struktura khudozhestvennogo teksta i tekstologiia (Nekotorye voprosy peredachi priamoi rechi v "Voine i mire" L. N. Tolstogo)' ['The Structure of a Literary Text and Textology (Some Issues of Direct Speech in Leo Tolstoy's *War and Peace*)'], in: Alekseev, M. P., ed. *Poetika i stilistika russkoi literatury: Pamiati akademika V. V. Vinogradova* [*Poetics and Stylistics of Russian Literature: In Memory of Academician V. V. Vinogradov*]. Leningrad: Nauka Publ., 219–230. (In Russ.)

Uspenskii, B. A. (2023). 'Put' v slavistiku (Habent sua fata libelli)' ['The Way to Slavic Studies (Habent Sua Fata Libelli)'], in: *Ot sorochka k Olekshe. Sbornik statei k 60-letiiu A. A. Gippiusa*. [*From 'Sorochka' to 'Oleksha'. Collection of Articles on the 60th Anniversary of A. A. Gippius*]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANHiGS Publ., 553–616.

Список сокращений

ГВСМЗ — Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИИИ — Государственный институт истории искусств (Ленинград; с 1992 г. РИИИ)
ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
КарНЦ РАН — Карельский научный центр Российской академии наук (Петрозаводск)
КИХР — Кабинет по изучению звучащей художественной речи при Отделе словесных искусств ГИИИ
КНИИК — Карельский научно-исследовательский институт культуры (Петрозаводск)
ЛГПИ им. А. И. Герцена — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
Лито (ЛИТО) — Отдел теории и истории словесных искусств ГИИИ
ЛОГАИС — Ленинградское отделение Государственной академии искусствознания (1931–1933; с 1992 г. РИИИ)
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Санкт-Петербург)
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Музо (МУЗО) — Отдел по изучению музыкальной культуры ГИИИ
МФ — магнитофонный фонд (фонд магнитофонных записей)
НИОР БАН — Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР
ОТИМ — Отдел теории и истории музыки ГИИИ; то же, что Музо (МУЗО)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГО — Русское географическое общество
РНММ — Российский национальный музей музыки (Москва)
РО ИРЛИ — Рукописный отдел ИРЛИ РАН
Тео (ТЕО) — Отдел истории и теории театра ГИИИ
ФА ИРЛИ — Фонограммархив ИРЛИ РАН
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова
Редакторы английского текста И. Тирет, Т. Н. Галашева
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВН018606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 09.10.2026. Вышло из печати 16.10.2026
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 26,0. Тираж 100 экз. Тип. зак. № 0000

Отпечатано в типографии ИП Варваркин
Санкт-Петербург, Уральская ул., д. 17, корп. 4

ISSN 2712-7591 Словесность и история, 2026, № 3. С. 1–319